АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н. ПИГУЛЕВСКАЯ

ГОРОДА ИРАНА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

A 337527

Н. ПИГУЛЕВСКАЯ

9(5)
П320

ГОРОДА ИРАНА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1 9 5 6

M.F.Axundov adına
Azərbaycan Milli

ВВЕДЕНИЕ

Выдающаяся роль, которую играли Междуречье и Иран в обмене между государствами Средиземноморского бассейна, Средним и Дальним Востоком в раннефеодальный период, была отмечена в наших предшествующих работах. Иран был не только участником транзитной торговли. Изделия, производимые персидскими ремесленниками, получили широкое распространение в Азии, Африке и Европе. Ремесло и торговля развивались в городах. В этой связи вопрос о городе представил большой интерес и стал предметом настоящего исследования.

Как всякое явление общественной жизни, город исследуется нами на конкретном историческом материале в сочетании с другими общественными явлениями. Характер городов, определение их роли и удельного веса в общем экономическом и политическом строе государства даны в динамике, в ходе развития этого строя. Исследование роли города в социально-экономической жизни Ирана в раннефеодальный период, в III—V вв., вызвало необходимость сравнить особенности этого времени с характерными чертами предшествующего периода. Представление о древних городах Междуречья и Ирана, градостроительстве времени Александра и диадохов не является специальным предметом данного исследования, но необходимость сравнить отдельные характерные черты общественного строя Ирана III—V вв., в том числе и особенности жизни городов с предшествующим временем, побудила рассмотреть их положение и в период парфянского владычества. Новые, приведенные нами восточные источники и материалы мало использовались или совсем не привлекались предшествующими исследователями; в данной работе они положены в основу разрабатываемой нами темы.

Более четкое представление о городах и социальном строе областей Ближнего Востока в определенный период могло

создаться лишь на основании рассмотрения исторических событий, в том числе и внешнеполитических, без сопоставления с которыми не могли получить объяснения факты внутриполитические. Так, без представления о борьбе между Парфией и Римом не может сложиться правильного взгляда на положение городов, на борьбу партий в них, борьбу, имевшую и глубокие социальные корни. Только в таком контексте получают объяснение и отмена автономии одних городов, смена правителей в других, захирение третьих. В свою очередь, одной из побудительных причин завоевательной политики шаханшахов III и IV вв. была потребность в рабочих руках, стремление использовать труд военнопленных, обращенных в рабов, так как общий кризис рабовладельческой системы эксплоатации в III в. в Средиземноморском бассейне и на Ближнем Востоке коснулся также Междуречья и западного Ирана.

В этом отношении характерно положение Нисибина как центра стратегического и экономического. Военные столкновения между Парфией и Римом, разыгравшиеся вокруг Нисибина, дают яркое представление о связи социально-экономической и политической истории.

При рассмотрении общественного строя и положения городов в бассейне реки Тигра в период зарождения феодальных отношений необходимо было отметить явления, глубоко влиявшие и обусловливавшие образование этих отношений. Задача заключалась в том, чтобы выяснить, где были истоки феодальных форм собственности и как складывались феодальные формы эксплоатации. Это вызвало необходимость рассмотреть особенности предшествующей рабовладельческой формации на Ближнем Востоке. При наличии рабовладения и обработки части земель крупных собственников рабами, посаженными на землю, значительная часть земель оставалась в собственности общин. Соседская крестьянская община, под охраной которой жил земледелец, выплачивала вся вместе подать и обеспечивала уплату этих податей круговой порукой. В парфянский период могут быть отмечены черты экономического неравенства в общине, ее разложения, так как допускалась продажа участков общинниками. И для III—V вв. отмечается продажа и аренда участков земли разных размеров, находившихся в частной собственности.

Появление условных форм собственности на землю, долгосрочные аренды, прикрепление непосредственного производителя к обрабатываемому им участку, переходные формы рабовладения, частичное освобождение раба и другие особенности характеризуют зарождение феодализма в Междуречье и Иране. В период образования новых, феодальных форм отношений отмечается усиление и численное увеличение городов. Явление это закономерно в условиях восточного феодализма, где феодальные отношения не были связаны с упадком ремесла, торговли, а следовательно, и городов. Они развивались в условиях, в которых город продолжал сохранять свое значение, часть хозяйства носила товарный характер, ремесло и торговля не замерли, а сохранили известный вес и значение в государстве.

Элементы феодализации и феодальных отношений становятся явственными с III в., а их зарождение относится к предшествующим векам. На это указывает ряд фактов, засвидетельствованных источниками. Усиление процессов феодализации в Иране можно отметить после V в., — века, отмеченного маздакитским движением, направленным главным образом против феодального подчинения крестьянских общин.

Работы по вопросам зарождения феодальных отношений на Ближнем Востоке отсутствуют как в советской, так и в зарубежной историографии. Настоящая монография посвящена выяснению роли и значения города в раннефеодальный период. Письменные источники на восточных языках позволили сравнить на протяжении ряда веков положение городов, находившихся на территории Ирана, и областей Междуречья, входивших в состав персидского государства.

ГОРОДА МЕЖДУРЕЧЬЯ и ИРАНА В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ И ПАРФЯНСКОЕ ВРЕМЯ

К ВОПРОСУ О ГОРОДАХ МЕЖДУРЕЧЬЯ И ЗАПАДНОГО ИРАНА В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Греко-македонское вторжение в IV в. до н. э. на территорию Азии вызвало живую реакцию и глубокий интерес еще его современников. Описания жизни Александра Македонского и походов его армии рано приобрели легендарную окраску. Впечатление, произведенное этими событиями, было сильным, а так как колонизация этих областей продолжалась после походов (греки и македонцы остались в захваченных землях), то сведения источников не ограничиваются лишь военной историей, — из них можно извлечь и другие данные.

О самом завоевателе как всемирном герое и его сказочных походах за 24 столетия создалась в полном смысле слова необъятная литература; один из исследователей, Альтхейм, справедливо назвал ее «легионом». Но наряду с такой «героической» литературой развивалось и исследование всего того сложного комплекса исторических явлений, которые сложились в Передней и Средней Азии после греко-македонских завоеваний.

Библиографический обзор всей обширной литературы по истории эллинизма и римских провинций не входит в задачи настоящего исследования, ниже отмечены лишь некоторые этапы историографии вопроса с целью указать на то, что использованные в настоящем исследовании источники и связанные с ними проблемы не являлись предметом изучения в предшествующих работах.

«История эллинизма» Дройзена [1] как бы открыла новый этап в изучении эпохи. Этот фундаментальный труд положил начало последовательному изучению интереснейшего раздела истории, который стал достоянием значительно большего круга исследователей.

[1] J. G. Droysen. Geschichte des Hellenismus, I—III. Gotha, 1843.

Вопрос о городах как центрах господства греков и македонцев занял одно из главных мест в трудах об эллинизме. Городгосударство был широко распространенной формой политического объединения при рабовладельческом строе. Исследование развивалось в двух направлениях: составлялись списки городов, основанных, обновленных и переименованных греками, рассматривалась их колонизация, определялось их местонахождение; другой темой стало устройство городов, положение полисов, статут городов, не имевших самоуправления или имевших их в ограниченном виде.

Необходимо отметить, что исследования велись почти исключительно на основе греко- и латиноязычных источников и преимущественно опирались на данные, касающиеся Малой Азии. Привлечение иудейских источников способствовало изучению положения городов сиро-финикийского побережья. Но дальше, на восток, в течение длительного времени материалы позволяли рассматривать лишь политическую историю этих областей.

Настоящая работа имеет в виду анализ данных об областях бассейна реки Тигра, о которых для селевкидского времени сведения ограничены, они почерпнуты исследователями лишь из античных источников. Привлечение источников на восточных языках позволило расширить и углубить историю этих областей, не ограничивая ее династийными событиями и военными рассказами.

Политическая история Селевкидов стала предметом специальных исследований, в том числе и областей за Евфратом.[1] Одновременно внимание было привлечено к положению греческих городов. Так, отмечалось, что они были объявлены ἀτελῆ καὶ ἀφορολόγητα Александром, избавившим их от выплаты налогов, которые они давали «варварам» — персам. Но Антиох I (или II) потребовал, чтобы жители Эритреи внесли налог.[2] В этом случае сведения были лишь из материалов, происходивших из Малой Азии, которая дала наибольшее количество надписей, относящихся ко времени Селевкидов.

Более глубокому и детальному изучению памятников значительно способствовали специальные источниковедческие исследования,[3] среди которых следует особо отметить статьи в «Энциклопедии древности».[4]

[1] E. R. Bevan. The house of Seleucus, I. London, 1902, стр. 221—222.

[2] A. Bouché-Leclereq. Histoire des Seleucides (323—64 avant J. C.). Paris, 1913, стр. 460, 462.

[3] R. Schubert. Die Quellen zur Geschichte der Diadochenzeit. Leipzig, 1914.

[4] Pauly-Wissowa. Realencyclopädie für Altertumswissenschaft, Hbd. 33, 1936.

Много нового внесли специальные исследования, посвященные истории самой территории, занятой Селевкидами. Так, была последовательно рассмотрена судьба границ пятой и девятой сатрапий, соответствующих Сирии и Вавилонии. Большой интерес представляло рассмотрение термина Келесирия (κοίλη Συρία), получившего широкое распространение.[1] Особенно важно для того же вопроса, как и для истории дорог, замечательное исследование Дюссо «Топография Сирии», которое является настольной книгой, сохраняющей свое значение до настоящего времени. Отдельные разделы и главы посвящены времени селевкидского, затем римского господства и содержат обширный материал. Историко-географические карты и схемы дорог украшают этот труд.[2]

История восточных провинций Рима, со времени блестящих характеристик Момсена в его V томе «Римской истории», продолжала неукоснительно развиваться дальше. Исследования провинций «Arabia» или «Syria» внесли новый и ценный материал.[3] Сюда же примыкает работа Пуадебара, который произвел аэрофотосъемку римской границы в Сирийской пустыне и нашел развалины ряда крепостей, небольших опорных пунктов, колодцев, сооруженных римлянами на этой границе.[4]

Совершенно новые страницы в историю Ближнего Востока были вписаны в связи с замечательными раскопками в Дура-Европосе. Небольшое селение Дура на Евфрате, ставшее македонской колонией Европос, было затем преобразовано римлянами в пограничную крепость. Памятники материальной культуры дали новое представление о различных элементах, которые способствовали его созданию. Греческое, парфянское, римское влияние на местную, месопотамскую архитектуру и изобразительное искусство было значительным. Но не только фрески и скульптура представили выдающийся интерес, раскопки дали большое число надписей и разнообразных, хотя и фрагментарных, рукописей. Благодаря этому раскрылись не только внешний облик города Ближнего Востока в эллинистический и римский периоды, но и его внутренняя жизнь. Наряду с языческими храмами, связанными с синкретическими куль-

[1] U. Kahrstedt. Syrische Territorien in hellenistischen Zeit. Abhandl. der Göttingischen Gesellschaft, Phil.-hist. Klasse. Berlin, 1926, N. F., XIX, 2, стр. 1, 6, 14—34.

[2] R. Dussaud. Topographie historique de la Syrie antique et medievale. Paris, 1927.

[3] E. Brünnow und A. Domaszewski. Die Provincia Arabia. Strasbourg, I, 1904; II, 1905; III, 1909. — E. S. Bouchier. Syria as a Roman Province. Oxford, 1916. — Dobiaš. Histoire de la province romaine de Syrie. Praha, 1924.

[4] Poidebard. La trace de Rome dans le desert de Syrie, I—II. Paris, 1934.

тами различных божеств, здесь были открыты иудейская синагога и христианская церковь.

Надписи, граффити, документы оказались написанными разными алфавитами и на различных языках. В первом же сезоне раскопок стало очевидным, что в римской крепости оставили свои записи не только греки и македонцы, но и парфяне. Арамейские и арабские имена исконного населения Месопотамии и Сирии сохранились не только в греческом, но и в арамейском написании. Раскопки весны 1928 г. принесли первые арамейские надписи.[1] Затем была найдена сафаидская надпись [2] и, наконец, вотивная надпись на стене, семитическая по написанию, приближающаяся к эстрангело.[3] На серебряном сосуде, найденном в Дуре, имеется дефектная надпись, написанная эстрангело, имеющая большое палеографическое сходство с рукописью 411 г. (Британский музей), только несколько более архаичной. Эта надпись вотивного характера относится к III в. н. э.[4] Наряду с греческими надписями, открытыми одновременно с преторием и жилыми домами,[5] еврейские надписи и рукописи были обнаружены при раскопках синагоги.[6] Находки позволили и в дальнейшем уделять внимание арамейским материалам, в частности географическим и собственным именам.[7] Раскопки агоры и базара помогли восстановить весь план города,[8] а некрополь дал наряду с другими захоронениями, в известной мере неожиданно, погребения в глиняных гробах и оссуарии. Последний вид погребения соответствует иранским обычаям.[9]

[1] The Excavations at Dura-Europos, ed. by P. V. C. Baur and M. J. Rostovtzeff. Spring 1928. New Haven, Yale University Press, 1929.

[2] The Excavations at Dura-Europos, ed. by P. V. C. Baur and M. J. Rostovtzeff. October 1928—April 1929. New Haven, Yale University Press, 1931.

[3] The Excavations at Dura-Europos, ed. by P. V. C. Baur, M. J. Rostovtzeff, A. R. Bellinger. November 1929—March 1930. New Haven, Yale University Press, 1932, стр. 69 и сл.

[4] The Excavations at Dura-Europos, ed. by P. V. C. Baur, M. J. Rostovtzeff, A. R. Bellinger. October 1930—March 1931. New Haven, Yale University Press, 1933, стр. 178—180, 181.

[5] The Excavations at Dura-Europos, ed. by M. J. Rostovtzeff. October 1931—March 1932. New Haven, Yale University Press, 1934.

[6] The Excavations at Dura-Europos ed. by M. J. Rostovtzeff, A. R. Bellinger etc. October 1932—March 1933. New Haven, Yale University Press, 1936, стр. 502.

[7] The Excavations at Dura-Europos. 1933—1934 and 1934—1935. New Haven, Yale University Press, 1939, стр. 438—441.

[8] The Excavations at Dura-Europos. 1935—1936. Part I. The agora and bazar. New Haven, Yale University Press, 1944.

[9] The Excavations at Dura-Europos. 1935—1936. Part II. The necropolis. New Haven, Yale University Press, 1946.

Материалы из Дуры-Европоса явились новым толчком для обращения к памятникам на восточных языках для данной эпохи. Но в основном продолжали разрабатываться классические источники, по преимуществу греческие документы и надписи.

Особенно много материала для эллинистического периода дали надписи Малой Азии, изучение которых велось задолго до открытий в Дуре. Но материалы последней в значительной степени оживили и способствовали новому истолкованию сведений малоазийских надписей о городах и их положении.

Ценной сводкой по раскопкам в Дуре-Европосе явился двухтомный труд Кюмона, который суммировал результаты работ в 1922—1923 гг. Опубликованным памятникам материальной культуры, документам и надписям предшествует введение, в котором изложены важнейшие выводы о времени возникновения, истории и статусе города. Введение дополнено сводкой свидетельств древних авторов о Дуре.[1]

В несколько ином направлении шло исследование городов, которые лежали на торговом караванном пути и среди которых одно из первых мест заняла Пальмира. В этой связи имеет интерес характеристика, данная классическими авторами государству Осроены с ее столицей Эдессой. Династия Абгаров, начавшая свое правление с конца II в. до н. э., определена Ростовцевым как «полуиранская правящая фамилия», «полуиранской культуры».[2] Точно так же и Одейнат пальмирский воспринял парфянские традиции, по мнению того же ученого, и считал себя «наследником Аршакидов».[3]

Внимание к областям Месопотамии отмечается в обширном труде, посвященном городам восточных римских провинций. Особо выделяется вопрос об эллинизации, внедрении греко-македонцев в города Месопотамии и положению этих городов на границе в период господства Рима.[4] В книгу, посвященную древнему Средиземноморью, вошли главы по истории Парфии, причем особенно интересна карта парфянской торговли.[5] Но во всех этих случаях история Востока пишется лишь на данных, извлеченных из греческих и римских авторов.

Специальное исследование по внутреннему управлению селевкидского государства, изданное в 1938 г., опиралось

[1] F. Cumont. Fouilles de Doura-Europos (1922—1923), I, II. Paris, 1926, стр. I—LXIV, LXV—LXVIII.

[2] M. J. Rostovtzeff. Caravan cities. Oxford, 1932, стр. 99.

[3] Там же, стр. 117.

[4] A. H. M. Jones. The Cities of the eastern roman Provinces. Oxford, 1937, стр. 216—226.

[5] E. M. Sanford. The Mediterranean World in ancient times. New York, 1938, стр. 510 и др.

на новые материалы, которые дали раскопки Дуры-Европоса. Как и в ряде предшествующих исследований, особое внимание было здесь уделено положению городов как колоний, основанных царями и находящихся на царской территории, а также разделению последней на клеры (κλῆροι). Участок земли (κλῆρος) передавался кому-либо без обязательства нести военную службу. Но на границах, в зависимости от необходимости, клерухов поселяли с требованием охранять эти границы. Соответственно рассматривается положение катойков (κάτοικοι). Основной налог селевкидского времени был форос (φόρος), который взимался с городов, с деревень, с отдельных народов и выплачивался коллективно. К вопросу о положении клерухов и катойков неоднократно возвращались и многие последующие исследователи как к важнейшему.[1]

Выдающееся место занимает большая документированная работа Хейхельхейма. На основании обширного материала автор рассмотрел хозяйственную жизнь древнего мира, и главы, посвященные эллинистическому и римскому времени, представляют большой интерес. Примечания и анализ источников составляют второй обширный том этого исследования.[2]

Значительным вкладом является и другой труд по экономической истории, посвященный специально эллинизму.[3] Но и его особенностью, как и работы Хейхельхейма, является преимущественное, чтобы не сказать исключительное, исследование источников на классических языках. Отсюда то значение, которое придается эллинизации, а затем влиянию Рима. Папирологические материалы, привлеченные широко, ведут в Египет, но делать на этом основании выводы для Азии трудно, они могут не соответствовать действительности. Местные азиатские материалы не были привлечены, поэтому это исследование западного, «эллинистического мифа», а не восточного, азиатского. Тем не менее труд этот содержит страницы выдающегося интереса, как, например, посвященные эксплоатации натуральных ресурсов. Отмечая слабый, незначительный процесс в агрикультуре, автор использует римские агрономические трактаты, которые писались в Италии, и считает застойными способы обработки земли в Египте.[4] Характеризуя «Селевкидскую империю», автор остается верным своей точке зрения, согласно которой эллинизация выдвигается на первое место. «Во многих случаях, — пишет он, — имело место не переименование македонских колоний, а трансформация восточных городов в греческие полисы, с греческой конституцией и греческим образом жизни».[5]

К работам упомянутых исследователей примыкает и труд Т. Франка о Римской империи, который в полной мере и с бо́льшим правом, чем предыдущие источники, сосредоточен на западных источниках.[6]

В упомянутых выше книгах затрагивалась и история Парфии, которая преимущественно разработана в общих сводных трудах по истории Ирана.[7] Главным образом характеризуется политическая и военная история Парфии, известная из классических источников.[8] Сведения армянских источников, дающих достаточный материал для этого времени, использовались мало. Советским исследователям принадлежит заслуга в использовании этих источников, их труды привлечены с соответствующими ссылками в настоящей работе.[9] Новые данные относительно Средней Азии в парфянское время получены в виде многочисленных высокой художественности памятников материальной культуры при раскопках Нисы.[10] Найденные там же надписи на глиняных черепках пока еще не опубликованы, за исключением ограниченного числа образцов.[11] Многого можно ждать от новых раскопок, предпринятых в Сузах, которые позволяют восстановить жизнь древней персидской столицы.[12] Эти работы продолжают и дополняют исследования Херцфельда, Зарре и других по истории материальной культуры западного Ирана.

Работы советских историков, посвященные истории эллинизма и римской экспансии в Азию, использованы нами, и

[1] B i k e r m a n. Institutions des Seleucides. Paris, 1938, стр. 87—88, 103, 106—109. — P a u l y - W i s s o w a. Realencyclopädie, XI, 1, Hbd. 21, 1921. — F. A l t h e i m. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter, I. Halle, 1947, стр. 307. — E. R. B e v a n. The house of Seleucus, I, стр. 276.

[2] H e i h e l h e i m. Wirtschaftsgeschichte des Altertums, Bd. I, II. Leiden, 1938.

[3] M. J. R o s t o v t z e f f. The social and economic history of the hellenistic World, I—III. Oxford, 1941.

[4] Там же, т. II, стр. 1180, 1186, 1197.

[5] H e i h e l h e i m. Wirtschaftsgeschichte des Altertums, Bd. II, стр. 695—705, 703.

[6] Tenney F r a n k. An economic survey of Ancient Rome, I—IV. Baltimore, 1933—1938.

[7] A. G u t s c h m i d. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsakiden. Tübingen, 1888.

[8] N. C. D e b e v o i s e. A political history of Parthia. Chicago, 1938.

[9] Акад. Я. А. М а н а н д я н. 1) Тигран второй и Рим. Ереван, 1943; 2) О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Изд. 2-е, Ереван, 1954.

[10] Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, ред. М. Е. Массона, Ашхабад.

[11] И. М. Д ь я к о н о в, М. М. Д ь я к о н о в и В. А. Л и в ш и ц. Документы из древней Нисы. Л., 1951.

[12] R. G i r s h m a n. Un village achemenide. Paris, 1953.

ссылки на них приведены в тексте. Среди них особо должны быть отмечены труд А. Б. Рановича об эллинизме, работы В. Ф. Гайдукевича, статьи различных авторов в «Вестнике древней истории». В трудах отечественных исследователей нет преувеличения значения эллинизации, преимущественного внимания к греческим и римским источникам, в них больше выделена роль местного элемента, самих народов Азии, которые имели свой язык и письменность, свою культуру и обычаи. В этом отношении следует отметить стремление уделить внимание поздним, нововавилонским документам.

Как уже упоминалось, полный и последовательный библиографический обзор ни в какой мере не входил в наши задачи. Намечены лишь отдельные этапы развития историографии, и тем более не было возможности остановиться на отдельных журнальных статьях. Краткий обзор имел лишь целью показать, что в обширной и фундаментальной научной литературе, при всех ее замечательных качествах, не уделялось внимания источникам на восточных языках. Если памятники материальной культуры, добытые и раскрытые блестящими представителями археологической науки, в какой-то мере принимались во внимание, то письменные памятники на местных восточных языках Передней Азии не привлекаются и даже не упоминаются.

Перед автором настоящего исследования стояла скромная задача привлечь восточные источники к разрешению некоторых вопросов истории в переходный от рабовладельческого к феодальному строю период, попытаться показать, какие изменения претерпевает город, его организация и его положение в государстве в это время. Ограничив свою тему исследованием некоторых городов бассейна р. Тигра в связи с общей историей Ирана в III—V вв., автор должен был поставить и вопрос относительно характера и значения предшествующих этапов жизни этих городов.

Век греко-македонских завоеваний обычно считается некоторым поворотным моментом в истории Ближнего Востока. Однако воздействие греческой экспансии на условия социальной и экономической жизни Междуречья и западного Ирана было значительно слабее, чем, например, в Малой Азии, колонизация и эллинизация которой началась многими столетиями раньше. Это справедливо и для истории городов. Сам Александр и его ближайшие преемники, Селевкиды, вошли в историю как основатели новых городов. В бассейне Тигра они основали немногие города, в большинстве случаев лишь обновили и укрепили старые, давно существовавшие центры. Но в связи с незначительной численностью греков и македонцев, оставшихся на этих территориях, лишь немногие из этих городов

получили полисное управление. Источниками засвидетельствована автономия таких городов, как Селевкия, Сузы.

Жизнь сирийского и иранского населения не могла подвергнуться коренной перестройке. Язык и традиции народов сохранились. Известные изменения произошли в их экономической жизни.

Жизнь отдельных городов складывалась различно. Из старых центров одни заглохли, другие получили новую основу для своего существования. К числу первых следует отнести Вавилон, который возник и развивался как храмовый город. С утерей политической значимости упала экономическая мощь Вавилона, тем более что новому близлежащему центру, Селевкии, были отданы все преимущества.

Керкук, древний город Карка де бет Селох, был обновлен Селевком, укреплен двойными стенами, расширен и заселен. Жизнь города продолжалась на новом этапе своего развития.

Пограничное положение Нисибина создавало ему экономические преимущества, но и грозило военными осложнениями. На протяжении веков город и его область становились яблоком раздора между Персидской державой, Арменией и Римской империей, стремившейся продвинуть свою границу на Тигр. Неизбежное участие Нисибина в длительных войнах, участие то активное, то пассивное, известно преимущественно по западным источникам. История этих городов является типичной и представляет как бы примеры или образцы, характерные для Ирана данного времени.

Значение и роль города в той или иной общественно-экономической формации до настоящего времени недостаточно выяснено в советской исторической литературе. Этот вопрос связан самым тесным образом с глубоким анализом экономики тех обществ, в которых возникает и живет город. В истории города, как явления общественно-экономической жизни, должны быть раскрыты закономерности его возникновения и те его особенности, которые связаны с данной формацией или с этапом развития данной формации. Так, на протяжении развития рабовладельческой формации города возникали на Востоке, как города, строившиеся вокруг храма, тесно связанные с территорией храма, с хозяйством этого храма. Другому периоду развития той же рабовладельческой формации соответствует образование городов-государств, полисов, наиболее пышный расцвет которых известен в Элладе. Наконец, наличие царских городов, появившихся на царской земле в период возникновения феодальных отношений, — явление, которому не уделено достаточно внимания, и оно поэтому не нашло еще правильной разгадки. Вопрос о царских территориях, о «царской земле», на которой строился город, также занимает соответствующее

I-X3792/7

M.F.Axundov adı
Azərbaycan Mil
Kitabxanası

место в данной работе как вопрос, имеющий глубокую связь с проблемой собственности на землю, с одной стороны, и формами зарождения феодальных отношений, с другой.

На Востоке храм является одним из наиболее ранних центров экономической жизни после общины. В собственности у храма была земля, что имело решающее значение, в зависимости от чего храмовое хозяйство первым начало широко эксплоатировать рабов на этой земле. Рабовладение кристаллизовалось вокруг храма в то время, когда за пределами этого храмового хозяйства господствовала община. Наряду с собственностью на землю храм обладал орудиями производства.

Храмовое хозяйство на определенном этапе способствовало развитию производительных сил, оно производило достаточное количество прибавочного продукта, который создавал возможность накопления. Прибавочный продукт, создававшийся в условиях храмового хозяйства путем эксплоатации труда рабов на земле, составлявшей собственность того же храма, был источником расширения производства. Но развитие производительных сил на Ближнем Востоке испытывало значительное торможение к тому времени, когда произошло греко-македонское завоевание. Это последнее и могло быть осуществлено вследствие того, что производительные силы при своем торможении ослабили и общее политическое положение.

Храмовое хозяйство Вавилонии, получившее достаточно широкое распространение как форма экономической жизни, перестало удовлетворять. Город, слишком тесно связанный с храмом, не развивался дальше в той мере, в какой это было возможно для города, развивавшегося на других экономических основах. В этой связи следует рассмотреть материалы ранней истории некоторых городов.

Чрезвычайно показательно разнообразие, с которым встречается исследователь, анализируя положение отдельных городов. Характерно то, что известно о городе Вавилоне в III в. до н. э., и то, что сообщают хроники о городе Карка де бет Селох (Керкук), для сопоставления с положением таких городов, как Нисибин и Селевкия.

Трудно остановиться на всем разнообразии городов, нет достаточного материала, чтобы учесть каждую особенность, но некоторыми данными мы располагаем. Города типа Вавилона возникли в глубокой древности, так возник и Нисибин, но сведения о древнем Вавилоне изобильны, а данные о Нисибине в древности почти отсутствуют. Поэтому на основании материала, который касается Вавилона, обнаруживаются явления, связанные с особенностями времени греко-македонских завоеваний, которыми наука не располагает для Нисибина. Судьба Вавилона как города, была связана с доминирующей ролью

храма; это был храмовый город, в значительной мере, и как таковой он не был в достаточной мере пригоден для административных функций, которые должен был выполнять центральный город диадохов в Междуречье. Роль столицы и приняла на себя отстроенная за счет Вавилона Селевкия. Нисибин же сохранился как город, не был разрушен, а впоследствии приобрел еще выдающееся значение на всем Ближнем Востоке.

История Нисибина имеет большой интерес для периода римских завоеваний, так как сохранились многочисленные упоминания об этом городе в латинских источниках. Нисибин играет значительную роль и после гибели Парфии, когда образовалось новое персидское царство. Сирийские источники III—VI вв., а также и византийские постоянно упоминают о нем. Нисибин, пограничный город, часто менял свое подданство, и это создавало особенности в его международном положении.

Иначе сложилась судьба такого города, как Сузы. Древний персидский центр пережил экспансию греко-македонцев, значительная колония которых в Сузах была основанием для устройства его полисной организации. Как полис Сузы существовал и в парфянское время, о чем имеются документальные, эпиграфические свидетельства, и только в правлении династии Сасанидов он перестал занимать выдающееся место.

Исследователь лишен возможности проследить историю одного какого-либо города на протяжении большого числа столетий, для этого обычно нет достаточного количества последовательных источников, но характерные явления в истории городов можно рассмотреть на материалах, относящихся к разным городам, что позволяет выявить наиболее существенные моменты.

Образование и рост городов всегда связан с новой, дальнейшей фазой разделения труда. Выделение ремесла и торговли из земледелия, отделение от него, для эллинистического периода рабовладельческих обществ Ближнего Востока выявляло наличие ремесла двух типов. К одному типу принадлежало домашнее ремесло, которое удовлетворяло земледельческое население и часто было чисто домашним ремеслом (грубо сделанная деревянная и глиняная посуда, домотканное полотно, дома сбитый войлок). Ремесленник города обслуживал знать, класс рабовладельцев, был мастером и в совершенстве владел своим ремеслом. Особое положение заняли в переходное к средневековью время царские мастерские. Они обслуживали не только царя, но и изготовляли товары, которые составляли царскую монополию.

Наряду с вопросом о городе как явлении социально-экономическом встает вопрос о товарно-денежных отношениях в городах, и в этом случае не только письменные, но и археологиче-

ские источники приходят на помощь исследователю. Далеко не полный и не совершенный материал, который может быть использован, — монеты, — позволяют, однако, установить с достаточной очевидностью нарастание или замедление процессов обмена.

В этом отношении можно указать на такие явления, как изменения чеканки монет, замена серебра бронзой, полновесность монет, их бо́льшая или меньшая численность. Они служат указанием на увеличение или уменьшение денежного обмена, повышение или понижение стоимости монеты и тому подобные экономические явления.

Когда в III в. до н. э. в нижнем Междуречье вместо привычной серебряной чеканной монеты появилась бронзовая и медная, это свидетельствовало о том, что былая экономическая мощь Вавилона угасла, и в данный период хозяйственная жизнь этой области Ближнего Востока испытывала известный застой и торможение. Наличие монетной системы менее ценного металла только подтвердило те положения, которые были известны из письменных источников и которые говорили о значительном снижении торговли в данной области. Другим примером может служить нумизматический материал из Селевкии, относящийся к первым двум векам новой эры, он освещает со значительными подробностями экономическую жизнь этого большого города.

Изменения, которые можно проследить на городе, на материалах, сообщающих о городской жизни, несомненно имеют глубокую связь с сельскохозяйственным производством, с земледелием, которое также переживало периоды расцвета и упадка.

Многовековое существование рабовладельческой социально-экономической формации не является периодом, оставшимся неизменным. Наоборот, на протяжении этого периода можно отметить значительные изменения в характере рабовладения, что находилось в непосредственной зависимости от форм собственности на орудия производства, на землю. Изменения в технике производства приводили к этому. Когда мотыгу сменила соха, родовой строй должен был уступить место семье. Община, получившая широкое распространение на Востоке, не давала частной собственности на землю занять доминирующее положение. Тем не менее, и на Востоке, часть земель, находившаяся не во владении общин, обрабатывалась рабами. Длительное распространение домашнего рабства является характерной чертой для Востока. Но и здесь оно получило новые особенности, оказалось на новом этапе своего развития. Это не было переходом к новой общественной формации, но было только другим этапом той же экономической формации, на

котором домашнее патриархальное рабство потеряло свой патриархальный характер и приобрело качества, приближавшие его к рабовладельческой системе.

Чрезвычайно осложнен этот вопрос тем, что перелом на Ближнем Востоке намечался в период, когда нашло себе место греко-македонское завоевание. Значение этого последнего подавляющим большинством исследователей преувеличено. Влияние внешних факторов переоценивается за счет внутренних процессов. Влиянию эллинизма придается исключительно большое значение, тогда как внутреннему развитию стран Востока не уделяется должного внимания.

Не греко-македонское завоевание послужило причиной изменения характера рабовладельческих отношений на Востоке, а кризис этих отношений и связанное с этим общее ослабление государств создали условия для успеха экспансии, направленной против них. Подготовлявшиеся и созревавшие изменения в общественном строе с македонским завоеванием и притоком греческого населения, усилением торгового обмена и товарно-денежных отношений, получили более широкое и быстрое развитие. Домашнее патриархальное рабство приобрело новый характер. Рабство заняло положение ведущего уклада, стало рабовладельческой системой. Экономический и политический кризис в Элладе был кризисом рабовладельческого общества, которое нашло выход лишь в воспроизведении старого процесса производства в более широком экономическом единстве, созданном завоеванием. Кризис вызвал потребность в изменениях, но он привел не к коренному изменению примитивной техники, а лишь к некоторому ее изменению, как и к некоторому видоизменению тех же производственных отношений.

Изменение характера рабовладения, ставшего рабовладельческой системой, рост городов, изменение вида земельной собственности были наиболее существенными моментами, которые можно отметить после греко-македонской экспансии. Эти изменения прослеживаются на материалах, относящихся к Малой Азии, сиро-финикийскому побережью, на греческих надписях и сочинениях греческих историков. На материале, относящемся к областям Междуречья и Ирана, это проследить трудно, так как его крайне недостаточно. Некоторые явления не нашли такого широкого распространения, как они имели место на более западных, давно эллинизированных территориях. Прежде всего это относится к градостроительству и образованию полисных организаций.

Города на Ближнем Востоке возникали различно. История основания Керкука — Карки де бет Селох, судьба пограничного города Нисибина говорят об этом достаточно красноречиво. История таких древних городов, основание которых

относится к середине первого тысячелетия до новой эры, интересна своими различными этапами развития. Обычно их трудно проследить, но это оказалось возможным благодаря привлечению совершенно нового материала.

Известно, что большое значение имело основание городов Александром Македонским и Селевкидами. Греко-македонская экспансия на Востоке нуждалась в твердых опорных пунктах, которые возможно было найти только при условии установления в завоеванных областях форм жизни, привычных для завоевателей. Такой формой в первую очередь был полис. Организация в виде полиса старых городских центров Междуречья и областей за Тигром, при наличии в них достаточного количества греков и македонцев, была одним путем. Таково было, например, положение Суз, о чем свидетельствуют памятники эпиграфики, помимо нарративных источников.

Основание новых городов происходило и путем укрепления и переустройства поселения, географическое, а часто и стратегическое положение которого отвечало поставленной задаче. Такое поселение становилось городом.

Большое значение имело то, что завоеватели располагали огромными массами военнопленных, обращенных в рабов. Они-то и выполняли в принудительном порядке строительные и ирригационные работы. Рабы-военнопленные составляли тот резерв, где беспрерывно черпались силы для осуществления деятельности «ведомства публичных работ». Греко-македонское завоевание и последующее образование селевкидского государства было периодом в истории Междуречья, когда отмечается значительный рост рабовладения.

В действительности эллинизация только поверхностно коснулась народов, которые продолжали говорить и писать на своем родном языке. Между тем источники на восточных языках не принимаются во внимание некоторыми историками, что объясняется пренебрежительным отношением к Востоку, преувеличением значения эллинизации, преклонением перед греко-римской культурой, причем своеобразие и глубина собственной культуры Передней Азии остаются незамеченными. Европоцентризм является одним из главных препятствий для развития правильных представлений о Востоке. Отсюда создается и представление, что греко-македонская экспансия — благодетельное явление, а эллинизация Ближнего Востока — решенный вопрос. Между тем дело обстоит совсем не так просто. Наступление армий Александра было тягчайшим бедствием для населения, о чем свидетельствуют восточные источники, находящиеся в пренебрежении у «эллинистов».

Наиболее характерные черты в положении городов западного Ирана и Междуречья в период с III в. до н. э. и позднее

можно проследить на основании местных, восточных источников. Привлечение в одном случае вавилонских хроник, в другом случае сирийских позволяет выяснить вопросы, до настоящего времени остававшиеся неясными. Сочетание данных греко-римских источников и местных, восточных дает возможность воссоздать историю Вавилона, который уступил свое место Селевкии и Нисибину. Историю города Керкука — Карки де бет Селох — рассказывает до настоящего времени не привлекавшаяся историками анонимная сирийская хроника этого города. В ней сообщаются данные об особом положении города, его льготах, которые давались царями селевкидского и парфянского времени.

ОБЩИННАЯ, ГОРОДСКАЯ И ЦАРСКАЯ ЗЕМЛИ

Не раз отмечалось значение характера собственности на землю как одного из важнейших признаков, определяющих данный общественный строй. На Востоке характерно общинное владение землей крестьянами, непосредственными производителями, тогда как собственником земли является царь или храм с его жречеством. В Междуречье и Иране с древнейших времен сельская община состояла из свободных членов и была подчинена только собственнику земли — представителю знати или шаху. Наследственно владевшие областями в течение веков знатные роды с их потомками и шахи Ирана были племенной знатью, выделившейся на данной территории. Им и были подчинены сельские общины. Частная собственность на землю значительно возрастает после греко-македонского завоевания в Малой Азии, о чем свидетельствуют надписи. Для областей Ирана I в. до н. э. имеются сведения Авроманских документов о продаже земли, принадлежавшей общине, одному из членов этой общины. Следовательно, земельный участок члена общины рассматривался как его частная собственность, хотя она и не отчуждалась от общины. Процесс появления частной собственности был здесь более замедленным, чем в областях Малой Азии.

Изменение характера собственности прослеживается для времени Селевкидов главным образом на греческих надписях, которые были открыты в западной части Передней Азии, до Евфрата. Большинство греко-македонских колоний образовали городские поселения с полисной организацией. Существовали также сельские поселения катойкии (κατοικίαι) как в Малой Азии, так и в Сирии.[1] Некоторые из этих колоний имели военно-

[1] M. J. Rostovtzeff. The social and economic history of the hellenistic World, I, стр. 491.

стратегическое значение, и соответственно население этих пунктов несло военные обязанности.

В ряде случаев передавались или дарились ветеранам и воинам участки (клеры) из земли, считавшейся царской, принадлежавшей царю. Некоторые клеры были выделены поселенцам из бывшей храмовой земли, которую распределяли таким путем.[1] Кроме того, широко дарились и раздавались земли членам царской семьи и различным выдающимся лицам. Так, например, царице Лаодике были подарены обширные земли при Антиохе II, а Аристокидиду при Антиохе I, что засвидетельствовано сохранившимися надписями.[2] О такого рода дарениях селевкидских царей и передаче ими царской земли говорят источники, указывая на появление как бы нового вида земельной собственности. Неоднократно интерпретированная надпись Лаодики указывает на то, что приобретенная земля приписывалась к городу, очевидно взносы с нее должны были выплачиваться городу. Другая, тоже малоазийская, надпись сообщает, что получивший от царя землю Мнесимах продолжает платить подать с полученной земли в царскую казну.[3]

Льготы, которые делались городам и поселенцам, известны в практике эллинистического периода вообще. В частности, они подтверждаются сообщением Иосифа Флавия для времени Антиоха III, который переселил из Месопотамии и Вавилона в Лидию и Фригию две тысячи иудейских семей. Он предоставил им участки для постройки домов, а также наделы под пахотные земли и виноградники. Царь освободил их от всех податей на десятилетний срок.[4]

Малоазийская надпись Аристокидида также подтверждает, что подаренная царем земля, т. е. «царская земля», ставшая частной собственностью, должна быть записана за городом, чтобы подати с нее вносились, очевидно, городу. Особенности этой надписи в том, что Аристокидиду предоставлялась возможность выбирать между двумя городами — Илионом и Скепсисом, чтобы приписать к одному из них свою землю. Во второй же раз в надписи говорится, что царь предоставил ему возможность выбрать любой город, лишь бы он был в той же области и в том же союзе. Выражения эти имеют стереотипный характер (строки 45—46): ἐᾶσαι αὐτῶι προσενέγκασθαι πρὸς ἣν ἂν βούληται πολιν τῶν ἐν τῆι χώραι τε καὶ συμμαχίαι — «предоставляется ему присоединиться к какому желает городу в этой области и союзе». Почти дословно повторяются те же слова в 71-й и 72-й строках той же 221-й надписи.[1]

Необходимо обратить внимание на то, что упомянутая выше надпись Мнесимаха «предусматривает такой случай, что царь может отнять его землю».[2] Это может быть отмечено и в отношении Вавилона, которому земля была дана, а через несколько лет отнята царем. Мнесимах в Малой Азии был частным лицом, а Вавилон был городом в нижней Месопотамии, но в отношении как того, так и другого права и возможности царя были одинаковы. Другое дело, если бы Вавилон имел полисную организацию, имел права полиса, которые обусловливали античный тип земельной собственности.

Переход земли, состоявшей в собственности царя, в разряд принадлежавшей городу несомненно менял положение крестьянина, непосредственного производителя на земле. На Востоке длительно существовала община, развившаяся из родовой, первобытной ячейки. Положение крестьян при переходе изменялось, так как они, будучи «царскими людьми» — λαοὶ βασιλικοί, вносили теперь подати городу, так называемый φόρος. У крестьян была общинная земельная собственность, и сами они были свободными, а не рабами или крепостными. Неверным является, например, взгляд Тарна, что «греческий полис» «был благодетелем азиатского крестьянина» и будто бы освобождал его.[3] Крестьянская община просто меняла собственника земли, но состояние ее оставалось тем же, на ней оставалась уплата налогов и натуральные повинности.[4] Общинное устройство у крестьян особенно ярко сказывается в выражении все той же надписи Мнесимаха, где налог, выплачиваемый в царскую казну, называется φόρος τῶν κωμῶν, т. е. «налог деревень».[5]

Надписи, о которых идет речь и которые так настойчиво привлекаются всеми историками эллинизма, происходят из Малой Азии. Это не позволяло делать выводы на основании географически ограниченного материала для всей державы Селевкидов, тем более что именно эти области были давно колонизованы и эллинизованы.

Материалы на местных восточных языках Передней Азии, привлеченные в настоящем исследовании, позволяют указать

[1] M. J. Rostovtzeff. The social and economic history of the hellenistic World, I, стр. 492—493.

[2] Там же, стр. 493.

[3] А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, стр. 154.

[4] Josephus Flavius. Opera, ed. G. Dindorfius. Antiquitates, XII, 3, 4, Parisiis, 1845. (В дальнейшем цитируется это издание).

[1] W. Dittenberger. Orientis graeci inscriptiones selectae, v. I. 1903, 221, стр. 347. — B. Haussoulier. Les Seleucides et le temple d'Apollon Didyméen. Revue de philologie, v. XXV, 1901, стр. 31—32.

[2] А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, стр. 157.

[3] В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949, стр. 137.

[4] Территориальная специализация налогов натурой, как, например, дерева, золота, отмечена у Альтхейма (F. Altheim. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter, I, стр. 147—148).

[5] А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, стр. 154

на то, что дарение и передача земли частным лицам и городам имели место в областях Междуречья и западного Ирана. Это справедливо относительно города Керкука (Карка де бет Селох), «Хроника» которого говорит о приобретенных им льготах. Ко времени диадохов следует отнести сообщение о постройке города и его «освобождении». Область, которая тяготела к нему и «в которой он был посажен», была отнесена к нему, а ее население было отдано городу «в качестве рабов». Иначе говоря, была образована городская территория, подчиненная городу. И здесь имели место переселения, например, персидских родов из Истахра в Керкук, где Селевк предоставил им «земли и виноградник в той области и оставил Карку без (обложения) податью». Точно так же о положении города, о царской, городской и частной земле имеются сведения в вавилонских документах селевкидского времени, как это было нами указано в статье, посвященной Вавилону и опубликованной в 1941 г. (см. следующие главы).

Другие источники, также вавилонские, позволяют установить, что раздача и дарения из фонда царских земель производились и в Вавилонии. Таблетка 173/72 г. до н. э., содержащая список клинописной надписи 236 г. до н. э., сообщает о дарениях земли и другого рода собственности Антиохом II своей жене Лаодике.[1] Как и в упомянутых выше малоазийских надписях, земли, выделенные Лаодике из γῆ βασιλική в Вавилонии, должны были быть приписаны как частная собственность к какому-нибудь городу. В греческой надписи Антиоха II относительно продажи Лаодике земли речь идет фактически о дарении, так как ничтожная сумма, указанная в надписи, не могла окупить большого имения, которое предоставил Антиох Лаодике как своей разведенной жене.[2] В этой надписи 254/53 г. до н. э. выделенная земля была освобождена от налогов, вносимых в царскую казну, и могла быть приписана к любому городу соответственно ее желанию.[3] Точно так же и земли Лаодики в Вавилонии могли быть приписаны к городу, они и были приписаны населению группы городов — Вавилона, Борсиппы и Кута, находившихся в близком соседстве друг с другом. Впоследствии, в 236 г. до н. э., вся эта земля была передана Селевком II «на вечные времена» этим же трем городам.[4]

[1] M. J. Rostovtzeff. The social and economic history of the hellenistic World, I, стр. 494.

[2] C. B. Welles. Royal correspondence in the hellenistic period. New Haven, 1934, № 18, стр. 90—91.

[3] Там же, стр. 97.

[4] M. J. Rostovtzeff. The social and economic history of the hellenistic World, I, стр. 495. — Г. Х. Саркисян. О городской земле в Селевкидской Вавилонии. ВДИ, 1953, № 1, стр. 66—67.

Таким образом, и в областях Междуречья в селевкидское время царь предоставлял городам землю, которая становилась собственностью города. Однако у царя оставалась возможность и отобрать эту землю обратно, как об этом свидетельствует приведенная выше хроника Вавилона. Другое дело, почему именно эта земля была отобрана обратно царем, — потому ли, что вавилоняне были переселены в Селевкию, или по каким-либо другим причинам. Во всяком случае возможность перехода «царской земли» в разряд «городской» и обратно может быть установлена и для Междуречья.

В то же время приведенные данные указывают на рост частной собственности. Дарение Лаодике делало «царскую землю» ее частной собственностью. Контракты селевкидского времени свидетельствуют о том, что широко практиковалась покупка и продажа участков земли в пределах города и за городской стеной. Запродажная 161 г. до н. э. времени царя Деметрия (161/60—150/49 гг. до н. э.) из города Урука является договором о продаже участка в этом городе, составлявшего часть квартала и точно определенного в своих границах между другими улицами и переулками.[1] Другой договор закреплял продажу поля, находившегося за городом, близ ворот города Урука.[2]

Эти вопросы о «царской» и «городской» земле, о приписке частной земли к городам в селевкидское время, как было указано выше, неоднократно обсуждались в научной литературе. Их решение основано на бесспорном и превосходном материале греческих надписей. Вавилонские документы, к которым мы вновь вернулись, подтверждают те выводы, которые были сделаны относительно общественных отношений в Сирии и Малой Азии.

В развитии Междуречья и Ирана нельзя отрицать значения греко-македонского завоевания, нельзя отрицать греческого влияния, основания ими ряда городов и их эллинизации. Но знание греческого языка не было столь широко распространено, как это предполагают, даже свидетельство Авроманских документов в этом случае не так безусловно. Социальное и экономическое развитие областей получило известный толчок, новые факторы оказали влияние, но оно не было ни глубоким, ни значительным. В базисе — экономическом строе общества — произошли некоторые изменения, имело место лишь воспроизводство того же процесса, уровень развития производительных сил и техники в основном сохранился тот же.

Конечно, появилось некоторое число новых городов, были обновлены старые центры Междуречья и Ирана, втянувшие

[1] M. Rutten. Contrats de l'époque Seleucide, conservés au Musée de Louvre. Paris, 1935, стр. 191.

[2] Там же, стр. 197—199.

дополнительно местное население в городскую жизнь. Новые потребности в свою очередь способствовали развитию производства. Однако расширение производительных сил имело место в незначительной мере, оно не меняло коренным образом ни способа производства, ни производственных отношений.

Отмечается рост рабовладельческих отношений, известное изменение их характера, так что патриархальное рабство стало приобретать более сложный вид и развилось до более высокой стадии античного рабства. Это может быть отмечено там, где городская жизнь приобрела более интенсивный характер, где зарождался город в его античной форме. Около города, т. е. территориально близко к городу, мог образоваться и новый вид собственности на землю; сопоставление данных восточных источников и греческих малоазийских было приведено выше. Царская земля как бы меняла владельца, связывалась с городом и частью городского населения, принадлежавшей к господствующему классу. Однако и в этом отношении сведениями о коренных изменениях мы не располагаем, на основании целого ряда данных они и не могли произойти, а нашли свое место позднее.

ВАВИЛОН НА УЩЕРБЕ

В эллинистический период история Вавилона дает представление о некоторых формах общественных и экономических отношений на Ближнем Востоке, где после завоеваний Александра сложилось государство Селевкидов. Новая столица, Селевкия, отстраивалась постепенно, испытывая недостаток в населении, в рабочей силе. В 275 г. до н. э. массовое переселение людей из Вавилона усилило положение нового города за счет старого.

О положении Вавилона сообщают клинописные хроники и документы, анализ которых представляет существенный интерес. Этот древний город, центром которого был храм, регулировавший и направлявший всю его жизнь, должен был уступить свое место в Междуречье Селевкии. Появление здесь крупных городских центров диктовалось самим географическим положением этой части территории между Тигром и Евфратом, где последовательно на близком расстоянии появлялись, сменяя друг друга, Вавилон, Селевкия, Ктесифон, Багдад.

Основание новой столицы, Селевкии, было вызвано рядом причин, одной из них было значительное разрушение Вавилона, постройки которого легко подвергались разрушению. Городские стены и дома требовали постоянного обновления, так как были сложены из сырцового кирпича, просушенного на солнце.[1] Теряя свое положение политического и хозяйственного центра, Вавилон стал хиреть, о чем свидетельствуют источники. В какой-то степени торговые и денежные связи сохранились. Операций было меньше, денег притекало незначительное количество, но расписки, долговые обязательства и запродажные заносились и скреплялись попрежнему клинописью на глиняных таблетках. В Вавилоне сохранилась надолго

[1] F. Altheim. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter, I, стр. 153.

своя письменность.[1] Для этого времени, когда историческое значение Вавилона угасало, две клинописные хроники отмечают весьма существенные факты для уяснения картины не только политической его жизни, но и социально-экономических отношений.

Хроника, известная как «Хроника времени диадохов», была составлена после 312 г. до н. э. Находящаяся в Британском музее копия этой хроники переписана лет на двенадцать позднее, когда первый экземпляр стал неудобочитаемым. Первоначальные ее размеры превосходили ту единственную и дефектную таблетку, которая сохранилась. Смит высказывает предположение, что ее переписали во времена Антиоха I, когда Берос пытался написать историю Вавилона и нуждался в исторических материалах. Она, вероятно, найдена в Вавилоне, в книгохранилище храма Эсагила.[2]

Хроника охватывает события между 321—312 гг.; форма записи лапидарная, а сохранилась таблетка фрагментарно. Восстановить порядок во фрагментах хроники удается с некоторыми затруднениями. События 315—314 гг., борьба между Антигоном и Селевком, о которых в ней идет речь, известны и на основании сообщений Диодора.[3] Закончилась эта борьба жестоким разграблением Вавилона и прилегавших к нему областей.[4] Антигон в ссоре с Селевком так жестоко поступил с Вавилоном и тяготевшими к нему пригородами, что «были плач и сетования» [bi-kit u si-ip-du ina mati išš̌akkan(an)].[5] Точно такая же участь постигла и Кутах (или Кутха, ныне Тель-Ибрагим),[6] в связи с чем особо упоминается о разграблении сокровищницы храма Нергала.

Наиболее бедственным фактом было сожжение «огнем» народа. Очевидно речь шла о сожжении полей и насаждений, а с ними и населения — способ уничтожения и наказания, известный и по другим документам, применявшийся, впрочем, и в VI в. н. э.[7] Тягостное положение в Вавилоне хроника отмечает, указывая на повышенную цену на зерно.[8] Размер цены неизвестен, так как таблетка дефектная. Из ее строк 35—37 можно заключить, что должностное лицо, занимавшее видное положение в Аккаде, т. е. в вавилонской сатрапии, прибыло

[1] Cambridge ancient history, VII. Cambridge, 1928, стр. 188—189.
[2] S. Smith. Babilonian historical texts. London, 1924, стр. 124—126.
[3] Diodorus. Bibliotheca historica, XIX, 27—31, ed. C. T. Fischer. Lipsiae, 1906, стр. 46—54. (В дальнейшем: Diodorus).
[4] S. Smith. Babilonian historical texts, стр. 141, 144, строка 26.
[5] Там же, стр. 141, 144, строки 21—25.
[6] Pauly-Wissowa. Realencyclopädie, II, столб. 1697, 2710.
[7] Во время персо-византийских войн в 502—506 гг.
[8] S. Smith. Babilonian historical texts, стр. 136, 142, 144, 149.

в Борсиппу. Отсюда зерно перевозили в соседний с Борсиппой Вавилон, где, как можно интерпретировать обрывки текста, оно было препоручено, по всей вероятности для раздачи, храму Эсагила. Борсиппа, город, расположенный в нескольких километрах на юг от Вавилона, на одном из крупных каналов нижнего Междуречья, известен как центр обработки льна и производства тканей. Эта слава сохранилась за ним до времен халифата.[1] Что хлеб из Борсиппы был доставлен храму Эсагила, указывает не только на авторитет, которым храм пользовался, но и на его организующую роль в жизни города. Однако следующие строки сообщают о новом ограблении греко-македонцами жителей Вавилона, что, несомненно, усилило их тяжелое положение и заставило хрониста повторить обычную формулу о плаче и сетовании народа.[2] Заключительные строки текста касаются события 312—311 гг. — первого года царствования Селевка, положившего начало новой эре. Селевкидское летосчисление на Ближнем Востоке было одним из наиболее употребительных и просуществовало много веков, не будучи окончательно вытесненным ни нашей эрой, ни хиджрой. Хроника упоминает о том, как Антигон пытался скрыться в крепости или во дворце, но что Селевк его победил и захватил Вавилонию. Подтверждается это и текстом Диодора, который говорит, что он ἀνατῆσατο τὴν Βαβυλωνίαν.[3]

Хроника подробно говорит о разорении Вавилона и бедственном положении его жителей. В расчеты диадохов не входило обновление этого храмового города. Близко расположенная к Вавилону Селевкия отстраивалась как новый административный центр, ставший также средоточием ремесла и торговли для богатых областей среднего течения Тигра.

Значительные подробности сообщает и вторая клинописная хроника селевкидского периода. Она относится ко времени Антиоха I Сотера, к годам 276—274. Это был момент обостренной борьбы между Египтом Птолемеев (Птолемей II Филадельф) и Селевкидами за господство на сирийском побережье. Торговые и ремесленные городские центры Финикии и Сирии представляли исключительное значение для экономики этих держав и торговых сношений с другими странами. В 36 г. селевкидской эры Антиох I отправил свою семью — жену и сына — в Сапарду, как хроника называет город Сарды в провинции Лидии. Затем он двинулся в Збирнари, где находились египетские войска, которые он обратил в бегство. Збирнари — обыч-

[1] Pauly-Wissowa. Realencyclopädie, III, столб. 735.
[2] S. Smith. Babilonian historical texts, стр. 142, 144$_{28-41}$.
[3] Diodorus, XIX, 91, 3—4.

ное для вавилонских текстов обозначение сирийских областей по ту сторону, т. е. по правую сторону Евфрата.[1]

Следующие сообщения хроники непосредственно связаны с событиями, имевшими место в Вавилоне и в Селевкии, «столице». В месяце адаре, двенадцатом вавилонском месяце, стратиг Аккада, т. е. вавилонский сатрап, собрал поголовно все царские войска, которые там были, а в месяце нисане (первом месяце) они двинулись в Сирию (Эбирнари), чтобы оказать помощь царю и его армии. Звание стратига передано как (amelu) rab uqu, отвечающее греческому στρατηγός.[2] Из сатрапии Междуречья были, следовательно, взяты все отряды войск, обычно стоявшие в городах. Кроме того, сатрап Бактрии прислал двадцать боевых слонов, также отправленных к царю 24-го числа того же месяца и года (276). Посылал их епарх или сатрап (amelu) mumaʾir Аккада одновременно с громадным количеством серебра, одежды и всякого рода утвари из Вавилона и Селевкии.[3] В результате таких действий правительства богатое Междуречье оказалось лишенным всего необходимого. Деньги были нужны для содержания армии и других, связанных с войной, расходов. Нет сомнения, что серебро, или часть его, во всяком случае было послано в виде чеканной монеты, так как хроника говорит, что в городах Междуречья и в самом Вавилоне после этого были в ходу мёдные деньги.[4] Монеты из меди были греческой чеканки, тогда как местная, обычная для этих областей, монета была серебряной. Это — лишнее указание на наличие в этих областях денежного хозяйства с развитым товарообменом и торговлей.

В следующем, 37, году Селевкидов, 9 числа месяца адара (двенадцатый вавилонский месяц 275 г.), сообщает хроника, из Сирии в Селевкию возвратились и сатрап (amelu) mumaʾir[5] и магистраты (amelu) paq-du. Магистраты названы во множественном числе. Самый термин (amelu) paq-du является переводом греческого слова эпистат — ἐπιστάτης.[6]

Тяжелое положение городов Месопотамии и самой столицы было очевидно. В Селевкии не было достаточного количества населения, а сохранившееся было разорено и не могло быть должной опорой для города. Тогда был применен обычный в таких случаях способ принудительного переселения. Два

[1] C. F. Lehmann. Der erste syrische Krieg und die Weltlage um 275—272 v. Chr., Klio III, 1903, стр. 498.
[2] Там же, стр. 507. — W. Muss-Arnolt. Assyrisch-englisch-deutsches Wörterbuch. Berlin, 1894, I, стр. 89; 1905, II, стр. 946.
[3] S. Smith. Babilonian historical texts, стр. 154, 156_{11}.
[4] Там же, стр. 155, 156_{11}.
[5] C. F. Lehmann. Der erste syrische Krieg.., стр. 507.
[6] W. Muss-Arnolt. Assyrisch-englisch-deutsches Wörterbuch, II, стр. 819.

таких центра, как Селевкия и Вавилон, не могли без ущерба существовать рядом друг с другом. Древний город был вынужден уступить своей молодой соседке. Переселение решало вопрос об уплотнении населения в Селевкии и, конечно, об увеличении ремесленной и торговой прослойки города. Такого рода переселения были известны и ранее и применялись позднее, как, например, при основании Тигранокерты. Если (amelu) paq-du действительно воспроизводит греческое звание эпистата, то вполне понятно, что оно упоминается в связи с рескриптом о переселении. Повидимому, именно эпистат был поставлен для наблюдения за не-греческим населением в покоренных городах.[1] Упомянутыми правителями в Вавилон был прислан рескрипт, а 12 тишри (седьмой месяц) жители Вавилона были уведены в Селевкию.

Следующие строки хроники должны быть поставлены в связь с вопросом об организации жизни городских центров в эллинистическое время. При Селевкидах греко-македонскому населению принадлежало главенствующее положение как во вновь основанных, так и в старых городах, где были их колонии. В Дуре-Еуропосе можно говорить о земельных наделах, предоставлявшихся воинам в качестве обеспечения. Наделы (κλῆροι) были единицами для взимания налогов, все вместе они составляли γῆ κληρουχική[2] и выделялись из земли, считавшейся царской. Выморочная земля клерухов становилась вновь царской. До настоящего времени в материалах Дуры-Еуропоса нет указаний на городские, принадлежащие городу, земли. Можно, однако, найти данные о храмовых землях.[3] Специальное лицо, газофилакт, ведал не только движимым имуществом храма, но и его обширными земельными владениями.

На основании вавилонской хроники можно говорить о безусловной принадлежности земли царю. Здесь нет полиса, который располагал бы собственной землей; город мог лишь условно, временно пользоваться дарованной царем землей. По утверждению хроники, еще до переселения вавилонян в Селевкию, в 32 г., по желанию царя населению Вавилона, Борсиппы и Кутаха была дарована земля для их поддержания и «пропитания». В 37 г. эти посевные земли, угодья, а также скот и весь инвентарь были отобраны и присоединены к царским имениям.[4] Эти города потеряли, таким образом, основную базу своего существования. Лишенные этой поддержки ремесленники, мелкие торговцы и городские люди обрекались на полуголодное существование. Царь был одним из крупнейших землевла-

[1] W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. London, 1939, стр. 25.
[2] F. Cumont. Fouilles de Doura-Europos, стр. XXI.
[3] Там же, стр. XXII.
[4] S. Smith. Babilonian historical texts, стр. 155, $156—157_{18-19}$.

дельцев своего государства. Еще Антигон I (315—301) запретил городам вывозить зерно на продажу, с тем чтобы хлеб царских имений сбывался монопольно.[1] Земля, следовательно, давалась городам временно, чтобы поддержать, «пропитать» городских жителей. Таким образом, царским рескриптом эти земли и живой инвентарь были возвращены царю. В какой-то мере храм продолжал играть объединяющую роль, в известной мере он выполнял функции самоуправления и распоряжался жизнью города. Некоторой поддержкой жителям Вавилона могла служить выработка больших партий кирпича для перестройки и ремонта храма Эсагила. Но такого рода общественные работы были лишь слабой помощью населению. Уже в следующих строках хроника говорит о постигшем «Аккад» голоде. Бедствие было сильнейшим, люди продавали своих детей «за серебро», и «народ вымирал от голода».[2] Факты продажи собственных детей в случаях жестокого голода или большой задолженности известны и в последующее время. Памятник конца V в. н. э., Сирийский законник, указывает на факт самопродажи в рабство, а греческий писатель VI в. Евагрий сообщает, что для выплаты хрисаргира родители продавали детей. В эпоху Селевкидов рабовладение имело широкое распространение и было основой благосостояния господствующего класса. Известно, что парфянский царь Артабан (умерший в 124 г.) поставил сатрапом Вавилонии Гимера, продавшего ее жителей в качестве рабов в Мидию. О рабстве говорят и те частноправовые акты, которые сохранились от этого времени. Таблетка конца IV в. сообщает о рабах, отданных для выполнения земляных работ при храме Эсагила. Рабы были предоставлены храму жертвователем ради «спасения души».[3] Массовое обращение в рабство военнопленных увеличивало резервы, пополнявшие ряды рабов помимо их естественного роста. О рабстве говорят и частноправовые акты этого времени.

Анализ вавилонских хроник времени диадохов дает возможность установить картину общественных отношений и экономической жизни Вавилона на закате.

Хроники заставляют фиксировать внимание и на широко развитом денежном обращении. В Вавилоне чеканили серебряную монету, которая была разменной, рыночной монетой. Соответственно и покупная цена на предметы и продукты питания, как, например, на зерно, выражалась в серебре. Медная монета греческой чеканки была пущена в обращение в Междуречье

[1] Cambridge ancient history, v. VI, стр. 491—492.

[2] S. Smith. Babilonian historical texts, стр. 155, 157[28].

[3] Kohler und Ungnad. Hundert ausgewählte Rechts-Urkunden aus der Spätzeit Babilonischen Schrifttums. Leipzig, 1911, стр. 61, № 89.

за недостатком серебра. Последнее, крайне необходимое для военных нужд во время первой сирийской войны 276—275 гг., как об этом сообщает хроника, вывезли из Вавилонии в Сирию. Медные деньги оказались не только непривычны, но и неполноценны, они были встречены населением с тревогой. Реальную ценность имело серебро. В деловых документах, когда речь идет о том, что деньги отдаются на хранение или в рост, всегда упоминается серебро. Частноправовые акты сообщают, что и при Селевкидах деловая жизнь в Вавилоне продолжалась. Существовали «банки», которым передавались на хранение и в рост деньги[1] и производились другие операции.[2] Конечно, размах их значительно сократился, благосостояние верхов, а тем более низов общества города Вавилона было подорвано, тем не менее эта сложная экономическая жизнь еще пульсировала. Следует отметить, что в Вавилоне остались верны собственному языку, письменности и тем более юридическим формам. Сохранились документы даже II в. до н. э., свидетельствующие об этом.[3] Манера составления документов, их установившаяся обычная и правовая формулировка сохранялись в течение веков и оказали глубокое влияние на все частноправовые нормы и обычаи Передней Азии, независимо от языка этих документов.

Оправиться от массового переселения жителей Вавилона в Селевкию и потери пригородного хозяйства с его посевными площадями и скотом древний город уже не мог. Оживление, внесенное в его замершую жизнь Антиохом IV Епифаном, было чисто внешним. Город уже не имел значения, а его всемирно-историческая роль окончилась со смертью великого Александра.

Источники характеризуют положение Вавилона в период образования эллинистических государств вообще. Не имея полисной организации, Вавилон мог лишь временно пользоваться дарованной царем землей, которая, однако, была затем вновь отобрана и присоединена к царской земле. Подобные факты находят полное подтверждение в других источниках. Так, известная надпись Мнесимаха, найденная в Сардах и относящаяся ко времени царя Антигона, предусматривает возможность со стороны царя отнять обратно землю, полученную от него Мнесимахом.[4]

Селевкиды не считали возможным возродить старую вавилонскую столицу, в значительной части разрушенную. Предпочтение было отдано Опису, который, отстроив, назвали

[1] Kohler und Ungnad, ук. соч., стр. 62, № 92.

[2] Там же, стр. 62, № 91. — Cambridge ancient history, v. VIII, стр. 189.

[3] Стр. 29—35 данного текста воспроизводят в основном нашу статью «Угасающий Вавилон», напечатанную в 1941 г. в «Ученых записках ЛГУ» (сер. истор. наук, вып. 9, стр. 42—48).

[4] А. Б. Рановича. Эллинизм и его историческая роль, стр. 157.

Селевкией. Географическое положение последней на Тигре было чрезвычайно благоприятно. Сюда была переселена значительная часть жителей из близлежащего Вавилона. Устройство нового города, находившегося на таком небольшом расстоянии от Вавилона, подорвало его существование. Отнята у него была и материальная опора — дарованная царская земля. Разрушенные войной производительные силы не могли быть восстановлены, а увод населения окончательно привел к его запустению.[1]

Высказанные соображения и приведенный выше материал нами опубликованы еще в 1941 г. Эти данные дополнены материалом эпиграфическим.

Рост городов и оживление городской жизни имели место за счет расширения рабовладельческой эксплоатации. Рабовладельческое хозяйство становилось рабовладельческой системой. Но в Иране это имело место в гораздо более ограниченных размерах, чем в Малой Азии или Сирии.

Для Ирана в эпоху эллинизма это положение может считаться правильным лишь отчасти, со значительными ограничениями. Прежде всего количество новых городов за Тигром не было значительным, как нет речи и о широком распространении полисного устройства городов Ирана. Сведения об эллинистических центрах этой державы так ограничены, что часто, кроме самого имени, о них ничего не известно.[2] Тем не менее некоторое число городов появилось и здесь, часть местного населения была втянута в городскую жизнь, было увеличено и применение труда рабов.

[1] M. Streck. Seleucia und Ktesiphon. Der Alte Orient. 16 Jahrgang, Heft 3/4, Leipzig, 1917, стр. 4—5, 9—10. — F. Altheim. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter, I, стр. 282. — Sarre-Herzfeld. Archeologische Reise ins Euphrat und Tigrisgebiet. Bd. II, стр. 55.

[2] V. Tscherikower. Die hellenistischen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Leipzig, 1927, стр. 96—106.

ГОРОД КАРКА ДЕ БЕТ СЕЛОХ

История города области Гармай, Карки де бет Селох, ныне Керкука, сохранилась в местной сирийской хронике, где об основании города рассказано подробно.

Область Гармай, по свидетельству хроники, в то отдаленное время, когда она была «царством Гармай», простиралась от «реки Заба и до реки Деклат», т. е. Тигра, от Тигра до реки Атракон, которая также известна под именем Тормара. Возвышенность (или небольшой горный хребет) Хемрин соответствует Уруку или Орейкону (Ὀρείκων).[1] Река Тормара, или Тамарра, соответствует реке Дайала, которая ограничивала Бет-Гармай с юго-востока. «Земля Ладаб и гора Шеран» были границей на востоке и северо-востоке области, отделяя ее от Хамадана.

По целому ряду свидетельств, наиболее важными городами области являются прежде всего: Карка де бет Селох, известная ныне под именем Керкук.[2] В чрезвычайно богатом фиговыми деревьями Шахргерде, городе, известном Якуту на пути между Дакуком и Ирбилом, имеется «небольшая крепость» (Qal'a). К Бет-Гармай относятся также города Дакук, или Такук, Лашом, упоминаемый сирийскими источниками, Дарабад, к которому тяготела и область Шахраур. Имеется еще несколько городов, местонахождение которых не уточнено.[3]

Тот вид, в котором дошел в хронике рассказ об основании Карки де бет Селох и его первоначальной истории, недостаточно отчетлив. Там упоминаются по имени цари: Сардона (Сардана) и Саргон. Издатель сирийского текста хроники Карки де бет Селох, Мезингер, считает имя «Сардона» неверным написанием имени Саргон, но согласен считать его и изменением имени

[1] G. Hoffmann. Auszüge aus syrischen Akten Persischer Martyrer. Excurse. Leipzig, 1880, стр. 253.

[2] Там же, стр. 267.

[3] Там же, стр. 273—276.

Асархадон.[1] Анализ указанного текста может привести к выводу, что речь идет о двух различных лицах, о царе Ассирии Саргоне II (722—705) и о царе Асархадоне, сыне погибшего в 681 г. до н. э. Синахериба. В тексте имя первого дано как «Саргон» — ܣܪܓܢ, имя второго — как «Сардона . . . сын Санхериба (Синахериба)» — ܣܪܕܢ ܒܪ ܣܢܚܪܝܒ.[2] Но рассказ ведется последовательно, так что если когда-то традиции о двух этих царях и были различны, то позднее они так слились, что разделить их вновь не представляется возможным. Больше сведений, определяющих время и дающих исторические подробности, относится к Асархадону — Сардоне. Он не только назван сыном Санхериба, но с его временем связывается и известное библейское сказание о пророке Ионе и его проповеди у ниневитян.[3]

Исходя из этих сведений, можно с большой уверенностью утверждать, что хроника Карки де бет Селох была составлена по материалам древнего периода. Есть все основания считать, что они стали доступны автору только через какой-то другой сирийский же источник. Этот последний почерпнул свои данные непосредственно, или опять опосредствованно, из вавилонских источников, так как его сведения достаточно точны.

К 15-му году Асархадона (Сардоны) хроника относит восстание Арбака, царя Мадай или Мидии, т. е. области Хулван с Хамаданом, на восток от Бет-Гармай.[4] Политикой Арбака было постепенный захват отдельных областей, принадлежавших Ассирии (Асуру), и их присоединение к своим владениям. Усиление Мидии, ее возросшая мощь и крепость сделали ее царя, по образному выражению источника, «тернием для царя Асура». Арбак добрался таким путем и до Гармай. Некоторые данные позволяют определить положение этого маленького государства, границы которого были нами даны выше на основании той же хроники.

В Гармай был в то время «царек» — ܡܠܟܐ, т. е. лицо хотя и правившее самостоятельно, но значение которого было невелико, он даже назван уничижительно. Этот царек «держал ту землю» и платил подать царю Асура. Его относительной самостоятельности пришел конец, когда он оказался не в состоянии платить подать и удовлетворять требования Ассирии. Великая держава прислала тогда своего правителя — ܚܕܐ, и вся система управления оказалась подчиненной ей.[5] Непосредственно причиной полного господства в этой области ассирийского царя было жестокое ее разграбление царем Мидии Арбаком, который «захватил у него пленных и ограбил его государство» и «воцарился» в нем.

С правителем из Ассирии в Бет-Гармай пришлось принять и «распорядителей над его имуществом» — ܦܩܕܐ (от глагола ܦܩܕ — «приказывать», «приказывающие», т. е. распорядители всем «его имуществом» — ܡܐܡܘܪ). Это гарантировало поступление подати Асуру. В военном отношении Бет-Гармай также оказался в подчиненном положении, так как сюда был прислан адъютант — ܪܒܐ — «полка солдат», который стал во главе его войска.[1]

Когда область была таким образом подчинена и лишена самостоятельности, царь повелел, «чтобы в этой земле правителя царства Гармай был построен город его имени». В этом месте в хронике первый раз упоминается имя уже Саргона, а не Сардоны. Возможно, что это простая описка, возможно и другое, что здесь слились два различных источника или две традиции. Автор хроники, желая придать своему городу больше значения, относил его происхождение к самому отдаленному времени, к царствованию ассирийских царей. Поэтому с названием Карка де бет Селох Гоффман пытался связать имя царя Ассирии и назвать ее Карка де Саргон.[2]

Несмотря на то, что не все хронологические данные заслуживают доверия, сообщения хроники имеют неоспоримое достоинство, так как они раскрывают историю построения города в доселевкидское время. Точными датами автор, конечно, не располагал. Но самый способ или система, по которой был образован город, его постройка, переселение людей и т. д., о которых сообщается в хронике, соответствуют тому, что известно из других источников. В царстве Гармай, подчиненном теперь Асуру, по приказу царя был отстроен город «для главенства» (ܪܫܝܬܐ). Правитель этой области получил права над ней «как господин, представлявший лично царя» — ܡܠܟܐ ܕܡܬܝ ܒܝܬ ܡܠܟܐ ܒܪܡ, город и область становились таким путем на особое положение. Этим объясняется и «освобождение» города, население которого было сделано «свободными». Их рабское или подчиненное положение было обусловлено захватом Ассирией царства Гармай, его население можно было,

[1] A. Mösinger. Monumenta syriaca, v. II. Oeniponti, 1878, стр. 24.
[2] Там же, текст, стр. 64, 63.
[3] Там же, текст, стр. 63.
[4] G. Hoffmann, ук. соч., стр. 259.
[5] A. Mösinger, ук. соч., стр. 64.

[1] Перевод слова ܪܒܐ — «помощник» — предложено как военный адъютант. Payne-Smith. Thesaurus syriacus, t. II. Oxonii ,1901, col. 2816. — G. Hoffmann, ук. соч., стр. 44, прим. 381.
[2] G. Hoffmann, ук. соч., стр. 44, прим. 385.

следовательно, рассматривать как военнопленных-рабов. Дальнейшее подтверждает, что положение было именно таково, так как царь «отдал» городу (Карке) всю землю или область, в которой город находился («был посажен»). Смысл его действия заключался в том, что население этой земли «стали рабами», т. е. рабами города. «Свободные» в городе противопоставлены остальному населению области, которое оказалось в рабском положении (ʾrkw, ʾrʿʾ).

В городе был построен дворец, а также были переселены «знатные царства». Из числа знатных назван один, по имени Бурзан. Это имя, по мнению Гоффмана, сасанидское,[1] т. е. известное в сасанидское время, но было ли оно известно в предшествующий период — данных не имеется.

Перевод «знатные царства» буквальный, возможно, что тут требуется иное толкование этого термина, а именно, что это чиновники или служащие государства. Знатный человек Бурзан, видимо, занимал известное официальное место, должность в государстве. Поэтому именно он позаботился построить в Карке маленькую крепость в долине и поставил также небольшую стену. Текст подчеркивает, что это было сделано для города (предлог l), как бы для его пользы, для его укрепления.

Бурзан поселился в Карке сам со своим «родом» и «большой семьей». Его род утвердился в этом городе, так как он переехал со всеми чадами и домочадцами. Но, помимо того, он переселил из Асура около тысячи людей. Такого рода переселение — типичнейшее явление при построении городов, с чем придется еще встречаться в дальнейшем неоднократно. В раннем средневековье такого рода переселения имели разный социальный оттенок, приобретали различный характер. Но образование города всегда, конечно, определялось новой фазой разделения труда. Переселенные люди устроились на место жительства частью в стенах города, частью за ними.

Поселок у города, вне городской стены, — обычное явление в городах Ближнего Востока. В Амиде в VI в. рынок, например, находился вне стен самого города. Можно предполагать, что переселенные были в основном ремесленники. Самый процесс массового переселения являлся обычным приемом, который применялся правительствами в древности и в средневековье в Византии, Армении, Иране и т. д.

В дальнейшем хроника еще раз возвращается к переселению, осуществленному якобы при Сардоне (Асархадоне), упоминая два рода, «которые привел Сардона и насадил в том городе (Карка, — *Н. П.*)».[2] Другой текст той же «Хроники Карка де бет Селох» дает к этому сообщению некоторые подробности. Изданная во II т. собрания агиологических памятников Беджана хроника дана там по списку, сличенному по древнему пергаменному кодексу VII—VIII вв. из Диарбекира и по рукописи, принадлежащей Берлинской библиотеке.[1] В этом тексте имеется дополнение к указанию на эти два рода: «Имена их следующие: Парен, который отрекся, и Балаш, который восстал». Речь здесь идет об искоренении манихейства, «злое семя» его было в «Парене, сыне Амаика» и в «Балаше — это злое наследие было в Карке».[2] Таким образом, здесь названы два рода, переселение которых автор хроники старается связывать с именем того же Асархадона. Имена упомянутых во втором случае лиц, как и в первом (Бурзан), не вызывают сомнения в их персидском происхождении.

Город Саргона и постройка Бурзана занимают одно и то же место, а в настоящее время это «кала», т. е. возвышенное место, которое было занято городом. Дальнейшее построение города относится автором уже ко времени Селевка, одного из четырех «рабов» Александра «сына Филиппова». Рядом с дворцом, помещавшемся в пределах обведенной стеной крепости (ḥṣnʾ), иначе говоря в городе Бурзана, Селевком была построена сторожевая башня. Она была названа и построена в честь Сардоны (Асархадона), первого строителя города Карки де бет Селох, и сохранилась до времени автора, так как эта башня, по его словам, и «до сих пор называется Сарабвай».[3] Текст хроники по рукописи из монастыря Хормизда, хранящейся в Борджианской библиотеке в Риме, сокращен в приведенном выше отрывке об основании города. А именно о Селевке сообщается, что он построил пять городов и вновь «построил Селевк в память Сардоны» . . . «башню».[4] В тексте, изданном Беджаном по двум другим рукописям, имеется рассказ, отсутствующий в рукописи Борджианской библиотеки. Перевод этого текста, как и перевод текста, отсутствующего в той же Борджианской рукописи о конце царства ассирийского, дан ниже. Этот пропущенный текст содержит сведения, которые представляют интерес, особенно, если учесть древность кодекса, к которому он восходит.

Арбак мидиец, о котором упоминает хроника, оказывается связанным с Адорбайганом (Азербайджаном). В царстве мидийцев он построил «крепкую стену», буквально «стену крепости» — ḥdʾ ḥṣnʾ. Эта стена есть «Адурбад», или

[1] G. Hoffmann, ук. соч., стр. 45, прим. 387.
[2] A. Mösinger, ук. соч., II, стр. 67.

[1] Acta martyrum et sanctorum, ed. P. Bedjan, t. II. Parisiis, 1891, стр. VII, X. (В дальнейшем: Acta mm. ss.).
[2] Acta mm. ss. II, 517.
[3] A. Mösinger, ук. соч., стр. 64.
[4] Там же.

Адорбад, «в царстве мидийском». Отсюда и производится имя Адорбайган, которым названа эта часть Мидии. Арбак выступает на борьбу с Нимрудом, битва происходит в Киликии и здесь гибнет Арбак.[1] Затем перечисляются сменяющие друг друга царства ассирийское, вавилонское, мидийское и воцарившегося Дарьявуша. Дарий в хронике Дарьявуш, по иранской традиции, считается следующим за Асархадоном строителем Карки. Он обнес город стеной, более обширной, чем построенная при ассирийском царе, т. е. опоясал его на большем расстоянии. Кроме домов, при Дарии был там построен храм огня «рядом с той кумирней, что поставил среди него», т. е. среди города Сардоны. «Дом идолов», который занимал центральное место в городе, был связан с культом, особо признанным Сардоной, — он «поклонялся орлу и льву», царственной птице и царственному зверю. Культ орла в Месопотамии известен с самого отдаленного времени, о чем свидетельствуют многочисленные памятники материальной культуры.[2] В тесной связи с этим находилась и традиция поклонения льву, причем эти два культа сливались. Известны изображения льва с головой орла, т. е. орел-леонтоцефал, а также изображения человекаптицы, которые являются отражением того же культа.[3] Свидетельство такого письменного источника, как хроника, подтверждает и освещает данные этих памятников искусства.

Из приведенных традиций видно, что какие-то знатные персидские роды были переселены в Карку де бет Селох. Но когда именно это произошло, повторялись ли эти переселения в город или один известный факт умножался хронистом, с полной уверенностью сказать трудно.

Ко времени Саргона, или Сардоны, хроника относит переселение двух персидских родов, имя одного из них названо Бурзан. Наиболее подробно говорится о переселении в Карку персидских родов при Дарьявуше, причем определенно говорится, что они были из области Истахра и их было пять в количестве. Имена этих родов были записаны в царских архивах Персии. Но далее этот рассказ повторен вновь и уже связан с именем Селевка, только нет упоминания о записи этих родов в архивах персидского царства. Такое повторение ставит под вопрос часть хронологии хроники. Конечно, Селевку, «царю греков», уже легко было приписать переселение в Карку знатных родов персидских, имена которых были записаны в архиве.

[1] Acta mm. ss. II, 509 и прилагаемый русский перевод (см. ниже, стр. 47—49).

[2] P. Amiet. L'aigle dans l'art et la religion de la Mesopotamie antique. Paris, 1950.

[3] P. Amiet. L'homme-oiseau dans l'art mésopotamien. Orientalia, 1952, v. 21, fig. 2, стр. 161, 163.

Самый способ пополнения городов жителями путем их переселения из других областей хорошо известен и для селевкидского периода. Во всяком случае можно утверждать, что в VI в. н. э., когда была составлена хроника, материалы письменных источников переписывались и включались в новые памятники. Но, кроме того, держалась память и о том, в каком порядке отстраивался город Карка, его стены, дома, улицы. Изменения плана города, быть может, связывались неверно с теми или другими именами, но изменения эти имели место в достаточно отдаленное время.

Построение большой и высокой стены вокруг города автор хроники относит ко времени Селевка. Старая стена была засыпана землей, а на расстоянии от нее, опоясывая город более широко, была возведена новая высокая стена. Эта стена была отстроена с башнями, которых было шестьдесят пять, что превратило город в настоящую крепость. В стене было двое ворот, одни выходили на юго-восток, другие — на северо-запад. Юго-восточные ворота назывались царскими. «Во всю величину» у ворот была установлена каменная статуя или резное изображение на камне (ܨܘܪܬ ܟܐܦܐ). У этих же ворот были сооружены две башни «из камней и извести», т. е. камни, которые послужили для постройки башни, были скреплены известковым раствором.

Что касается северо-западных ворот, то они были названы воротами Тотай (ܬܘܬܝ), по имени лица, стоявшего «в главенстве» (ܡܕܒܪܢܘܬܐ) строительства. Если ворота были названы именем строителя, очевидно роль его признавалась немаловажной.

Украшением Карки де бет Селох (Керкука) являлся царский дворец, воздвигнутый «в середине города». Рядом с ним позднее (автор хроники считает, что при Селевке) была построена сторожевая башня, находившаяся в крепости, в центральной укрепленной части города. Город застраивался, расширялся и становился «великоленным» не только в пределах своих стен, но и за ними, «вне стены», где были проложены улицы, построены «дворцы» и дома.[1]

Карка де бет Селох был разделен на семьдесят две улицы (ܫܘܩܐ). Твердо держалась традиция о переселенных из Истахра пяти семействах, принадлежавших к знатным персидским родам, даже записанных в царском архиве.

Этим пяти родам были «в той области» предоставлены земли и виноградники. Знатные роды (ܒܝܬܐ) были, следовательно, сразу поставлены в положение землевладельцев, для которых земля стала источником благосостояния, хотя они и посели-

[1] Acta mm. ss. II, 511.

лись в городе. Тот факт, что землевладельцы, знать, жили обычно в городах, а не в своих поместьях, известен для арабского и позднейших периодов истории Ближнего Востока. Это справедливо, повидимому, и для более отдаленного времени, для веков господства парфян и Сасанидов, и подтверждается все новыми источниками.

Кроме переселенной знати, были и «прочие люди», доставленные «из различных мест», чтобы населить Карку. В предшествующей части хроники говорится о том, что из Асура было переселено около тысячи человек, которые поселились не только в пределах городской стены, но и за ней. Это имело место при Сардоне, как пишет хроника. Вторичное переселение, о котором говорится, отнесено ко времени Селевка. В обоих случаях переселение обставлено известными льготами. В первом случае говорится, что они стали «свободными», а население всего округа им отдано в качестве «рабов». Иначе говоря, положение городского населения выгодно отличалось от положения сельского населения, хотя первые и были переселены насильственно.

Во втором случае, при Селевке, знать получила во владение земли, а вся Карка была «оставлена без подати», т. е. без податного обложения. Даже если речь идет об одном факте, который удвоился в представлении автора, приписавшего его повторно двум правителям города, безразлично, льготы городу при переселении в него населения давались, они были даны в и этом случае. Население города признавалось свободным, оно не должно было платить податного обложения в течение некоторого времени, что на первых порах в значительной мере облегчало положение переселенных.

Хроника позволяет сделать еще один важный вывод относительно состава населения города. Знать, находившаяся в городе, поселялась во дворцах, обширных и богатых домах, занимавших со своими садами и пристройками целые кварталы. Из семидесяти двух улиц двенадцать были названы «по имени двенадцати известных родов», поселившихся на этих улицах. Остальные улицы, «прочие», именовались «по названию ремесел» — ܫܘܩ ܣܘܟܪ̈ܐ ܕܟܪ̈ܟܝ ܥܠ ܫܡ ܡܫܟܢܗ.[1] Из разных мест были переселены в город ремесленники, которые и расселились, следовательно, по своим специальностям, так, как это хорошо известно в средневековом городе арабского периода. Улицы или кварталы того или другого ремесла были здесь соответственным образом названы. Это подтверждает то, что город создавался вследствие дальнейшего разделения труда, выделения ремесла.

[1] Acta mm. ss. II, 511.

Таким образом, хроника дает достаточное представление об общем плане города, с его крепостью и дворцом в центре, городской стеной с башнями. Город делился на части, аристократическую и ремесленную. Государство, переселяя сюда жителей, создавало им благоприятные условия жизни, знать получала недвижимую собственность в области, а ремесленники, производители в городе, освобождались на некоторое время от податного обложения. Эта последняя мера была вызвана необходимостью дать оправиться от тягости насильственного переселения.

О движимой и недвижимой собственности знати в хронике сообщается и в данных, относящихся к IV в. Христианин Акбалаха, современник шаханшаха Бахрама (388—399), «сына Шапура, царя Парса», происходил из знатного рода. Отец его, Хусраван, был принят и живал при царском дворе (ܒܝܬ ܣܪܛܐ). При жизни родителей Акбалаха тайно раздавал бедным золото, серебро и одежды. После смерти отца он получил все его «сокровище» — ܓܙ ; в числе пожертвованных им в церковь вещей были «литое (печатное) золото и серебро, шелка́ и прекрасные сосуды».[1]

Акбалаха получил также недвижимую собственность. Было некое селение, которое называлось «Девяноста». Оно получило это название от девяноста семей (ܫܒܥܝܢ), которые перевел шах Шапур II, переселив их из Майшана и поселив здесь. Таким образом, переселения продолжались и при Сасанидах как определенного рода политика. Покидая Майшан, переселенцы захватили изображение богини Нанай, ее идола, — «они поклонялись демону Нанай, что привезли с собой из своей земли».[2] Одна пятая часть селения «Девяноста» была «наследством его отца», т. е. отца Акбалахи. Это имение и называлось по имени его отца, Хусраван. Пятая часть селения принадлежала семье Акбалахи и передавалась по наследству, сын получил его после смерти отца.

Вторым епископом после Акбалахи был Шапурбараз, или Шаборбурз, «из той же Карки». Имя это в форме Вараз Шапур встречается в истории Лазаря Фарбского, где к нему добавлено еще имя его семьи — как Балуни, или как Амадуни.[3] В одном случае он является военачальником и поставлен во главе войск, в другом он назван «одним из армянских сатрапов».

[1] Acta mm. ss. II, 516.
[2] Acta mm. ss. II, 516.
[3] V. Langlois. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, t. II. Paris, 1869, стр. 199, 327. — A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides 2-me èd., Copenhague, 1944, стр. 405.

Мар Шапурбараз из Карки принадлежал к знатному, богатому и многочисленному роду. «Род его тот самый, что называется домом Арташира, сына Шапурбараза» — ܒܝܬ ܐܒܗܝܗ[1] ܕܗܘ ܙܪܥܐ ܕܗܘ ܕܐܬܝ ܡܢ ܐܪܥܐ ܕܐܣܬܟܪ ܘܡ. Этот род принадлежал к числу приведенных «Селевком из земли Истахр», и у Шапурбараза были среди них родственники — ܡܢ ܒܢܝ ܕܝ.[2] Традиция относительно переселения родов держалась, следовательно, твердо, о ней помнили еще в VI в. Этот род имел большие средства, так как на «их наследство», т. е. наследство родственников, которые приняли христианство и добровольно отдали свое имущество или часть его Шапурбаразу, он построил странноприимный дом — ܒܝܬ ܐܣܟܢܐ. Кроме того, он смог выделить часть своего имущества этому дому, чтобы обеспечить оплату врачей и содержание больных.

Слово ܢܟܣ — «имущество» — имеет и специфическое значение имения, недвижимой собственности, так что очень возможно, что Шапурбараз отказал странноприимному дому имение, которое обеспечивало его средствами. Возможно, что средства, о которых идет речь, составляли «наследство» и были родовой собственностью, а не личной собственностью отдельных лиц, поэтому об этом имуществе и говорится как принадлежащем многим.[3] Постройка убежища была предпринята Шапурбаразом как епископом. В число его обязанностей входила и такого рода забота о согражданах. В значительной степени она объясняет и особое положение епископа в городе, чему можно привести много примеров.

Таким образом, история основания Карки де бет Селох, в части своей, быть может, и легендарная, все же дает представление о древнем происхождении городов Междуречья. К определенным датам хроники можно отнестись с сомнением, но что город возник в доселевкидское время, едва ли можно опровергнуть. Перестройка и расширение города относятся ко времени Селевка, в связи с чем он и получил свое название.

Большое значение имеют приведенные сведения о переселениях, о ремесленниках в городе, о характере отношений и связей между городом и тяготевшей к нему областью, как и вопрос о «свободе» горожан и «рабстве» населения области в доэллинистический период. Эти данные во многом объясняют дальнейшее развитие городов, их расширение, увеличение их числа в последующее время и особенно в период раннего феодализма.

[1] Acta mm. ss. II, 517.
[2] Acta mm. ss. II, 518.
[3] Acta mm. ss. II, 518.

ХРОНИКА КАРКИ ДЕ БЕТ СЕЛОХ

(Перевод)

Текст: M ö s i n g e r. Monumenta syriaca, II, стр. 63; Acta martyrum et sanctorum, ed. P. Bedjan, II, стр. 507—509.

Этому большому городу положил основание царь Ассирии, имя его по-сирийски Сардана.[1] Он был великий царь, и его боялись во всей вселенной, а царство его составляло одну треть обитаемой [земли]. Сардана был сыном Санхериба, тридцать вторым из царей после Балоса, первого царя ассирийцев. В дни того Сарданы был послан Иона к ниневитянам, пророчеством и проповедью он потряс ниневитян, и сам Сардана подчинился проповеди пророка, установил пост в Ниневии, и они надели вретище. Бог увидел их покаяние, как писано, и отвратил от них жар своего гнева и не погубил их. В год 15-й царствования этого сына Нимруда восстал Арбак, царь Мадай [Мидии], против царства ассирийцев, которому был подчинен.

Когда Арбак восстал против царства ассирийцев, постепенно приобрел мощь, усилился и окреп, и был он тернием для царя Асура. Усилившись, он начал захватывать царства, подчиненные царю Асура, отобрал у них области, а затем пришел в землю Бет-Гармай. В то время был царек в Гармай, он обладал (ܟܐܢ ܡܠܟ) этой землей, Арбак захватил у него пленных и ограбил его государство. Государство Гармай, область в которой он воцарился, простиралось от реки Заба и до реки Деклат [Тигра], от Деклата до реки Атракон, также называемой Тормара, и до земли Ладаб и горы Шеран и до Малого Заба. Столица [области] Гармай была в крепости Гармай, на той горе Урук, постройки которой известны и теперь.

Гармай, теснимый царством Арбака, и не мог давать [подать] ассирийскому царству, и он принял от царства ассирийцев правителя над своим царством, распорядителей его имущества, помощника полка войск над их полком. После того приказал Саргон, чтобы в этой земле правителя царства Гармай был построен город его имени как главный в этой земле правителя, которому была подчинена вся область как господину, представлявшему лично царя. Отстроен был город, чтобы быть главным для правительства того царства. Построил его

[1] Мезингер (A. M ö s i n g e r, ук. соч., Adnotata, стр. 24) имя Сардона считает именем Саргона или Асархадона, в переводе 70-ти оно значится как 'Ασσβάν.

Саргон и по своему имени назвал город, который построил,[1] и освободил его (ܩܛܪ ܪܒܐ ܚܪ) [2] и дал ему всю область, в которой он был посажен в качестве рабов. Он построил в городе, который он насадил, дворец, переселил в город знатных царства.[3] Один знатный, по имени Бурзан, построил городу маленькую крепость, основав ее в долине, и стену маленькую устроил ему. Вместе со своим родом и большой семьей он собрал и поселил там около тысячи человек из Асура, часть за стеной и часть вне стены.

Когда пришло к концу царство Асура и ослабело правление ассирийское, по приговору божию, и кончилось царство ассирийцев и воцарились вавилоняне, а когда и эти кончились, стали мидяне и воцарился в Парсе Дарьявуш, сын Петшасафа, который сразился в битве с Александром, сыном Филиппа и был им побежден. Захватил царство Дарьявуша и воцарился Александр в царстве греков. Так как не было у него сыновей, он разделил царство четырем своим рабам, и они после его смерти держали его царство. Имя одного из них было Селевк, он построил пять городов. Соорудил Селевк в память царя Сардоны, впервые построившего [город] Карку, сторожевую башню рядом с дворцом, которую он поставил внутри крепости. Эта [башня] до сих пор называется Сарабвай (ܣܪܒܒܝ).[4]

Когда настал конец царства Асура и ослабела власть ассирийская по приговору божию, построил крепостную стену Арбак, т. е. Адурбад в царстве мидийцев, названном по его имени землей Адорбайган. Решив выступить против Нимврода с большим войском, он встретился с этой палицей ассирийцев, когда достиг Киликии. Они сразились в битве, и осилили его ассирийцы (стр. 510), а он был убит в Киликии. Затем ослабело царство ассирийцев и воцарились вавилоняне. А когда и это [царство] сломилось, стало мидийское, а когда и оно прекратилось, воцарился над Персией (ܦܪܣ) Дарьявуш, сын Патшасна. Маги прозвали его сыном Минасхани (ܒܪ ܡܢܣܟܢܝ). Один из шаханшахов Персии сразился в битве с Александром, сыном Филиппа и был им побежден. Взяв царство Дарьявуша, воцарился Александр в царстве греческом (ܝܘܢܝܐ). Так как не было у него сыновей, он разделил свое царство четырем своим рабам (ܥܒܕ), после его смерти они держали его царство. Имя одного из них было Селевк. Он построил пять городов (ܡܕܝ), Антиохию город в Сирии, Селевкию в Сирии, Селевкию в Писидии, Селик [Селевкию] город великий в Бет-Арамайе и город Каркa де бет Селох. Этот [последний] город после Сарданы [Асархадона] населил Дарьявуш и построил ему стену вне той стены, что построил царь Асура. Он построил в нем [городе] дома и храм огня рядом с той кумирней [домом идолов], что поставил среди него Сардана и поклонялся орлу и льву. Дарьявуш привел пять родов (ܐܘܡܐ) из области Истахра и поселил среди города [в городе]. Их имена записаны в архивах царства Персии (ܦܪܣ).

После Дарьявуша пришел Селевк, царь Греции (ܝܘܢ), о котором было писано выше (стр. 511); стену города, которая была построена, он превратил в холм и построил вне ее высокую стену. Построенной стене он сделал башни (ܡܓܕܠܐ), то есть башен (ܓܕܝ), шестьдесят пять. Одни ворота он сделал в ней на юго-восток, а на северо-запад другие. У этих юго-восточных ворот, во всю их величину он установил каменную статую, а справа и слева у этих ворот башни из камней и извести. Эти ворота были царские. Другие же были названы по имени того, кто был во главе их построения, Тотай.

Посреди [города] Селевк построил царский дворец. Он застроил и расширил [город] улицами и дворцами, не только в пределах стены, но и вне стены сделал его великолепным. Он разделил его на семьдесят две улицы и привел пять известных родов из Истахра (ܐܣܛܪ) и поселил в нем вместе с прочими людьми, которых он привел из различных мест. Этим пяти родам (ܐܘܡܐ), которые он привел, он дал земли и виноградники в той области и оставил Карку без [обложения] податью. Двенадцать улиц по имени двенадцати известных родов были поименованы, а прочие названы по названию ремесел. Селевк в память царя Сардоны, впервые построившего Карку, соорудил сторожевую башню рядом с царским дворцом и поставил ее внутри крепости. Эта [башня] до сих пор называется Сарабвай.

[1] Возможно, что в древности город носил название «Karka de Sargon» — ܩܪܟ ܕܣܪܓܘܢ (A. M ö s i n g e r, ук. соч., стр. 25).

[2] Буквально «и сделал его сыном свободных».

[3] Текст Гоффмана (G. H o f f m a n n, ук. соч., стр. 45) имеет добавление: «и переселил в него род (ܐܘܡܐ) из той земли Асур из знатных царства».

[4] Перевод следующей части «Хроники Карка де бет Селох», отсутствующей в издании Мезингера, дается по тексту, изданному Беджаном: Acta mm. ss. II, стр. 509, строка 6 снизу, стр. 511.

НИСИБИН — «ГОРОД, ЧТО СТОИТ НА ГРАНИЦЕ»

Роль города и его значение в данной общественно-экономической формации могут быть определены только на основании конкретных исторических данных. Отрывать или вырывать те или иные явления из общего исторического контекста нельзя, тогда явления теряют свои связи, свои неповторимые особенности, а выводы, сделанные путем такого абстрагирования, приобретают общий, недостаточно определенный и лишенный точности характер.

Состояние источников не позволяет проследить всю многовековую историю того или другого города северной Месопотамии или западного Ирана. Правда, источники иногда дают возможность как бы проникнуть за городские ворота, взглянуть на шумную жизнь того или иного города, увидеть его в смятении во время осады врагами или в борьбе с тяжелой эпидемией, со стихийными бедствиями. Но потом они неожиданно смолкают и тщетно исследователь ищет сведений о дальнейшей судьбе этого города.

В раннем средневековье города Месопотамии и западного Ирана известны по сообщениям ряда источников. Находясь на границе двух могущественных держав, Византии и Ирана, эти города не раз подвергались военным нападениям. Известно, что арабо- и персоязычные авторы сообщают о времени, предшествующем арабскому завоеванию, лишь из вторых рук, их представления об этом отдаленном времени потемнены явлениями современных для них событий. В городах Ближнего Востока было большое количество сирийцев. Такие города, как Эдесса, Амид, Нисибин, можно назвать сирийскими городами. В греческих городах приморской Сирии и Малой Азии было большое число сироязычного населения. В большинстве иранских городов, как в столице Селевкии и Ктесифоне, которые назывались одним именем «города» — Мадаин, в Гунде-Шапуре, Арбеле, в более мелких городах, как Карка

де бет Селох и Карка де Ледан, были большие сирийские колонии. Названия данных городов не сходят со страниц сирийских хроник, исторических сочинений и других письменных источников на сирийском языке. Изучение этих источников в связи с данными греческих и латинских авторов позволили восстановить историю некоторых из них, как, например, Эдессы, Арбелы.[1] Другие города еще ждут своих исследователей.

Выдающееся значение на Ближнем Востоке в раннем средневековье приобрел большой пограничный город Нисибин. Он упоминается еще в клинописных источниках, называется в числе городов, обновленных в период греко-македонского господства. В парфянское время Рим строил свой limes по Евфрату, делая попытки перенести границу к Тигру, и Нисибин оказался в центре целого ряда походов римских полководцев. Он становился опорным пунктом то для Парфии, то для Рима.

Когда сасанидский Иран завязал экономические и культурные связи с Византией, пограничный город Нисибин был объявлен одним из пунктов, в который беспрепятственно допускались византийские купцы для торговли с Ираном. В Нисибине обычно происходили дипломатические переговоры, подписывались мирные договоры между обеими державами. Такое положение Нисибина и дает возможность изучить его как один из центров на Ближнем Востоке. Нисибин принадлежит к числу городов, история которого во многих отношениях может представить интерес, так как она связана с многочисленными событиями на Ближнем Востоке. Город неоднократно попадал под власть то одного, то другого государства. Самое имя Нисибин, или Несибис, имеет целый ряд вариантов и встречается еще в ассирийских надписях, как al Na-si-pi-na, al Na-sib-i-na, al Na-sib-na.[2] В сирийском это имя имеет ряд вариантов, из которых Нисибис и Нисибин наиболее часто встречаются, хотя имеется и вариант Н'сибин с беглым «е», который в восточных языках не произносится четко и не отражен графически.

Этимология имени недостаточно ясна. Наибольшая вероятность остается за арамейским или, по выражению некоторых источников, «финикийским» его происхождением, от корня nsb, с формой n'sib, что значит «столб», «колонна». В варианте слово nasibatun обозначает камни, которыми обложен коло-

[1] R. Duval. Histoire d'Edesse. Journ. asiat., 1891—1892, ser. VIII, 18, 19. — Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. н.э. (Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник). М.—Л., 1940.

[2] Pauly-Wissowa. Realencyclopädie, Hbd. 33, стлб. 718.

дец.[1] Имеются попытки объяснить название и из других языков, но они также гадательны.[2]

Первое упоминание Нисибии имеется в истории похода ассирийского царя Ададнирари II (911—890) в Месопотамию против арамейских племен. В 899—897 гг. ассирийцы обошли Тур Абдин с севера и не сразу осадили Нисибин, а как бы изолировали его от других областей. Это указывает на то, что Нур-Адад — правитель, или царь, Нисибина — был силен. Мощь его заключалась не в размере владений, повидимому невеликом, а в обороноспособности столицы, которая была крепостью. В 896 г. Ададнирари осадил Нисибин, выкопав вокруг него ров и создав семь опорных пунктов. Город взяли, Нур-Адада и его людей вместе с богатой добычей, доставшейся ассирийцам, увезли. Город и область Нисибина отошли к Ассирии, сила Месопотамии была в значительной степени сломлена этой победой. В конце царствования Салманассара III (859—824) произошло восстание, в котором правитель Нисибина, ставленник царя, остался ему верным. Город и область составляли одну из многочисленных провинций Ассирии. В последний период могущества Асура и его борьбы с Вавилоном Нисибин не упоминается. Но когда возникло новое вавилонское царство, оно включило Нисибин в свои границы.[3] В последующие века город также не упоминается, это объясняется и самим характером источников, так как для официальных сведений эта область не представляла интереса, а частных документов оттуда не сохранилось.

В 331 г. до н. э. Нисибин оказался под властью Александра Македонского. Сначала его включили в состав сирийской сатрапии, а когда была выделена сатрапия — Месопотамия, то Нисибин вошел в ее состав. Плиний относит некую Антиохию, под которой следует понимать Нисибин, к префектуре Месопотамии.[4] Плиний Старший пишет: «item in Arabum gente, qui Orei vocantur et Mardani, Antiochiam, quae a praefecto Mesopotamiae Nicanore condita Arabis vocatur».[5] Названный Плинием Никанор, которому была подчинена Антиохия — Нисибин, был также основателем Дуры-Европоса.

Другое сведение связывает Нисибин с Селевком I Никатором как его основателем. Об этом можно судить по греческой

[1] П ик. Самуила, 18_{17}.

[2] P a y n e - S m i t h. Thesaurus syriacus, II, стлб. 2440.—E. R. B e v a n. The house of Seleucus, I, стр. 222.

[3] P a u l y - W i s s o w a. Realencyclopädie, Hbd. 33, стлб. 725—727. — O. S c h r o e d e r. Keilschrift texte aus Assur historischen Inhalts, II. Leipzig, 1922, стр. 84.

[4] V. T s c h e r i k o w e r, ук. соч., стр. 90.

[5] P l i n i u s. Historia naturalis, VI, 26, 117.

надписи, где имеется выражение: ἣν ἔδαμε Νικάτωρ.[1] Оба эти сведения по существу не противоречат друг другу, так как внедрение греко-македонского элемента происходило постепенно. Весьма вероятно, что при Никаноре в Нисибине была введена катойкия — македонский гарнизон. При завоевании Александр не мог еще оставлять отряды, не имея возможности дробить и уменьшать свое войско. При Селевке I речь, повидимому, идет о заселении города греческим населением. Тогда же Нисибин получил свое второе имя Ἀντιόχεια, известное и Полибию.[2] Последний сообщает, что Антиох, перейдя Евфрат, дал возможность войску отдохнуть, а затем, чтобы переждать зиму, отправился «в Антиохию в Мигдонии» — εἰς Ἀντιόχειαν τὴν ἐν Μυγδονίᾳ. Отсюда можно думать, что долина Нисибина носила название Мигдонии, а город получил новое греческое название Антиохии. Имя это связывается с именем Антиоха IV, он считается как бы основателем этого обновленного города. На нисибийских монетах находятся его изображения. Нисибин — Антиохия Мигдонийская принадлежала к тем ближневосточным городам, возникновение которых относится к глубочайшей древности. Проникновение греческого элемента и заселение им таких городов происходило лишь постепенно. Появление греческих имен, новых эллинистических институтов и правовых норм можно наблюдать лишь от случая к случаю. В дальнейшей истории города очевиден значительный перевес восточного элемента над греко-македонским. Город этот в незначительной степени был эллинизован, сирийский язык оставался в нем господствующим, и сирийцы составляли основную и наибольшую группу населения. С падением селевкидского владычества старое имя города Нисибин получило вновь широкое распространение, оно не было забыто. Добавление к названию Антиохия слова «Мигдонийская» (или «Антиохия в Мигдониях») отличало его от одноименных городов. Последнее название известно в качестве надписи на монете.[3] Второе название Нисибина встречается у многих писателей средневековья; наиболее обстоятельное объяснение имеется у Стефана Византийского: Ἀντιόχεια τρίτη Μεσοποταμίας Μυγδονίς καλουμένη, ἡ τις πρὸς τῶν ἐπιχωρίων Νάσιβις καλεῖται[4] — «Антиохия третья в Месопотамии называется Мигдонией, как зовется одна из окрестностей Насибин». Название это сохра-

[1] Надпись 6856. Corpus Inscriptionum Graecarum, IV. Berolini, 1877, стр. 20.

[2] P o l y b i u s, 5. 51, 1: Polybii et Appiani quae supersunt, t. I, Parisiis, 1839, стр. 296.

[3] Catal. of Greec coins of Seleuc. Kings, 42.

[4] Stephanus B y z a n t i n u s. Ethnicorum quae supersunt, ed. A. Meineke. Berolini, 1849, стр. 99.

пилось и в сирийских памятниках, но его происхождение и смысл были утеряны.

Стефан Византийский дополняет сведения сообщением, что эта Антиохия «также называется Несибис и Нисибис»: ἥ τις [καὶ] Νίσιβις λέγεται καὶ Νίσιβις.[1] Таким образом, в написании названия Нисибис первый гласный колебался, его читали на «а», «е» и «и». Под названием «Нисибис» автор еще раз возвращается к этому имени и сообщает: Νισιβις πόλις ἐν τῇ περσίᾳ τῇ πρὸς τῷ Τίγρητι ποταμῷ — «Нисибис, город по ту сторону, у реки Тигра». Филон пишет это название через «а» — Насибис, а Ураний через «е» — Несибис. «Как говорит Филон, насибис обозначает стеллы τὰς στήλας». Ураний же говорит, что «несибис» означает на финикийском языке «собранные или наваленные камни» (λίθοι συγκείμενοι συναγωγοί).[2] С ссылкой на Страбона говорится о «нисибийском народе» — τὸ ἔθνος Νισιβηνός.[3]

Один из комментаторов труда Стефана Византийского, ссылаясь на сирийское название Нисибии (נציבין), возводит его значение к словам «камень», «колонна» или «стелла». Следует принять и его поправку текста и читать ἐν τῇ περσίᾳ как имя нарицательное, подразумевающее вслед за ним γῇ, т. е. «Нисибис, город в земле по ту сторону, у реки Тигра».[4]

Возможно, что название Мигдония связано с богатыми плодовыми садами и парками, окружавшими Нисибин. Сирийское слово «магда» означает «фрукт» (во множественном числе «магдоне»), могло послужить основой для названия Мигдония. Сопоставление обоих объяснений дает удачное решение этого вопроса. Мигдония было вероятно названием одного из пригородов Нисибина, весьма возможно получившего свое имя именно от фруктов, зревших в этих местах в изобилии.

В парфянский период Нисибин упоминается некоторыми армянскими источниками. Так, в «Истории» Моисея Хоренского сообщается, что парфянский царь Аршак посадил на армянский престол своего брата Валаршака (Вахршак), присоединив к Нисибину множество других областей, а Нисибин сделал якобы его столицей, и что Валаршак умер в Нисибине (Medzpin).[5] Несколько иной рассказ сохранился у псевдо-Агафангела, который сообщает, что Аршак Старший воцарил в Армении, в городе Нисибине, Аршака Младшего, своего

[1] Stephanus Byzantinus. Ethnicorum quae supersunt, стр. 99.
[2] Там же, стр. 476—477.
[3] Там же, стр. 477.
[4] Stephanus Byzantinus cum annotationibus L. Holstenii, A Berkelii et Th. De Pinedo, vol. III, 2. Annotationes Berkelii, стр. 1115.
[5] Моисей Хоренский. История Армении. Перевод Н. О. Эмина. М., 1893, стр. 14—15. — V. Langlois. Collection..., t. II, стр. 61, 85.

сына, и подчинил ему Арвастан.[1] Аршак Младший и Валаршак очевидно одно и то же лицо. Однако эти сведения армянских источников не подтверждаются никакими другими источниками. Можно предполагать, что эти данные восходят к сохранившейся лишь фрагментарно истории Мар Абаса Катины. Быть может, есть зерно исторической истины в том, что сообщает Моисей Хоренский о написании истории Армении сирийцем Мар Абас Катиной, знавшим греческую и «халдейскую» грамоту.[2] Но едва ли эти данные относятся ко времени, указанному источниками. Валаршак не мог воцариться в Нисибии в 149 г. до н. э. Это тенденциозное ошибочное утверждение армянских источников не подтверждается другими историками.

Академик Я. А. Манандян указал в свое время на ошибку, допущенную в тексте Моисея Хоренского. Название города, основанного царем Санатруком в последней четверти I или в начале II в. н. э., было не Мцибин — Нисибин, а Мцурн. Этот последний находился около реки Арацания (Евфрат), у ее левого притока Карасу.[3] В Мцурне и воцарился Аршак Младший, известный также под именем Валаршака.

Тот факт, что могла иметь место такая ошибка и что город Мцурн был забыт к тому времени, когда писались и редактировались названные армянские источники, говорит о том, что речь идет об источниках достаточно позднего времени. История, известная только во фрагментах и приписываемая Мар Абасу Катине, появилась на армянском языке лишь в первой половине IX в., а в основу ее была положена летопись Иакова Эдесского, умершего в 708 г.[4]

В 124 г. до н. э. парфянский царь Артабан II пал в битве. Нападения кочевых сакских орд было тяжелейшим явлением в истории Парфии. Митридат II, наследовавший Артабану, быстро достиг блестящих военных успехов. К 92 г. до н. э., году его посольства к Сулле, границы его государства были раздвинуты широко.

В Месопотамии под своей властью он числил Адиабену, Гордуену и Осроену. Гордуена, известная как область кардухов, получила самостоятельность во время селевкидских смут. Осроена еще в 132 г. до н. э. была образована персом Осроем, вероятно селевкидским ставленником и наместником. В 127 г. араб Абду ибн Маз'ур стал во главе этого малого государства и явился родоначальником целой династии.

[1] V. Langlois. Collection..., t. I, 1867, стр. 199.
[2] Моисей Хоренский. История Армении, стр. 14.
[3] Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении. Ереван, 1954, стр. 112—114.
[4] J. Marquart. Die Genealogie der Bagratiden. Caucasica, Fasc. 6, 2 Teil, Leipzig, 1930, стр. 14, 18.

Митридат II после побед в Месопотамии стал претендовать на Армению. Он сразился с Артаваздом, наследником Артаксия, который правил собственно Арменией и Софеной, и захватил в качестве заложника Тиграна, сына Артавазда. Тиграна он посадил на армянский престол, а «70 долин» взял себе в качестве вознаграждения. После смерти Митридата Тигран, в свою очередь, объединил Армению, пользуясь смутой в Парфии. Он захватил Софену, «70 долин», Гордуену, Нисибин, Адиабену и продвинул свои границы до Сингары. Таким образом, Парфия оказалась в крайне стесненном положении, так как Армения оставила ей свободным лишь один торговый путь по Евфрату, через Осроену и Зейгму.

Когда в 92 г. до н. э. Парфия непосредственно связалась с Римом, их объединил общий интерес, страх перед растущей мощью Понта. В 73 г. Санатрук Парфянский отказался помогать Митридату Понтийскому, а после битвы при Тигранокерте Фраат III заключил дружеское соглашение с Лукуллом, считая Евфрат границей Парфии.

В результате завоеваний, осуществленных в северной Месопотамии армянским царем Тиграном II (95—55 гг.), Нисибин оказался в его руках. Этот факт несомненно повлиял на приведенные выше легендарные сообщения армянских источников. Захват Нисибина Тиграном засвидетельствован таким авторитетным источником, как Дион Кассий, который сообщает: ὁ Τιγράνης τῶν Πάρθων αὐτὴν ἀφῄρηκε, т. е. «Тигран ее [Нисибию] у парфян отнял».[1] Войны Тиграна с парфянами, в ходе которых он захватил «всю Месопотамию вместе с входившими в ее состав Мигдонией и Осроеной», происходили между 89—85 гг., до его сирийского похода в 84—83 гг.[2]

В составе сильного тогда Армянского царства Нисибин вновь достиг расцвета, он стал «городом . . . большим и многолюдным».[3] Он приобрел большое значение не только как экономический и административный центр, но и как крепость. Мощные стены, о характере которых можно судить на основании сообщений об осаде города римскими войсками, едва ли были воздвигнуты Тиграном. Обороноспособность города была очень велика, взять его было нелегко, поэтому он справедливо считался опорой Армении.

Между тем политическое положение на Востоке было не простым. Перед опасностью надвигавшихся римских легионов Митридат Понтийский и Тигран Армянский объединили свои силы, причем командование армией было поручено Митридату. Кроме того, они «приготовились» и послали «по соседству» (πρὸς τοὺς περιοίκους),[4] т. е. в соседние государства, небольшие отряды. Обратились они и в Парфию, ища ее поддержки. Чтобы добиться этого, Парфии были предложены территориальные уступки, спорные «70 долин», Адиабена, северная Месопотамия.[5] Между тем наступление римских войск под началом Лукулла вынудило Тиграна к отступлению. Но Тигранокерта, город которым так гордилась в то время Армения, был в осаде. «Варвары» оборонялись не только стрелами, но и нефтью (νάφθᾳ), особо возгорающимся и не затухаемым снадобьем (τὸ φάρμακον), зажигавшим все.[6] Таким образом, войскам Лукулла пришлось столкнуться с особыми техническими приемами обороны, которые умели применять на Ближнем Востоке, используя нефть как основную составную часть этого «снадобья». Известно, что в Тигранокерту было насильно переселено большое число лиц, главным образом киликийцы. Эти-то «чужие» (οἱ ξένοι) восстали против армян и предали город римлянам, вошедшим в него ночью (ἔστιγγον ἔσω νυατὸς τοὺς Ῥωμαίους).[7] Лукулл продолжал движение на восток и после падения Тигранокерты в 69 г. до н. э.[8] Тигран и Митридат были вынуждены к отступлению. Боясь, чтобы его не узнали, Тигран в поспешности своего бегства даже бросил по дороге свою «тиару».[9] Новое наступление римских войск было начато летом 68 г. до н. э., и особенно большой ущерб наносила друг другу конница. Наиболее страшным оружием на Ближнем Востоке были стрелы с двойными загибами наконечников. Такие стрелы вывели из строя множество римских воинов.[10] Большое число раненых и малые запасы пищи побудили Лукулла двинуться к Нисибину.

Впервые сообщая о нем, Дион Кассий указывает: «. . . город же этот находится в так называемой Месопотамии, ибо так именуется все [пространство] между Тигром и Евфратом». А затем он добавляет: «Теперь она наша и называется нашей колонией». (καὶ νῦν μὲν ἡμετέρα ἐστὶ καὶ ἄποικος ἡμῶν νομίζεται).[11]

Крепостные стены Нисибина очень основательные, двойные, были построены из кирпича, так как текст говорит:

[1] Dio Cassius, 36, 6, ed. Boissevain, I, стр. 362. (В дальнейшем цитируется это издание, исключения оговорены).
[2] Я. А. Манандян. Тигран второй и Рим, стр. 49.
[3] Plutarchus. Lucullus, 32, 3. Vitae parallelae, t. I, f. 1. Lipsiae, 1914, стр. 445. (В дальнейшем: Plutarchus. Lucullus).

[1] Dio Cassius, 36, 1 — t. I, стр. 360.
[2] Dio Cassius 36, 1 — t. I, стр. 360. — N. C. Debevoise. A political history of Parthia, стр. 70.
[3] Dio Cassius, 36, 1a — t. I, стр. 259.
[4] Dio Cassius, 36, 2 — t. I, стр. 360.
[5] Cambridge ancient history, v. IX, стр. 366—368.
[6] Dio Cassius, 36, 5 — t. I, стр. 362.
[7] Dio Cassius, 36, 6 — t. I, стр. 362.
[8] Dio Cassius, 36, 6 — t. I, стр. 362.

τὰ γὰρ τείχη καὶ διπλᾶ καὶ πλίνθινα ὄντα τήν τε παχύτητα πολλὴν ἔχοντα.[1] Они имели к тому же большую ширину (παχύτητα). Стены были разделены между собой глубоким рвом, через который в мирное время были переброшены мосты. В момент обороны эти мосты разрушали (τὰς γὰρ γεφύρας οἱ βάρβαροι προαπέρρηξαν).[2] Двойные стены с периболом, рвом и внутренними ходами являются характерными и для последующего времени как система ограждения города.[3] Стены Нисибина, быть может, и не строил Тигран, но они могли быть им обновлены. Во всяком случае его уверенность в их прочности была очень велика, так как Тигран не оказал городу помощи, т. е. не послал дополнительно отрядов войска.[4] Мощные стены города нельзя было ни разрушить стенобитной машиной, ни разбить. Надежда на обороноспособность Нисибина побудила Тиграна, захватив его у парфян, «положить в нем сокровища и все прочее, поставив их хранителем своего брата».[5]

Плутарх сообщает другие подробности. Так как войска Лукулла бедствовали, то он спустился с ними с хребта Тавра «в плодоносную и теплую землю, так называемую Мигдонию, в которой находился большой и многолюдный город. Варвары называют его Нисибином, а эллины — Антиохией Мигдонийской».[6] Брат царя Тиграна, Гур (Гурас — Γούρας), стоял во главе города, но по опыту, ловкости, знаниям в области механики его превосходил Каллимах. Военное дело было поручено последнему, так как у города Амиза (περὶ Ἀμισόν) он доставил много хлопот Лукуллу. Обращает на себя внимание разделение гражданской и военной власти в городе, что было, повидимому, принятой системой управления у Тиграна. Такое разделение было принято у Селевкидов и вводилось еще Александром непосредственно вслед за захватом того или другого центра. Римский военачальник стал лагерем под Нисибией, осаждал ее «недолгое время» (ὀλίγῳ χρόνῳ), а затем штурмом взял город (κράτος λαμβάνει τὴν πόλιν). Таким образом, сведения Плутарха не совпадают с данными Диона Кассия, который считал осаду Нисибина длительной и неудачной. Нисибин был настолько силен, что первоначально все попытки Лукулла взять его оказались тщетными. Однако с наступлением зимних месяцев охрана стен города была значительно ослаблена. Для штурма Нисибина римский полководец избрал дождливую, темную и бурную ночь. Не только не было луны, но шел сильный дождь, и гремел гром. Шум этот мешал оборонявшим город что-либо слышать, а тьма видеть, поэтому они покинули стену перибола, и лишь немногие из них остались охранять ее и глубокий ров.[1] Одновременно в нескольких местах на внешнюю городскую стену поднялись воины Лукулла, они легко расправились с немногочисленными сторожевыми постами. В такой темноте ни стрелы, ни огонь не могли наносить вреда, поэтому оказалось возможным перебраться через ров и овладеть внутренней стеной перибола, которая была гораздо слабее внешней. Затем Лукулл понудил сдаться бежавших в крепость (εἰς τοὺς δι᾽ ὀχυρᾶν ἀναχωροῦντας), в том числе он захватил и брата Тиграна.[2] Город был взят, и все сокровища, хранившиеся в Нисибине, достались римлянам. С Гуром Лукулл обошелся человеколюбиво (φιλανθρώπως ἐχρήσατο), поэтому что тот отдал себя в руки римского полководца.[3] Но Каллимах был сожжен, хотя и обещал Лукуллу открыть кладовые с сокровищами. Это была месть Каллимаху за сожжение города Амизоса (ὁ Ἀμίσης).[4]

Зиму 68/67 г. до н. э. Лукулл со своим войском провел в Нисибине. Тигран теснил римские войска в Армении, но не стал делать попыток к тому, чтобы вернуть Нисибин, он, очевидно, ждал удобного случая.[5] В дальнейшем ходе кампании Нисибин упоминается еще несколько раз. Митридат, зять царя Тиграна, неожиданно напал на римские войска, в то же время распространяя слух о приближении Тиграна. Все это вызвало восстание римских легионов (τὸ στράτευμα ἐστασίασεν), утомленных военными действиями.[6] В Нисибине восстали находившиеся там Валериановы солдаты, так как их вновь заставили воевать, отпустив было на покой. По мнению Диона Кассия, «они успели избаловаться от покоя, отдыха и достатка». Известную роль играл и Публий Клавдий, сестра которого была замужем за Лукуллом. Клавдий якобы стремился «к переменам» и поэтому возбуждал войска. Насколько серьезно было восстание легионов, указывает тот факт, что с их неудовольствием посчитались, им был предоставлен отпуск и участия в военных действиях Валериановы солдаты совсем не принимали.[7] Этому отвечает и объяснение, данное тому, почему именно Клавдий «отстал» от Лукулла. Он сделал это, «опасаясь

[1] Dio Cassius, 36, 6 — t. I, стр. 362; ed. Gros, II, стр. 236.
[2] Dio Cassius, 36, 7 — t. I, стр. 363; ed. Gros, II, стр. 238.
[3] И. Пигулевская. Оборона городов Месопотамии в VI в. Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 12. Л., 1941, стр. 46—80.
[4] Dio Cassius, 36, 6 — t. I, стр. 362; ed. Gros, II, стр. 236.
[5] Dio Cassius, 36, 6 — t. I, стр. 362.
[6] Plutarchus. Lucullus, 32 — t. I, f. 1.

[1] Dio Cassius, 36, 7 — t. I, стр. 362—363.
[2] Dio Cassius, 36, 7 — t. I, стр. 362—363.
[3] Plutarchus. Lucullus, 32 — t. I, стр. 445
[4] Plutarchus. Lucullus, 19 — t. I, стр. 420 и сл.
[5] Dio Cassius, 36, 8 — t. I, стр. 364.
[6] Dio Cassius, 36, 14 — t. I, стр. 366.
[7] Dio Cassius, 36, 15 — t. I, стр. 366.

того, что произошло в Нисибине».[1] Не столько Клавдий возбуждал войска, сколько «боясь» (δέος), что он отступил от Лукулла, допустил восстание и примкнул к нему. Дальнейшая судьба Клавдия была связана с событиями в Антиохии Сирийской, вокруг которой восстали арабские племена.

О брожении в армии Лукулла сообщает и Плутарх. Отмечая его победы, он подчеркивает значение взятия Тигранокерты и Нисибина. Эти города особенно поразили воображение римлян своим богатством. В частности, вызвала восторг и изумление посланная в Рим Лукуллом драгоценная диадема Тиграна.[2]

Солдаты Лукулла, в связи с длительными походами и тяжелыми условиями зимнего пребывания в лагере уже третий год, пришли в состояние брожения. Они сравнивали свою злосчастную судьбу с благополучием, выпавшим на долю солдат Помпея, которые «ни Митридата, ни Тиграна в необитаемые пустыни не вытеснили, ни столиц Азии не низвергли».[3]

Таким образом, именно волнения в армии заставили Лукулла зиму 68/67 г. до н. э. провести в Месопотамии. Только весной 67 г. двинулся он оттуда, так как Триарий, другой римский полководец, призывал его с тем, чтобы соединить их войска. Понтийское царство вновь требовало внимания. Хотя упрочить свои завоевания в Месопотамии и южной Армении Лукулл в сущности не смог,[4] тем не менее нельзя не согласиться с оценкой, данной ему Плутархом, что он «первый перевалил с римским войском через Тавр, перешел Тигр, столицы Азии Тигранокерту, Кабиру, Синопу и Нисибин на глазах их царей взял и сжег, север до (реки) Фазиса, а восток до Мидии покорил, а на юге, через арабских царей, освоил и Эритрейское море».[5]

В сущности Лукулл оторвал от Армении мелкие царства Софену и Гордуену, ранее присоединенные царем Тиграном к Армении. Двойственное положение таких мелких государств отягчалось тем, что дипломатия Рима, а вслед затем военные действия постоянно угрожали их спокойствию. Для населения Гордуены это было дополнительной тревогой ко всему тому, что приходилось испытывать в связи с борьбой между Арменией и Парфией за Гордуену.[6] Однако никак нельзя согласиться с ошибочным мнением Маркварта, который считал Парфию феодальным государством и и ее областях видел мелкие феодальные государства, стремившиеся сохранить автономию.[1]

Нельзя не отметить значительного ослабления как Армении, так и Понта. Союзники не вели больше совместных действий, и Митридат удалился в свое Боспорское царство. Тигран II покинул своего союзника, и он оказался в трудном положении. Митридат VI Евпатор, царь Понта с 121 по 63 г., вел длительные войны с Римом. Первая из них длилась с 89 по 84 г., вторая закончилась в 80 г., третья тянулась с 74 по 63 г., год его смерти.[2] Мощное скифское восстание, возглавленное Савмаком, было подавлено около 107 г. до н. э., но волна революционного движения, охватившего во II в. до н. э. весь античный рабовладельческий мир, не улеглась. Местные племена на Боспоре вновь пришли в волнение в 80 г. до н. э. Политическая изворотливость Митридата позволила ему продержаться и после третьей войны с Римом. Но почти полное прекращение морской торговли, тяжелые поборы с населения, даже беднейшего, привели к недовольству крупных торговых боспорских городов и к новым восстаниям, как, например, Фанагории. Затем последовало отпадение и других городов. Заговор Фарнака, сына Митридата, привел к тому, что закоренелый враг Рима, Митридат, покончил с собой в понтикапейском дворце в 63 г. до н. э.[3]

Через некоторое время после того, как войска Лукулла покинули Нисибин, весной 67 г. до н. э., Тигран смог захватить этот город обратно. Нисибин оставался под властью Армении, несмотря на то что Парфия делала попытки овладеть этим городом. Чтобы ослабить мощь Армении, правительство Фраата III (69—58/57 гг.) вошло в сношения с Римом. Но к этому времени Лукулла заменил Помпей, который стал во главе легионов Рима на Востоке в 66 г. до н. э.

Успехи Помпея в значительной мере изменили ситуацию на Востоке. Когда Фраат III сделал попытку в 65 г. до н. э. захватить часть Гордуены, в верхнем течении Тигра, то его опередили отряды Помпея, и Фраат остался ни с чем. В 64 г. до н. э. новые попытки Парфии завершились тем, что римляне вернули Гордуену Тиграну, под власть Армении. Помпею же пришлось сосредоточить свое внимание на областях приморской Сирии, где он оставался сначала в Антиохии, а затем в Дамаске (63 г. до н. э.).

---

[1] Dio Cassius, 36, 17 — t. I, стр. 367.
[2] Plutarchus. Lucullus, 36 — t. I, стр. 451.
[3] Plutarchus. Lucullus, 34 — t. I, стр. 447.
[4] Я. А. Манандян. Тигран второй и Рим, стр. 163.
[5] Plutarchus. Lucullus, 46 — t. I, стр. 463.
[6] J. Marquart. Südarmenien und die Tigrisquellen. Wien, 1930, стр. 55.

[1] Там же, стр. 56.
[2] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 305—306. — Н. И. Новосадский. Последние годы борьбы Митридата с Римом. ТСАРАНИОН, IV, 1928, стр. 345—356.
[3] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 307.

До триумфа, устроенного Помпею в Риме в 61 г. до н. э., он известным образом распределил области на Востоке. Тиграну была предоставлена Гордуена с Нисибином, а Парфия — Адиабена. Что касается Осроены, то она была отдана арабской династии Абгаров. Абгар II получил ее при Помпее, и ему было поручено заботиться о том, чтобы дорога римскому войску в Месопотамию была открыта.[1] Вирочем, и до этого Осроеной правила арабская династия, вероятно с перерывами, но связи со старой традицией наследования могут быть намечены.

Между тем поход Красса на Восток, выступившего из Рима в 55 г. до н. э., вновь обострил положение. Артавазд Армянский считался союзником римлян. В Парфии Ород был вынужден обороняться против обоих противников. В Месопотамии войска под начальством Сурена взяли под контроль пути на Вавилонию, они расположились в Белике между Харраном и Ихной. Путь Харран—Нисибин не мог быть, следовательно, использован.

Красс переправился через Евфрат у Зейгмы, ему сопутствовал Абгар, царь Осроены, который повел его по обычной дороге, известной как «арабская».[2] Артавазд не мог прислать ему войск и жаловался, что на него напал Ород. Красс быстро двинулся на выручку Армении, тяжелые условия похода вызвали ропот войска; это дало повод Абгару сказать: «Разве они думали, что это будет прогулка по Кампании?». В мае 53 г. до н. э. римские войска достигли Белика между Каррами и Ихной. В разгоревшемся бою парфяне взяли верх, разгромленные римские войска, оставив раненых на поле битвы, спаслись в Каррах (Харране). Новые попытки Красса продвинуться завершились полным разгромом его армии. Около 10 000 римских солдат попали в плен и были направлены в Мерв для охраны парфянской границы. В связи с этой победой парфян Плутарх рассказал о развлечениях армянских царей, в том числе о представлении «Вакханок» Еврипида и комическом «триумфе», устроенном при дворе.[3]

Парфяне вновь захватили Месопотамию до Евфрата, включая Гордуену с Нисибином. В 40 г. до н. э. персидские войска под командой Пакора, сына Орода, вступили в Сирию и пересекли ее в направлении на юг. Пакор нашел дружественную поддержку царьков Халкиса и Набатеи, но Тир не покорился парфянам.

В Иудее Асмонеи нашли общий язык с Пакором и считали его освободителем Иудеи. Поход Антония в 39 г. до н. э. вернул Риму захваченные сирийские провинции, но Иудея осталась на этот раз независимой. Попытки Пакора вернуть Парфии прежнее положение не удались. В 38 г. до н. э. парфянская конница была разбита римлянами, Пакор был убит. Карры (Харран) были вновь во владычестве Рима, а часть парфянских войск спаслась отступлением.

Ород был убит его другим сыном и наследником, Фраатом IV, вступившим на престол в 38/37 г. до н. э. В мае 36 г. до н. э. Антоний двинулся с войсками из Зейгмы на север, через Мидию на Карану (Эрзерум). Армянский царь Артавазд выставил 16 000 всадников, но активного сопротивления в битвах они не оказали. Антоний ставил себе целью захват мидийской столицы Фрааспы, а затем Экбатаны. Неудачи похода завершились длительным отступлением в направлении Армении, в снежных горах которой погибло не менее 8000 римских солдат. До самой границы их преследовали парфянские войска. В 34 г. до н. э. Антоний удачно вмешался во внутренние дела Армении, сохранив в ней протекторат Рима. Но Фраат в 30 г. до н. э. с помощью скифских войск восстановил свое положение в Парфии, поколебленное восстанием Тиридата и Артавазда, царя Мидии. Фраат захватил также Мидию и передал Армению Артаксу.

При Октавиане Августе города Сирии получили известную самостоятельность, как Аскалон и Беритис (Бейрут). Артаксу оставили Армению, а бывшему царю Мидии, Артавазду, была предоставлена Малая Армения.

Октавиан Август оставался в Сирии в 30/29 г. до н. э. и стремился вести мирную политику. Римские войска были расположены только до Евфрата, до которого доходили и парфяне. Политика Рима свелась к тому, чтобы между собой и Парфией иметь буферные государства, к числу таких должна была принадлежать и Армения, т. е. ее часть, оказавшаяся под протекторатом Рима. Но эта политика давалась с трудом, так как в Армении было значительным влияние Парфии. В 20 г. до н. э. угроза римских войск Фраату была настолько велика, что он пошел на все уступки. За дипломатическую победу Октавиан Август в девятый раз был провозглашен императором. После этого Тиверию не представляло затруднений устроить дела в Армении. На место убитого родственника Артакса им был воцарен Тигран. Это дало повод Августу считать себя победителем Армении.[1]

Парфии удалось, однако, вытеснить римские войска, как об этом недвусмысленно говорят источники.[2] Но тот же Фраат

[1] Cambridge ancient history, v. IX, стр. 393—394.
[2] Plutarchus. Crassus, 22.
[3] К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении. М.—Л., 1953, стр. 12, 57.

[1] Dio Cassius, LIV, 9, 1; ed. E. Gros, VII, Paris, 1865, стр. 458.
[2] Tacitus, Annales, II, 1.

нашел возможным воспитывать своих детей в Риме, к чему он в сущности не был вынужден. Тацит это признает, хотя старшего из сыновей Фраата IV, Вонона, он считает заложником.[1] После смерти Фраата (2 г. до н. э.) борьба за престол приняла особенно острый характер, недолго удержался Фраортас, его сменил Ород, а в 7/8 г. до н. э. на престол был возведен Вонон, сын Фраата IV. Воспитанный в Риме, ставленник Августа, он во многих отношениях шел вразрез с парфянскими традициями. Ему ставили в укор нелюбовь к охоте и лошадям, его греческую свиту и даже его доступность и вежливость.[2] Но, конечно, следует добавить ко всем этим соображениям римского историка, что более всего парфян раздражала связь Вонона с Римом.

[1] Tacitus. Annales, II, 1.
[2] Tacitus. Annales, II, 3.

ПАРФИЯ И РИМ В I И II ВЕКАХ
В БОРЬБЕ ЗА МЕЖДУРЕЧЬЕ

Как в Парфии, так и в Армении в I и II вв. Рим продолжал политику навязывания своих кандидатов на престол, которые были обязаны предпочитать всему интересы Рима. Но часто, слишком часто, по мнению гегемона, начинались восстания и протесты, народы выходили из повиновения и свергали ставленников. Постоянная борьба в значительной степени ослабляла мощь и силу Парфии и Армении. Борьбу за престол начал аршакид Артабан. Он воспитывался у дахов, в области, расположенной на юго-восточном побережье Каспийского моря, севернее Гиркании, и нашел поддержку у части знати. Первые схватки были для Артабана неудачны, но затем Вонон был вынужден бежать и скрыться в Армении.

В 12 г. н. э. Артабан был провозглашен царем в Ктесифоне, в 14 г. умер Август, а в 15 или 16 г. Вонон, занявший армянский престол, вынужден был от него отказаться под давлением того же Артабана и спастись в Сирию.[1] Артабан хотел посадить на освободившийся престол своего сына Орода, но это явилось бы его, нежелательным для Рима, усилением.

Император Тиверий в 18 г. счел поэтому необходимым послать своего приемного сына Германика с широкими полномочиями на Восток. Прибыв в Артаксат (Арташат), Германик поставил в Армении царем Зенона, сына царя Понта Полемона.[2] Зенон с детства прожил в Армении, знал ее обычаи и принял имя Артакса.

Между тем со смертью Германика внимание Тиверия к Востоку значительно ослабело, чем не замедлил воспользоваться Артабан. В северной Вавилонии он подчинил длительно раз-

[1] Tacitus. Annales, II, 4; II, 68. — Josephus Flavius. Antiquitates, XVIII, 2, 4 — t. I, стр. 697.
[2] Tacitus. Annales, II, 56.

бойничавших там братьев Анимия и Азинея. Последние в сущности организовали целое государство, прогнав оттуда парфянского сатрапа. Тот же Артабан поставил в Армении своего сына Аршака. Его сила и способности побудили Рим повторно посылать в восточные римские провинции отпрысков парфянского царского рода в надежде на успех и возможность занять престол, но безуспешно.[1] Существенное значение имеют данные о внутренней политике Артабана III. Его послание к городу Сузам, датированное 21 г., сохранилось в виде надписи, высеченной на мраморе. Этот документ проливает свет на организацию городской жизни своего времени, и его разбору уделено место ниже.

Но в 35 г. римская дипломатия одержала значительную победу, примирив между собой Митридата, царя Иверии, с его братом Фарасманом, который был выдвинут в качестве претендента на армянский престол. Войска Иверии, албаны и сарматы, пропущенные через кавказские ущелья, оказались достаточно сильными противниками парфян.[2] Столкновения приняли ожесточенный характер, перевес в одной из битв оказался на стороне парфян, но был вновь потерян, так как римский полководец Вителлий, «стянув легионы», стал угрожать походом на Месопотамию. Артабан III оставил Армению и сосредоточил свои силы на Парфии, которая оказалась, таким образом, под угрозой. Рим выдвинул на ее престол Тиридата III, внука Фраата IV. Артабан III был вынужден бежать, он направился в прикаспийские области. Эти события, по свидетельству Тацита, происходили в течение двух лет.[3]

Из сообщений источников можно извлечь некоторые указания относительно того, какие именно группы в Парфии поддержали Тиридата. Конечно, следует согласиться с тем, что это были группы, положительно настроенные в отношении к Риму и принявшие его ставленника. Одни считают, что эту группу составляли «греки, знать и про-римляне»,[4] другие, что это были «местные элементы» (native elements), состоявшие преимущественно из людей, настроенных благожелательно к Риму.[5]

Сообщения источников позволяют несколько углубить анализ, тем более что эти важные сведения относятся к городам. Под давлением господствующей части парфян Тиридат занял города Месопотамии — Никефориум (Ракка), Антемузию и «другие». Никефориум находился близ Евфрата, на левом

[1] Tacitus. Annales, VI, 31—32.
[2] Tacitus. Annales, VI, 33.
[3] Tacitus. Annales, VI, 34—37, 38.
[4] N. C. Debevois. A political history of Parthia, стр. 160.
[5] R. H. Mc Dowell. Coins from Seleucia, стр. 225.

берегу, т. е. в пределах Месопотамии, как и Антемузия, которую следует считать Батнаном (Сарудж).[1] Он занял также города Хал и Артемиту, называемые «городами парфян». Хал, или Хала (Халван), как и Артемита, находились по ту сторону Тигра, на восток от него. Хотя они и входили в состав Парфии, греческие географы оба эти города считают греческими, присоединяя к ним термин πόλις Ἑλληνίς.[2] Таким образом, можно указать на то, что существовала разница в положении и организации греческих и парфянских городов, разница, известная нашим источникам. Большое значение имел вопрос об основании городов, так как греко-македонские города пользовались устройством и правами античных, греческих полисов, сохранявшимися за ними на века. Не всегда греко-македонцы основывали новый город, часто они лишь обносили его новою стенами или укрепляли его. Главное же было в том новом устройстве и самоуправлении, которое получал такой город одновременно с новым названием по имени его основателя. Создавая такого рода организацию городов, греки видели в них опору и закрепление своей экспансии. Селевкия на Тигре также получила права полиса, она была преобразована из старого города Описа и названа Селевкией.[3]

В этом отношении характерно сообщение, что Селевкия имела это традиционное устройство, не была «испорчена» варварскими порядками и «помнила о своем основателе Селевке». Это памятование выражалось в том, что в городе правил и направлял всю жизнь сенат. В качестве такового избиралось триста человек «по богатству или мудрости» (opibus aut sapientia delecti). Они составляли «силу» народа и обеспечивали ему влияние на дела, по мнению Тацита. Совершенно очевидно, что дело касалось только богатой городской знати, которая вершила городские дела. Когда не происходило никаких трений, то обходились без «парфянина», т. е. без шаха. Но если начиналась борьба партий, каждая из них стремилась найти опору в царской власти. Это чрезвычайно усиливало положение шаха, который становился в этом случае угрозой, страшной для всех. Полисное устройство греко-македонских городов просуществовало, следовательно, до парфянского владычества, сохранившего это устройство. Но всякий раз, когда такая возможность предоставлялась, шах вмешивался в дела

[1] C. Müller. Geographi graeci minores, I. Parisiis, стр. 245. — R. Dussaud. Topographie de la Syrie antique et médiévale, стр. 480. — V. Tscherikower, ук. соч., стр. 85.
[2] V. Tscherikower, ук. соч., стр. 97.
[3] Там же, стр. 90—91. Никак нельзя согласиться с ошибочным утверждением автора, что после разрушения в 165 г. н. э. Селевкии римским легатом Кассием город «больше не существовал». Известна многолюдная и богатая Селевкия сасанидского периода.

города и разрешал вопросы в своих интересах, как это имело место при Артабане. Источник совершенно верно подмечает связь шаха со знатью. «Как недавно случилось, когда царствовал Артабан, он в своих интересах (ex suo usu) предал народ знати (plebem primoribus tradidit)». Иначе говоря, Артабан не нашел нужным поддерживать «древние» традиции в Селевкии и отдал предпочтение знати, «первенствующим», которые стали править по своему усмотрению. Олигархические тенденции мощной знати не могли не давать себя знать, это верно определил тот же Тацит: «господство немногих ближе своеволию царя (paucorum dominatio regiae libidini proprior est)».[1] Опираясь на верхи класса эксплоататоров, аристократию, имевшую своих представителей в совете города, Артабан нарушил традиции города, отдав его в их руки. «Народовластие» осуществлялось в городах собранием народа, экклесией. Последняя также не осуществляла полной демократии, тем более в городах, основой которых было рабовладение. Но предпочтение, оказанное Артабаном аристократии, вызвало протест, так как значительная часть городского населения потеряла свое участие в самоуправлении. Вступление Тиридата Селевкия приветствовала, так как он восстановил «власть народа», участие в управлении городом, которого он был лишен. Никак нельзя согласиться с ошибочной точкой зрения Мак Доуэлла, что все дело было в борьбе греческого аристократического элемента с «местным».[2] Этнический момент нельзя не считать важным, но текст Тацита недвусмысленно говорит о том, что происходило. Артабан вообще стремился сократить самоуправление городов и при первой возможности вмешивался в их дела. Тот факт, что в периоды восстаний и автономного управления Селевкия чеканила соответствующую монету,[3] говорит о прочности ее материальной базы и политическом влиянии.

При Артабане, следовательно, Селевкия была фактически лишена своих прав, не пользовалась ими и управлялась на других основаниях. Можно предположить, что это были условия управления парфянских городов, не имевших прав полиса. Появление Тиридата вызвало оживление, ему воздавали всяческие почести и бранили Артабана. Очевидно, Селевкия таким путем стремилась завоевать себе прежние права. И действительно, воспитанник и ставленник Рима, Тиридат, не мог не быть сторонником «свободного» полисного устройства городов, т. е. устройства, принятого для ряда городов и в Римской империи. «Тиридат позволил заниматься селевкидскими делами

[1] Tacitus. Annales, VI, 42.
[2] H. H. Mc Dowell. Coins from Seleucia, стр. 224.
[3] Там же, стр. 228.

народу (Tiridates rem Seleucensem populo permittit)».[1] Иначе говоря, Тиридатом было возвращено Селевкии ее прежнее полисное управление. Возможно, что при Артабане оно было лишь приостановлено в своем действии, но не было закона, отменившего это устройство. Тем проще было для Тиридата вернуть городу его прежние права полиса, предоставить ему самоуправление и позволить «народу» вершить эти дела. Под народом, конечно, следует понимать не только аристократию города, представленную в сенате, но и другие слои общества. Селевкия была большим и многолюдным городом, который при императоре Тите, т. е. в I в. н. э., имел около 600 000 жителей.

Разница, существовавшая между македонскими и парфянскими городами, отмечается источниками. Никефориум и Антемузиада (т. е. Антемузия — Батнан) и другие города были основаны македонцами и названы греческими именами; к парфянским городам принадлежали Халум и Артемита. Как те, так и другие, «радовались» появлению Тирадата; отсюда следует сделать вывод, что его поддержали городские элементы вообще. Представители господствующего класса в городах были связаны с торговлей, интересы которой в значительной мере зависели от возможностей Рима. Часть парфянской знати, как видно из дальнейшего, не поддержала Тиридата, направившегося в Ктесифон, где должна была состояться коронация. Он долго и тщетно ждал ее, так как знатные парфянские сатрапы, Фраат и Иерон, управлявшие наиболее важными провинциями (qui validissimas praefecturas obtinebant), этому противились. Они посылали Тиридату письма, прося его несколько повременить. В известном письме Артабана III к Сузам первыми его адресатами являются Антиох и Фраат. Первый, по мнению издателя письма, — энистат города, а Фраат был сатрапом Сузианы или ее стратегом. Много оснований предполагать, что Фраат, упоминаемый Тацитом, и Фраат в письме Артабана III одно и то же лицо.[2] В Ктесифоне нашлось много сторонников нового шаха, и он был коронован «по отечественному обычаю (patrio more), Суреном».[3]

Тиридат после этого стал осаждать крепость (castellum), в которой Артабаном были спрятаны деньги (pecunia) и где находился его гарем. Такое предприятие не вызывалось государственной необходимостью. Та часть знати, которая не сочувствовала Тиридату, объединилась вокруг Фраата и Иерона и приняла решение вернуть на престол Артабана III. Последний

[1] Tacitus. Annales, VI, 42.
[2] F. Cumont. Une Lettre du roi Artaban III. Comptes rendus de l'Académie des sciences et belles-lettres. Paris, 1932, стр. 240, 249—250.
[3] Tacitus. Annales, VI, 42.

был найден в Гиркании; он быстро собрал «скифские войска», дахов и саков, двинулся к столице. Главным советником и опорой Тиридата был знатный Абдагез, о котором Иерон говорил, что «сила в доме Абдагеза (vim in Abdagesis domo), а не в изнеженных руках шаха.[1] Отступление войск Тиридата, предпринятое для того, чтобы собрать армянские и эламские войска, было похоже на бегство. Наличные полки покидали шаха, уходили домой, как сделали арабы, или перебегали к Артабану. Вспомогательным войском парфян были арабы Осроены, куда они и предпочли вернуться, видя неустойчивость общего положения.[2]

Артабан вновь овладел Парфией, и этому не сочли возможным противиться в Риме. В 36 г. н. э. состоялась встреча Артабана с Вителлием, легатом империи, на Евфрате. Сын Артабана, Дарий, был направлен в Рим. Но положение внутри Парфии вообще не было прочным, ряд областей — сатрапий — заняли сравнительно самостоятельное, в незначительной степени зависимое от центрального правительства положение. В самой Селевкии было множество противоположных течений, столкновение которых рождало длительную борьбу между различными этническими элементами, наличными в городах и соперничавшими между собой на экономической почве.

Года за два до смерти Тиверия (37 г. н. э.) Селевкия подняла восстание и в течение семи лет была независима от шахской власти. Об этом красноречиво говорят данные нумизматики. В Селевкии прекратилась чеканка царской монеты, и появляются особые монеты, выбитые во время восстания.[3] Об этом говорит и Тацит, что по возвращении Вардана ему сдалась Селевкия, через семь лет после отпадения (Regressoque Vardani deitur Seleucia, septimo post defectionem anno).[4] Причины восстания Селевкии неизвестны, но «не без срама для парфян один город столько времени издевался над ними».[5] Длительность восстания Селевкии указывает несомненно на большую слабость всего государственного аппарата парфян, общую неустойчивость в стране.

К последним годам царствования Артабана III относятся сведения о мелких государствах Месопотамии, в частности о небольшом царстве Адиабены. Царь Изат I имел двоих детей, Елену и Монобаза, которые вступили по существовавшему древнему обычаю в брак между собой. Их сын Изат (II) был послан на воспитание к царю Харакса, Адинерглусу. Харакс принадлежал к числу городов, основанных или обновленных Селевком в Мидии.[1] Здесь Изат был обращен в иудейство одним торговцем. Царствовавший в Адиабене с 30 г. н. э. Монобаз вернул сына и дал ему удел в Гордуене. Елена также приняла иудейство. После смерти Монобаза, около 36 г. н. э., Изат II стал царем Адиабены.

Примерно к тому же году относятся новые затруднения в Парфии. Знать, «сатрапы» вступили против Артабана в заговор и выдвинули на престол Киннама (ὁ Κίννημος). Артабан был вынужден к бегству. Со своей свитой и родственниками, «числом около тысячи человек», он направился в Адиабену, где был принят Изатом II. Артабан жаловался на унизительность пережитой им «перестановки» (μετάβολή), на то, что он стал «из царя частным человеком» (ἐκ βασιλέως ἰδιώτης).[2] Хотя Иосиф Флавий тенденциозно преувеличивает сведения о Изате, в связи с принятием им и его семьей иудейства, но все же отрицать значительных политических успехов Адиабены и ее связей с Передней Азией нельзя.

Ходатайство царя Адиабены в Парфии увенчалось успехом. Киннам, ставленник знати, сам отказался от престола, и голова Артабана была в третий раз увенчана диадемой. Эти события имели место между 36 и 38 гг., 38 год был годом смерти Артабана III.

В награду за посредничество и помощь, оказанную Артабану, царь Адиабены получил право носить тиару и «спать на золотой кровати» (ἐπὶ χρυσῆς κλίνης καθεύδειν), что являлось прерогативами парфянских царей. Кроме того, парфяне передали ему «большую и прекрасную область» (χώραν πολλὴν . . . . κεχαδήν). Эта область была «отхвачена» Артабаном «у армянского царя». «Название этой земли Нисибис» (Νίσιβις δὲ ἐστιν ὄνομα τῇ γῇ). «В ней некогда македонцы основали город Антиохию, которую они прозвали Мигдонией» — (ἣν ἐπὶ Μυγδονίαν προσηγόρευσαν).[3]

«Большая и прекрасная» область Нисибии, Мигдония, принадлежавшая Армении, была захвачена парфянами и «отдана», т. е. присоединена, к Адиабене, распространившей свою власть и на Гордуену. Об этом можно судить на основании того, что Изат II при жизни отца получил землю в Гордуене. Эти области занимали каждая самостоятельное положение, имели своих царьков, но часто становились жертвами более крупных и сильных держав и попадали в зависимость от них.

Насколько сложной была обстановка, видно из того, что Изат пришел в столкновение с частью знати и своим братом

[1] Tacitus. Annales, VI, 43.
[2] Tacitus. Annales, XII, 12.
[3] R. H. Mc Dowell. Coins from Seleucia, стр. 141 и сл.
[4] Tacitus. Annales, XI, 9.
[5] Tacitus. Annales, XI, 9.

[1] V. Tscherikower, ук. соч., стр. 100—101.
[2] Josephus Flavius. Antiquitates, XX, 3 — t. I, стр. 773.
[3] Josephus Flavius. Antiquitates, XX, 3 — t. I, стр. 774.

Монобазом. Последние заключили соглашение с Авией, «царем арабов», обещая ему много денег, если он выступит против Изата, которому они также ставили в вину его вероломство. Но Изат оказался победителем, рассеял арабское войско, а Авия вынужден был спастись в крепость Арзамон, которая также была взята царем Адиабены. Знатные (οἱ μεγιστᾶνες) обратились тогда с письмом в Парфию, царем которой в это время был Вологез, как считает Иосиф Флавий.[1] Если имя царя дано им правильно, то их обращение могло иметь место только после 51 г., года смерти Готарзеса. И в этом случае Изат одержал победу и привел знать к повиновению. Изат II царствовал в течение двадцати пяти лет и умер 56 лет.

Адиабена играла роль одного из буферных государств между Парфией и Римом. При династии Монобаза и Изата она заняла особенно выдающееся положение.

В Парфии после смерти Артабана III его сменил на престоле Готарзес, родиной которого была Гиркания. Одного из своих братьев, Артабана, он приказал умертвить вместе с его женой и сыном. Другой его брат, Вардан, бежал. Но в следующем же 39 г. н. э. парфянская знать призвала Вардана. Он действовал с исключительной поспешностью, застал врасплох Готарзеса, принудив его в свою очередь бежать. Вардан захватил ближайшие к столице области (proximas praefecturas corripiat). Только восставшие жители Селевкии отказались признать его власть (solis Seleucensibus dominationem eius abnuentibus).[2]

Вардан начал безуспешную осаду Селевкии. Город противостоял ему, так как был защищен рекой Тигром и стенами. Тот факт, что продовольствия в городе было в достаточном количестве, указывает на поддержку, оказываемую Селевкии. Большое значение сыграла возможность покупать продовольствие, которое продолжали привозить в город. На прочность положения указывает и то, что появлялись соответствующие монеты в период отпадения Селевкии от Парфии.[3] Опорой Вардана в этой операции был Ктесифон, так как в позднейшее время его считали основателем этого города.[4]

Готарзес повел, однако, войну силами войск дахов и гирканов. Вардан был вынужден оставить осаду Селевкии и перевести свои войска в Бактрию, чтобы бороться с братом. Между тем дело приняло неожиданный оборот. Парфия находилась в состоянии брожения. Селевкия вышла из повиновения на несколько лет. Но были и другие опасности, которые заста-

[1] Josephus Flavius. Antiquitates, XX, 4 — t. I, стр. 774—775.
[2] Tacitus. Annales, XI, 8.
[3] R. H. Mc Dowell. Coins from Seleucia, стр. 225, 141—142, 228.
[4] Ammianus Marcellinus, XXIII, 23.

вили братьев примириться. «Готарзес, узнав о кознях народа, сообщил о них брату» (cognitis popularium insidiis, quas Gotarzes fratri patefecerat . . .».[1] Опасность народного восстания, страх перед «кознями», которые народ «строил» своим царям, заставили забыть распри, следовательно опасность действительно должна была быть очень велика. По соглашению, Готарзесу была предоставлена Гиркания, а Вардан сохранил власть шаха. Резиденцией последнего был Вавилон, так как Селевкия сдалась только в июне 42 г. н. э.[2] Очень скоро (43 г.) борьба между братьями возобновилась в Гиркании и в областях дахов и ариев. Вардан вышел из нее победителем.[3] Вновь началось междоусобие в 46 г., на этот раз оно было еще более длительным и кончилось смертью в 48 г. Вардана, который был убит. Заговор против него был вызван его жестокостью и тем, что он стал «еще более невыносим для подданных» после своей победы и не искал «любви народа» (amorem inter populares). Иначе говоря, Вардан проявил себя деспотом, стремясь к самостоятельному управлению Парфией. Его правление не принесло никакого облегчения его подданным, а наоборот, было очень тяжелым. На некоторое время престол оказался в руках Готарзеса. Правление последнего легаты Парфии охарактеризовали как одинаково «невыносимое для знати и народа». По этой причине они просили в Риме прислать сына Вонона, внука Фраата, Мехердата, воспитанного там, чтобы посадить его на престол (accedere adversus dominationem Gotarzis, nobilitati plebique iuxta intolerandam).[4] Готарзесу ставили в вину многочисленные убийства не только ближайших, но и более отдаленных родственников, как и то, что он, «несчастный в войне», прикрывал свои неуспехи жестокостью. Во всем этом следует отметить силу традиции, сохранившуюся несмотря на все недостатки шахов и жестокую борьбу за престол, требовавшей, чтобы он оставался достоянием дома Аршакидов. В 49 г. Кассий Лонгин, правитель Сирии, сопровождал Мехердата (Михрдат) до Евфрата и раскинул лагерь у Зейгмы, ожидая парфянских сторонников наследника Аршакидов. Эти войска возглавлял представитель рода Карен. Последний, как и Лонгин, стремился возможно скорее, по кратчайшей дороге, достигнуть столицы. Намерение Лонгина встретило противодействие со стороны неопытного Мехердата, оказавшегося под влиянием царя Осроены, Абгара V.[5] В данной войне, как в ряде других

[1] Tacitus. Annales, XI, 9.
[2] Tacitus. Annales, XI, 9. — N. C. Debevoise. A political history of Parthia, стр. 169.
[3] Tacitus. Annales, XI, 10.
[4] Tacitus. Annales, XII, 10.
[5] Tacitus. Annales, XII, 12.

случаев, следует отметить особое положение, занимаемое Осроеной и Адиабеной. Обоим государствам приходилось ладить с Римом, с Парфией, Арменией, каждая из которых стремилась поглотить эти небольшие области. Их войска в качестве вспомогательных привлекались то одним, то другим соседом, приходилось рассчитывать каждый шаг и отвечать за его последствия. В распрях и междоусобиях за парфянский престол роль Осроены и Адиабены была немалой, что видно из ряда событий.

Во время похода молодого Мехердата Абгар V (Acbar), «царь арабов» (rex Arabum), надолго задержал юношу у себя в Эдессе, а затем уговорил его совершить поход через Армению, что являлось совершенно ненужной затяжкой. К этому времени наступила зима и вместо продвижения по Месопотамии его войскам пришлось совершать тяжелый переход через горы Армении. Для Абгара это была двойная игра, так как он поддерживал тайно Готарзеса. После «снегов и гор» утомленные войска Мехердата встретились с войском парфян, возглавляемых членом семьи Карен, и перешли Тигр. В Адиабене войска также провели некоторое количество времени. Изат II попал в такое же трудное положение, что и Абгар V, так как он был на стороне Готарзеса, он был вынужден принять Мехердата и быть дружественным к нему.[1] Не случайно оба эти небольшие государства поддерживали Готарзеса, предпочитая его римскому ставленнику. Мехердат был для них большей опасностью, так как он усилил бы и без того все возраставшее могущество Рима на Востоке.

Войсками Мехердата без особых затруднений была взята Ниневия и Арбела, «крепость, знаменитая тем, что в последнем бою между Дарием и Александром там погибли персидские силы».[2] Арбела была, следовательно, захвачена, как и вся область Адиабены. Между тем Готарзес не решался выступать, не имея достаточного количества войск, но он действовал другим путем, дипломатическими обращениями, уговорами и, наконец, подкупами. В результате предпринятых им шагов Мехердата покинули союзные войска — «Изат Адиабенский и вскоре Абгар, араб, удалились с войском». У Мехердата в сущности не было выхода, и он решился на бой. Предпринятое войском Карена преследование одного из отрядов Готарзеса привело к несчастью, так как последние зашли ему в тыл и разбили его. Предательски захваченный и закованный в цепи Мехердат был предоставлен Готарзесу, который приказал отрезать ему уши, но оставил его в живых.[1]

[1] Tacitus. Annales, XII, 13.
[2] Tacitus. Annales, XII, 13.

Победа Готарзеса имела место в 49/50 г. К этому времени относится наскальная надпись над грубо сделанным рельефом того же Готарзеса на знаменитой Бехистунской скале. Готарзес представлен на коне, а над ним летящая богиня победы Ника. Противник шаха изображен в уменьшенном по сравнению с ним виде, тоже на коне, с которого он соскальзывает, не имея сил удержаться. Это юный и неопытный Мехердат, попытки которого получить парфянский трон окончились полной неудачей. Надпись над рельефом на греческом языке: Γωδαρσης γεοπαθρος, т. е. «Готарзес сын Гео (Гев)».[2] С этой надписью следует сопоставить редкие образцы монет Готарзеса, также с греческой надписью, которая читается следующим образом: Γωτέρζης βασιλεὺς βασιλέων Ἀρεινῶν Υἱὸς κεκλημένος Ἀρταβάνου — «Готарзес шахан шах ариев [Ирана], сын названный Артабана».[3] Следует, быть может, читать не Ἀρεινῶν, как дает Херпфельд, а как имеется в самой надписи Ἀρεινέν, и тогда перевод «шахан шах Ирана (Ареаны)» будет больше оправдан. Что касается слова κεκλημένος — «называемый» или «названный», то оно указывает на то, что хотя Готарзес и был сыном Гео (Гев, вероятно, соответствует форме Гаак, Γάαχης или Γαάχης), но считал себя названным сыном Артабана III, т. е. его приемным сыном. Таким образом, он связывал себя с династией Аршакидов и считал себя ее преемником. В 51 г. Готарзес умер, по всей вероятности, насильственной смертью.

Царь Мидии Вонон не надолго удержал престол царя царей, вскоре перешедший к его брату Вологезу I.[4]

Парфия всегда была заинтересована в делах Кавказа и была готова использовать малейшее замешательство в своих интересах. Царь Иберии Фарасман предоставил своему сыну Радомисту занять армянский престол, принадлежавший его брату Митридату. Сначала действуя хитростью, а затем оружием, Радомист добился своего. Митридат был убит, а Радомист добился согласия прокуратора Каппадокии, Юлия Пелигна, чтобы ему был оставлен армянский престол. Тацит порицает действия Пелигна. Последний жестоко грабил своих союзников.

Рим поторопился его сменить.[5]

В Парфии сочли этот момент благоприятным для открытых действий, и в 52 г. Вологез двинулся со своим войском в Арме-

[1] Tacitus. Annales, XII, 14.
[2] E. Herzfeld. Am Tor von Asien. Berlin, 1920, стр. 40—41; табл. XXI—XXIII.
[3] Там же, стр. 46—47; табл. XIX.
[4] Tacitus. Annales, XII, 14.
[5] Tacitus. Annales, XII, 49.

нию, где он хотел посадить царем своего младшего брата, Тиридата. Старшему своему брату, Пакору, он предоставил Мидию Атропатену. Вологез не встретил особого сопротивления, а Артакса и Тигранокерта, столицы Армении, «приняли ярмо (iugum accepere)» парфянское. Но жестокая зима (atrox hiems) и недостаточный подвоз съестного (parvum provisi commeatus) вынудили войска Вологеза уйти, а Тиридата покинуть престол. Это дало возможность Радомисту тотчас вернуться обратно и действовать с еще большей жестокостью. Но истощилось терпение народа, и его дворец был окружен восставшими с оружием в руках. . . Радомист бежал, а Тиридат получил возможность вернуться в Армению в 54 г.[1]

В то же время начались волнения в Адиабене, где знать, недовольная Изатом, стала призывать Вологеза. Парфия потребовала подчинения Адиабены и отказа от ее независимости. Изат с шестью сотнями всадников расположился на Верхнем Забе, реке, что отделяет Адиабену от Мидии. Сюда прибыл и Вологез с войсками; начался обмен посланиями и требованиями. Но Вологез I был вынужден перенести свои военные действия на север, в связи с тем что в Гиркании и на юго-востоке Каспийского моря племена пришли в движение.

Между тем в Риме было принято решение начать активные действия на Востоке. Во главе войск был поставлен испытанный полководец Корбулон. Рим никак не мог согласиться с тем, что «вновь прорвались парфяне и захватили Армению» (prorupisse rursum Parthos et rapi Armeniam). [2] Поэтому на Евфрат были наведены мосты, а управление ближайшими к Армении областями Малой Армении и Софены было отдано в «надежные» руки.

Всего этого было достаточно, чтобы «парфяне оставили Армению, откладывая войну». Римские войска провели зиму 57/58 г. в палатках, несмотря на суровую зиму, а весной 58 г. вступили в Армению. Вслед за тем была взята Артакса, которая была «предана огню, разрушена и сравнена с землей (artaxatis ignis inmissus, deletaque et solo aequata sunt . . .)».[3] Корбулон решил использовать ужас этого разрушения и двинулся на Тигранокерту. По дороге римские войска жестоко расправлялись с населением. Народ прятался в горах в пещеры. Корбулон приказал у входов в пещеры разжигать костры и таким путем делал положение прятавшихся отчаянным. В некоторых крепостях ему оказали решительное и упорное сопротивление. Племя мардов произвело на римские легионы ряд нападений,

[1] Tacitus. Annales, XII, 50—51; XIII, 6.
[2] Tacitus. Annales, XIII, 7.
[3] Tacitus. Annales, XIII, 41.

но Корбулон расправился с ними руками иберов.[1] Заговор, созревший против него в среде знатных армян, находившихся при Корбулоне, был раскрыт и повлек за собой тяжелейшие наказания, пытки и смертные казни. Вслед за тем Тигранокерта прислала своих легатов сообщить, что ворота города открыты римскому полководцу. Ему также была прислана золотая корона в знак гостеприимства.[2] Здесь и перезимовала его армия.

В 60 г. Тиридат сделал попытку вторгнуться в Армению из Мидии Атропатены, но это ему не удалось. Рим стал проводить свою излюбленную политику. На армянский престол был поставлен Тигран, племянник Тиграна IV, правнук Ирода Великого и Архелая, последнего царя Каппадокии. Это принесло лишь относительное спокойствие в Армении, тем более что окраины ее были присоединены к различным мелким государствам, с которыми они граничили, а именно к Иберии, Понту, Малой Армении, Коммагене.[3] Корбулон вернулся в Сирию, где он остался правителем.

Имеется особое свидетельство Иоанна Лида, что Корбулон на обратном пути из Армении в Сирию (после взятия Артаксы и Тигранокерты) захватил Нисибии. Здесь находилось множество персов, бежавших в Мигдонию. Корбулон их схватил.[4] Следует предположить, что этот захват носил случайный характер, так как в 61 г. Вологез I, царь Парфии, встретился в Нисибине с римским послом.[5] Повидимому, Нисибии и область Мигдонии находились под властью и в пределах парфянского государства.

Между тем посаженный на престол Армении при поддержке Рима Тигран в 61 г. захватил соседнюю Адиабену. Захват носил более длительный характер, чем обычно. Пришли в волнение «народные главы» Адиабены (primores gentium), и горько жаловался на создавшееся положение Монобаз II, брат Изата, управлявший этой областью.[6] Вологез решил его поддержать, вновь выдвинул Тиридата претендентом на армянский престол и организовал поход на Тиграна. Поддержка Тиграну в Тигра-

[1] Tacitus. Annales, XIV, 23, 24.
[2] Tacitus. Annales, XIX, 24.
[3] Tacitus. Annales, XIV, 26. Последовательный анализ этих событий дан К. В. Тревер (Очерки по истории культуры древней Армении, стр. 212—220).
[4] Ioannes Lydus. De magistratibus, III, 34. Bonn, 1837, стр. 227.
[5] Tacitus. Annales, XV, 5.
[6] Tacitus. Annales, XV, 1. — Josephus Flavius. Antiquitates, XX, 4,3 — t. I, стр. 774. Подробный анализ военных действий между Римом, Арменией и Парфией см.: О. В. Кудрявцев. 1) Римская политика в Армении и Парфии в первой половине правления Нерона. ВДИ, 1948, № 3, стр. 61—63; 2) Рим, Армения и Парфия во второй половине правления Нерона. ВДИ, 1949, № 3, стр. 46—62.

нокерте была оказана римскими войсками, парфянам взять город не удалось, шах их отозвал.

В течение некоторого времени Вологез считал Нисибин своей штаб-квартирой, затем был вынужден покинуть эти области, все же опасаясь римлян.

Недовольство Корбулоном в Риме было очевидно, его хотели сменить, прислали дополнительно военачальников. Кампания закончилась тем, что римские войска оставили Армению и часть Месопотамии. В 63 г. Вологез вступил в соглашение, и Евфрат был признан границей между Римом и Парфией. Крепости, построенные Корбулоном за Евфратом, т. е. на левом, восточном берегу реки в Месопотамии, были снесены. Со своей стороны Парфия вывела свои войска из Армении, по этому договору. «Армяне остались без хозяина (Armenii sine arbitrio relicti sunt)», — утверждает Тацит,[1] в представлении которого их самостоятельность была невозможна.

В том же году решили поставить царем в Армении Тиридата, но для этого потребовалось не только согласие, но и церемонии в Риме. В 66 г. брат Вологеза получил диадему из рук Нерона в великом городе. К этому периоду относится перенесение целого ряда парфянских традиций и религиозных верований в Рим.[2]

Мирные отношения между Парфией и Римом поддерживались и дальше Вологезем, царствование которого длилось, вероятно, до 79 г. В 62 г. он приветствовал Веспасиана, в 71 г. он послал Титу в Зейгму золотую корону.[3]

В 72 г. мир был нарушен тем, что Антиох, царь Коммагены, вступил в тайное соглашение с Вологезем, чтобы вести войну против Рима. Столица Коммагены, Самосата, могла представить прекрасный опорный пункт для действий союзников. Об этом соглашении донесли Веспасиану. Решительные действия римских войск, внезапно напавших на Коммагену, принудили ее царя бежать и искать убежища у Вологеза.[4]

Следствием этого было превращение двух пограничных государств Коммагены и Малой Армении в римские провинции, с введением гарнизонов империи и соответственной системой управления. Таким путем Рим постепенно включал эти буферные государства в состав своей державы, что являлось результатом длительного и настойчивого захвата.

Между тем парфянскую территорию разоряли алланы. От Меотийского озера (Азовского моря) через Кавказ и Гирканию (прибрежные области Каспийского моря) они ворвались в Мидию Атропатену, в 72 г. Пакор, брат Вологеза, был вынужден бежать; в Армении от них с трудом спасся Тиридат. В 75 г. Вологез вновь просил у Рима помощи против аллан, но ему не оказали поддержки. Помощь, оказанная Митридату, царю Иверии, которому римляне помогли укрепить его столицу, Мцхет, была направлена против Парфии. Впрочем, это могло усилить и Парфию, оказывавшую сопротивление алланам.

Монеты с именем Пакора, второго царя с таким именем, относятся к 78 г. и были выбиты в Селевкии—Ктесифоне. Это монеты противника Вологеза I, который продолжал выбивать в свою очередь свои монеты. Совершенно очевидно, что это — свидетельство нумизматики о борьбе претендентов на парфянский престол.[1] С 79 г. монеты Вологеза исчезают. В письменных источниках сведения о Пакоре II немногочисленны, но с его именем монеты продолжают появляться в 82 и 83 гг. В то же время и в 80-х и в 90-х годах I в. н. э. встречаются монеты других парфянских царей, которые претендовали на престол, пользуясь поддержкой Рима, а в ряде случаев недовольством широких масс населения. Пакор около 110 г. продал Осроену царю Абгару VII, сыну Изата, хотя эта область осталась в известной мере подчиненной Парфии.[2] В общем неопределенном и беспокойном состоянии Армении, Парфии и мелких государств Ближнего Востока Рим стремился занять положение гегемона, простирая все дальше свои границы и укрепляя свое положение.

Новым этапом, и при этом победоносным, были походы императора Траяна, который, покончив с войной в Дакии, направился на Восток из Рима осенью 113 г.

Особенно большой активности достигли римские кампании при императоре Траяне. Его походы были неоднократно предметом детального исследования, их хронологическая канва восстановлена с точностью до месяцев. Осенью 113 г. Траян покинул Рим и прибыл в Антиохию в первых числах января 114 г. Этот год был посвящен походам в Армению и в северо-восточные области Передней Азии. К декабрю 115 г. римские войска захватили северную Месопотамию. Весной 116 г. они произвели опустошительный набег на Адиабену, захватили Ктесифон и по Тигру достигли Персидского залива. В соответствии с основной темой нашего исследования ниже рассмотрены только те моменты кампании Траяна, которые имеют к ней непосредственное отношение.

Вновь приходится отмечать, что и современные исследователи, идя по стопам своих предшественников, почти совсем

[1] Tacitus. Annales, XV, 17.
[2] Cambridge ancient history, v. IX, стр. 754—773.
[3] Tacitus. Historia, IV, 51; II, 81.
[4] Josephus Flavius. De bello Judaico, VII, 105, стр. 219—243.

[1] R. H. Mc Dowell. Coins from Seleucia, стр. 192.
[2] A. Gutschmid. Geschichte Irans..., стр. 140. — Dio Cassius, LXVIII, 17 и 19.

не уделяют внимания восточным источникам, довольствуясь давно известными свидетельствами латинских и греческих авторов, иногда привлекая нумизматику. В этом отношении характерны недостатки некоторых историков,[1] обошедших молчанием новейшую литературу по историографии Востока, ссылаясь на устаревшие, давно пересмотренные работы прошлого века.[2]

Завоевания императора Траяна сыграли важнейшую роль в истории Месопотамии. Под решительный удар попала Осроена, царем которой был Абгар. Трудность его положения заключалась в том, что небольшое и слабое государство Осроены не могло держаться самостоятельно между Парфией и Римом.

Когда император Траян «был в Анхтохии, Абгар Осроенский не появился, а послал дары и дружеские слова, так как он в одинаковой мере боялся их [римлян], как и парфян, и не хотел с ними встречаться».[3] В дальнейшем Траян с войском двигался в направлении к Месопотамии. Он оставлял в различных местах отряды или гарнизоны и прибыл в Эдессу, где впервые встретился с Абгаром лично. Царь Осроены неоднократно посылал дары, посольства, но сам избегал личных встреч с римским императором. Подобным образом действовали и другие царьки, как Маннос «соседней Аравии» (ὁ Μάννος ὁ τῆς Ἀραβίας τῆς πλησιχώρου) и Споракий, филарх Антемузии (Батнана), которые тоже не являлись к Траяну.[4]

Между тем молодой и красивый сын царя Абгара, Арбанд, был привлечен Траяном и стал в дружественные к нему отношения. Соглашаясь на просьбы сына, а также «опасаясь присутствия» императора, Абгар вышел к нему навстречу. Он был прощен и стал после того «другом» (ὁ φίλος) Траяна. В честь императора он устроил большое пиршество. На этом празднике Арбанд исполнял местные танцы, как они были приняты на Востоке, в Осроене. Кассий Дион говорит, что он плясал «варварски».[5] Это сообщение интересно с той точки зрения, что несмотря на дружбу с Траяном, симпатии которого завоевал сын Абгара, на его близость с римлянами, он не утерял связи с культурой и местными обычаями.

В Месопотамии и на восток от Тигра находилось несколько мелких государств. В Адиабене царствовал Мебарсан, союзник упомянутого выше Манноса, названного царьком Аравии.

[1] K. P. Longden. The wars of Trajan. Cambridge ancient history, v. XI, 1936, стр. 223 и сл. — F. A. Lepper. Trajan's Parthian war. Oxford, 1948.
[2] F. A. Lepper. Trajan's Parthian war, стр. 92, 93.
[3] Dio Cassius, 68, 18 — t. III, стр. 205.
[4] Dio Cassius, 68, 21—t. III, стр. 210.
[5] Dio Cassius, 68, 21 — t. III, стр. 210—211.

Следует предположить, что упомянутая Аравия (Арабия) является областью Бет-Арабайе, которая неоднократно упоминается источниками и название которой не раз передается как Арабайа и Арабиа. Эта область, конечно, была близкой и соседней с Месопотамией и с расположенными по Тигру с востока землями. Возможно, что речь идет об арабах-скинитах, т. е. племенах бедуинов, которые находились с незапамятных времен в Месопотамии и постоянно тревожили оседлое население этих областей.

В дальнейшем Адиабена была взята Траяном, так же как Сингара, Нисибин и Батнан. Захват двух последних городов послужил поводом для того, чтобы присоединить к имени Траяна прозвание «Парфянского».[1]

О том, как подготовлялся Траян к продолжению похода, имеются интересные подробности. Зиму 115/16 г. его войска провели в Нисибине, откуда он намеревался двинуться на Адиабену. Так как в среднем и нижнем течении Тигра были безлесные пространства, Траян приказал построить лодки в лесах, окружавших Нисибин (τὰ πλοῖα ἃ ἐν τοῖς ὕλαις τοῖς περὶ τὴν Νίσιβιν ἐπεποίητο).[2] Лодки были построены так, что их легко было разбирать и составлять. У горы Кордуны был наведен мост. «Варвары», как называли своих противников римляне, стремились всячески помешать этому. Кроме того, римские воины были на лодках, которые легко двигались по реке. Другие солдаты пытались форсировать берег. Все вместе и особенно появление лодок и иловучих переправ заставили им уступить. Римские войска перешли Тигр и захватили Адиабену с ее главным городом Арбелой (116 г.) и двинулись в Вавилонию, где им оказывали лишь незначительное сопротивление.[3] Траяну удалось захватить и Ктесифон, за что он был удостоен звания императора.[4] Но этих побед ему было мало. Дион Кассий дважды говорит о присвоении Траяну звания Парфянского, один раз за взятие городов Батнана и Нисибина, второй раз за взятие Ктесифона.

Продвижение на восток оставалось главной задачей талантливого римского военачальника, ему хотелось последовать за Александром Македонским и двинуться в Индию. Однако Траяну не удался ни этот замысел, ни личное участие в триумфе в Риме. В подчиненных им областях восстали народы, стремясь свергнуть господство империи. Одни изгоняли римские гар-

[1] Dio Cassius, 68, 22; 68, 23 — t. III, стр. 211, 210.
[2] Dio Cassius, 68, 26 — t. III, стр. 213.
[3] Dio Cassius, 68, 26 — t. III, стр. 214.
[4] Dio Cassius, 68, 28 — t. III, стр. 216.

низоны, другие их уничтожали: καὶ τοὺς παρὰ σφίσιν ἕκαστοι φρουροὺς οἱ μὲν ἐξέβαλλον οἱ δ'ἀπέκτεινυσαν.[1]

Траян тотчас направил войска против восставших. Полководец Лузий вновь взял Нисибин, захватил, разграбил и сжег Эдессу.

Справедливо опасаясь последствий восстания в Парфии, Траян сам побывал в Ктесифоне и поставил царем Парфамасфата. Болезнь помешала Траяну вновь вступить в Месопотамию, бо́льшая часть которой, как и Армения, отпала от римлян. Этому способствовало в первую очередь восстание в Парфии, где ставленник Рима Парфамасфат был свергнут, а парфяне восстановили свою независимость.[2]

Как это, так и другие сообщения римских историков убедительно говорят о том, что области Осроены, Адиабены и Арабайи (Арабов)[3] не были еще прочным завоеванием Рима. Они неоднократно отпадали, проявляли свою самостоятельность, расправлялись с римскими гарнизонами и требовали их вывода.

В числе мелких государств, связанных с политикой Рима на Ближнем Востоке, находилась и Адиабена. Ее географическое положение Стефан Византийский определяет в следующих словах: Ἀδιαβηνὴ χώρα μέση τῶν ποταμῶν Εὐφράτου καὶ Τίγριδος ἣ τις καὶ Μεσήνη ὠνόμαστο. τὸ ἐθνικὸν Ἀδιαβηνός — «Адиабена — область между реками Евфратом и Тигром, которая называется и Месеной. [Название] этническое адиабенский».[4] Что касается города Арбелы, то тот же автор считает его персидским: Ἄρβηλα, πόλις Περσική.

Сирийская хроника Адиабены содержит известное количество материалов, относящихся к парфянскому периоду. Они дают представление о внутренней истории этой области и ее столицы.

Записи учителя Авеля, бывшие главным письменным источником для раннего периода ее истории в хронике Мешихазеха, определяют некоторые хронологические вехи. С ссылкой на этот свой источник — «сказал Авель учитель» (ܐܡܪ ܗܒܝܠ ܡܠܦܢܐ) — хроника устанавливает исходную дату: «. . . после того, как был побежден Кусро Аршакидский Траяном, царем римлян, который прибыл и посетил наши области».[5] Аршакидский царь

[1] Dio Cassius, 68, 29 — t. III, стр. 218.
[2] Dio Cassius, 68, 33 — t. III, стр. 220.
[3] В тексте οἱ Ἄραβοι — арабы, которые являются жителями Месопотамии, возможно, что это арабы-скениты (Cambridge ancient history, v. XII, 1939, стр. 9).
[4] Stephanus Byzantius. Ethnicorum quae supersunt, стр. 26.
[5] Mešiha-Zeha. Chronique d'Arbèle: A. Mingana. Sources syriaques, I. Mossoul, 1907, стр. 5. (В дальнейшем цитируется это издание).

Кусро, т. е. Хосров или Осрой, занимал парфянский престол с 109/10 г. и до 128/29 г.; хотя конечные даты эти не вполне точны, но в период римских завоеваний именно Хосров находился на парфянском престоле. В течение всего царствования Хосрова имеются сведения и о Вологезе II. Он также считается парфянским царем с 105/06 по 148 г.[1] Имя его известно адиабенской хронике. Оба царствовали одновременно, о чем свидетельствуют их монеты.

При Вологезе II Адиабена находилась вновь под контролем Парфии, о чем прямо говорит хроника. Но и римские источники говорят о том, что Адриан был вынужден вернуть Хосрову его дочь, захваченную в плен Траяном в Ктесифоне. Это, как и обещание вернуть символ власти парфян — золотой трон,[2] свидетельствует об известном ослаблении сил Рима на Востоке. В областях, захваченных Римом, возник ряд восстаний, одно из них, в 131/32 г., имело место среди иудейского населения. Парфяне хотели оказать им поддержку. Такое положение вынуждало Рим искать соглашения с последними.

В 136 г. полчища алан напали и разорили Албанию, Атропатену, прошли Армению и Каппадокию. В этом был замешан царь Иверии Фаразман. Он не только пропустил алан через свою территорию, но даже вызвал их. Об этом событии сообщает и хроника Адиабены, но обставляет ее целым рядом легендарных подробностей. Во главе Адиабены поставили правителем Ракбакта, которого хроника делает христианином, она приравнивает его к Константину и сообщает, что при нем могло распространяться христианство.[3] Этим сравнением рассказ обличает свою позднюю редакцию, однако, она могла в первоначальном виде принадлежать учителю Авелю. Легендарный характер рассказа очевиден. Как в сказке, переодетые в чужеземные одежды «маги» приезжают к Ракбакту под видом «знатных отдаленных стран ромейских», чтобы остановиться у него, а затем ночью убить его. Вызванный в Ктесифон, он счастливо избегает смерти.[4]

Но остов рассказа о Ракбакте носит характер исторический. Время его жизни — царствование «Вологеша второго, царя партавов». Форма «партавайе» (ܦܪܬܝܐ — «парфяне») редко встречается в сирийском, цари чаще носят имя Аршакидских; отсюда можно предположить, что у учителя Авеля был в распоряжении какой-то письменный источник, возможно по традиции связанный с армянским языком, где форма

[1] R. H. Mc Dowell. Coins from Seleucia, стр. 237.
[2] N. C. Debevoise. A political history of Parthia, стр. 242.
[3] A. Mingana. Sources syriaques, I, стр. 6.
[4] Там же, стр. 7.

«партав» — парфянский обыкновенна. Форма «партав» встречается в хронике и в дальнейшем.

«В то время был один муж именитый и богатый, и говорят, что царями он был поставлен, чтобы править этой стороной и имя его Ракбакт». Он не только правил Хедайябом (Адиабеной), но имел и звание военачальника ܕܘ ܣܒܐ.[1] Он занимал выдающееся положение, и зороастрийский клир, маги, его опасались.

В качестве военачальника он возглавлял войска Адиабены, которые должны были прийти на помощь Вологешу II. Иначе говоря, это были союзные войска, их собирали и выставляли всякий раз, когда Парфия вела войну. В данном случае Адиабена выставляла войска в связи с нападением аллан. К Ракбакту был послан табулярий (ܟܬܒܐ), который, по поручению Вологеша II, просил его прибыть в Ктесифон. С этим же табулярием Ракбакт отправился в столицу «с немногими мужами своего дома» (ܒܥܕ ܒܝܬ). Как и в ряде других случаев, из свидетельства источников видно, что знатные роды занимали большое положение. У Ракбакта были свои «сыновья дома», термин, который в пехлевийском в качестве идеограммы отвечает термину «васпухры».[2] В сирийском это выражение могло не иметь специального значения знатного рода и его членов, но и домашних, причисляемых к данной семье. У Ракбакта была, кроме того, своя дружина телохранителей (ܓܕܘܕ). Он созывает их к себе, когда нужно, и выступает с ними в составе своего войска и «лагеря».[3] Брат Ракбакта также играет роль в управлении областью, так как именно ему поручили собрать войска Адиабены и «привести их в столицу Арбелу». Власть Ракбакта и его рода в Адиабене были значительными.

Войска Адиабены находились на положении союзных. Вологеш, призывая Ракбакта, правителя Адиабены, просит, «чтобы он прибыл, если желает, без промедления в Ктесифон», и «войском обоих», т. е. войском парфянским и адиабенским, «будет ослаблена сила восставших народов, которые нападают на горные области Карду, грабят и вырезают многие города».[4]

Парфянское войско находилось под началом Аршака, которому дается звание военачальника. Ракбакт был в Ктесифоне и оставался там 16 дней, ожидая прибытия войск из Адиабены под началом своего брата. Аршак также собирал войска. Хроника утверждает, что их было 20 000 и они были все пехотинцами. Последнее обстоятельство, вероятно, связано с необходимостью похода в горы, где конница действовать свободно

[1] A. Mingana. Sources syriaques, I, стр. 8.
[2] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 103, 106.
[3] A. Mingana. Sources syriaques, I, стр. 9.
[4] Там же, стр. 8.

не могла. Войска двинулись против «восставших». Это последнее выражение заставляет думать, что речь идет не только о нападении каких-то орд со стороны, но и о восстании целых областей.

В ходе военных действий Аршак с частью войск попал в ущелье, где был «заперт» врагами вместе с «одним из глав восставших, имя которого было Кизо». Три дня длилась битва, но войска Аршака значительно ослабели от голода. «Тогда вышел Ракбакт славный из середины рядов воинов и позвал своих телохранителей с собой». Они поднялись на гору, отвлекли войска восставших, сразились с ними и «сделали дорогу Аршаку и его войску», которые смогли выйти из засады. Но сам Ракбакт пал в битве, «среди войска врагов».[1] «Видя это, восставшие хотели спуститься до долины и взять все города Аршака». Очевидно, что Аршак занимал видное положение не только в качестве военачальника, но был и правителем области, ему принадлежал ряд городов. Но грозившая беда была отклонена благодаря тому, что собственная страна нападавших подверглась разорению «другого варварского народа». Подобно «разбойникам они пришли, чтобы уничтожить их города, сжечь и ограбить все, что в них есть, включая их жен». После спешного возвращения восставших, два месяца длилась борьба, в которой нападавшие были отражены.

Высказывались предположения, что оба упомянутых «варварских» народа были алланы. По другой версии, представленной Аррианом,[2] Вологеш оказался не в силах справиться с их нападением, и поступательное движение аллан было остановлено правителем Каппадокии, Аррианом. В истории Ракбакта легендарный характер носит весь рассказ о его переходе в христианство. Но инцидент в войне с «варварскими восставшими народами» исторически вероятен.

В 147 г. царь Вологеш II умер, его сменил на престоле Вологез III (148—192). Но, повидимому, в первой половине II в. н. э. в Иране царствовали одновременно два царя, так как после смерти Осроя (Хосрова) в 128/29 г., появляются и монеты царя Митридата.[3]

При Вологезе III, в 161 г., парфяне длительно подготовлялись и выступили против римлян в поход. В государстве царило смятение, в столице — беспокойство, «ибо множество войск собралось туда со всех сторон, желая напасть на ромейские области». Парфяне двинулись на Сирию. При их приближении она была охвачена волнением, стремясь сбросить иго римлян.

[1] A. Mingana. Sources syriaques, I, стр. 9.
[2] Arrian. Parthica, VIII, fr. 6. — Dio Cassius, 69, 15; ed. E. Gros, IX, стр. 494.
[3] R. H. Mc Dowell. Coins from Seleucia, стр. 195—198.

Но последние напрягли все свои силы. Полководец Вер прибыл в 162 г. в Сирию, и его штаб-квартирой стала Антиохия. В 163 г. был предпринят поход в Армению, в следующем году Кассий двинулся в Месопотамию, взял Никефориум (Ракку) и дал сражение близ Дуры-Еуропоса. В дальнейшем римские войска достигли Селевкии и захватили ее в декабре 165 г.[1] Хроника Арбелы формулирует кратко итоги этой войны. «После многих сражений были побеждены парфяне, и гналось за ними ромейское войско, пока не заключило их в Ктесифоне».[2] Столица парфян была также взята, а дворец Вологеша разрушен.[3] Но затем среди войск началась эпидемия, она косила и тех и других. «Ромеи были вынуждены бежать и вернуться в свою землю», но «у них не было возможности спастись, чума бежала за ними и уничтожила многих из них». Эпидемия, о которой идет речь, названа в хронике «смертницей» (ܡܘܬܢܐ), это обычное название для эпидемических заболеваний, в частности чумы. Болезнь длилась около трех месяцев, и вымирали от нее целыми семьями. Римские войска при отступлении были вынуждены оставить «много сокровищ парфянам, потому что у них не было возможности взять что-либо из-за страха».[4] Опасность была настолько велика, что войска оставляли захваченную добычу в руках парфян и спешили уйти.

Хроника Арбелы дает интересный материал о большой междоусобной войне в Иране при Вологеше IV (191—207/208). Это борьба в известной мере уже говорила о том, что среди иранских народов назревал конфликт, вызванный новыми социальными явлениями и завершившийся воцарением Сасанидов.

Против парфян (парфавов хроники) выступили «войска персов и мидов» (т. е. персы и мидяне противопоставляются парфянам), причем первые «давно готовились выступить» против Вологеша.[5]

Из классических источников известно, что царь Вологеш IV принял участие в борьбе императоров между собой. Через Осроену и Адиабену он оказал поддержку Песценнию Нигеру, находившемуся в Сирии (193 г.). Но Нигер был низложен Септимием Севером. Пока римляне были отвлечены этой борьбой, Вологеш способствовал восстанию в Осроене и Адиабене, силами которых был взят Нисибин.[6] Этот момент, вероятно, и побудил хронику утверждать, что Вологеш «взял многие земли у ромеев».

[1] N. C. Debevoise. A political history of Parthia, стр. 250—251.
[2] A. Mingana. Sources syriaques, I, стр. 12.
[3] Dio Cassius, 69, 2, 3 — т. III, стр. 222—225.
[4] A. Mingana. Sources syriaques, I, стр. 12.
[5] Там же, стр. 21.
[6] Dio Cassius, 75, 1—т. III, стр. 339.

Известно, что успехи Севера в кампании 195 и начала 196 г. были велики, но он был отвлечен восстанием в Галлии. Этим воспользовался Вологеш, чтобы укрепить свое положение в Месопотамии. Однако он продолжать свой поход не смог, так как в Иране поднялись персы и мидяне. С большим войском Вологеш выступил на восток и столкнулся с их войсками в Хорасане. Дальше в хронике дано живое описание военных действий, которое должно восходить к достаточно достоверному источнику. «В земле Хорасан... парфавы, когда перешли в первый раз одну маленькую реку, увидели себя окруженными со всех сторон войсками персов и мидов. После жестокой битвы парфавы были побеждены и начали обращаться в бегство. Они поднялись в горы, что в этой стране, сбивая свои ряды, и оставили всех своих лошадей персам. Персы же преследовали их, окружили горы и перебили из них [парфавов] бесчисленное количество. Когда парфавы увидели, что, не проявив большого мужества, все они, без сомнения, будут убиты, они осмелели, спустились на персов с несказанной силой, погнали их, а на персов напал страх перед ними. Парфавы устремились за ними до моря, а трупы их падали подобно саранче. Когда они поворачивали, они встретили других персов, что отделились от своих товарищей. Между ними возникла новая битва и длилась два дня. Когда наступила третья ночь, легли спать обе стороны, чтобы сразиться утром. А когда встали парфавы, то не увидели ни одного перса, потому что все бежали в ту ночь и отправились к своим товарищам и объединились с ними. Парфавы вернулись победоносными, гордясь собою».[1]

Так как и на этот раз парфяне вышли победителями, они отмстили всем, кто не оказал им поддержки в этой кампании. Поэтому они обрушились на Адиабену, царь которой, Нарсай, «не пошел на войну с парфавами». Автор хроники Арбелы пишет так: «Разгневались эти угнетатели-волки, а когда они вернулись с войны победоносными, они вторглись в нашу землю, наши города разрушили, ограбили, и отправились в свои земли, царя же Нарсая они утопили в Большом Забе». При этом они убивали и уничтожили много народа. Адиабена тяжело пострадала от расправы, недаром хроника называет парфян «угнетателями-волками». Как уже указывалось, эти небольшие государства — Осроена, Адиабена, Гордуена — жили между двух огней, вынужденные опасаться то нападения римлян, то жестокого принуждения парфян.

При императоре Севере (193—211) борьба в Месопотамии вспыхнула вновь. Жители Осроены и Адиабены восстали и осадили Нисибин, причем они напали и частью уничтожили вои-

[1] A. Mingana. Sources syriaques, I, стр. 21—22.

нов полководца Нигера. Последний был соперником Септимия Севера, оба претендовали на звание императора. После смерти Нигера восставшие направили посольство к Северу. Они оправдывались, утверждая, что действовали в интересах Севера, так как расправились со сторонниками Нигера. Они послали также дары, обещали вернуть взятых в плен и часть добычи. Но они не желали «оставить взятые ими стены», допустить гарнизоны римлян и более того — требовали вывода всех войск из своих областей. Арабы, которые, впрочем, не получили поддержки ни от одного из соседних народов, соглашались на более сходные для римлян условия, но и они не были приняты Севером,[1] выступившим в поход.

Переправившись через Евфрат в сентябре 194 г. римские войска испытали в дальнейшем продвижении большой недостаток воды и страдали от жажды и зноя. Остановился Север в Нисибине, сделав ее своей штаб-квартирой. Отсюда он направил отряды, которые вытеснили восставших, опустошили их территории и взяли города (καὶ τὰς πόλεις ἐλάμβανον).[2] Чтобы укрепить положение римлян в Междуречьи, Север разделил свои войска на три части (Σεουῆρος κἀθις τρία τέλη τοῦ στρατοῦ ποιησας), поручив их трем различным полководцам. Несколько испорченный текст Диона Кассия сообщает, что все эти войска Север послал к Архе (ἐπὶ τὴν Ἀρχὴν ἐξέπεμψε), но такого географического названия нет. Исправления дают или Адиабену или столицу этого государства Арбелу.[3]

Во всех этих случаях борьбы на Востоке следует отметить особое положение Нисибина, за который вели войну разные государства. После побед Севера, Нисибин получил права колонии и стал резиденцией прокуратора. Другая провинция была организована в Осроене, также под управлением прокуратора.

Военные операции были закончены в 195 г. Победы были отмечены тем, что Север получил звание Арабского и Адиабенского. Оба звания отмечали дальний прицел, который имели римские завоевания на Востоке, так как полные титулы, данные Северу были «Parthicus Arabicus» и «Parthicus Adiabenicus». Упоминание «парфянский» в этих титулах и указывало на то, что Рим рассматривал свои завоевания как простирающиеся на Парфию, имеющие в конечном счете ее ослабление. Не менее интересно и другое явление — слово «парфянский» исчезает к концу года из титула Севера. Это объясняется тем, что озабоченный делами на Западе, он был вынужден ослабить внима-

[1] Dio Cassius, 75, 1 — t. III, стр. 339.
[2] Dio Cassius, 75, 2 — t. III, стр. 339.
[3] Dio Cassius, 75, 3 — t. III, стр. 340.

ние к Востоку.[1] Даже управление Осроены было вновь передано в руки местной династии Абгаров.

В 197 г. восточная кампания возобновилась, так как парфяне стремились вернуть свое положение в Месопотамии. Войска Вологеза прошли все Междуречье, осадили Нисибин и оставили осаду лишь при приближении римских легионов.[2] Последние взяли Вавилон, Селевкию и Ктесифон, который был ими жестоко разграблен. Легкое продвижение римских войск обеспечивалось лодочной флотилией, с которой они двигались по Тигру. Но самая кампания носила характер беглого похода-нападения, но не сохранения захваченных городов, так как римские войска, разграбив их и захватив добычу, покинули их, не оставив гарнизонов.[3] Обратный путь легионам был выбран другой, с тем чтобы они не страдали от недостатка пищи и фуража.[4] В этом походе Север натолкнулся на ожесточенное сопротивление Хатры (τὰ Ἄτρα). Войска Рима дважды осаждали ее и вынуждены были оставить осаду.[5] Вторичная осада была предпринята в 199 г., в котором была закончена и вся кампания. В начале 198 г. Север принял уже титул «Parthicus Maximus», знаменуя свою победу над Парфией. Осроену Север оставил в руках Абгара IX. Но он организовал провинции Месопотамии, так что Осроена в сущности не имела самостоятельности. Нисибин остался колонией Рима, управляемой прокуратором, и центром новой провинции с конным гарнизоном. К этому времени следует отнести и создание римлянами новой укрепленной границы Сирии, которая шла через ряд городов Междуречья — от Евфрата к Киркезиуму, по долине р. Хабора к Танурису, Сингаре и Тигру. Решайна тоже стала колонией, ее пересекал путь на Нисибин от Зейгмы и Никифории на Евфрате.[6]

Об укреплении границы Сирии говорит Дион Кассий, но надо думать, что он ошибочно относил это к первому походу Севера: Ὁ δὲ Σεουῆρος... ἐλεγέ τε μεγάλην τέ τινα χώραν προσκατῆσθαι, καὶ πρόβολον αὐτὴν τῆς Συρίας πεποιῆσθαι[7] «Север... говорил, что присоединил большое пространство и сделал его укреплением Сирии».

В Осроене оставался царь Абгар. Положение его государства среди непосредственно подчиненных Риму областей было шатким. В мае 216 г. император Каракалла пригласил в качестве своего друга Абгара к себе в Антиохию. Но оттуда он его

[1] Cambridge ancient history, v. XII, стр. 10.
[2] Dio Cassius, 75, 9 — t. III, стр. 347.
[3] Dio Cassius, 75, 9 — t. III, стр. 347.
[4] Dio Cassius, 75, 9 — t. III, стр. 348.
[5] Dio Cassius, 75, 10; 75, 11 — t. III, стр. 348.
[6] Cambridge ancient history, v. XII, стр. 17.
[7] Dio Cassius, 75, 3 — t. III, стр. 340.

не выпустил. Таким образом он «лишил Осроену царя»,[1] и она вошла в состав римских провинций. Подобным же образом он поступил с царем Армении, который находился в ссоре со своими сыновьями. Пригласив их якобы для того, чтобы примирить, он не хотел их отпускать, но те взялись за оружие.

Между тем в Парфии Вологеша IV (191—207/08) сменил его сын Вологез V. В 213 г. между ним и его братом Артабаном, будущим Артабаном V, возникло соперничество и борьба. Артабан был правителем Мидии, его монеты выбивались в Экбатане. Борьба продолжалась и далее, так как имеются монеты Вологеша V, выбитые в Селевкии в последующие годы (например, в 216 г.).

Артабан V, сменивший на престоле Парфии Вологеша, должен был опасаться наступления римских войск. Летом 216 г. Каракалла пересек Месопотамию и Тигр и двинулся к Адиабене, пройдя «земли вокруг Мидии». Он «опрокинул стены, взял Арбелу, открыл гробницы парфянских царей, кости их разбросал». Но с парфянами дело у него даже «не дошло до рук» (οὐ γὰρ Πάρθοι, οὐδὲ ἐς χεῖρας αὐτῷ ἦλθον).[2] Иначе говоря, они уклонились от военных столкновений.

Едва ли следует сомневаться в словах Кассия Диона, что дело было, конечно, не в отказе Артабана выдать свою дочь замуж за Каракаллу, а в том, что «он желал овладеть царством парфян».[3]

Но против Каракаллы существовал заговор, который и был осуществлен 8 апреля 217 г., когда он был убит на пути из Эдессы в Карры, куда он направлялся.[4] Для него Эдесса была одним из опорных пунктов в Месопотамии.

Артабан V, повидимому не зная о смерти Каракаллы, двинулся в Месопотамию, и когда Макрин, прислав ему пленных, предложил мир, он ответил римскому полководцу «непомерными требованиями» — покинуть всю Месопотамию, восстановив ее крепости (фурии) и города.[5]

Хроника Арбелы положение при Артабане считает тяжелым, так как «волнения и войны были повсеместны», и особенно «в то время было много войн между ромеями и партавами». О походе в Месопотамию говорится: «. . .вторгся Артабан, царь партавский, в земли ромеев и сжег много городов области Бет-Арамайе. С ним отправился и Шахрат, царь Хедайяба (Адиабены)».[6]

[1] Dio Cassius, 77, 12— t. III, стр. 386.
[2] Dio Cassius, 78, 3 — t. III, стр. 405.
[3] Dio Cassius, 78, 1 — t. III, стр. 403.
[4] Dio Cassius, 78, 5 — t. III, стр. 408.
[5] Dio Cassius, 78, 26 — t. III, стр. 432—433.
[6] A. Mingana. Sources syriaques, I, стр. 28.

На гневный ответ Артабана Макрин ответил немедленным выступлением. Римские войска под его командой дошли до Нисибина, но были разбиты наголову. Сирийская хроника говорит, что «Маркиан, царь ромеев», т. е. Макрин, «выступил и напал с большой силой» на Артабана, «и длилась война между ними. Наконец, пришли оба царя к тому, что никто не будет проливать крови без серьезной причины. Обе стороны вернулись, каждый в свою землю». На самом деле, чтобы купить мир, римлянам пришлось заплатить огромную сумму (около 15 000 000 драхм) самому Артабану и его приближенным.[1]

Что касается Армении, то царская власть досталась Тиридату, диадема была ему прислана императором Макрином.[2] Успех вскружил голову парфянам — «тогда усилились партавы, осмелели, возгордились и не желали ничего, кроме убийства».[3]

События последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры говорят о том, что Рим вел активную политику на Востоке, постепенно захватывая одну область за другой. Он больше всего придавал значение Месопотамии как месту скрещивания торговых путей, как богатой сельскохозяйственными продуктами и имевшей крупные торгово-ремесленные центры. В этом отношении интересны постепенные попытки Рима овладеть тем или другим мелким государством, добиться свержения царей местных династий, чтобы затем ставить их в зависимое от себя положение. Заменяя, наконец, царьков прокуратором или стратегом, Рим превращал эти маленькие восточные государства в римские провинции. История Армении и ее роль в этой борьбе освещены исследователями. Сравнительно мало изучена история таких областей, как Осроена, Мигдония (Нисибин), Адиабена. В общем движении на Восток римских легионов каждое из государств претерпело изменения в своем политическом управлении, в своем общем положении на Востоке. В каждом из этих небольших государств велась упорная борьба за влияние между Парфией и Римом, а в ряде случаев господствующее положение начинала занимать Армения.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ПАРФИИ И ЕЕ ГОРОДА

Завоевания Александра и господство Селевкидов не было особенно продолжительным на Востоке. К середине III в. до н. э. Парфия, занимавшая юго-восточный бассейн Каспийского моря и входившая как одна из сатрапий в состав государства Селевкидов, восстала и получила независимость. Ее добилась и Армения, не говоря о более отдаленных восточных

[1] Dio Cassius, 78, 26; 78, 27 — t. III, стр. 433, 434.
[2] Dio Cassius, 78, 27— t. III, стр. 435.
[3] A. Mingana. Sources syriaques, I, стр. 28.

областях. Причины возвышения Парфии следует искать в социально-экономических явлениях.

Если верить щедро собранному списку городов в Мидии, Гиркании и Парфии, то ко времени Александра и Селевкидов относится основание одиннадцати городов.[1] Часть этих названий только случайно упомянута, и их нельзя идентифицировать, другие, как Экбатана и Гекатомпил, хорошо известны древнему Ирану, задолго до завоеваний Александра. Некоторые другие центры были также только переименованы и обновлены из числа старых городов. В связи с этим могло произойти и известное оживление некоторых видов ремесла в городах. Но значительных изменений в период греко-македонского владычества не произошло. Материалы парфянского периода обнаруживают глубокие процессы в жизни этого общества, быть может, подготовленные предшествующим периодом.

В этом отношении выдающийся интерес представляют Авроманские документы, датировать которые с большой вероятностью можно I в. до н. э., так как 225 и 291 гг. двух греческих пергаменов, повидимому, даны по селевкидской эре.[2] Эти действительно замечательные документы были неоднократно предметом исследования различных ученых. В последнее время им было уделено место на страницах «Вестника древней истории», но автор статьи использовал для парфянского времени хронологически не соответствующий, гораздо более поздний материал Матикана.[3] Сасанидский законник, «Сборник тысячи решений», как известно, составлен в VI в. н. э., а единственная рукопись, в которой он дошел, позднего времени, и относить его содержание к парфянскому периоду никак нельзя. Содержание Авроманских документов не оставляет сомнения в том, что речь идет об общинном пользовании землей, при котором тот или иной участок доставался данному лицу. Общинники (οἱ συνκλῆροι) составляли общину, подати которой выплачивались совместно и сполна, что говорит о существовании круговой поруки во взносах. Однако Авроманские греческие документы показывают еще одну существенную сторону жизни Парфии, а именно, что община начала терять свой прежний характер и общинная земля, доставшаяся ее члену, «выпавшая ему на долю», являлась предметом продажи. Покупавший землю был обязан участвовать в совместном взносе податей со всей общинной земли. Проданный участок не отчуждался, он оставался в пределах общины, но переходил в другие руки, что указывает на разложение общины, неравномерное имущественное состояние ее членов.

Такого рода явления говорят о возникновении новых форм собственности на землю, что имеет решающее значение в историческом процессе. В этой связи обращает на себя внимание третий авроманский документ, пехлевийский, который мало привлекался исследователями. Датированный трехсотым годом, следовательно относящийся к самому началу I в. до н. э., если считать, что это селевкидская эра, этот пергамен говорит о продаже виноградника (כרמא).[1] Для выражений «продавать» и «покупать» используется широко распространенный арамейский глагол זבן в разных формах.[2]

Названы два лица: продающий и покупающий виноградник, причем уплата за виноградник составляет 54 драхмы. Сделка была заключена и клятвенно закреплена перед свидетелями, названными в документе. Продажа и покупка производятся, насколько позволяет судить документ, двумя свободными людьми; после совершения сделки купивший является собственником, владельцем земли. В тексте он назван «бумхватай» от «бум» — «земля» и «хватай» — «господин», «хозяин», т. е. буквально «хозяин земли» (строка 4).[3]

Отсюда может быть сделан вывод, что в парфянский период имелась земля в собственности владельца, которую он обрабатывал. Он имел возможность продать свой участок, как это делали и общинники со своими участками; об этом свидетельствуют греческие пергамены из того же Авромана.

Таким образом, может быть отмечено известное изменение в характере земельной собственности. Эти изменения являются выражением тенденции делать землю частной собственностью. Земля могла быть продана, но при этом не отчуждалась из общинной собственности. Наряду с этим имелись и частновладельческие земли, которые находились в полной собственности владельца — «бумхватай» — и не составляли части общинной собственности.

Указанные явления свидетельствуют о постепенном развитии общественных отношений восточных обществ, изменении характера земельной собственности, его динамике.

Общественный строй Парфии развивался при наличии крестьянской общины, сложившейся в отдаленнейшие времена и начинавшей приобретать новые черты, вызванные ее разложением. Задолго до греко-македонской экспансии и господства

[1] V. Tscherikower, ук. соч., стр. 99—101.

[2] E. H. Minns. Parchments of Parthian Period from Avroman in Kurdistan. Journal of Hellenic Studies, 1915, XXXV, стр. 22—65.

[3] А. Периханян. Рабовладение и землевладение в Парфии. ВДИ, 1952, № 4, стр. 22, 25.

[1] E. Herzfeld. Paikuli, I. Berlin, 1924, стр. 83.

[2] Там же, Glossary, стр. 180.

[3] Там же, стр. 154. — H. S. Nyberg. The Pahlavi documents from Avroman. Le monde oriental, t. 17, 1923, стр. 202.

Селевкидов в областях Междуречья и западного Ирана сложились рабовладельческие отношения. Для времени парфянского господства характерно воспроизводство старого производства, уровень которого стал проявлять известную тенденцию к повышению.

Крайняя скудость источников не позволяет охарактеризовать с должной определенностью внутренний строй Парфии, и один из самых глубоких исследователей источников по истории Ирана справедливо называет этот период «темным».[1] Большой интерес представляют поэтому сведения Помпея Трога.

Римский историк Помпей Трог (Pompeius Trogus) родился в Галлии, где его отец служил и воевал при Юлии Цезаре.[2] Других биографических сведений о нем не имеется. Последние события, упоминаемые Трогом в его историческом сочинении, относятся к 19 г. до н. э. — это окончание испанской войны при Августе (42, 5, 10). В «De viris illustribus» Трог упомянут в качестве красноречивого автора. Труд его должен был, следовательно, появиться до 2 г. н. э. Помпей Трог писал на латинском языке, его целью было составить дополнение к римским анналам, в том числе и к труду Ливия, который был ему известен. Анналисты касались преимущественно истории Рима, Трог же стремился включить в свой труд сведения по истории других государств. До нашего времени сочинение Помпея Трога дошло лишь в сокращенном изложении Юстина, названном «Trogi Pompei historiarum Philippicarum epitoma». В этом изложении Юстина оно цитировалось уже в IV в. н. э., в известной «Scriptores Historiae Augustae».

В 41-й книге «Сокращенной истории» излагаются данные о характере, быте и обычаях парфян. Приводим русский перевод текста § 2 этой главы.

«Управление народа [парфян] после падения македонского владычества осуществлялось царем. Ближайшим к царю [букв. царской власти] является сословие высших (ordo praepositorum), из которых они имеют военачальников на войне и правителей в мирное время. Их язык средний между скифским и мидийским и смешан из обоих. Их одежда некогда была своеобразна, после того как появилось богатство, она стала прозрачной и волнующейся, как у мидян. Их оружие отечественного и скифского образца. Их войско не как у других народов, свободное, но в наибольшей части состоит из зависимых (sed maiorem partem servitiorum habent), и так как никому не дано

[1] W. B. Henning. Zoroaster politician or witch-doctor. Oxford, 1951, стр. 18.

[2] Pauly-Wissowa. Realencyclopädie, Bd. XXI, 2, 1952, кол. 2301, 2305. — F. Altheim. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter, I, стр. 2—8.

право их освобождать, все они рождаются рабами (ac per hoc omnibus servis nascentibus), и их масса изо дня в день увеличивается. Забота о них одинакова, как и о свободных, и их учат с большим искусством ездить [верхом] и метать [стрелы]. Чем кто-либо богаче, тем больше конных он ставит царю. Когда Антоний начал войну, парфяне встретили его с 50 тысячами конных, из которых только 400 были свободными (soli CCCC liberi fuere)».[1] Далее излагаются особенности в приемах, применяемых парфянами на войне.

В соответствии и с другими источниками Помпей Трог отмечает особенно выдающееся положение знати, «сословия высших» (ordo praepositorum). Она составляет ближайшую к царю часть его подданых, из нее вербуются военачальники в военное время, для походов, знатные осуществляют управление государством в мирное время. Но особенно ценной является характеристика, данная войску парфян, которое, говорит историк, не состояло «из свободных», как у других народов. Парфянское войско состояло из зависимых людей, названных «servitiores». В их зависимом состоянии нельзя сомневаться, так как: 1) никому не дано право их освобождать и 2) все они рождаются рабами. Здесь, во втором случае, они названы просто «servi», а не «servitiores», как в первой части того же 5-го стиха § 2.[2] Поэтому все основания переводить и термин «servitiores» как «зависимые». В терминологии может быть усмотрена тонкая разница, ее можно сопоставить с представлением о рабах и о клиентах. На последнее указывает подчеркнутая забота, проявляемая относительно них: выучку военную они проходили в одинаковой мере со свободными, учились ездить верхом и метать стрелы с большим искусством. Эта главная масса войска была, очевидно, клиентами знати, их «выставляли», соответственно своему «богатству», царю в качестве воинов. Парфянское войско — конное и только конное, из данного текста это совершенно очевидно, как и из других источников. Из этого можно заключить, что у парфян эти массы клиентов или рабов не только несли военную службу, но были в полном смысле слова опорой и силой, составляли основу армии, где liberi были в ничтожном количестве.

В следующем, третьем, параграфе той же главы имеются сведения, которые следует сопоставить с приведенными выше, чтобы сделать соответствующие выводы.

Юстин пишет: «Во всякое время они [парфяне] ездят верхом: на войне, в гостях, вершат государственные и частные дела; на них [конях] они путешествуют, встречаются, торгуют,

[1] Iustinus. Trogi Pompei historiarum Philippicarum epitoma, XXXXI, 2. Lipsiae, 1876, стр. 201. (В дальнейшем: Iustinus).

[2] Iustinus, XXXXI, 2 — стр. 201.

совещаются. Именно это различие есть между рабами и свободными, что рабы (servi) пешие, а свободные (liberi) выезжают только верхом».[1] Этот текст был привлечен еще акад. Я. А. Манандяном, справедливо видевшим в нем указание на наличие рабов в Парфии и в Армении, которые отличались от свободных тем, что «ходили пешком».[2] Я. А. Манандян считал рабство недостаточно распространенным институтом в общественном строе Парфии.

Приведенные выше тексты Юстина—Помпея Трога находятся как бы в некотором противоречии, так как конное войско парфян состоит из рабов, а рабы в отличие от свободных «пешие». Но здесь следует обратить внимание на то, что в первом случае,[3] когда речь идет о войске, употреблен термин «servitiores», который можно перевести не как «рабы», а как «зависимые», «несвободные», а возможно и «клиенты». Во время выполнения своей воинской службы они могли пользоваться конем, тем более что их тщательно обучали верховой езде. В Парфии существовали, с одной стороны, клиенты, которые рождались в этом своем положении несвободных людей, и их никто не имел права освобождать. С другой стороны, существовали рабы, выполнявшие всякого рода домашнюю работу, рабы, бывшие непосредственными производителями, они не имели права пользоваться конем, который был привилегией свободных (liberi). Таким образом, приведенные тексты авторитетного источника, каким является Помпей Трог, свидетельствуют о наличии рабовладельческих отношений в Парфии. Войско состояло не только из значительного, но из подавляющего большинства людей несвободных, обученных военному искусству. То, что термин «servitiores» обозначал клиентов, получает подтверждение на основании сведений Плутарха. Последнему известно, что члены знатного рода Сурен представляли в рать воинов, состоявших из клиентов, несвободных людей (πελάται) и из рабов (δοῦλοι).[4] Такое сопоставление соответствует и данным Трога, подтверждая различие, которое он делает между состоянием рабов (servi) и клиентов (servitiores). Наличие как одних, так и других характерно для рабовладельческого строя вообще, а в данном случае для общественных отношений Парфии.

Источники I в. н. э. дают возможность более углубленно рассмотреть положение городов в Парфии. Материал, который можно использовать, относится к Селевкии и к Сузам.

О том, как небольшое селение Опис было превращено в город Селевкию, вобравший в себя большое количество населения старого Вавилона, речь была выше. Выгодное географическое положение нового центра сохранило за ним целый ряд преимуществ. В частности, большие каналы связывали бассейн Тигра с бассейном Евфрата, они были прорыты в том месте, где особенно близко подходят друг к другу обе реки.[1] К I в. до н. э. наладился торговый путь через Среднюю Азию в Китай. По южному пространству Иранского плато установился путь в Индию. Торговые отношения сказались на экономическом положении городов, база которых стала гораздо более прочной. Это в свою очередь укрепило на известное время связь городов с правительством Аршакидов. Военная сила Парфии обеспечила спокойствие на дорогах, возможность беспрепятственного передвижения, безопасность и позволяла городам вести торговлю. На благоприятное положение Парфии в I в. до н. э. и развитие товарно-денежных отношений указывает, в частности, нумизматика. Этот объективный материал говорит языком веса. Так, монеты селевкидской чеканки приобрели значительно больший вес за счет серебра, особенно в период от 70-х до 40-х годов I в. до н. э. Насколько позволяют судить источники, некоторые города Парфии, как, например, Селевкия и Сузы, сохранили автономное устройство. Греческое и грекоязычное население городов участвовало в их полисном управлении, в котором стало принимать участие и население, принадлежащее к другим этническим группам, в первую очередь персы, арамейцы. Однако никак нельзя согласиться, будто греческий элемент играл столь большую роль в городах, что Аршакиды считали себя обязанными заигрывать с ним.[2] Конечно, звание «филэллина», которым украшали свое имя на монетах парфянские цари, не случайно. Но оно говорит не столько о их связи с греческим населением, сколько о их желании получить опору в городах вообще. Независимость и полисная организация городов нарушали единство и возможности централизации Парфянского государства, были как бы инородным телом в его пределах.

Сопоставляя, с одной стороны, возрастающую власть шаха над городом, ослабление полиса, с другой стороны, явления разложения общины, следует сделать вывод, что парфянский период был периодом, когда новые наметившиеся черты дальнейшей стадии развития общества могут быть отмечены. Немногие самоуправляющиеся городские центры, имевшиеся в Иране,

[1] Iustinus, XXXXI, 3 — стр. 201.
[2] Я. А. Манандян. Проблема общественного строя доаршакидской Армении. Истор. записки, т. 15, 1945, стр. 19.
[3] Iustinus, XXXXI, 2 — стр. 201.
[4] Plutarch. Crassus, 21, 7; 27, 2. — A. Gutschmid. Geschichte Irans..., стр. 33. — F. Altheim. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter, II, стр. 28—29.

[1] M. Streck. Seleucia und Ktesiphon. Leipzig, 1917, стр. 5, 10.
[2] R. H. Mc Dowell. Coins from Seleucia, стр. 219.

стали склоняться «под руку шаха», так как они не имели достаточной опоры в рабовладельческом строе, развитие которого не отвечало характеру производства, необходимого для устойчивого положения полиса.

Конечно, никак нельзя отрицать борьбы различных этнических элементов в городах, но несомненно гораздо большее значение имела классовая борьба. Высший класс в городах, рабовладельческий, состоял совсем не из одних греков и македонцев, к I в. до н. э. значительная часть его была смешанной, так как браки между пришлым и коренным населением заключались широко со времени завоеваний Александра. Персы, сирийцы составляли часть этого рабовладельческого класса в городах и участвовали в их самоуправлении, были членами булэ. Классовая борьба внутри города часто получала дополнительно характер этнической, она казалась не раз связанной со «случайными» обстоятельствами. Между тем источники сообщают о внутренних распрях и волнениях в городах Парфии. Они были проявлением классовой борьбы, неизбежной при рабовладельческой основе этих городов. Город доминировал над областью, обычно подчиненной ему. В самом городе были значительные группы населения в состоянии рабов, что не могло не отзываться на жизни города.

Города, основанные греко-македонскими колонизаторами и получившие благодаря этому автономное, полисное устройство, не были построены на пустом месте. Это были старые города или селения с местным коренным населением, которое попадало в зависимость от «основателей»-пришельцев. Переселенное или перешедшее в город население областей также оказывалось в несравнимо худшем положении, чем вершители судеб — греко-македонцы.

Немногие представители знати местной, персидской и арамейской, образовали высший класс, смешавшись с греками. Значительную роль играли и этнические особенности городского населения. Смешанные браки главным образом среди аристократии привели к ассимиляции, к знанию греческого языка и персами. Но народные массы жили по-прежнему своей жизнью, сохраняя свой язык, обычаи и религию.[1] Это явление прослеживается по греческим надписям парфянских городов, как, например, по надписям, найденным в Сузах. Смешение этнических элементов в высшем классе рабовладельцев указывает на прочность и определенность этого класса, который может быть охарактеризован как рабовладельческая аристократия. Но наряду с этой аристократией в городах существовала часть того же класса эксплоататоров, которая, однако, не имела

[1] M. J. Rostovtzeff. The social and economic history of the hellenistic World, I, стр. 517—524.

того политически прочного и авторитетного положения, как аристократия. Эти широкие круги к тому же не были членами булэ, следовательно, не могли иметь такого влияния на дела города.

О значительном проникновении греческого языка и эллинистических традиций в жизнь восточных городов свидетельствуют печати и мелкие предметы из Селевкии, снабженные надписями. В Эдессе (Орхай) и в Селевкии были найдены печати библиофилакта (βιβλιοφύλαξ). Точно функции этого должностного лица не известны, но, повидимому, в его руках было сосредоточено управление царскими землями, контроль над доходами и расходами по этому имуществу.[1] Сохранились также печати хреофилактов Эдессы и Селевкии, обязанности которых заключались в регистрации и учете податей и налогов. С течением времени характер должности хреофилакта (χρεοφύλαξ) менялся; отмечается также различие между кругом деятельности этого должностного лица в Эдессе и в Селевкии.[2] Большое число печатей принадлежит сборщикам налогов. Налоги были специализированы, одни печати относятся к сбору так называемого соляного налога, другие — к налогу на ввозимых рабов, третьи — к налогу за причал в гавани Селевкии и т. д.[3] Установленные в период господства Селевкидов такого рода налоги встречаются и в позднейшее время, о чем можно судить на основании Пальмирского тарифа, где перечисляются соляной налог, отчисление государству за ввоз рабов и т. п.

Наряду с этими данными об организации жизни Селевкии по образцу эллинистических городов сохранилось свидетельство одного восточного источника. «История мар Мари» была написана на сирийском языке неизвестным клириком после 642 г. н. э., так как в ней упоминается об Арташире, при котором наступил «конец персидской державы».[4]

Составителем этого памятника были использованы неизвестные письменные источники. Тенденциозно стремясь перенести историю Мари в обстановку I или II в. н. э., автор описывает Селевкию как эллинистический город, каким он в известной мере и был до воцарения Сасанидов. «В Селевкии, — сообщает «История мар Мари», — было три собрания, одно старцев, другое юношей и третье мальчиков, ибо так они установили свои собрания».[5] Очевидно, что речь идет о герусии, «собрании старцев», среди которых один занимал положение главы «старшины

[1] R. H. McDowell. Stamped and inscribed objects from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935, стр. 128, 130.

[2] Там же, стр. 131—137.

[3] Там же, стр. 175, 179. 173—174.

[4] R. Raabe. Die Geschichte des Dominus Mâri. Leipzig, 1893, стр. 10. (ошибочно упоминут Арташир вместо Ардгерда).

[5] Acta sancti Maris aramaice et latine ed. J.-B. Abbeloos. Analecta Bollandiana, t. IV, Bruxelles, 1885, стр. 90—91.

собрания» (𐡐𐡅𐡂𐡀 𐡓𐡁𐡀). Что касается «собраний» мальчиков, то автор, очевидно, имел в виду гимназии, школы, известные и в эллинистических городах.

На то, что составитель «Истории» использовал какой-то письменный источник и притом достоверный, указывает его терминология. Для понятия «собрание» в тексте дано слово 𐡐𐡅𐡂𐡀 — «puhra», оно отвечает ассирийскому «puhru», обозначающему в соответствующих памятниках «собрание» как орган самоуправляющегося города. Такое «собрание» (puhru) в Уруке (Orhai, Эдесса) в селевкидское время возглавлялось старшиной, эконом.[1] Для сирийского языка более обычным был бы термин 𐡒𐡍𐡔𐡉𐡀 — «kenušia» — собрание, как называются корпорации ремесленников, «собрание», или корпорация, школы. Между тем здесь дан термин «puhra», который непосредственно связан с понятием «собрание» в ассирийских документах селевкидского и ближайшего к нему времени, что указывает на использование соответствующей традиции.

Таким образом, можно считать, что в Селевкии, как в городе, организованном по эллинистическому образцу, и в дальнейшем сохранялись эти традиции. Подтверждение этому следует видеть в самоуправлении города, за которое держались господствующие слои общества, знать и аристократия.

Данные источников позволяют сделать вывод, что Артабан III (12—38 гг.) поддерживал аристократию и отдал в ее руки город. Об этом говорит и приведенный выше текст Тацита.[2] Характерно, что на тетрадрахмах 20—25 гг. Артабан изображен сидящим, а гений, или божество, Селевкии стоящим, муж в парфянской одежде стоит перед ним на коленях. Это изображение символизирует подчинение Артабану Селевкии.[3] Но когда интрига, в которой руководящая роль принадлежала римской дипломатии, привела на престол Тиридата, он восстановил права полиса. Мак Доуэллу представлялось, что за Тиридата и проримскую политику были «местные элементы», т. е. коренное население Селевкии — парфяне.[4] Но ему совершенно справедливо возразил Дибвойз,[5] указав на то, что Тацит определенно говорит, что за Тиридата стояли три группы — греки, аристократия и сторонники Рима. «Местные элементы», следовательно, можно видеть только в сторонниках Рима, в чем Дибвойз и сомневается.

[1] M. Rostovtzeff. A. parchment contract of loan from Dura—Europos Yale classical studies, t. II. New Haven, 1931, стр. 40.

[2] Tacitus. Annales, VI, 42; XI, 9.

[3] R. H. McDowell. Coins from Seleucia, стр. 224 (монеты 20/21, 23/24, 24/25 гг.).

[4] Там же, стр. 225.

[5] N. C. Debevoise. A political history of Parthia, стр. 16.

Расшифровать истинный смысл восстаний в Селевкии и беспокойное состояние города вообще можно, только учитывая жестокую классовую борьбу, которая раздирала этот город в парфянское время. Классовая борьба в рабовладельческом городе была осложнена тем, что высшая, аристократическая часть общества, связанная с булэ, находилась во враждебных отношениях с более широкими слоями общества. Последние принадлежали к тому же классу рабовладельцев и эксплоататоров, но не получали политической значимости. Эти более широкие слои того же класса составляли как бы «народ» Селевкии, были полноправными гражданами, участниками экклесии; они состояли из зажиточного городского населения и по этническому признаку были местными людьми — парфянами и арамеями. Борьба между этими группами разжигалась политикой Рима, их антагонизм использовали и различные претенденты на престол Парфии. Но помимо этого, самая борьба возникала на почве глубоких классовых противоречий рабовладельческого общества, дававших себя отчетливо знать в этот период.

Общим направлением политики Парфии в отношении городов можно назвать стремление подчинить их царю. Города с полисным устройством страдали от внутренних противоречий и острой классовой борьбы, которая подчас разрешалась обращением к царю, а он не терял случая вмешаться и проявить свою власть над городом. В сасанидский период о самостоятельности городов и их полисном управлении нет и помина. Все города находятся во власти царя.

Примером того, как постепенно совершалось подчинение города царю и ему открывалась возможность вмешиваться в дела города, служит греческая надпись в Сузах, запечатлевшая письмо Артабана III к этому городу.

ПИСЬМО АРТАБАНА III К СУЗАМ

При крайней недостаточности материалов по внутренней истории Ирана в парфянский период надпись, найденная в развалинах Суз и опубликованная Ф. Кюмоном в 1932 г., представляет большой интерес. Написанная на греческом языке, хорошей сохранности, надпись выбита на блоке серого мрамора, хранящегося в настоящее время в музее Лувра в Париже.[1]

Надпись является письмом парфянского царя Артабана III, полученным в 21/22 г. в Сузах. Оно обращено к двум лицам — Антиоху и Фраату, к архонтам и городу и начинается с привета (χαίρειν) к ним. Артабан подтверждает допустимость

[1] F. Cumont. Une lettre du roi Artaban III, стр. 238—240. — C. B. Welles. Royal correspondence in the hellenistic period, стр. 299—300.

повторных выборов в архонты заслужившего лица, даже без пропуска трех лет между первыми и повторными выборами. Запрещение занимать подряд в течение двух трехлетий выборную должность в Сузах было правилом, которым руководились здесь, как и в других эллинистических городах. Мраморный блок с надписью служил основанием для статуи Гестиая, поставленной в 25/26 г.[1] На основании этой надписи можно с уверенностью говорить, что Сузиана составляла одну из частей аршакидского Ирана и находилась на положении сатрапии. Во всяком случае при Фраате IV и Артабане III это подтверждается достаточным материалом.

Антиох и Фраат, «находящиеся в Сузах», упоминаются первыми в обращении шаха. Они не принадлежат к архонтам, упомянутым вслед за ними, а занимают более высокое место. Антиоха следует считать эпистатом, т. е. представителем царской власти в Сузах, контролировавшей местную муниципальную администрацию города. Это положение сохранялось со времени Селевкидов. Что касается второго лица — Фраата, то он был стратегом или сатрапом Сузианы, тем более что он носил персидское имя. Его справедливо считают тем же лицом, что Фраат, имевший «значительную префектуру» при Артабане III. Когда в 36 г. Тиридат III захватил престол, то именно Фраат с другими «могущественными мужами» («viros praepollentes») не поддержал его и не поехал на его коронацию. В числе других Фраат вызвал Артабана, бывшего в Гиркании, оказать сопротивление Тиридату и вернуть себе престол, что и было осуществлено Артабаном. Греческий язык надписи дал повод некоторым исследователям считать, что государственная канцелярия Аршакидов велась на этом языке.[2] С этим можно согласиться только отчасти. Сравнительно широкого употребления греческого языка в Парфии нельзя отрицать, но следует помнить, что наряду с этим арамейский язык и письменность и парфянский пехлеви (северо-западный пахлавик), с многочисленными арамейскими идеограммами, представлены целым рядом памятников. К ним принадлежат Авроманские документы,[3] а также документы, найденные в Старой Нисе экспедицией М. Е. Массона.[4] В настоящее время часть этих арамейских документов опубликована, другая, и притом наибольшая — около 1000 остракa, ждет дальнейшего исследования и издания.[5]

[1] F. Cumont. Une lettre du roi Artaban III, стр. 244, 246.
[2] Там же, стр. 250—251.
[3] H. S. Nyberg. The pahlavi documents from Avroman, стр. 208.
[4] И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лифшиц, М. Е. Массон. Налоговые парфянские документы II в. до н. э. из Нисы. Л., 1951.
[5] И. Винников. О языке памятников Нисы. ВДИ, 1954, № 2, стр. 115.

Надпись Артабана, иначе говоря его послание в Сузы, написана на греческом языке, так как она была обращена к городу, где имелась значительная греко-македонская колония. Сузы имели права полиса, как греческие города, и совет — булэ — решал его дела, понятно поэтому и обращение к городу на греческом языке. Имена граждан Суз, упоминаемые в надписи, также греческие, хотя за ними могли скрываться представители смешанного населения — греко-македоно-персидского.

Письмо Артабана в начале датировано по аршакидской эре, принятой шахской канцелярией. Но даты в письме относительно времени избрания Гестиая и других событий города даны по эре греков, т. е. Селевкидов. Эта эра начиналась 1 октября 312 г. до н. э.[1] Царское аршакидское летосчисление было официальным для государства, но города оставались верными селевкидскому счислению. Нам представляется весьма вероятным, что в жалобе, направленной Артабану из Суз, даты были даны по обычному для города селевкидскому летосчислению. Из канцелярии шаха ответили поэтому, датируя письмо в заголовке по принятой ими аршакидской эре, а решение и постановление шаха были изложены в соответствии с датами, данными в жалобе, т. е. по селевкидской эре.

Большой интерес в письме представляют данные, раскрывающие положение, которое занимает народ или народное собрание. Вопреки представленным в совет — булэ — возражениям по поводу избрания Гестиая на второе трехлетие, народ, т. е. «полис» (ἡ δὲ πόλις), пожелал вновь видеть его казначеем города. Отсюда можно сделать вывод, что в эллинизованных городах Ирана в начале нашей эры городское население не довольствовалось простым подтверждением депутатов, выдвинутых булэ, а пользовалось своими старыми правами народного собрания экклесии. Те же черты можно отметить и в Селевкии, где независимость народа, его самостоятельное положение засвидетельствовано Тацитом, как на то было указано выше. Артабан III лишь временно смог передать управление Селевкией совету — булэ — из трехсот человек, Тиридат поспешил вернуть прежнее положение, предоставив город «управлению народа».

В надписи обращение, в первую очередь, после поименованных лиц направлено к архонтам, а затем к городу. Под архонтами подразумевались представители города, облеченные административными правами. В Сузах к ним принадлежал стратег, а также специальный казначей, который назывался ὁ ταμίας.[2]

[1] R. A. Parker and W. H. Dubbestein. Babylonian Chronology. Chicago, 1942, стр. 18.
[2] F. Cumont. Une lettre du roi Artaban III, стр. 256.

Термин ταμίαι длительно удерживался как понятие казны, государственной казны. О Гестиайе говорится, что он взял на себя руководство, или «власть», над казначейством — ἀρξας ταμιευτικην ἀρχην (строка 3 надписи).[1]

Архонтов избирали на один год. В римскую эпоху большое значение имел имущественный ценз, богатство, которое обусловливало избрание данного лица. Та δοκιμασίς, т. е. «просмотр», «проверка», которой подвергали кандидата до его избрания, касалась главным образом этой имущественной стороны. По словам Тацита, в Селевкии собрание — булэ — из трехсот человек избиралось «по богатству или мудрости» (opibus aut sapientia delecti). В этих словах Кюмон видит внимание к «мудрости» кандидатов и считает непременным условием известный минимум эллинистической культуры для избираемых.

В Сузах «проверка» кандидата, его δοκιμασίς, имела место (строка 9).[2] Если действия избранного архонта не соответствовали «правде», были несправедливы (δίκαιος), то он должен был отвечать перед законом (строка 12).[3] На основании этой надписи можно с уверенностью говорить и о том, что положение о повторном избрании того же кандидата вновь только через три года действовало в Сузах, оно было установлено муниципальным положением — ἐκ τῶν διαγεγραμμένων (строка 10).[4]

Вообще в первые века новой эры в римских провинциях наблюдалось создание как бы известных наследственных должностей. В городах функции магистратов становились постоянными, передавались в семье наследственно. Такая устойчивость была несомненно связана с экономически прочным положением этих лиц и их семей. В изучаемой надписи отец взял на себя обязанность подтвердить избрание и прославить своего сына Гестиайа. Отец Деметрий Исагог (Εἰσαγωγεύς) сам не занимал официальной должности, во всяком случае в надписи сведений об этом нет. Но тот факт, что именно он воздвиг эту надпись, говорит о большом богатстве, которым он располагал. То же следует сказать и о его сыне Гестиайе, который имел возможности оказывать городу услуги.

Для Артабана несомненно было важным вмешаться в дела города; тот факт, что для разрешения спорного случая прибегли к его авторитету, имел большое значение. Обращение города, которым воспользовался Артабан, чтобы проявить авторитет шаха, следует сопоставить с его действиями в Селевкии. Общим направлением в его политике относительно городов было стремление к подавлению их автономии, с тем чтобы окончательно

[1] F. Cumont. Une lettre du roi Artaban III, стр. 240.
[2] Там же, стр. 242.
[3] Там же, стр. 243.
[4] Там же, стр. 242.

подчинить их себе. В Селевкии триста членов булэ как олигархическое начало ограничивали действия народа, к чему и стремился шах. Тиридат поспешил отменить ограничение муниципальных прав города. Подтвердить повторное избрание Гестиайа было для Артабана желательным, так как оно укрепляло высший класс городского общества, его аристократическую верхушку. Экклесия, представлявшая широкое городское собрание, включала и некоторое количество непосредственных производителей города, в ряде случаев проявлявших свою инициативу. Из высшего класса наиболее мощные и богатые получали возможность распоряжаться делами города. Шах имел возможность опираться на них и извлекать максимальное количество податей.

Вопрос об автономии городов, имевших эллинистические формы правления, и о их сохранении при парфянских царях получает некоторое разрешение на данных материалах. Несмотря на наличие эпистата, который правил от имени шаха и пользовался очень значительными полномочиями, все же можно говорить об известной самостоятельности городов.

Артабан III в послании к Сузам узаконил исключение из общего правила, принятого эллинистическими порядками городов. Самый факт обращения города по этому делу в канцелярию шаха, на решение последнего, говорит о том, что прежняя автономия городов дрогнула, она была нарушена нарождавшимся новым порядком и новыми отношениями.

Отпадение Селевкии от Артабана и длительное ее сопротивление указывают на особые процессы, происходившие в городе. Тацит говорит о том, что внутреннее равновесие города и объединение граждан создавали возможность противополагать себя «парфянину».[1] Такое объединение могло бы иметь место как временное явление, связанное с благоприятными экономическими обстоятельствами, которые временно же могли смягчить остроту классовой борьбы. Но великий латинский историк приписывал мирному объединению то, что могло представлять другое явление. Оно могло быть следствием победы широких городских масс, составлявших экклесию, над узкими интересами знатной верхушки. Последняя была вынуждена покоряться тем силам, которые представляли производители в городе, часть последних была причастна к общественной жизни. Высший класс в городе связал себя с парфинским владычеством, шаханшах мог полагаться на него. Что же касается более широких слоев населения города, его производителей, то автономия была для них преимуществом и они не хотели ее лишаться. Экклесия могла выдвинуть кандидатуры желанных ей магистра-

[1] Tacitus. Annales, XI, 8—9.

тов города и настоять на них. Известная гарантия благополучия таким путем достигалась и, конечно, только для известных кругов. Селевкидские города с их автономией были явлением, которое в парфянский период перестало отвечать интересам государства. Сопротивление городов в парфянский период объясняется попытками шахов их покорить. Градостроительство Сасанидов было явлением новым. Оно знаменовало дальнейшее разделение труда, было его новой фазой.

Основание городов Селевкидами было фактом рабовладельческой системы и опиралось на нее. Города с их автономией, полисы, были слабым отзвуком городов-государств. Строительство городов Сасанидами вначале протекало с привлечением военнопленных и развивалось на новых формах труда, отзывавшихся на потребностях феодального периода. Старые города приходили в упадок, со своей старой организацией, новые города, которые обновлялись или строились Сасанидами, зависели уже от шаха. Они теряли свою «эллинистическую» автономную организацию, полисное устройство, чтобы стать частью нового персидского государства.[1]

[1] Выражаю свою признательность акад. В. В. Струве за ценные замечания к главе об общественном строе Парфии.

ИРАН
В III-V ВЕКАХ Н.Э. И ЕГО ГОРОДА

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ИРАНА III—V ВЕКОВ

В наших предшествующих исследованиях источники по истории Ирана в раннее средневековье рассматривались достаточно подробно и в необходимом объеме. Ввиду этого значительная часть источников, используемых в настоящем исследовании, не была подвергнута анализу в данном разделе работы. Наряду с этим для III—V вв. привлечено значительное число новых источников, необходимость охарактеризовать которые совершенно ясна. К таким источникам принадлежит неоценимый официальный материал, каким являются пехлевийские надписи первых шахов сасанидской династии и представителей правящей знати, светской и жреческой. Эти надписи освещают такие стороны жизни государства и общества, которые не известны из других источников. Особого рассмотрения потребовала новая надпись, найденная на стенах «Каабы Зороастра», составленная при Шапуре I на греческом и пехлевийском языках. Необходимо было охарактеризовать такие своеобразные источники, как Карнамаг и перечень «городов Ирана». Для внутренней истории Ирана существенное значение имеет сборник правовых норм Матикан с параллелями в сирийском сборнике Ишобохта, так как эти юридические памятники восходят к общему источнику. Возможность сопоставления и сравнительного изучения обоих сборников позволяет решить проблемы возникновения феодальных отношений.

Источниковедческому анализу подвергнута и сирийская хроника города Карки де бет Селох, использованная как в первой, так и во второй, основной, части исследования. Выяснена и ее тесная связь с другим сирийским источником — хроникой Адиабены, которая дала ценные сведения для настоящего исследования. Сирийские агиологические памятники охарактеризованы ниже, ввиду их своеобразия и как требующие особого критического внимания.

ПЕХЛЕВИЙСКИЕ НАДПИСИ

Среди источников по истории городов в раннем средневековье в Иране пехлевийские надписи занимают особое положение. Число их не очень значительно. Но некоторые надписи состоят из многих строк, привлечение их дает возможность сделать новые выводы. Подавляющее большинство надписей принадлежит шахам династии Сасанидов, имеются также жреческие надписи.

Для парфянского периода, как уже отмечалось выше, следует указать на распространение греческого языка, который, однако, не вытеснил парфянского пехлеви (пахлавик). Аршакид Готарзес под своим изображением поставил краткую греческую надпись. Авроманские документы I в. до н. э. составлены на греческом языке, но в их числе имеется и написанный на пехлевийском языке документ. Наконец, выдающийся интерес имеет Армазская билингва II в. н. э., составленная на греческом и пехлевийском языках.[1] В ней упомянуто звание петиахша, парфянского наместника в Грузии.

Под наскальными изображениями краткие надписи сасанидских шахов также составлены на двух языках: греческом и пехлевийском. Надпись под изображением Арташира I, находящаяся в Накши Рустеме, составлена на трех языках: на греческом, на пахлавик (северо-западное пехлеви, парфянское) и на парсик (юго-западное пехлеви, сасанидское).[2] Та же традиция остается и в надписи Шапура I, в Накши Раджабе.[3] Но сохраняется эта традиция при династии Сасанидов недолго, греческий бесследно исчезает из надписей шахов, он отсутствует, тем более в надписях мобеда Картира.

Понятно, что аршакид Артабан III обратился к Сузам на греческом языке. К нему писали представители города, полисная организация которого была связана с греко-македонскими поселенцами и сохраняла поэтому вместе с учреждениями булэ и экклесией традицию греческого языка и письменности.

Традиция писать по-гречески, как на официальном языке, вела свое начало от времени диадохов. При парфянской династии Аршакидов можно встретить двойные надписи — на греческом и парфянском. В III в. положение греческого языка было значительно поколеблено, в связи с тем что независимость греко-македонских городов стала далеким прошлым, а греческое население этих городов ассимилировалось.

[1] Г. В. Церетели. Армазская билингва. Тбилиси, 1941, ст. 1—72.
[2] E. Herzfeld. Paikuli, I, стр. 84.
[3] Там же, стр. 86.

При первых Сасанидах порядок и обычаи, принятые у Аршакидов, могли удержаться на некоторое время, но не надолго. Аршакиды сами мало или вовсе не строили новых городов, при них греко-македонские порядки в городах старых еще удерживались, а такие города, как Селевкия, обособлялись от «парфянина» — аршакидского шаха, и последний делал неизбежные уступки грекам. При Сасанидах об автономии городов нет больше речи, с ней исчезает и греческий язык. Перелом этот можно отнести с большой вероятностью ко времени Шапура I. В малой надписи Шапура в Накши Раджабе греческий язык сохранился; это надпись под барельефом Шапура I, его целью было особое прославление шаха, поэтому наряду с парфянским и сасанидским пехлеви имеется и греческий язык.[1]

Но это положение не сохраняется в другой надписи того же Шапура I, из Хаджиабада. В ней сообщается о метании стрелы шахом в присутствии знатных и других лиц, которые засвидетельствовали его силу.[2] По нашему мнению, если метание стрелы было событием, которое было признано достойным большой надписи, то оно не было случайным и его можно сопоставить с обычаями известного праздника Тираган, о котором писал ал-Бируни. Праздник этот отмечался в разных областях Ирана; так, например, имеется, свидетельство сирийской хроники Мешихазеха о его празднования в области Адиабены во II—III вв. Стрела, которую метнул Шапур, была как бы воспоминанием о стреле, пущенной Аршем, которая стоила ему жизни и была как бы жертвенной стрелой. Шах этому подражает, но он остается живым, посланная им стрела — только воспоминание о стреле Ариша. Так, по нашему мнению, можно интерпретировать смысл надписи. Подробно о празднике Тираган сообщено ниже.

В этой надписи Шапура имеются как северо-западный, так и юго-западный пехлевийские тексты, написанные обоими алфавитами.[3] Это обстоятельство указывает на то, что парфянские области не потеряли своего значения, что при первых Сасанидах им было необходимо считаться с парфянами, а потому и сохранилась связь с соответствующей письменностью и языком.

Как в Хаджиабадской надписи Шапура I, так и в большой надписи Нарсе приняты оба алфавита — и пахлавик и парсик.[4] В этой связи, для соотношения между парфянским и персидским элементами в государстве, можно отметить, что в 3-й, 4-й и 35-й строках надписи перечислены знатные разных рангов, среди которых последнее место занимают «вазурги и

[1] E. Herzfeld. Paikuli, I, стр. 86.
[2] Там же, стр. 87—89.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 94—119.

азаты». Наименованию «вазурги» соответствует идеограмма «rban» — «большие», «великие». В точном переводе «азаты» значит «свободные». После «свободных» названы «parsan u partavan». Персы предшествуют партавам, т. е. парфянам, в этом перечне, который дан по нисходящей иерархической лестнице. Под персами и парфянами скорее всего подразумевается войско, а не население вообще, так как роль последнего считалась весьма незначительной. Войско же делило с шахом все тяготы войны и участвовало в торжествах и почете, воздаваемых шаху.

По своему содержанию надписи не представляют одинаковой ценности. Они указывают просто, кто именно изображен на данном рельефе, как на трилингве Арташира I в Накши Рустеме, на трилингве Шапура I в Накши Раджабе, билингве Шапура I в Шапуре, надписях Шапура II и Шапура III в Такебостане. На некоторых из них, кроме имени и титула самого шаха, обычно дается имя и титул его отца и деда.

Другие надписи дают возможность сделать некоторые выводы относительно внутреннего устройства Ирана. Они называют главных должностных лиц, дают иерархию господствующего класса, военные звания. Такого рода материал значительно облегчает уяснение данных нарративных источников.

Важной по своему историческому содержанию является надпись Шапура I, открытая в 1936 г. в Персеполисе, близ гробниц ахеменидских царей, на стене храма, прозванного «Каабой Зороастра». Она составлена на греческом и пехлевийском языках и была впервые опубликована Ширенглингом. Но он определил ее неправильно, считая, что она составлена по поводу коронации шаха Нарсе (294—302).[1] На самом деле эта надпись относится ко времени Шапура I и прославляет его победоносные походы на римские провинции. Общий характер надписи несколько напоминает знаменитую Бехистунскую надпись царя Дария I, так как подобно последней в ней подводятся итоги деятельности Шапура. Местами надпись сильно попорчена, и ее чтение представляет большие затруднения.

Наличие греческого текста в надписи позволило принять участие в ее чтении и комментарии эллинистам, как М. И. Ростовцеву и В. Энслину.[2] Особенно велика заслуга выдающегося знатока пехлевийской письменности и языка доктора В. Хеннинга, который дал чтение и комментарий ее пехлевийского текста.[1] Последнее издание надписи принадлежит профессорам Е. Хонигману и А. Марику, которые высказывают надежду на то, что профессор В. Хеннинг опубликует свое чтение этой замечательной надписи. Свой труд они не считают завершающим исследование этого эпиграфического памятника. Все работы, посвященные последнему, вызывали многочисленные рецензии, так что в обсуждении вопросов, связанных с надписью, приняли участие многие ученые. В монографии Е. Хонигмана и А. Марика имеется обширная библиография вопроса.[2]

Сравнительно хорошая сохранность греческого текста значительно облегчила чтение пехлевийского, первые строки которого совершенно неразборчивы. То, что надпись составлена не только на пехлевийском, но и на греческом, объясняется тем, что в ней прославляются победы шаханшаха Шапура I над ромеями. Содержание надписи должно было быть доступным не только его подданным, но и покоренному населению восточных римских провинций, языком которых был греческий. Надпись посвящена описанию походов Шапура на запад, когда его войсками было произведено полное опустошение принадлежавших Риму областей Месопотамии, Сирии, части Малой Азии. В ней перечислены римские легионы, собранные из разных провинций империи для войны с персами. С торжеством сообщается о последней, победоносной для персов, битве, в которой была взята в плен римская армия и сам император Валериан. Местом битвы надпись называет Эдессу. Шапур с гордостью говорит о своем торжестве над «непобедимым» врагом, и позор римского оружия рассказан на понятном побежденным языке восточных провинций — на греческом.

Следует отметить, что другим языком этой надписи является язык Парса, Персиды, юго-западного Ирана, откуда происходили Сасаниды. В то же время это древнейшее письмо, из которого развился парсик, как на это указывает выдающийся исследователь Г. Юнкер.[3] Северо-западный, парфянский язык и письменность, принятые Парфией, отсутствуют в этой надписи, что подтверждает господствующее положение, которое заняла Персида, ее язык и традиции в новом организованном государстве Сасанидов.

[1] M. Sprengling. 1) A new pahlavi inscription. Amer. Journ. of semitic languages and literatures, t. 53, № 2, 1937, стр. 126—144; 2) Zur Parsik-Inschrift an der «Kaaba des Zoroaster». Zeitschrift der Deutsch. Morgenl. Gesellschaft, t. 91, № 3, 1937, стр. 652—672.

[2] M. Rostovtzeff. Res Gestae divi Saporis and Dura. Berytus, 1943, v. 8, f. 1, стр. 23. — W. Enszlin. Zu den Kriegen des Sassaniden Schapur I. Sitzb. d. Bayer. Akad. d. Wissensch., Phil.-hist. Klasse, Jahrgang 1947, Heft 5, München, 1949, стр. 92—94. Рецензии см.: R. Frye, Bibliotheca Orientalis, 1951, № 2/3, стр. 103—106.

[1] W. B. Henning. The great inscription of Sapur I. Bulletin of the school of Orient. Studies (Univ. of London), v. IX, part. 4, 1939, стр. 823—849. — M. Sprengling, American Journal of Semitic Languages, LVII, 1940, стр. 330; LVIII, 1941, стр. 169.

[2] E. Honigmann et A. Maricq. Recherches sur les Res Gestae divi Saporis. Bruxelles, 1953. Рецензии см.: W. Hinz, Orientalistische Literaturzeitung, 1955, № 3/4, стр. 148—149.

[3] H. Junker. Mélanges H. Grégoire. Bruxelles, 1951, стр. 14—23.

Возвратившись с добычей и несметным количеством военнопленных, Шапур сообщает о том, что он воздиг алтари огня от своего имени, своей жены, трех сыновей и делает богатые пожертвования жречеству. Эта надпись дает отчетливое представление о делении сасанидской империи на крупные административные округа, во главе которых стояли члены семьи Сасанидов, сыновья или братья шаха. Неоспоримым является и свидетельство надписи о положении жречества, в ней подчеркивается связь династии с культом, господствующим в империи, — в пользу жречества и храмов шах делает пожертвования.

О выдающемся положении жречества и его большом влиянии на государственные дела Ирана говорит и надпись магупата (мобеда) Картира в Накши Раджабе.[1] В ней говорится о добродетельной жизни и деятельности мобеда на пользу государства при шахах Шапуре I, Хормизде I, Бахраме I и Бахраме II. По поводу имени или звания Картир Херцфельд высказал предположение, что это почетное звание или титул.[2] Для Христенсена вопрос остался нерешенным, так как он колеблется между объяснениями, данными Херцфельдом, что это почетное звание, и предположением, что этот титул давался лицу, занимавшему высокую должность.[3]

Большая надпись Нарсе в Пайкули была воздвигнута в связи с его победой в войне с Бахрамом III. Она состоит из двух одинаковых текстов на северо-западном и юго-западном пехлеви. В надписи шаханшах принимает поздравления от представителей господствующего класса, главных правителей, видных чиновников государства, жречества. Перечисление различных лиц и их званий дает возможность установить порядок должностных лиц Ирана, определить их положение и значение в государственном управлении. Такого рода материал имеет значение для внутренней истории времени Сасанидов.

Таким образом, пехлевийские надписи не однородны по своему содержанию, некоторые из них дают богатый исторический материал, другие позволяют делать выводы относительно внутренней истории Ирана. Их большая ценность заключается в их подлинности, в том, что они и по языку и по письменности представляют материал, непосредственно вышедший из рук самих персов. Для изучаемого периода ценность этого материала очень велика, так как персидские и арабские нарративные источники относятся к значительно более позднему времени и в них изменено первоначальное содержание тех источников, которые были им доступны. Искажения, перенесение явлений более позднего времени на период отдаленный являются одним из отрицательных моментов для использования этих источников, они как бы потемнены временем арабского халифата, наложившего свой отпечаток на эти памятники.

По подлинности и ценности современные событиям надписи могут быть сопоставлены только с памятниками материальной культуры. Но последние, как известно, чрезвычайно трудно датировать и далеко не всегда их можно отнести к тому или другому географическому пункту. Современными данному периоду являются еще сирийские источники, хотя они вышли из другой среды, из другого класса иранского общества. Они интересны тем, что в известной мере в них нашли отражение интересы городского населения и жизнь городов. Что касается надписей, то они связаны в наибольшей степени с господствующим классом, с идеалогией персов, интересами самих шаханшахов, это официальные документы, официальные источники, значение их велико для внутренней истории Ирана, для истории его городов.

[1] E. Herzfeld. Paikuli, I, стр. 88.
[2] Там же, Glossary, стр. 208.
[3] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 411.

ШАХРИСТАНИХА-И ЕРАН — «ГОРОДА ИРАНА»

Среди памятников пехлевийской письменности имеется небольшой трактат «Города Ирана». В нем перечисляются города, обстоятельства, при которых они были построены, и имена градостроителей. Тот факт, что такого рода памятник сохранился на пехлевийском языке, говорит о том, какое значение городам и их строительству придавали в раннем средневековье. Трактат этот не стоит одиноко, так как так называемая География Моисея Хоренского на армянском языке совпадает с ним во многих случаях.

«Шахристаниха-и Еран» в своем заголовке указывает, что города Ирана были построены в разное время, и, кто из правителей (sar-xvatad) построил их, «написано в этой книге», «для памяти». Основная часть трактата была составлена, вероятно, в VI в. н. э. Об этом свидетельствует ряд имен, как шаха Хосрова и других, как упоминание тюрок, «Золотой горы — Эктага» — известной ставки кагана.[1] Упоминание халифа ал-Мансура (§ 61)[2] указывает на то, что трактат был дополнен при нем или в ближайшее после его смерти время. Следовательно, та редакция, в которой до нас дошел трактат, относится к VIII в. (ал-Мансур — 754—775 гг.).

[1] A catalogue of the provincial capitals of Eranšahr by J. Marquart, ed. by G. Messina. Roma, 1931, стр. 5—6.
[2] Параграфы даны по изданию Маркварта (стр. 23, 114); они не всегда соответствуют параграфам издания Блоше: Liste géographique des villes de l'Iran par E. Blocher. Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archeologie égyptiennes et assyriennes. Paris, 1895, 17 année, стр. 165—176.

Эраншахр в трактате представлен разделенным на четыре части, по четырем странам света. Как известно, такое деление отвечало военному разделению Ирана на четыре части, во главе каждой был поставлен спахбед. Такая реформа была введена Хосровом I, до него существовал один военачальник Ирана, эраспахбед, которому в военном отношении было подчинено все государство.

Перечисление городов Ирана в трактате дано в следующем порядке: города востока, запада, юга и севера. К восточным городам Ирана причислены Самарканд, Хорезм, Балх, Мерв, Тус и др. (§§ 2—18). К городам запада причислены города Междуречья, как Эдесса (Урха), Нисибин, Вавилон, Хира, Хамадан, Нихавенд и др. (§§ 19—33). В южные области включено большое число городов от Кабула (§ 34) до Химьяра (§ 50), ряд южных городов, основанных в сасанидский период (§§ 51—55). В последнюю очередь названы города севера. Издатели с полным правом объединили их в четвертую группу, назвав ее городами Атропатакана (куст-и Атропатакан), в соответствии с текстом трактата. Здесь назван Ганзак, ряд других городов, и последним назван Багдад (§ 61). В числе городов Атропатакана (Азербайджана) назван Амуи или Амуль, центр Табаристана (Мазандарана), основание его приписывается «зиндику», т. е. Маздаку (§ 59). Более вероятно, что город был основан после того, как Маздак был казнен, а часть его последователей бежала от преследований и основала или расширила этот город.

Трактат о городах Ирана не во всех своих частях может считаться исторически достоверным; так, некоторые города не столько основаны называемыми в трактате лицами, сколько расширены и укреплены, и основание их относится к более раннему времени. Географическое местонахождение ряда городов не найдено. Наконец, не всегда можно согласиться с чтением и догадками издателей трактата. Краткость трактата лишила его каких бы то ни было подробностей, а они могли бы представить большой интерес. В немногих случаях есть дополнительные указания, как, например, на постройку моста (§ 13) у города Пушанга в области Герата или на то, что в городе Комисе было пять башен. Комис был крепостью, отстроенной Ездгердом I в качестве опоры иранским войскам в сопротивлении Чолу (Чору) на северной границе Ирана. Именно о Комисе трактат о городах Ирана сообщает легендарные сведения, так как город этот построен якобы «главой чародеев» Азидахаком (§ 18).

Несмотря на такого рода недостатки, на то, что в настоящем своем виде трактат дошел в редакции арабского времени (VIII в.), сведения его представляют большую ценность и интерес, тем более что в ряде случаев они находят подтверждение в других пехлевийских и арабских источниках, как, например, в Карнамаге, у Табари, в Шах-намэ. Особенно много сопоставлений можно было сделать с соответствующими разделами армянской географии, приписываемой Моисею Хоренскому.

То, что трактат сохранился на пехлевийском, указывает на то, что он и был первоначально составлен на этом языке и, вероятно, в VI в., а дополнения были сделаны позднее, рукой персов, сохранивших с маздеизмом знание пехлевийской письменности.

КАРНАМАГ-И АРДАШЕР-И ПАПАКАН — «КНИГА ДЕЯНИЙ АРТАШИРА, СЫНА ПАБАКА»

В числе источников для истории городов Ирана следует упомянуть и о пехлевийском памятнике «Карнамаг-и Ардашер-и Папакан» — «Книге деяний Арташира, сына Пабака».

Этот небольшой роман, в котором значительную часть составляет чисто легендарный материал, сохранился на пехлевийском языке. Имеется несколько списков этой книги, из них лучшие являются копиями с датированной пехлевийской рукописи XVII в. н. э. Колофон этой последней рукописи, приведенный в копии, датирован, по эре Ездгерда, царя царей, 1054 г.[1]

В свою очередь упомянутая рукопись XVII в., как и копии XIX в., в конечном счете опираются на рукопись XIII в. н. э., переписанную Рустемом, сыном Михрабана.[2] Писец этот известен и по другой пехлевийской рукописи, которая может быть датирована 1249 г. н. э.

Карнамаг упоминает трех первых сасанидских царей — Арташира, Шапура I и Хормизда I; при последнем книга как будто была закончена. Но отнести дошедшую до нас версию к III в. н. э. никак нельзя, так как в ней имеются анахронизмы. Таково упоминание о кагане тюрков, появившихся лишь в середине VI в. н. э. у границ Ирана. Послание Папака к сыну обличает знакомство с текстом книги Калилы и Димны, которая стала известной в Иране при Хосрове I. Наиболее вероятно, что в первом своем варианте этот роман был действительно закончен при первых сасанидских царях, но затем, вероятно в VI в. н. э., он подвергся переработке и дополнениям. Во всяком случае нельзя отнести его составление позднее начала

[1] The Kârnâmê-î Artakhshîr Pâpakân, ed. by D. D. P. Sanjana. Bombay, 1896, стр. XXIX. (В дальнейшем: D. D. P. Sanjana).

[2] Там же, стр. XXXII—XXXIII. — Th. Nöldeke. Geschichte des Artachšîr-i Pâpâkân. Beiträge zu der Kunde der indogermanischen Sprachen, Bd. 4, Göttingen, 1878, стр. 30—31.

VII в. н. э.[1] Существует точка зрения, что дошедшая редакция относится к арабскому времени.[2] Нельдеке считал ее законченной при Хосрове II Парвезе. Хотя указание на то, что тюрки уже более 300 лет занимали господствующее положение, говорит об интерполяции еще более позднего времени.

Карнамаг использован в «Мученичестве Григория и Рипсиме», переведенные с армянского на греческий никак не позднее VIII в. Книга известна Фихристу. Здесь сообщается, что около 200 г. хиджры был сделан арабский перевод в стихах «Книги жизни Арташира». Но кроме этого упоминания كتاب سيرة اردشير в Фихристе имеется вторичное указание, надо думать ошибочное, где Карнамаг повествует о «жизни Аношервана», названного вместо Арташира — كتاب الكرنامغ فى سيرة انوشروان «Книга Карнамаг о жизни Аношервана».[3]

Особенно широко использован Карнамаг у Фирдоуси в Шах-намэ. Правда, здесь имеется целый ряд вариантов, они несколько меняют отдельные положения, но общая основа и заимствования из Карнамага несомненны. Подробный сравнительный разбор текстов и соответствующие части из Шах-намэ даны в издании Санжана.[4]

Нельзя не отметить много общего в сообщениях Табари и Карнамага, хотя и в этом случае встречается целый ряд вариантов и влияние других источников, не совпадающих с Карнамагом, использованных арабским историком.

Отдельные части «Книги деяний Арташира» недостаточно тесно связаны между собой. Особое место занимает в этом случае легенда о змие и драконе, с которым ведет борьбу Арташир. Эта легенда, как известно, имеет многочисленные варианты, один из них нашел себе место в Карнамаге, где Арташир выходит победителем над змием, захватывает все его сокровища.

Несмотря на многочисленные отрицательные черты Карнамага и легендарные элементы в его составе, в основе книги несомненно лежит правильная историческая традиция, а целый ряд терминов и многие детали, случайно оброненные автором, представляют выдающийся интерес для историков.

---

[1] Th. Nöldeke. Geschichte des Artachšîr-i Pâpakân, стр. 23—24. — D. D. P. Sanjana, стр. I.

[2] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 58.

[3] Kitab al-Fihrist ed. G. Flügel, Bd. I. Leipzig, 1871, стр. 119_3, 305_{19}. — Th. Nöldeke. Geschichte des Artachšîr-i Pâpakân, стр. 24—25. Мученичество Григория и Рипсиме: Acta sanctorum, Septembrum 30, стр. 321.

[4] D. D. P. Sanjana, стр. XV—XVIII; текст Шах-намэ, стр. *r*—*rf* (2—34).

Терминология Карнамага соответствует во многом терминологии пехлевийских надписей раннего средневековья и дает возможность толковать их более детально.

ПИСЬМО ТАНСАРА

К числу памятников, сохранивших существенные сведения об Иране в раннем средневековье, принадлежит «Письмо Тансара». Составленное на пехлевийском языке в VI или VII вв. н. э., оно не дошло в своем первоначальном виде. Известный переводчик с пехлевийского на арабский Ибн ал-Мукаффа, умерший в 760 г., перевел и письмо Тансара на арабский; с последнего около 1210 г. был сделан персидский перевод Мухаммедом ибн ал-Хасаном ибн Асфандияром.[1] Как и пехлевийский оригинал, арабский перевод не сохранился.

Письмо Тансара — псевдоэпиграф, приписываемый «мудрому персу и великому мобеду Арташира Папакана». Самое имя Тансара в несколько измененном виде встречается и в других источниках. Основа этого письма подлинна, но в нем имеется ряд добавлений позднейшего времени, как цитаты из Корана, одна сказка из сборника Калила и Димна и ряд других вставок, часть которых мог внести переводчик, т. е. Ибн ал-Мукаффа. В этом случае можно оспаривать мнение издателя Дармстетера; он считает большие части текста интерполяцией. Пехлевийский текст Калилы и Димны появился еще в VI в., этот перевод был осуществлен неким периодевтом Будом. Едва ли правильно относить к позднему времени толкование слова «абдел». Речь идет об эфталитах (абделах), брачные отношения которых носили печать пережитков группового брака. Подробные сведения об эфталитах были известны в Иране в конце V и начале VI в., при шахе Каваде I, тесно связанном с эфталитами. Сведения о них могли заключаться в письме Тансара, в его первоначальной форме. То же следует сказать и относительно характеристики «анархии» и всяких «непорядков» в Иране. Дармстетер неправильно считает их поздней вставкой.[2] Нет сомнения, что все эти материалы имеют прямое отношение к маздакитскому движению[3] и отражают события рубежа V и VI вв.

Письмо Тансара — псевдоэпиграф, как бы памятник времени Арташира, которого оно восхваляет. На самом деле идеологическая направленность его свидетельствует о том, что оно

---

[1] M. Darmsteter. Lettre de Tansar à Jasnasf roi de Tabaristan. Journal asiatique, 1894, 9-me série, t. III, стр. 187—188.

[2] M. Darmsteter. Lettre de Tansar..., стр. 189.

[3] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 318—319.

составлялось в первой половине VI в., когда правительство Ирана искало опоры в прошлом и оправдывало свои новые феодальные порядки, якобы существовавшие при Арташире. Согласно письму Тансара, военное управление осуществляется четырьмя спахбедами, что было результатом реформы Хосрова I. Требование являться ко двору и нести обязанности представительства у шаха было требованием, исходившим от Хосрова и указывавшим на возраставшую зависимость от него знати. Родовитые семьи Ирана после маздакитского движения переходили на положение зависимой от шаханшаха знати, материальная опора их создавалась царской властью. Эти новые порядки письмо Тансара оправдывает и архаизирует их, с тем чтобы придать им больше вервости и неоспоримости. Отсюда понятна и резко отрицательная характеристика маздакизма, данная ему классовым врагом. Автор письма — противник народного движения, явившегося протестом против попыток феодального прикрепления. Это придворный маг, принадлежащий к высшему рангу зороастрийского жречества, принимавшего активное участие в управлении государством. На территории Ирана к парфянскому периоду относится появление парцеллярного хозяйства, характерного для феодального способа производства. Робкое и медленное возникновение новых форм в недрах рабовладельческого строя при длительном сохранении родового уклада и дали затем постепенное, неспешное развитие этих форм отношений и собственности.

Феодальные порядки, зародившиеся в предшествующий период, встретили сопротивление широких масс тогда, когда прикрепление общин и их подчинение приняло более систематический характер. Хосров I и его правительство получили активную поддержку магов, которые создали необходимое идеологическое оружие, оправдание их нововведениям. Здесь более всего могли помочь ссылки на отдаленное прошлое. Отсюда прославление и идеализация Арташира, основателя сасанидской державы, приписывание ему мероприятий Хосрова I. Автор письма Тансара утверждает, что падишахство не дается наследственно, правители областей из родовой знати получают это достоинство из рук шаханшаха и тем самым зависят от него.[1] Старательно внушается «Тансаром», что венец может быть получен только от шаханшаха, — положение, с которым трудно было примириться родовитой иранской знати в VI в. Эти «царьки» характеризуются, по его мнению, тем что они, имея это достоинство, желали «никому не платить подати», «ни перед кем не склонять головы».[2]

[1] M. Darmsteter. Lettre de Tansar..., стр. 513; текст, стр. 210.
[2] Там же, стр. 505, текст, стр. 203.

Составленный в первой половине VI в. н. э., этот памятник имеет большое значение для истории общественного движения в Иране, известного как маздакитское. Он содержит целый ряд данных о сословной структуре Ирана и позволяет сделать ряд выводов относительно положения эксплоатируемых классов. Письмо Тансара указывает на то, что базис раннефеодального общества уже создался, когда надстройка стала активно поддерживать этот новый базис.

Что касается имени Тансара, то оно не встречается в литературе в качестве имени мобеда или одного из жрецов времени Арташира. Член-корреспондент АН СССР А. А. Фрейман (в докладе на конференции Восточного факультета ЛГУ) предложил в связи с этим остроумную догадку. Широко известно имя мобеда Картира, который был активным деятелем, представителем зороастрийского жречества при первых сасанидских шахах. Сохранились две надписи Картира: одна в Накши Раджабе, другая в Накши Рустеме, парфянским шрифтом. Картир называет себя в них — «magupat ut herpat», т. е. «мобедом и хербадом».[1] Этому Картиру и приписывается письмо Тансара его составителем. Имя Тансар появилось в результате палеографической ошибки, отсутствия пунктуации в рукописях, что и позволило прочесть ошибочно имя Картира, заменив его именем Тансар из тех же знаков.

Христенсен считает слово «картир» неопределенным, как по неясности правильного произношения, так и по тому, что он считает его не именем собственным, а титулом, который давался в знак высокой чести или лицу, занимавшему высокое положение.[2] Существует и другая точка зрения, что Картир имя собственное и принадлежало верховному жрецу, занявшему особенно выдающееся положение после смерти Шапура I. В надписях Картира употреблен только среднеперсидский язык.[3]

Следует отметить, что в традиции Тансара есть черты, которые роднят этот памятник с Карнамагом. Оба превозносят Арташира I, и главным центром для них является Истахр в Фарсе. По мнению Викандера, оба эти источника не обнаруживают знания письменной Авесты. Но письму Тансара известна концентрация культа в Шизе и традиция о великом мобеде. После подавления маздакитского движения положение Шизы как центра религиозного культа значительно упрочилось и усилилось.[4] Следы этих исторических изменений в Иране

[1] E. Herzfeld. Paikuli, I, стр. 92, строки 28, 30.
[2] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 410—411.
[3] S. Wikander. Feuerpriester in Kleinasien und Iran, Lund, 1946, стр. 48, 265, 267.
[4] Там же, стр. 164.

можно найти и в письме Тансара, первоначальная редакция которого относится и новейшими исследователями к VI в. н. э.

ПЕХЛЕВИЙСКИЙ ЗАКОННИК

Изменение экономики, внутренняя перестройка общественных отношений, новые социальные формы привели к новым надстроечным явлениям — изменениям в области норм государства и права.

Раннее средневековье в истории Ирана скудно освещено юридическими и правовыми документами. Тем больше ценности приобретают в глазах исследователя немногочисленные законодательные сборники на пехлевийском и сирийском языках. Содержание их далеко не полно отражает наиболее важные вопросы общественных отношений, жизнь общества, тем не менее они представляют существенные данные для характеристики общественного строя своего времени.

Опубликование пехлевийского Законника является значительным фактом. Впервые о существовании этого Законника сообщил Вест (E. W. West) в 1896 г. на страницах широко известного издания «Grundriss der Iranischen Philologie». Он сообщил о том, что найдена пехлевийская рукопись, которую он определил, как «отрывок правовой литературы Сасанидов»,[1] т. е. упомянутый им памятник мог относиться к III—VI вв. В 1901 г. в Бомбее было издано фотоцинкографическое факсимиле Законника.[2] В дальнейшем этот памятник стал известен, как «Книга тысячи судебных решений» — «Matjkan-i hazar datastan». Возможно, что составителем сборника был Farroxmart-i Vahraman, на что указывает колофон текста. Введение к изданию текста было дано известным парсийским ученым Моди. В 1937 г. другой парсийский ученый, Бульсара, издал полный текст и английский перевод кодекса.[3] Однако в этом тексте многочисленные арамейские идеограммы оставлены без изменений, не раскрыты в своем значении на пехлеви. Транскрипция пехлевийского дана в своеобразной парсийской манере. Английский перевод Бульсары страдает в ряде случаев неточностями, многие выражения текста и самый смысл текста не всегда понятны, язык перевода тяжелый. Следует, однако, указать на то, что текст представляет для перевода во многих

[1] Grundriss der Iranischen Philologie, II. Strassburg, 1896—1904, стр. 116—117.

[2] J. J. Modi. Mâdigân-i hazâr dâdistân, a Photozincographed Facsimile. Bombay, 1901.

[3] S. J. Bulsara. The laws of the Ancient Persians. Bombay, 1937.

отношениях большие трудности, он очень сложен и часто неясен. Несмотря на указанные недостатки, труд Бульсары важен и имеет первостепенное значение для исследования этого памятника. Примечания переводчика немногочисленны, но некоторые его наблюдения вызывают живой интерес. Следует отметить известную близость содержания ряда статей Матикана с правовыми нормами Византии IV—VI вв.

Самый характер памятника, с его вариантами решений того или другого юриста, напоминает юридические сборники, которые были распространены в Византии до кодификации права Юстинианом, как сборник Григория, сборник Гермогена (codex Gregorianus, codex Germogenianus). Нельзя отрицать и знакомства в Иране с греко-римским правом и возможности заимствований. В этой связи в первую очередь следует указать на существование сирийского Законника V в.

Многочисленные сирийские рукописи Законника позволяют сделать вывод, что существовали две основные редакции — пространная и краткая. В старейшей рукописи VI в. сборник озаглавлен «Гражданские законы, переведенные с ромейского языка на арамейский», т. е. на сирийский. Его материалы обнаруживают знакомство с доюстиниановским правом и с традициями бейрутской (Берите) юридической школы. Отсутствие системы в расположении материала памятника, его беспорядочность была неоднократно предметом споров для исследователей.[1]

Законник, составленный на сирийском языке при «царях Льве и Константине» в V в., завоевал Ближний Восток от Армении до Египта и был переведен на ряд языков. Имеется большое число его списков, параллельных и близких текстов, что говорит о том, как его часто толковали и широко применяли на практике. Найдены армянский и арабский переводы сирийского Законника, коптские отметки на одной из его арабских рукописей. Отсутствие пехлевийского перевода Законника не может, однако, указывать на незнакомство с ним сасанидского Ирана. Как указывалось в наших работах, детальное исследование реформы времени Хосрова I вскрывает с несомненной ясностью, что она была проведена по образцу системы податного обложения, господствовавшего в Византии. Принцип обложения земельной собственности в соответствии с ее доходностью подробно изложен в одной из статей старейшего списка сирийского Законника и не имеется ни в одном из известных юридических кодексов на греческом или латинском языке. Эта статья несомненно была положена в основу податного закона Хосрова

[1] Н. Пигулевская. Сирийский законник. (История памятника). Уч. зап. ЛГУ, История и филология стран Востока, Л., 1952, стр. 52—69 (см. библиографию).

Ануширвана, и едва ли можно сомневаться в том, что Ирану времени Сасанидов этот памятник известен.[1] Сирийцы и вообще состояли среди приближенных двора сасанидских царей в качестве врачей, переводчиков с греческого на сирийский, с сирийского на пехлевийский и знакомили Иран со своими литературными памятниками.

Опубликование пехлевийского законодательного сборника дало обширный материал для суждения об общественном строе Ирана III—VI вв. н. э. Этот своеобразный памятник является не только сводом законов, но включает и большое число решений, данных отдельными законоведами по различным вопросам.

Упоминаемые в тексте законоведы — не вымышленные авторитеты, это живые люди, которые были известны в свое время в Иране. Так, нам удалось установить, что имя одного из законоведов, на которого ссылается Матикан, известно нам из памятника совершенно другого характера. Юрист Мартбуд, упомянутый в «Книге тысячи решений», известен автору сирийского жития несторианского патриарха мар Абы I, составленного во второй половине VI в. По своему происхождению перс, мар Аба I до своего обращения в христианство состоял секретарем и писцом при помощнике этого знаменитого юриста, названного в житии Хвадайбуд, соответственно в Матикане стоит пехлевийская идеограмма Мартбуд.[2]

То, что Матикан состоит из многочисленных комментариев к законам, упоминает и приводит разные варианты решений, с ссылкой на авторитеты, говорит об использовании в сборнике материалов и норм обычного права. Разнообразие решений указывает на то, что обычай доминировал и лишь постепенно вырабатывались общие нормы. Как и в доюстиниановском праве, охотно приводились решения разных лиц в качестве образцов. Законодательные нормы сложились, но их толкование и применение было различным, допускало варианты.

Если сравнить Матикан с сирийским Законником V в., то распределение материала в пехлевийском сборнике гораздо стройнее. Тем не менее исследователи сетуют на неопределенный характер распределения материала памятника. Это факт, с которым приходится встречаться и в других юридических памятниках Ближнего Востока, где обычное право складывалось в различных областях по-своему и не было кодифицировано.

[1] Н. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосрова Ануширвана. ВДИ, т. I, 1937, стр. 143—154.

[2] Vita mar Abae. Histoire de mar Jabalaha, de trois autres patriarches, textes syriaques ed. P. Bedjan. Paris, 1905, стр. 215. — Matikan-i hazar dadastan by S. J. Bulsara. Bombey, 1937, стр. 550, 551. (В дальнейшем: Matikan). — Н. Пигулевская. Мар Аба I. Сов. востоковедение, т. 5, 1948, стр. 74.

Поэтому в сборнике приводились различные варианты решения того или другого дела. Единая практика, единая норма еще не установилась и по одним и тем же вопросам принимались различные решения, которые и приведены составителем или составителями сборника. Эти толкования складывались на основе местного, обычного права.

Сборник в целом все же имеет определенный план, но заключенные в этих главах статьи не всегда полностью отвечают своему заглавию. Встречаются и повторения одной и той же статьи, порядок статей не выдержан, он все время нарушается. Значительное затруднение заключается и в том, что Матикан дошел лишь в одной очень неисправной рукописи, так что ряд ее мест читается лишь с трудом, с относительной верностью, без возможности надежного исправления.

Еще до того, как был опубликован полный текст Матикана Бульсарой, ряд экскурсов по отдельным вопросам сасанидского права на основании Матикана был сделан Бартоломе.

Те статьи сборника, которые подверг анализу Бартоломе, представляют значительный интерес, но это отдельные специальные вопросы, их анализ по существу его мало привлекал. Бартоломе интересовался филологической стороной вопроса, он был превосходно в ней осведомлен и дал много материала, сопоставлений и анализа выражений, терминов, оборотов речи пехлевийского текста. Хотя в первой по счету статье Бартоломе и указал на то значение, которое этот сборник может иметь как «замечательный источник для сравнительной науки права»,[1] он все же не уделил этой стороне вопроса достаточного внимания, касаясь его лишь мимоходом. Он анализировал и исследовал филологически термины сборника, толкуя их и уясняя их как данные языка. В этой первой статье серии, где общему введению отведены лишь две первые страницы, Бартоломе анализирует вопрос о характере брачных отношений. Наряду с законным браком, который делает супругу главной женой, хозяйкой дома, и ее и ее детей основными наследниками мужа и хозяина, пехлевийский законник допускает брак побочный, с конкубиной, называемой «zan i čakar», тогда как главная жена — «katak banuk» — является «хозяйкой дома».[2] Далее автор разбирает ряд вопросов, связанных с наследованием женами и детьми имущества отца, различными случаями этого наследования. Но его не занимают эти вопросы по существу; между тем в этих статьях имеются указания на поло-

[1] Ch. Bartholomae. Über ein sasanidisches Rechtsbuch. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie des Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, Jahrgang 1910, 11 Abhandl, стр. 4.

[2] Там же, стр. 6—7.

жения, которые могут помочь в определении особенностей общественных отношений иранского общества. Так, юридическое положение о браке с несколькими женами может служить материалом для исследования иранской семьи, ее постепенного развития, что существенно для исследования, например, маздакитского движения. Организация семьи, ее характер имеет первостепенное значение для определения характера общественных отношений. Исследователи располагают данными для истории Ирана III—VII вв., относящимися преимущественно к знатным семьям, в которых долго сохранялись древние, архаичные традиции, и эти отношения нельзя считать характерными как отношения застойного типа.

Матикан отражает семейные отношения и наследование в семье скромного достатка, занятой земледельческим трудом. Эти данные могут позволить сделать выводы относительно изменений в строе семьи. Наличие семьи малой, состоящей из родителей и детей, а не большой семьи с родичами, является существенным моментом в определении условий, подготовивших усиление городской жизни и обусловивших возможность строительства новых городов. Для Бартоломе эти данные, как и материалы о рабстве и другие материалы по социальной структуре общества, не представили интереса.

В следующем своем экскурсе, посвященном вопросу о дарении, дарственных записях, обещаниях подарить, Бартоломе вскрывает вопрос о форме, как такое дарение осуществляется.[1] В этой связи вновь ставится вопрос о главной, дополнительной и промежуточной формах брака, а следовательно, и о положении жены или жен.[2] Большое значение имеет раздел о долгах, компаниях и заработке или выработке. Но здесь Бартоломе остается исключительно на почве филологического истолкования терминов.[3]

Между тем значение материалов этого раздела очень существенно, как, например, статьи Матикана 2_{1-4}, где разбирается вопрос о правах членов товарищества, имеющих общий заработок или составляющих группу, имеющую общую собственность, общие долги, за которые они отвечают артельно, по круговой поруке. В этом порядке автором затронут вопрос о частичном освобождении раба и его праве на peculium, т. е. на личный заработок и на личные вещи, в случае его освобождения.[4] Бартоломе дает филологический анализ терминов,

[1] Ch. Bartholomae. Zum sasanidischen Recht, I. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, Jahrgang 1918, 5 Abhandl., стр. 5—28.

[2] Ch. Bartholomae. Zum sasanidischen Recht, I, стр. 29—38.

[3] Там же, стр. 39—50.

[4] Matikan, ed Bulsara, 5_{1-4}, стр. 60—63.

но социальный смысл этих данных для него остается неясным, не привлекает его.

Изучение вопроса о клятве, о клятвенном обещании рассматривается Бартоломе в другом экскурсе,[1] представляющем большой интерес с точки зрения истолкования целого ряда терминов. Особенно интересны те из них, которые относятся к семейным отношениям, положению отдельных членов семьи, власти главы семьи. Интересен и анализ вопроса о свидетелях и поручителях при продаже какой-либо собственности.[2] В дальнейшем Бартоломе обратился к статьям Матикана, посвященным вопросу о дарении. Разнообразие этих статей дает интересный материал с точки зрения социальной, что, однако, не было принято во внимание и не было раскрыто автором.

Но самый перевод терминов и текста этих статей следует поставить в большую заслугу автору, он первым дал этот перевод,[3] хотя и решительно отказался дать полный перевод Матикана, к чему его призывали индийские ученые.[4] Свой отказ автор мотивировал главным образом ненадежным состоянием текста, который плохо переписан, имеет множество ошибок и сохранился лишь в одной рукописи.

Рассмотрение этого раздела о дарении показывает, что он содержит богатый и интересный материал. Особого внимания заслуживает вопрос о том, что дарение в ряде случаев носит характер использования или временного использования. Временное или условное дарение или передача, например, участка земли, части обрабатываемой земли может быть знаменательным для аграрных отношений данного периода.

На данном материале может быть определен и такой существенный вопрос, как о рабе и парцелле, на которой сидел этот раб и от которой он не отчуждался. Здесь имеются сведения о положении раба, принадлежащего двум господам, т. е. его рабочая сила используется по очереди двумя собственниками. Эти данные играют существенную роль для определения общественного строя Ирана того времени, о чем еще будет речь. В этом отношении важны и сведения о частичном освобождении раба, т. е. какая-то часть его времени освобождается для него самого. Это один из признаков того, что рабовладельческий строй изживал себя и склонялся к распаду, так как рабство

[1] Ch. Bartholomae. Zum sasanidischen Recht, II. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, 1918, 14 Abhandl.

[2] Ch. Bartholomae. Zum sasanidischen Recht, II, стр. 42—50

[3] Ch. Bartholomae. Zum sasanidischen Recht, III. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, 1920, 18 Abhandl.

[4] Там же, стр. 3.

перестало отвечать характеру хозяйства, которое требовало более инициативного работника.

Следующий экскурс Бартоломе посвятил вопросу о поручительстве в связи с должниками и заимодавцами.[1] Он входит в рассмотрение целого ряда интересных деталей, как, например, сведение о приложении к документу печати, которая принадлежала судье. Вопросы о суде и о его верховной инстанции — магупате, высшем члене зороастрийского жречества,[2] также имеют существенное значение. В этом случае Бартоломе не использовал данных сирийской агиологической литературы, дающей очень подробные сведения о судопроизводстве, судебных инстанциях и ведении процессов в Иране.

Большое и очень содержательное исследование посвятил Бартоломе термину «aparmand», который до него надлежащего объяснения не получил. По его мнению, это дарение, данное «наперед» наследство, которое выдано вперед при жизни лица, предоставляющего наследство.[3] Параллельно автор коснулся ряда других вопросов и рассмотрел термины и выражения, смысл которых был неясен, его филологический анализ во всех этих исследованиях превосходен.

Таким образом, Бартоломе познакомил широкие научные круги с замечательным памятником пехлевийской литературы. Нельзя не отметить и дополнений, сделанных Пальаро, к статьям Бартоломе и некоторым другим законам, но и он не привлек к своему исследованию сирийского текста сборника Ишобохта.[4]

Транскрипция и английский перевод Матикана, данные Бульсарой, при всех своих недостатках сделали этот памятник еще более доступным. Тем не менее изучение права новоперсидского государства во всей своей полноте возможно только при некоторых дополнительных условиях, а именно при условии изучения сирийского перевода сборника пехлевийского законодательства, составленного Ишобохтом.

Э. Захау не ограничил свои издания выпуском в нескольких версиях так называемого сирийского Законника, памятника V в. н. э., в последующих выпусках он дал ряд других юридических памятников на сирийском языке. В III томе этой серии

[1] Ch. Bartholomae. Zum sasanidischen Recht, IV. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, Jahrgang 1922, 5 Abhandl., стр. 3.

[2] Там же, стр. 14, 29, 31.

[3] Ch. Bartholomae. Zum sasanidischen Recht, V. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Jahrgang 1923, 9 Abhandl., стр. 3, 13, 64.

[4] A. Pagliaro. L'anticresi nel diritto sasanidico. Rivista degli studi orientali, v. 15, 1935, стр. 275—315.

изданий Захау включил сборник Ишобохта.[1] Перевод сборника законов, составленный Ишобохтом, упоминается сирийскими писателями XI—XIV вв. Единственная уцелевшая рукопись сохранилась в архиве несторианских патриархов, который неоднократно перевозился. Из Селевкии, где патриаршая библиотека находилась в Бет-Коке, главной церкви несториан, она была переведена в Мосул, оттуда в монастырь раббан Хормизда. В последнем и была найдена единственная сирийская рукопись законодательного сборника Ишобохта.

Заголовок сборника указывает на время его составления: «С богом начинаю переписывать собрание законов, что составил мар Ишобохт, митрополит Персии, по настоянию епископов его епархии, переведенное с персидского языка на сирийский язык, по приказу и усердию блаженной памяти мар Тимофея кафолического патриарха Востока».

ܫܪܥ ܕܢܡܘܣ̈ܐ ܕܥܒܕ ܡܪ ܝܫܘܥܒܚܬ ܩܕ
ܡܛܪܦܠܝܛܐ ܕܦܪܣ ܕܥܠ ܡܢ ܡܪ ܛܝܡܬܐܘܣ
ܩܬܘܠܝܩܐ ܐܒܐ ܕܡܕܝܢ̈ܚ ܒ̈ܝ ܕܡ̈ܐ ܕܒ̈ܝ ܕܡ̈ܐ
ܕܡ̈ܐ ܕܒ̈ܝ ܕܡ̈ܐ ܕܒ̈ܝ ܕܡ̈ܐ ܕܒ̈ܝ ܕܡ̈ܐ ܕܒ̈ܝ ܕܡ̈ܐ
ܕܡ̈ܐ ܕܒ̈ܝ ܕܡ̈ܐ ܕܒ̈ܝ ܕܡ̈ܐ ܕܒ̈ܝ ܕܡ̈ܐ ܕܒ̈ܝ ܕܡ̈ܐ
ܕܡ̈ܐ ܕܒ̈ܝ ܕܡ̈ܐ ܕܒ̈ܝ ܕܡ̈ܐ ܕܒ̈ܝ ܕܡ̈ܐ ܕܒ̈ܝ ܕܡ̈ܐ[2]

Митрополит Ишобохт не был современником Хосрова Ануширвана, во времена которого под одним из деяний соборов имеется подпись одноименного лица. В приведенном заголовке упомянуто имя пользовавшегося широкой известностью патриарха Тимофея I, занимавшего это место с 779 по 820 г. Кроме того, в своем предисловии Ишобохт указывает, что он принял посвящение в митрополиты от «кафолического патриарха мар Хенанишо».[3] Речь идет, повидимому, о Хенанишо II, непосредственном предшественнике Тимофея I и патриархе несториан с 775 по 779 г.[4] Таким образом, Ишобохт жил в эпоху мусульманскую, при Аббасидских халифах, и его свободное критическое отношение к зороастризму, поэтому вполне понятно. Ишобохт писал на персидском (пехлевийском) языке, составил на нем свой сборник, а не назвавший себя сирийский переводчик сделал перевод после его смерти по просьбе патриарха Тимофея I. Про переводчика ничего неизвестно, про Ишо-

[1] Syrische Rechtsbücher, herausgegeben und übersetzt von E. Sachau, Bd. III, Berlin, 1914, стр. 1—201.

[2] Там же, стр. 2.

[3] Syrische Rechtsbücher..., III, стр. 4.

[4] A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, стр. 215.

бохта же переводчик сообщает, что он был посвящен в сан митрополита каталикосом Хенанишо.

Сборник Ишобохта, как и его перевод, являются звеньями большого литературного и научного оживления, возникшего в то время среди сирийцев. В VIII и начале IX в. арабская литература и наука еще не существовали, тем больше значения имели образованные сирийцы. Халифат в этот период нуждался в их помощи. Сирийцы переводили с сирийского на арабский, с греческого на сирийский и арабский, они создали то среднее звено, которое сомкнуло античное знание с новым периодом расцвета уже средневековой науки у арабов. Сирийские переводы сыграли в этом отношении выдающуюся роль. Но кроме греческих материалов, сирийцы переводили и с пехлевийского. Элементы персидской культуры глубоко укоренились и способствовали расцвету арабской культуры.

В халифате необходимость в юридических памятниках была велика. Обычное право арабов и нормы Корана не могли удовлетворить своей примитивной простотой сложные запросы, которые предъявляли халифату покоренные им народы. Судились они по законам, которые были записаны еще при сасанидских царях, на пехлеви, так как эти законы разрешали ряд сложных вопросов наследования, владения, передачи имущества и др. Сирийцы также имели многочисленные законы, записанные в V—VI вв. Это был свод, известный под названием сирийского Законника, о котором речь была выше. Большое число канонических постановлений сохранилось в актах, т. е. деяниях несторианских соборов.[1] Таким образом, традиции юридического характера, письменное законодательство, его освоение и толкование имели свою историю на протяжении веков.

В общем порядке, в связи с потребностями халифата и традицией, сложившейся у сирийцев, последние заняли положение посредников в культурных сношениях и литературных связях халифата. Труд Ишобохта является звеном в длинной цепи.

Нельзя не отметить того, что время деятельности Ишобохта, вторая половина VIII в., является временем общего оживления деятельности сирийцев. При патриархах Хенанишо II и Тимофее I сирийская экспансия на восток приняла особенно широкие размеры, о чем свидетельствует знаменитая китайско-сирийская надпись на стелле, хранящейся до настоящего времени в Сианьфу. Дата и текст надписи свидетельствуют о большой активности несториан в VIII в. в Китае, где их проповедь нашла отклик. К этому времени относится и целый ряд произведений сирийских авторов, а также переводов с пехлеви, с греческого, общее оживление и литературной деятельности сирийцев.

Ишобохт составил сборник на пехлеви, близкий по содержанию сборнику известному под названием Матикан-и хазар датастан. С тех пор, как этот последний памятник издан, сравнения обоих текстов и привлечение сирийского текста для понимания пехлевийского не производилось. Между тем оно могло иметь большое значение для его истолкования. Очень мало привлекался сирийский текст и в этюдах Бартоломе.

Осуществленный перевод сборника Ишобохта заслуживает положительной оценки, если принять во внимание трудность перевода с пехлеви, палеографические особенности последнего должны были особенно осложнять его работу.[1] Но переводчик хорошо знал оба языка и вышел из положения с большим успехом. Он понимал хорошо содержание того, что он переводил, поэтому и его перевод сохранял и передавал смысл подлинника. Издатель сборника Ишобохта отметил, что он дошел до нас в неполном виде, отсутствуют главы с 7-й по 13-ю. Эти главы, судя по сохранившемуся заголовку,[2] представляют большой интерес, они содержали такие интересные материалы, как об оплате нанимаемых работников, о порядке пользования колодцами, каналами, починке дорог, мостов и т. п. Такие сведения могли бы иметь существенное значение. Эта часть была давно утеряна, так как и арабские переводы сирийского текста не содержат указаний на то, чтобы им были известны эти части сборника. Э. Захау предполагает, что все списки восходили к какой-то единственной дефектной рукописи и что уже в XI в. полного экземпляра не существовало. Такова и рукопись, по которой им издан сборник Ишобохта.[3]

Труд этот широко и неоднократно использовался в сборниках и компиляциях более позднего времени, как митрополита Абдишо бар Бахриза (1028 г.), патриарха Илии I (1028—1049) и его секретаря Абульфараджа Абдаллаха ибн Алтайиба (ум. 1043). Кроме этих сирийских и сиро-арабских авторов XI в., сборник Ишобохта был использован нисибийским епископом XIV в. Абдишо бар Берикха, а также в целом ряде юридических компиляций и сборников.

До настоящего времени не имеется обстоятельного и последовательного исследования сборника Ишобохта. Между тем его данные имеют очень большое значение для определения социально-экономической структуры общества времени Сасанидов,

[1] J. B. Chabot. Synodicon oriental. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale, v. 37, Paris, 1902.

[1] Syrische Rechtsbücher..., III, стр. XV.

[2] Там же, стр. 182. Названия глав VII—XIII шестой книги Ишобохта.

[3] Syrische Rechtsbücher. . ., III, стр. XIV—XV.

наиболее существенных моментов в период его перехода от рабовладельческого строя к феодальным отношениям.

В этой связи материалы законодательного сборника Ишобохта дают возможность выяснить, какие глубокие и коренные изменения могут быть отмечены в жизни иранского общества. Эти изменения послужили предпосылками к возникновению городов нового типа. Семья приняла другой характер, число ее членов сократилось за счет выделения малой семьи. Она имела возможность вести хозяйство самостоятельно, не связывая себя с большесемейной или соседской общиной, которая держалась на необходимости общей обработки земли. Семья высвобождала и ремесленников, которые начали занимать положение вне общины, как лица, занимавшиеся специальным трудом. Они ушли в города, стали их главным, основным населением.

Следует еще отметить, что Ишобохт составил для сирийцев гражданские законы, по которым должно было судиться христианское население халифата. Это законодательство имело известное значение и для арабов, так как они использовали его в своих более поздних сборниках. Оно оказало влияние на арабские нормы права.[1] В данном случае отсылаем к нашей специальной работе о сирийском Законнике, посвященной истории этого памятника. Сборник Ишобохта замечателен тем, что он отражает нормы иранского права того периода истории, который предшествовал арабскому завоеванию. Бедность юридических данных и трудность их истолкования делают этот памятник особенно значительным.

Распад большесемейной общины, родовой общины, был связан с изменениями в области техники обработки. Мотыгу заменила соха, которой можно произвести необходимую для индивидуальной семьи обработку земли. Но это изменение произошло в Иране в несравненно более раннее время, отдаленное на несколько столетий. Археологические материалы, найденные в пределах Армении, указывают на применение сохи в первые века новой эры. Юридические сборники на пехлеви и их сирийские переводы знают уже малую семью, наследование в пределах этой семьи и т. д.

СБОРНИК ИШОБОХТА

Законодательный сборник Ишобохта имеет ряд характерных особенностей, которые представляют большой интерес.

В своем введении составитель высказывает некоторые общие мысли, определяет различие понятий, которыми в дальнейшем он оперирует в своем труде. В основном это противопоставление

[1] Н. Пигулевская. Сирийский законник (см. библиографию).

божественной справедливости и человеческого суда, последний является как бы уступкой несовершенной человеческой природе.[1] В этой вводной части определение понятий даны в форме вопросов и ответов, указывающих различие между божественным и человеческим законом и другими понятиями. Здесь же разъяснено различие между терминами, принятыми в персидском праве. Так, понятие «pesend» определяет «согласие» («ein Verständniss»), «bihdadhastinih» имеет значение «дополнить», «дать больше, чем дает закон»,[2] т. е. является как бы превосходящим закон в сторону уступки.

Примеры, объясняющие эти термины, приводятся следующие: если человек по болезни или другим причинам не может вернуть долга с процентами, то заимодавец по своей воле может удовлетвориться возвращением капитала без процентов, и это будет pesend. Если дочь имеет право на половину доли сына в наследстве, а ей дают полную долю, то это bihdadhastinih, то что превышает закон. Следует отметить, что наряду с таким переводом и усвоением норм персидского права в сборнике Ишобохта встречаются и полемические моменты. Так, автор решительно возражает против некоторых установлений иудейского закона и зороастризма.[3] Полемика и резкие возражения против религии Зороастра были возможны только в период господства ислама и поэтому нет сомнения в том, что составление сборника Ишобохтом относилось именно к тому времени, которое указано в предисловии, а именно к VIII в., времени возрождения сирийской литературной активности.

Труд Ишобохта был составлен на пехлевийском. Целью его труда была, очевидно, систематизация права, которое зафиксировано было еще при Сасанидах и применялось как законодательная норма епископальным судом. Переводчик труда Ишобохта называет его мудрым, говорит, что никто не может упрекнуть его за его труд, который он сделал совершенным. Что касается переводчика, то он справедливо жалуется на трудности своей задачи, ему было «не легко» и «не свободно» передавать на язык сирийский (ܠܐ ܫܠܝܐ ܠܐ ܚܪܝܪ) персидский текст. В своем обращении во втором лице к патриарху Тимофею переводчик просит его внести исправления (ܬܬܩܢ) там, где это покажется ему необходимым. Сам переводчик считал свой труд несовершенным.[4]

Труд Ишобохта переводчик на протяжении всей книги называет различно. Так, в предисловии он называет его ܟܬܒܐ ܕܕܝܢ

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III, I_1, стр. 8—9.
[2] Там же, I_2, стр. 12, 13.
[3] Там же, IV, 1, 5, стр. 96, 97.
[4] Там же, III, стр. 2.

ܥܒܕ ܢܡܘܣ — «сочинение о законах»,[1] а дальше — «книгой законов (ܢܡܘܣ ܣܦܪܐ), которая составлена мар Ишобохтом, митрополитом Персии».[2] Наряду с выражением, что это книга или сочинение «о законах» (ܥܒܕ ܢܡܘܣ), переводчик дает и другое название — как книги «о судебных решениях» (ܥܒܕ ܕܕܝ̈ܢ...), или называет их просто «судебными решениями» (ܕܝ̈ܢ).[3]

Если сравнить текст законов сборника Ишобохта и Матикана, то бросается в глаза сходство целого ряда статей обоих сборников. Однако никак нельзя считать их одним и тем же сочинением. Изучение сирийского Законника V в. показало, как много версий насчитывают такого рода сборники и как их многочисленные рукописи не могут быть сведены воедино.[4] И в этом случае могло иметь место аналогичное явление.

Наиболее вероятной представляется другая возможность, а именно составитель Матикана и Ишобохт использовали общий источник. В ряде случаев в Матикане упоминается «Datastan Namak» — «Книга законов», на решения которой сделаны ссылки.[5] Эта «Книга законов» и является основой Матикана, в нем систематизировано право, с одной стороны, и даны варианты решений различных юристов, с другой. Это и делает Матикан «дигестами». Что касается сборника Ишобохта, то его основу также составляют законы, известные и записанные в сасанидский период. Но, кроме того, составитель принял во внимание и включил в свой сборник глоссы, варианты решений, использовав другие источники права.

Для Ишобохта существует два рода суда, суд светский и суд церковный, что, может быть, вернее определялось его сопоставлением «судьи внешние» (ܕܝ̈ܢܐ ܕܡܢ ܒܪ̈ܐ) и «мы» (ܐܢܚܢ ܡܢ) или «судьи церковные» (ܕܝ̈ܢܐ ܕܡܢ ܥܕܬܐ).[6] Противопоставляя решение одного суда решению другого, Ишобохт сообщает существенные подробности. В одном случае у истца нет свидетелей и нет долговой расписки (ܟܬܒ), в этом случае «внешние судьи не слушают его» (ܕܝ̈ܢܐ ܕܒܪ̈ܐ ܠܐ ܫܡܥܝܢ ܠܗ). Судьи эти «внешние» относительно христиан, которые предпочитали решение епископального суда, как более мягкого и связанного с меньшим количеством расходов. Тому, что эти судьи не соглашаются рассматривать упомянутые выше дела, Ишобохт противопоставляет «мы же» (ܐܢܚܢ ܡܢ), которые знают, что многое делается и дается или предоставляется друг другу «потихоньку», без свидетелей. Поэтому «мы», т. е. епископальный суд, брался судить такого рода случаи, если истец не был человеком с репутацией сутяги и лжеца.[1] В дальнейшем еще определеннее говорится о «языческом судье» (ܕܝܢ ܥܠܡܝ), к которому не следует обращаться тому, на кого подан иск. Так как «языческий судья» может нанести вред истцу, то этого и не следует делать и обращаться к нему.[2] Очевидно, что обжалованный идет разбирать свое дело к «языческому судье», не удовлетворяясь решением или опасаясь решения епископального суда. Если этот «внешний судья» налагает на истца, который представил свой иск в епископальный суд, наказание, то обжалованный, который обратился к «языческому судье», наказуется церковью и на него налагается церковное взыскание.

В другом случае Ишобохт противопоставляет два решения: «судьи внешние (т. е. светские) приказывают относительно этого следующее» (ܕܝ̈ܢܐ ܕܡܢ ܒܪ̈ܐ ܦܩܕܝܢ ܥܠ ܗܕܐ ܕܟܠܝܢ). В противоположность этому решению он приводит решение церковных судей, которые разрешают этот вопрос по существу, рассматривая его «экономически» или в порядке «управления». Термин ܐܝܟܢܘܡܝܐ издатель передает выражением «Standpunkt der Verwaltung», но в примечании никаких объяснений не дает.[3] Между тем все дело заключается в том, что поверхностному решению противопоставляется углубленное, с точки зрения устройства данного дела: «судьи же церкви и на это смотрят установительно». Термин ܐܝܟܢܘܡܝܐ означает «административно», а также «провиденциально», «экономически», этот корень имеет много значений, но в данном случае его смысл ясен. Епископальный суд судил гораздо более мягко, в его рассмотрении принимались во внимание и стороны управления, экономики или хозяйства. В то же время церковный суд стремился не допускать вмешательства светского суда в процессы, которые решались им.

Помимо этого противопоставления Ишобохт приводит мнения различных юристов об одном и том же случае. Это роднит его сборник с Матиканом, который также приводит точки зрения различных юристов по тому или другому делу.

Ишобохт приводит такое мнение со словами: «есть который говорит» (ܐܝܬ ܡܢ ܐܡܪ), т. е. имеются лица, которые утвер-

[1] Syriche Rechtsbücher. . ., III, стр. 2, строка 1.
[2] Там же, стр. 2, строка 19.
[3] Там же, стр. 88, 92, 68.
[4] И. Пигулевская. Сирийский законник, стр. 52. — Syrisch-Römisches Rechtsbuch aus dem V Jahrhundert. Ed. Bruns und Sachau. Leipzig, 1880.
[5] Matikan, X, 4, стр. 105; XIX, 1, стр. 217; x+30, стр. 263; XXVIII, 27, стр. 355.
[6] Syrische Rechtsbücher. ..., III; VI, 1, § 1, стр. 182; V, 7, § 8, стр. 158.

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III; VI, 1, § 1, стр. 182.
[2] Там же, § 2, стр. 184.
[3] Там же, III, стр. 158, 327.

ждают следующее, а этому противополагается «мы же говорим» (ܚܢܢ ܐܡܪܝܢ ܕ...), т. е. наше же мнение таково.[1]

Нет сомнения, что одним из источников решений Ишобохта являлось обычное право. В четвертой книге сборника, где собраны законы о наследовании, 5-я глава озаглавлена «О решениях и законах, которых мы придерживаемся по обычаю» (ܥܠ ܕܢܡܘܣ ...). Для того, чтобы решить вопрос о тех или иных качествах товара, а в связи с этим его оценки, он предполагает поступать по «обычаю, которого придерживаются среди торговцев»: ... ܕܢܡܘܣ ... .[2] Это обычное право он считает достаточным основанием и для решения некоторых спорных вопросов, предлагая даже обращаться к нескольким лицам из числа купцов, которые могут в этом случае помочь.

В сборнике Ишобохта имеются и другие ссылки на обычное право. Так, в вопросе об отпуске на волю раба добавлено, что имеются области, где после освобождения раба его бывший господин сохранял над ним главенство, т. е. был его патроном, но «это не повсюду и не установлено по закону».[3] С обычным правом связан вопрос о предоставлении некоторой поддержки разведенной жене, бывшей в христианском браке, и здесь эта доля выделяется ей в соответствии с обычаем.[4]

Частных документов от изучаемого периода осталось незначительное число, и они относятся к совершенно различным векам. Так, можно назвать только Авроманские документы, которые должны быть отнесены к I в., или купчую III в. н. э., найденную в Дуре-Европосе. Сведения юридического сборника Ишобохта являются поэтому в полном смысле слова драгоценными. Из материала этого памятника совершенно очевидно, что письменные договоры и соглашения были широко распространены. Эти долговые, дарственные, купчие, завещания и другие документы хранились и должны были быть предъявлены суду. Законник определяет также доброкачественность документа и на основании этого он мог считаться действительным.[5] В этом отношении очень поучительны данные относительно подделки документов. Здесь различаются тот, кто подделал документы, и тот, кто приложил печать к фальшивому документу, они подвергаются церковному наказанию, денежному взысканию в пользу обиженного. В некоторых случаях налагаемый на виновников подделки штраф отчисляется в пользу церковных учреждений — монастырей, ксенодохейнов и других благотворительных учреждений.[1]

Этим статьям сборника Ишобохта отвечают и данные Матикана, в котором слово «книга» — «namak» — неоднократно дается в значении «запись», «протокол», «протокольная запись». Встречаются и параллели — термины, соответствующие «написанному» или «записи», как «nipistak», «dipirih». Существование письменного документа обеспечивало возможность представления его в суд.

Запись, или протокол, должны были быть засвидетельствованы приложением печати — mudr, позднейшее muhr. Приложение печати к фальшивому документу, как было указано выше, каралось. В Матикане речь идет о приложении печати к документу официальными лицами, судьей (rad) и магупатом.[2] Магупат — звание жреческое. В руках жрецов был сосредоточен суд, это хорошо известно и из житийных материалов. Непререкаемым и безапелляционным считалось судебное решение магупатан магупата, т. е. главы мобедов.[3] Ишобохт сообщает о документе, к которому прилагается «печать судей церкви». Речь идет о лишении наследства жены или детей за дурное поведение или по другой причине; если муж «напишет и приложит к этому печать церковных судей» (ܘܒܟܬܒ ...), то после его смерти его воля должна быть выполнена.[4]

Сирийские хроники подтверждают, что документы часто хранились в церквах, при которых были свои архивы. Письменные документы имели широкое распространение, но повторные войны, неблагоприятные условия хранения не сохранили их.

Таким образом, характер сборника Ишобохта достаточно выяснен. Содержащиеся в нем статьи имеют большое значение для социально-экономической характеристики Ирана в предшествующий арабскому завоеванию период его истории.

Основной причиной произошедших перемен были дальнейшие этапы развития и количественное увеличение частной собственности, особенно частной собственности на землю. Отражение этого процесса можно найти в сведениях Авроманских документов, о которых речь была выше.

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III; V, 5, § 12, стр. 150; V, 7, § 21, стр. 164.
[2] Там же, V, 8, § 1, стр. 164; 8, § 3, стр. 166.
[3] Там же, V, 13, § 2, стр. 178.
[4] Там же, IV, 5, § 1, стр. 120.
[5] Там же, VI, § 3, стр. 192.

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III; VI, 3, § 2, стр. 190.
[2] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, IV, стр. 12—14.
[3] Там же, стр. 29, 31.
[4] Syrische Rechtsbücher. . ., III; IV, 5, § 3, стр. 120.

Локальные традиции сирийских памятников представляют большой интерес. Сосредоточенные и связанные с каким-нибудь одним городом и его областью они хранят воспоминания о событиях, давность которых чрезвычайно велика. В этих местных памятниках литературы использованы также письменные материалы архивов, записей, которые велись в городах Ближнего Востока по очень древнему обычаю. Архивы языческих храмов, а затем христианских церквей были источниками, которыми охотно пользовались хроникеры.

«История Карки де бет Селох» — ܬܘܪܝܟ ܟܪܟܐ ܕܒܝܬ ܣܠܘܟ — является местной хроникой, составленной автором на основании письменных и устных материалов. Основной целью хроники было прославление родного города Карки (ныне Керкук), его древности, значимости его епископского престола и сообщение о мучениках Карки. Такая тенденция автора значительно повлияла на состав хроники, на отдельные утверждения, не имеющие достаточного исторического основания. Но несмотря на этот недостаток, хроника сохранила сведения, в правдивости которых не приходится сомневаться и ценность которых для истории значительна.

Первая часть хроники содержит сообщения об основании города, его постройках, планировке. Эта часть сохранилась полностью только в одной группе рукописей, по которым дано издание Беджана. В издании Мезингера и переводе Гоффмана в ней имеется весьма значительный пропуск.[1]

В основе этой части, в ее распространенном виде, лежали письменные источники несколько сбивчивого характера. Основание города приписано ассирийским царям, имена которых варьируют — Саргон и Сардана (Асархадон). Строителями Керкука названы также Дарьявуш (Дарий) и Селевк. Дарий назван сыном Патшасна (ܦܛܫܣܢ), персидская форма Гистаспа, что указывает на наличие соответствующего источника. Но этот Дарий является в хронике персидским царем, побежденным Александром Македонским. Наибольшее число подробностей, притом наиболее исторически правдивых, дается о построении города Селевком, о новых стенах с башнями, которые были им возведены. Название города относится также к имени Селевка так как Карка де бет Селох может быть прочитано и как Карка де бет Селевк.[2] «Карка» значит «крепость», или «укрепленное место», следовательно, «крепость Селевка».

Хроника сообщает о зарождении христианства в Карке, о появлении манихейства при Шапуре I и связанных с этим борьбе и гонениях. О гонениях в IV в. сообщения ее кратки, но даются некоторые сведения о времени Бахрама, сына Шапура (388—399). В соответствии с задачей составителя хроники приводятся чередой имена епископов Карки, время жизни которых можно определить с относительной точностью благодаря именам шахов.

Наиболее подробно хроника сообщает о времени Езгерда II (438—457), его войнах, направлении его политики и предпринятом им гонении (446 г.), в котором большое место отведено жестокому Томездгерду. Последующие сведения о Карке относятся ко времени епископа Бобовая, умершего в 485 г. Таким образом, хроника должна была быть написана не раньше конца V в., обычно ее последнюю редакцию относят к VI в., так как в ней упоминается имя Хосрова, до времени которого, говорит хроника, было широко распространено учение Мани.[3] Такой точки зрения придерживается Баумштарк, считая ее «отрывистой историей города» и «ответвлением» истории Арбелы, составленной автором VI в., Мешихазеха.[4] Шабо указал на то, что «несмотря на противоречия и явные анахронизмы, этот документ. . . содержит точные детали, почерпнутые в древних источниках».[5]

Наиболее серьезной критике хроника Карки де бет Селох была подвергнута в исследовании Пеетерса, посвященном хронике Адиабены, которая, по его выражению, является ее младшей «сестрой».[6] Тенденции роднят эти памятники, которые отодвигают в глубокую древность свои местные легенды, их сведения не могут быть проверены за недостатком источников, между тем эти сведения не вызывают уверенности в их исторической верности. Хроника Карки де бет Селох, по всей вероятности, была составлена раньше хроники Арбелы, но обе были вызваны одним и тем же побуждением — прославить свою епархию, причем, являясь соседними, они соперничали в желании доказать древность своих традиций.[6] В другом случае Пеетерс высказывается еще более резко: «Очень мало достоверная Исто-

[1] Acta mm. ss. II, стр. 507—511. — A. Mösinger, ук. соч., стр. 63—64. — G. Hoffmann, ук. соч., стр. 43—45 (см. прилагаемые переводы с сирийского).

[2] V. Tscherikower, ук. соч., стр. 97.

[3] Acta mm. ss. II, стр. 517.

[4] A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur, стр. 135.

[5] J. B. Chabot. Littérature syriaque. Paris, 1934, стр. 57.

[6] P. Peeters. Le «passionaire d'Adiabène». Analecta Bollandiana, Bruxelles, 1925, t. 43, f. 1/2, стр. 304.

[6] P. Peeters. Le «passionaire d'Adiabène», стр. 303—304.

рия Карки де бет Селох сфабрикована, как кажется, в середине VI в.». Ее автором является недобросовестный компилятор, «способный на подделки» («un faussaire»).[1] Но несмотря на этот суровый приговор, на сомнения и отрицательное отношение критика, он признает значение некоторых сведений и материалов и этой хроники.

Тенденциозность памятника сказалась главным образом в желании доказать преимущества данного центра, Карки, перед другими, его первенство в клерикальном отношении, в стремлении отнести к очень отдаленным временам образование в нем епископии. В вопросах и делах светских хроника придерживается спокойного, эпического изложения. Очевидно использование письменных или письменного источника, как это было выше указано, для части, касающейся построения и устройства города. Ценными являются сведения хроники о политических и военных событиях середины V в. в Иране, при шахе Ездгерде II. В достоверности исторической подлинности этого материала сомневаться не приходится, поэтому пользоваться им не только можно, но и должно.

К числу литературных памятников, связанных с городом Карка де бет Селох, следует отнести краткий перечень мучеников, составленный в период гонений Шапура II.[2] Среди них находится и самая краткая, вероятно и самая древняя, заметка о мученике евнухе Гуштазаде. Последний, как и ряд других мучеников, был подвергнут казни по приказу Арташира, «шаха Хедайяба», т. е. царя Адиабены,[3] — это будущий шаханшах Арташир II, брат и наследник Шапура II.

Бет-Гармай как провинция и Карка де бет Селох как ее город были, следовательно, подчинены правителю Адиабены, юрисдикция которого простиралась и на эти области. Но следует указать на то, что другие казни были произведены по приказу мобеда Карки — ܪܒ ܕܒܝܬ ܪܒܢܐ. Приводимый здесь термин — ܡܗܘܚܦܬ — «маухафат» — считают равнозначащим сану мобеда, высоким жреческим званием у зороастрийцев.[4] Имя маухафата было Адоргушнасп.[5] Относительно этого термина существуют некоторые разногласия, так в хронике Арбелы «маухафат» был переведен Минганой как «марзбан».[6] Наконец, были казни, которые производились по приказу самого Шапура, причем добавлено — «когда он был в этой земле».[1]

Этот краткий первоначальный перечень имеет, однако, и развитые литературные формы в дальнейшем. Так, подробно было разработано житие Гуштазада, или Азада, которое во многих отношениях представляет несомненный интерес как памятник, содержащий большое количество сведений и деталей, современных событиям. Гуштазад был из Карки де бет Селох. Наиболее подробно и тщательно сравнительный анализ версий его жития дан Пеетерсом.

ХРОНИКА АДИАБЕНЫ.

К числу локальных сирийских хроник принадлежит и хроника, родственная по своему характеру хронике Карки де бет Селох, известная под именем хроники Адиабены, главным городом которой была Арбела. В середине VI в. между 540 и 569 гг. клирик этого города или его окрестностей, по имени Мешихазеха, составил книгу, которая дошла в единственном списке, не имеющем начала. Эта небольшая локальная хроника посвящена архиепископу Арбелы Пинехасу и содержит нехитро сплетенные рассказы, касающиеся главным образом церковных событий данной епархии. В основу хроники положен небольшой, не дошедший до нашего времени труд некоего Авеля, «учителя» и «писателя», составленный около 410 г. В ряде случаев автор хроники ссылается на авторитет этого писателя. Кроме этого письменного источника, Мешихазеха располагал и другими, также письменными источниками, как деяния соборов, мученичества. Сохранив такой ранний по времени источник, как «историю» Авеля, хроника Арбелы дает возможность ознакомиться с ранней историей области Адиабены, так как наряду с чисто церковными материалами в ней имеются данные для политической и культурной истории Ирана в парфянскую и сасанидскую эпохи.[2] Ряд исследователей считают хронику Арбелы ценным источником, заслуживающим доверия. Особенно горячо отнеслись к новому источнику на первых порах. Однако следует указать на ряд ошибочных данных, неточностей, противоречий и неверных дат, которые были отмечены еще издателем хроники и ее первыми критиками.[3]

Подробный анализ хроники был дан Пеетерсом, который указал на небрежное, в ряде случаев недопустимое использо-

[1] P. Peeters. Le «passionaire d'Adiabène», стр. 270.
[2] Acta mm. ss. II, стр. 286—289.
[3] Acta mm. ss. II, стр. 286, 287.
[4] Patrologia syriaca, II, стр. 742, 769, 770. — C. Brockelmann. Lexicon syriacum, Halis Saxonum, 1928, стр. 376.
[5] Acta mm. ss. II, стр. 288.
[6] A. Mingana. Sources syriaques, I, стр. 50, 129.

[1] Acta mm. ss. II, стр. 288, 289.
[2] A. Mingana. Sources syriaques, I. Mossoul, 1907, texte, стр. 1—75; traduction, стр. 76—156; notes, стр. 517—168.
[3] E. Sachau. Die Chronik von Arbela. Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1915, № 6, стр. 12—17.

вание источников автором хроники. Пеетерс взял под сомнение всякие сообщения Мешихазеха: «Говорит ли он, молчит ли, он внушает совершенно справедливое недоверие». Пеетерс утверждает, что даже полезные сведения становятся сомнительными, если их сообщает автор хроники Арбелы и, по его мнению, «следует удивляться», как именно он смог сохранить ценные материалы, которые отсутствуют в других источниках и имеют существенное значение. Следовательно, несмотря на свое отрицательное мнение, критик все же признает ценность сведений, содержащихся в хронике.[1]

Что хроника грешит отдельными неправильностями и ошибками, было очевидно Захау и другим исследователям, но это не умаляет значения многих положительных и верных сведений хроники. Последняя вызывает подозрения главным образом своими преувеличениями. Автор вносил их, стремясь возвеличить и превознести свою родную Адиабену, отдать ей пальму первенства, как центру древнейшего восточного христианства. Другие сведения, главным образом по политической истории, не вызывают никаких сомнений, они сообщаются автором без всякой предвзятой мысли.

Большую ценность представляет первая часть хроники, связанная с именем учителя Авеля. Последний жил на два поколения позднее 351 г., так как он говорит, что живы еще внуки того поколения, которое пережило гонение в упомянутом году.[2] Сочинение Авеля было во всяком случае закончено до 410 г., года составления труда Маруты Майферкатского.[3] Сообщаемые им сведения относятся ко времени с конца I или начала II в. и до начала V в. Эта часть хроники достоверна[4] особенно там, где она касается светской истории государства «партавов» — парфян и персов (сасанидского периода). Анахронизмы в труде Мешихазеха несомненны, но некоторые даты заслуживают доверия. К таким хронологическим данным Захау относит смерть епископа Арбелы в 316 г. н. э. К вероятным датам можно отнести и время возвращения мар Абы I из Сузианы — в 540 или 551 г.[5] Ряд упоминаемых хроникой событий парфянского времени помогают установить такие данные, как время войны Артабана V против императора Макрина в 217—218 гг. Датой конца господства династии Аршакидов и воцарения Сасанидов хроника считает 27 апреля 224 г. Имеются и другие сопоставления с хроникой, заслуживающие доверия, это особенно относится ко времени с 316 по 540 г.[1] С такой оценкой хронологии хроники, данной Захау, не согласился Пеетерс, который указал на целый ряд неточностей и хронологических несоответствий. С некоторыми критическими замечаниями Пеетерса нельзя, однако, согласиться. Так, Пеетерс сопоставляет сообщения хроники Адиабены с данными мученичества Тарбо, или Пербуты, сестры Симеона бар Саббаэ. Смерть Гухиштазада (Азада), принадлежавшего к дому Арташира, относится, по его мнению, к весне 341 г., к тому же времени, когда имело место мученичество Симеона. Пеетерс приводит в доказательство место из «Истории» Созомена, в ней сообщается, что маги и архимаги устремились в Персию, чтобы устроить гонение, особенно же в Адиабену, которая была значительно христианизована (ὡς ἐπίπαν χριστιάνιζον).[2] Между тем Адиабенская хроника сообщает, что правитель (ܫܠܝܛܐ) области Адиабены, по имени Пагаси, оказался «милосердным» к христианам и не дал начать гонений. Только через год, когда Пагаси умер, преследования разразились во всей силе, при новом правителе Фирузе Тамшапуре.[3] Между тем та же хроника раскрывает мотивы «милосердия» Пагаспа, они носят совершенно определенный характер. «Пагаси, маухафат области, пришел к соглашению со знатными (ܪܒ̈ܪ̈ܐ ܕܡܕܝܢܬܐ) города, чтобы не убивать христиан раньше месяца Илула, времени сбора винограда и жатвы».[4]

Как знатные и богатые землевладельцы города, так и его правитель были заинтересованы в том, чтобы сельскохозяйственные продукты были сняты, прошла жатва и сбор винограда. Так как все население выполняло эти работы, а среди него было большое число христиан, то их пощадили временно в интересах той же знати и правителя. Жатва и сбор играли важную роль в экономическом положении всех слоев населения и имели решающее значение для податного обложения. Тенденциозность автора сказывается в приукрашивании фактов, но в данном случае это сообщение никак не может быть поставлено под сомнение и не может быть отдано предпочтение беглому замечанию греческого источника. Если Созомен говорит об области Адиабены как значительно христианизованной, то тем более возможно, что ее правитель учитывал неизбежно тяжелые последствия гонений — экономические и политические.

Но вообще нельзя не принять во внимание острую наблюдательность Пеетерса и его предостережение, что «благо-

[1] P. Peeters. Le «passionaire d'Adiabène», стр. 263, 303.
[2] E. Sachau. Die Chronik von Arbela, стр. 15. — A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur, стр. 135.
[3] E. Sachau. Die Chronik von Arbela, стр. 8—11.
[4] F. Haase. Altchristliche Kirchengeschichte nach orientalischen Quellen. Leipzig, 1925, стр. 10.
[5] E. Sachau. Die Chronik von Arbela, стр. 12.

[1] Там же, стр. 17.
[2] Sozomenos. Historia ecclesiastica, II, 12, ed. Hussey, стр. 146.
[3] Chronique d'Arbèle: A. Mingana. Sources syriaques, стр. 50.
[4] Там же, стр. 50.

склонность, которой она (хроника) пользуется в настоящее время, отнюдь не является последним словом критики».[1]

Хроника Адиабены и хроника Карки де бет Селох появились почти одновременно, на это указывает их общая, одинаковая манера, но «родственность и соседство» в этом случае не имеют ничего успокоительного для признания этих памятников, по мнению Пеетерса. Тенденциозность хроник сказывается больше всего в сообщениях о христианстве и мученичествах, они связаны со стремлением прославить эти два города той же области. Арбела и Карка де бет Селох находились в той же Адиабене и соперничали между собой, желая доказать свой авторитет в области древности обращения и распространения христианства и других достоинств.

При всем этом самые сообщения хроники Арбелы о том, как распространялась новая религия, а, следовательно, и сирийская культура в области Адиабены в парфянское время, содержат живые подробности. Эта часть относится к материалам, почерпнутым в труде того же учителя Авеля. Успешное распространение христианства было связано с изменениями, происходившими в социально-экономических отношениях в Иране, структура которых приобрела новые черты. Это не могло не вызвать к жизни и новых надстроечных явлений. Количество географических названий, упоминаемых хроникой в связи с распространением христианства, велико, и оно указывает на значительное укрепление новой религии. Удается установить названия селений и городов и определить их местонахождение, так что географическая канва Адиабенской хроники не вызывает никакого сомнения. Сопоставление ее с другими источниками, из которых может быть выяснена историческая география Ирана, дает тому неопровержимые подтверждения.

Христианство распространялось на сирийском языке и в сирийской письменности. На сирийском языке писал и учитель Авель.

Суровая критика двух хроник — города Карки де бет Селох и города Арбелы — ставит под вопрос использование упомянутых источников во всей их полноте. Но при этом необходимо принять во внимание, что именно в этих двух хрониках, при всей их тенденциозности, имеются неподражаемые особенности и сообщения, свежесть и подлинность которых никак не может быть отнесена за счет искусственности или нарочитости их авторов. Легендарные подробности, неправильности, преувеличения относятся главным образом к мученичествам или назидательным рассказам у этих авторов. В каждом отдельном случае требуется тщательный анализ, критика сведений, но нельзя отметать эти хроники как негодный материал. Именно они сохранили сведения не дошедших до нас источников, имеющих существенное значение. Для настоящего исследования интерес представляют сообщения хроники Мешихазеха о светской истории Ирана парфянского и новоперсидского (сасанидского) периодов. Эти сведения носят случайный характер, они не выдуманы автором и не представляют никакого повода для его тенденциозных сообщений, поэтому они и заслуживают доверия. Интересны и некоторые подробности, безыскусственно сообщенные в хронике и являющиеся отражением живой действительности того времени.

[1] P. Peeters. Le «passionaire d'Adiabène», стр. 303.

СИРИЙСКИЕ АГИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Среди памятников сирийской литературы доарабского периода значительное место занимают агиологические. Известно, что житийная литература с ее бесхитростными, простыми и понятными рассказами была не только видом исторической литературы, в известной мере она удовлетворяла потребности в развлечении, была своеобразным разделом беллетристики.

Считая необходимым делать такого рода произведения поучительными, редакторы первоначально простых и примитивных рассказов добавляли от себя назидания, поучительные речи, вставляли целые обращения к читателю. Как правило, эти дидактические наслоения можно легко отделить от основного ядра, составлявшего рассказ, записанный по воспоминаниям, из первых рук, от свидетелей событий, о которых идет речь. Это относится и к записям о мученичествах, подвергавшимся позднейшей обработке.

Агиологическая литература обычно использовалась для истории церкви, между тем она содержит множество сведений и указаний на события и обстоятельства повседневной жизни, носит черты народности, что делает ее неоценимым источником для характеристики современного ей общества. Что касается мучеництв, то они дают также весьма существенный материал, характеризующий государственный строй, управление Ирана, порядок судопроизводства, юрисдикцию должностных лиц, так как мучеников судили. Эта сторона государственного управления хорошо прослеживается на агиологических памятниках.

Мотивы государственных мер и гонений против христианского населения Ирана раскрыты теми же памятниками, они позволяют решить ряд вопросов об отношениях Ирана к Риму, а затем к Византии (Восточно-Римской империи). В памятниках агиологии имеются данные об экономических затруднениях Ирана, о характере налогов, обложения, о системе управления. Вопросы эти затронуты случайно, как бы мимоходом, не состав-

ляют главного содержания этих произведений, и потому именно эти сведения, лишенные здесь нарочитости, представляют большую ценность.

Среди агиологических памятников, привлекаемых в данном исследовании, находятся некоторые мученичества, в числе которых следует упомянуть повествования о епископе столицы персов Ктесифона, Симеоне бар Саббаэ, о каругбеде Поси (или Пусай, Пусик) и др.

Мученичество Симеона бар Саббаэ дошло на сирийском языке в двух редакциях, краткой и пространной. Пространная редакция возросла в своем объеме преимущественно за счет дидактического, нравоучительного материала. Краткая редакция представлена несколькими рукописями, из которых древнейшая написана эстрангело в две колонны. Она происходит из Нитрийской коллекции рукописей и хранится в библиотеке Ватикана, в сирийской коллекции за № 160. Та же редакция имеется в кодексе Британского музея 14645, написанном в две колонны и датированном 936 г.

Вторая, пространная редакция представлена ватиканской рукописью № 161 из Нитрийской коллекции и переписана в IX в. Эта редакция имеется и в других рукописях.

Обе редакции изданы.[1] Полным и лучшим их переизданием следует считать данное в Сирийской патрологии.[2] Там имеются многочисленные разночтения, латинский перевод текстов и большое введение (стр. 661—714). Краткая и пространная редакции тесно связаны между собой, краткая является старейшей редакцией, пространная от нее зависит, но включает ряд дополнений. Кодексы Ватиканской библиотеки №№ 160 и 161 имеют общего составителя. Во всем остальном они повторяют себя, за исключением того, что в рукописи 160 помещена краткая, а в рукописи 161 пространная редакция мученичества Симеона бар Саббаэ. Все включенные жития имеют тот же хронологический порядок, те же риторические отступления в тексте житий и, наконец, общее заключение в деяниях Акебшема, которое указывает на то, что это единое собрание.[3]

Краткая редакция была составлена рано, во всяком случае она вошла в собрание житий, составленном до 407 г. (рукопись 160). Пространная редакция относится к V в. и вошла в состав сборника, составленного после 428 г. (рукопись 161).[4]

[1] Краткая: Acta martyrum orientalium et occidentalium, ed. Assemani, t. I. Roma, 1748, стр. 15—36; пространная: Acta martyrum et sanctorum, ed. P. Bedjan, t. II. Parisiis, 1891, стр. 131—207.

[2] Patrologia syriaca, t. II, pars 1, краткая редакция — стлб. 715—778, пространная — стлб. 779—960.

[3] Acta mm. ss. II, стр. 394.

[4] M. K m o s k o. Praefatio. Patrologia syriaca, t. II, pars 1, стр. 690.

Редакции могут быть датированы в связи с событиями, которые имели место в Иране при шаханшахе Ездгерде. Между сирийским и сиро-персидским населением, с одной стороны, и Ездгердом, с другой, в 407 г. было заключено соглашение, и гонения были прекращены. Большая роль в примирении принадлежала Маруте Майферкатскому и Исааку Селевкийскому,[1] которым удалось в 410 г. собрать собор в Селевкии. Различия в резком отношении к шахской власти автора краткой редакции мученичества Симеона и более терпимый тон составителя пространной редакции объясняются, по мнению некоторых исследователей, тем, что последняя появилась в момент, когда гонения были приостановлены.

Чрезвычайно длительные и большие споры возникли в связи с датой казни Симеона бар Саббаэ. Пеетерс утверждает, что декрет Шапура II о разрушении церквей и повышенном налоговом обложении христиан относится к 340 г. До казни Симеона бар Саббаэ преследований не было, что засвидетельствовано мученичеством Поси (Пусик), который из Бех-Шапура был переведен в Карка де Ледан, где у своего дворца Шапур устроил мастерские.[2]

Как Симеон, так и Поси (Пусик) и его дочь Марфа пострадали в 341 г., соответствующем 32 г. царствования Шапура II. Свидетельство известного сирийского писателя Афраата, что гонения длились тридцать девять лет, начиная с 341 г. года мученичества Симеона, Пеетерс интерпретирует так, что только эту дату и возможно принять.[3] 344 г. как действительная дата казни Симеона Пеетерсом отрицается, так как он считает, что Шапур был занят военными делами в тот год. Он собирался в поход и подготовлял знаменитую битву при Сингаре (Синджар), она состоялась в середине лета 344 г.[4] Между тем свидетельство Афраата в его сборнике гомилий может быть истолковано иначе. В 14-й гомилии Афраат ссылается на пастыря, в котором следует видеть Симеона бар Саббаэ. Эта гомилия (Demonstratio XIV) написана до «великого истребления христиан», и, следовательно, Симеон не претерпел казни до месяца Шебат 35 г. шаха Шапура, соответствующего 655 г. селевкидской эры.[5]

[1] J. L a b o u r t. Le christianisme dans l'empire perse. Paris, 1904, стр. 87—92.

[2] В. В. Болотов. Из истории церкви сиро-персидской. СПб., 1901, стр. 82—83. — P. P e e t e r s. La date du martyre de St. Siméon. Analecta Bollandiana, 56, 1938, f. 1/2, стр. 130—131.

[3] Там же, стр. 141, 138.

[4] Там же, стр. 138.

[5] M. J. H i g g i n s. Aphraates dates for persian persecution. Byzantinische Zeitschrift, 1951, Bd. 44, H. 1/2, стр. 268.

Заключительные строки 23-й гомилии гласят: «Я написал тебе это письмо, мой друг, в месяце аб в год 656 царства Александра, сына Филиппа Македонского, в год 36 Шапура, шаха персидского, который произвел гонение, в пятый год как были разрушены церкви, в год, когда была великая резня мучеников в восточной земле, после того как я написал эти 23 первые главы, которые я расположил в порядке алфавита одну за другой».[1]

В свое время и Пеетерс считал эти строки древнейшей и исходной датой.[2] Великое гонение и смерть Симеона произошли в год написания этой гомилии Афраатом, т. е. в 36 г. Шапура, который начинался сентябрем 344 г. и продолжался до сентября 345 г., что соответствует 656 г. селевкидской эры. Так как Афраат упоминает и месяц аб этого года, как справедливо указал Хиггинс, следуя за Кмоско, смерть Симеона и великое гонение падают на время между сентябрем (шебат) 344 и январем (аб) 345 г.[3] Первоначальной датой смерти Симеона в его мученичестве было 14 сентября 655 г. селевкидской эры и 36 г. Шапура, что соответствует 344 г. н. э. К тому же времени относится житие Гуштазада, также имеющееся в нескольких версиях. Древнейшая из них входит в состав мученичества Симеона бар Саббаэ, имеется отдельно составленное мученичество Гуштазада и, наконец, мученичество Азада, дублет с сокращенным именем того же лица. Эти версии были предметом специального исследования Пеетерса, он и в этом случае относит дату смерти к 341 г.[4] Между тем в древнейшей версии дата дается «тринадцатого нисана, в четверг великой недели опресноков»,[5] т. е. страстной недели того же года, что и казни Симеона, следовательно 35-го года Шапура II, соответствующего 344 г. н. э. с января по август месяцы.[6] И в этом житии главный интерес заключается в бытовых подробностях, отражающих живые отношения и факты, обстановку своего времени.

Большой интерес представляет мученичество каругбеда Поси, имя которого варьирует как Пуси, Пусик, Пусай. Его имя упоминается и в истории Симеона бар Саббаэ. В истории Поси сообщается целый ряд живых, интересных сведений о жизни городов, их заселении, об организации царских мастерских и жизни ремесленников. Этот памятник принадлежит к той же группе житийных источников, которые получили свою окончательную редакцию и вошли в состав сборника начала V в. Последний включал также жития сестры Симеона, Тарбуты, и дочери Поси, Марты.

Гонения IV в. в Иране оставили глубокий след в сирийской литературе, откуда имена и краткие сведения о мучениках проникли и в греческие памятники. Наиболее ранним их воспроизведением на греческом языке являются соответствующие главы в церковной истории Созомена. Вслед за тем появляются греческие переводы пространных житий, краткие их синаксарные версии и т. д.

Агиология — своеобразная отрасль средневековой литературы на всех языках, пользоваться ею историк может при условии строго критического к ней отношения и детального анализа, он помогает отсеять легендарный материал от исторического зерна. Таким образом использована сирийская агиология и в данном исследовании, так как именно она оказалась источником, содержащим данные о жизни городов, которые отсутствуют в других материалах. Неправильности, недостатки, преувеличения не имеют в данном случае значения, так как подробности или детали, сообщаемые в житиях, являются неоценимым материалом, как сведения бытового или реального характера.

Большой интерес представляют, например, сведения о городском населении, сборе податей, системе их взимания, роли судей, зороастрийского жречества в судопроизводстве, о ремесле и его организации. Использовать эти данные для характеристики внутреннего состояния Ирана совершенно необходимо.

[1] Aphraatus. Demonstratio XXIII: Patrologia syriaca, t. II, f. 1, кол. 149.

[2] Analecta Bollandiana, t. 56, 1938, f. 1/2, стр. 132—133.

[3] M. J. Higgins. Aphraates dates for persian persecution, стр. 271.

[4] Acta sanctorum, Novembris, t. IV, стр. 41—421, 428. — P. Peeters. Le «passionaire d'Adiabène», стр. 266. — P. Peeters. Recherches, I. Bruxelles, 1951, стр. 73.

[5] Patrologia syriaca, t. II, pars 1, кол. 758.

[6] Там же, стр. 709.

ИРАН В III ВЕКЕ Н. Э.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ИРАНА И НОВЫЕ ГОРОДА

Образование мощного и сильного государства Ирана во второй четверти III в. н. э. не может считаться случайным явлением, оно составило новую эпоху. Это было ясно сравнительно близко стоявшим к этой дате историкам, быть может, и современникам.

Из данных многочисленных, но трудно поддающихся анализу источников можно установить, что отдельные области парфянской державы были лишь слабо связаны между собой. Во главе областей по преимуществу стояли цари, царьки или представители знати. Это была родовая знать, которая с древнейшего времени выделилась в данной области из племени и стала господствующей в ней. Род владел землей, и благодаря своей знатности и древности, крепости и экономической мощи он захватывал власть. Наследственно власть принадлежала роду в целом, как роду принадлежала и его недвижимая собственность.

Сильная родовая знать, царствовавшая в областях, часто вступала в борьбу и распри с родовой знатью соседних областей, чего не могла предотвратить недостаточно сильная центральная власть парфян.

Разобщенность областей государства создала неправильное представление о якобы феодальном строе парфянского Ирана. Эта точка зрения и до настоящего времени поддерживается некоторыми учеными. Между тем следует стремиться определить в первую очередь способ производства, который дает критерий для суждения об общественном строе данной страны и данный исторический период.

Основой всей жизни было сельское хозяйство, оно велось сельскими общинами, составлявшими частью родственные кланы, частью соседские общины. Несомненно имело место и применение рабского труда, так как часть земли находилась уже в руках частных землевладельцев.

Во время завоеваний Александра Македонского и при диадохах в Иране, как на Ближнем и Среднем Востоке вообще, был заложен ряд городов. Значительную часть их населения составили греко-македонцы, поэтому города считались автономными и имели самоуправление по типу городов-государств. Это характерные города рабовладельческого периода, которые в своеобразных условиях с течением времени приобрели новые черты, изменился их греко-македонский характер благодаря тому, что в городах было большое количество местного населения, арамейского и персидского. На особенности, имевшие место в Иране, где самоуправление города и царская власть находились в сложных взаимодействиях, указывает письмо Артабана III к Сузам. Попытки шаха ограничить автономию города привели к восстанию в Селевкии, где ее граждане отстаивали свою независимость и самоуправление с оружием в руках в течение нескольких лет.

Города находились в двойственном положении, их автономия не была уничтожена сразу, но претензии шаха на подчинение городов проявлялись отчетливо. Они как бы изживали свою независимость, полученную в греко-македонский период, постепенно ее теряя.

Однако до III в. н. э. объединение земель Ирана не удавалось. В областях господствовала старая родовая знать, которой наследственно принадлежала большая земельная собственность. Автономия самоуправляющихся городов, с одной стороны, независимость родовой знати: царей и царьков отдельных областей, — с другой, были препятствием для укрепления центральной государственной власти в I в. до н. э.—II в. н. э.

Развитие производительных сил стихийно привело к новому этапу разделения труда, к изменению экономического базиса, что в свою очередь сказалось на новых явлениях в надстройке. Захват власти новой династией Сасанидов был обусловлен в первую очередь тем, что Арташир I опирался на несколько расширенный слой того же класса эксплоататоров. Он был выдвинут не только узким и замкнутым кругом родовой знати, имевшей громкие титулы шахов, но его опорой стали более широкие круги аристократии, военной и жреческой. С помощью военной аристократии Арташир объединил Иран, повел войну с представителями той родовой знати, которая занимала положение царей в отдельных областях и противилась ему. Объединение стоило большой и напряженной борьбы: в покоренных областях неоднократно вспыхивали восстания против Арташира. Но в дальнейшем и укрощенная родовая знать поддерживала Сасанидов. Жреческая аристократия также стала опо-

рой престола, получив экономическую основу, а положение зороастризма было укреплено в качестве официальной религии Ирана. Образование, суд, культ находились в руках жречества.

К III в. н. э. аристократия заняла достаточно сильную позицию благодаря расширению товарного производства. За счет усиления эксплоатации общин, численного увеличения рабовладения «благородные» стали экономически более мощны, используя преимущества, которые им давало несколько оживившееся товарное производство, обслуживавшее и рабовладельческий строй. Известное значение имела торговля и обмен со Средней Азией, Индией, Китаем. Все это и являлось одной из предпосылок выдвижения новой династии и объединения, отсутствие которого тормозило дальнейшие успехи государства.

При основании новых городов и обновлении старых в Иране в III и IV вв. в них не имело места автономное полисное устройство, оно потеряло свое значение и силу с распылением и ассимиляцией греко-македонцев с местным населением. По большей части это были царские города, построенные шахом, непосредственно зависящие от него, часто резиденции самого шаха или членов его семьи. С III в. н. э. и вообще о полисном устройстве городов в Иране сведений нет, они отошли в прошлое. Не только новые города, но и те старые, в которых оно было раньше, не имели его более. То, что являлось препятствием для объединения страны и приводило к борьбе шаха с городами в Парфии, к III в. было изжито. Города забыли свое полисное устройство. Царственная знать вынуждена была покориться и признать власть шаханшаха, который был выдвинут и нашел опору в военной и жреческой аристократии, в несколько более широком слое того же высшего класса.

Воцарение первого сасанида Арташирa[1] окутано многочисленными легендами. Их сообщает пехлевийская книга «Карнамаг-и Арташир-и Папакан», они повторяются у Табари, у Бела'ми. Но в основе этих сказаний лежат факты, сомневаться в которых не приходится. Объединение Ирана происходит после упорной борьбы и последовательного присоединения владений мелких царьков. Об этом кратко, но красочно говорит сирийская хроника VI в., по времени предшествующая персо- и арабоязычным источникам.

«В предшествующее время персы желали свергнуть с престола партавов [-парфян], много раз испытывали они свои войска в войне, но были прогнаны, так как не могли победить партавов. Однако эти партавы из-за множества войн и борьбы ослабели. Когда поняли это персы и меды [-мидийцы], они сошлись с Шахратом, царем Хедайяба [Адиабены], и Домицианом, царем Крех-Селох [Карка де бет Селох], и весной они повели сильную войну с партавами. Партавы были побеждены, и их царство погибло на веки.

«Итак, сначала они [персы и меды] заняли Междуречье, потом Бет-Арамайе, потом Бет-Забдай и Арзун, в течение одного года они заняли все эти земли. Все старания партавов были тщетны, ибо прошел их день и наступил их час. Наконец они совершенно бежали в горы высокие и оставили персам все свои земли и все свое богатство, которое сберегалось в городах».[1]

Между персами и парфянами война продолжалась с 221 по 224 г. Как Табари, так и Дион Кассий утверждают, что произошло три решительные битвы. Первая относится к 221 г. Несколько лет тому назад был найден барельеф с изображением Артабана V с пехлевийской надписью.[2] Шах передает кольцо сатрапу Наргехуфару, в последнем издатель совершенно верно признал Ниррофара, упоминаемого Табари.[3] Арташир, вернувшись в Фарс, выступил против Ниррофара, «господина Ахваза» (صاحب الاهواز). Барельеф датирован, он относится к тому времени, когда Артабан V еще мог сопротивляться Арташиру, опираясь на свои войска и сатрапов. Аршакидская пехлевийская надпись дает дату барельефа, причем весьма характерно, что год дан по селевкидскому летосчислению (532 г.), а месяц и день — по иранскому календарю.

Рис. 1. Монеты Арташира I (226—241).

Из сирийского источника очевидно, что против парфян действовала целая коалиция, в которую входили, кроме Мидии, Адиабена и область Карки де бет Селох. Парфяне были

[1] E. Herzfeld. Paikuli, I, стр. 146. Арташир — Artahšahr, Artaxšir, греческое Ἀρταξίρης.

[1] Mešiha-Zeha. Chronique d'Arbèle — стр. 28—29.

[2] R. Ghirshman. 1) Un bas-relief d'Artaban V avec inscription en pehlevi arsacide. Monuments et mémoires de la fondation Piot, t. 44, Paris, 1950, стр. 97—107; 2) Actes du XXI Congrès international des orientalistes (Paris, 23—31 juillet, 1948). Paris, 1949, стр. 153—155.

[3] Tabari. Annales Series I, t. II, Lugduni Batavorum, 1893, стр. 818. — Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden aus arabischen Chronik des Tabari. Leiden, 1879, стр. 13. (Дальше цитируется: Th. Nöldeke. Tabari).

вытеснены из всего западного Ирана и вынуждены были спасаться в горах. «Земли и богатства» достались победителям. Во главе коалиции действовали персы. Ими был убит в Ктесифоне «младший сын Артабана, имя которого было Аршак», а Ктесифон они «сделали своей столицей» и «поселились» в нем.[1] Победа Арташира нашла свое отражение в большом Накширустемском барельефе, где поверженный Артабан потоптан копытами его коня. В битве 28 апреля 224 г.[2] были окончательно побеждены парфяне, и этот год считается началом сасанидского летосчисления. Ту же дату, с разницей на один день, дает и сирийская хроника. «День же, в который прекратилось царство партавов, сыновей сильного Аршака, было 27 месяца нисана, в среду, 535 года царствования греков».[3] Хроника указывает 27 апреля 224 г. н. э. как день, когда и «прекратилось» парфянское царство, название среды — дня недели — значительно подкрепляет эту дату. Новое летосчисление начиналось, следовательно, со следующего дня, с 28 апреля 224 г. Торжественное коронование Арташира как шаханшаха совершилось в 226 г.

Все источники согласно подтверждают затруднения и сложности, с которыми встретилась объединительная политика Арташира. В представлении последующих поколений это были героические сражения, и шах победил злого дракона. Карнамаг вплетает этот эпизод в свое повествование. Табари его опускает.

Смысл происшедшего отчетливо и кратко сформулирован в сирийской хронике. «Когда воцарились персы на востоке... они победили всех царей областей востока и поставили на их места правителей (ܫܒܘܪ) и марзбанов, которые были им подчинены».[4] В этом изменении было главное для нового государства. Хотя господствующая родовая знать сохранила все свои прерогативы, но ей больше не предоставлялось самостоятельного, независимого царствования. Новая династия стала ставить правителей, а в пограничных областях марзбанов, подчиненных ей. Цари и царьки из родовой знати были слишком независимы, чтобы на них можно было полагаться, и, покорив их, шах ставил для управления других людей, из аристократии, поддерживавшей его.

[1] Mešiha-Zeha. Chronique, d'Arbèle — стр. 29.
[2] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 88. — Th. Nöldeke. Tabari, стр. 1(1). — Tabari. Annales, стр. 813. — H. Lévy, Orientalia, 1941, стр. 45.
[3] Mešiha-Zeha. Chronique, d'Arbèle — стр. 29.
[4] Там же, стр. 31.

Поэтому и в «нашу землю», пишет автор, родиной которого является Адиабена, «Арташир, первый царь персов, послал одного правителя (ܫܒܘܪ) по имени Адорзахаба».[1]

Известно, что зороастрийское жречество и культ были опорой Сасанидов, в этом отдавали себе отчет еще в VI в. и писали: «Царь Арташир отдал распоряжение, чтобы были построены новые пиреумы (ܟܕܘܬܐ ܕܢܘܪ) в честь богов и чтобы был почитаем особыми поклонениями великий бог солнца, который превыше всего... Многое из других религий он ввел и заключил в почитание солнца и огня».[2] Взаимная поддержка трона и алтаря явствует из этих мероприятий. Арташир не только строил новые святилища огня, но ввел и другие культы в систему обновленного зороастризма. Синкретизм должен был усилить его позиции, в почитание солнца и огня были включены элементы «других религий». К тому же культ был сосредоточен в святилищах, обслуживавшихся жрецами. На слиянии нескольких иранских культов, распространенных в разных областях Ирана, и их особенностях необходимо будет остановиться дальше с большими подробностями. Домашний культ, сакральные функции старших в роде были давно поколеблены. Во всей своей силе это сказалось много веков раньше, как один из признаков разложения родового начала, ослабления значения рода и родового культа, в котором глава рода потерял свою опору.

В III в. н. э. получила особенно видное положение жреческая и военная аристократия, что соответственно нашло отражение и в культе. Пехлевийский памятник «Карнамаг-и Арташир-и Папакан» восходит к достоверной и древней традиции. Тремя священными огнями, упоминаемыми Карнамагом, являются огонь Фроба — огонь религии и ее служителей, т. е. жречества; огонь Гушасп — огонь военных людей, «артештар ва сепахпатан», «колесничников и воинов»; третий огонь Бургин-Митхр был учрежден для вастриошан, для деревенских людей, крестьян.[3] Термин «вастриошан» происходит от «варз кердан» — «возделывать, культивировать землю».

Таким образом, жреческая и военная аристократия получила особое закрепление своего положения в государстве. Воины иранского войска, как правило, принадлежали к среднему классу землевладельцев, и только вспомогательные войска набирались из крестьян. Недаром источники не раз повторяют упрек, брошенный жрецами (при Шапуре II) городскому населению, что они живут в мире и покое, в то время как

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] D. D. P. Sanjana. стр. 4. — Th. Nöldeke. Geschichte des Artachšîr-i Pâpakân. Festschrift Th. Benfey, стр. 37—38.

шаханшах и его близкие отягчены всеми трудностями войны. До IV в. жрецы занимали самое высокое место в государстве.

Для положения, которое стремился занять и занял представитель новой династии, характерна его титулатура. «Он первый назвал себя царем и богом». Действительно, звание шаханшаха Арташир присвоил себе после побед; этот титул имеется на его трехъязычной надписи в Накши Рустеме.

Традиции парфянского периода были связаны с греческим языком, как на это указывают наскальные надписи царей, легенды монет. В городах с греко-македонским населением держались греческий язык, письменность, в известной мере культура.

Не удивительно поэтому, что надпись Арташира I в Накши Рустеме составлена на трех языках: греческом, северо-западном (парсик) и юго-западном (пехлеви).[1] Греческий имеет транскрипцию пехлевийского слова «маздайясн», «поклонник, почитатель Мазды» (μαζδασνου). В третьем слове — προσωπον — имеется ошибка в окончании, вместо ню стоит ми. По содержанию текст всех трех частей надписи совпадает.

[1] τουτο το προσωπον μαζδασνου
[2] θεου Αρταξερου βασιλεος βασιλεων
[3] Αριανων εκ γενους θεων υιου
[4] θεου παπακου βασιλεως.

«[1] Это изображение почитателя Мазды,
[2] бога Арташира, царя царей
[3] арианов, из рода богов, сын
[4] бога Папака царя».

Части надписи, составленные на северо-западном и юго-западном пехлеви, повторяют то же содержание надписи, из которого очевидно, что Арташир носил звание малкан малка, т. е. царя царей Ариана. Родительный падеж множественного числа в греческом тексте предполагает название народа арианов(=ариев). Прав и сирийский источник в том, что Арташир назвал себя богом, и даже по происхождению своему он считает свой род родом богов, а себя сыном бога (баг) Папака.

Пышный титул указывает на то положение, которое смог занять и занял Арташир. Весь характер государственной власти, как и самое выдвижение династии Сасанидов, было выражением изменения положения, которое отразило перемены, происшедшие в экономическом строе общества. Новые политические формы отвечали новым задачам общественного производства и экономическим особенностям общества. В деятельности Арташира I известное место заняло градостроительство. Причины возникновения новых городов лежали в развитии экономики и особенностях социального строя.

[1] E. Herzfeld. Paikuli, I, стр. 84—85.

На основании данных Евтихия и Кутейбы можно говорить о шести городах, построенных Арташиром. Это число городов Христенсен отнес за счет сведений, почерпнутых у Ибн ал-Мукаффы,[1] и не стал входить в подробности. Между тем другие источники дают характерные и интересные подробности об отдельных городах и их количестве.

Табари сообщил, что Арташир «построил восемь городов, из них в Персиде город Арташир-Хурра, т. е. Джур (Гор), город Рам-Арташир, город Рев-Арташир, в Ахвазе Хормизд-Арташир, т. е. Сук ал-Ахваз; в Саваде Бех-Арташир, т. е. запад городов [Селевкии и Ктесифона], Астабад (Астарабад), т. е. Карах-Майшан, в Бахрейне Паса-Арташир, т. е. город Хатт (Шатт) и у Мосула Буд-Арташир, т. е. Хазза».[2]

Сообщая о передвижениях Арташира, хронист сохранил интересное и, повидимому, бывшее в ходу персидское название области Бет-Арамайе, Суристан. В тексте говорится, что он «двинулся из Мосула в Суристан, а это Савад (قم سار من الموصل الى سورستان وهو السواد)».[3] Здесь, на западном берегу Тигра, против Ктесифона, Арташир построил город, который образовал как бы западный предел или край «городов» Селевкии и Ктесифона. Название ему было дано بِه اردشير — Бех-Арташир, что значит «хорошо — Арташир» (به «хорошо»). Нельдеке считал этот город лишь вновь отстроенной Селевкией, а не новым городом, построенным первым Сасанидом. Арташир поставил в городе амилей, т. е. сборщиков податей. «Амиль» — это арабский эквивалент персидского слова «кардар» (от «керд», — «делать»). Далее этому новому городу были приписаны округа Бехразир, Румакан, Нахар Даркит, Кутха, Нахар Гаубор. Однако было справедливо замечено, что это отражает более позднее деление области, которое известно и Ибн Хордадбеху. Вся эта область носила название Арташир-и Папакан и в ее состав входило пять округов, названных выше.[4] Несколько в стороне от Селевкии, в округе Румакан, при Хосрове I был отстроен новый город, куда были поселены ромейские пленные из Антиохии.

Основание города Охормизд-Арташир также приписывается Арташиру I,[5] об этом говорят и пехлевийские источники, в кото-

[1] Th. Nöldeke. Tabari стр. 20 (4). — A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 96.
[2] Tabari. Annales, стр. 820.
[3] Tabari. Annales, стр. 819. — J. Marquart. Eranšahr. Berlin, 1901, стр. 21.
[4] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 16, прим. 4.
[5] Tabari. Annales, стр. 820.

рых этот город носит название Охормизд-Артахшираи.[1] В сирийских памятниках этот город часто получает название Рам-Хормизд. Полное его название Рам-и Хормизд-Арташир, что означает «Радость Ахурамазды в Арташире». «Рам» означает «мир», «отдых», «радость» в пехлевийском (в Авроманских документах) и часто прибавлялось к названиям шахских резиденций, оно означало «приятное», «отдохновенное», «счастливое», «мирное» местопребывание.[2] Карнамаг называет город не только Рам-Арташир, но и Рамишни-Арташир, т. е. «радость Арташира».[3] Исследователи несколько колеблются в том, относить ли этот город к числу основанных Арташиром I или считать его городом, основанным его внуком Хормизд-Арташиром, сыном Шапура I.[4] Город делился на две части, из которых одна была торговой, там имели жительство торговые люди — это был Сук ал-Ахваз. В другой части жила знать. Эта последняя часть города называлась Хармушир, и она была разрушена арабами.

При характеристике истории основания Карки де бет Седох было уже отмечено различие в отдельных частях города, где в одной жили ремесленники, в другой ряд кварталов было занято дворцами, другими царскими постройками, домами знати. Такое деление города было обычным.

Пехлевийский текст «Шахристаниха-и Эран» говорит точно: «Гор-Арташир-Хваррех построил Арташир-и Папакан».[5] Самое персидское название اردشیر خوة означает «Великолепие Арташира». В Карнамаге он называется Арташир-Гадман.[6] Это город Арташир-Хуррак, построенный в Парсе, который, по мнению Нельдеке, только при Буидах получил название Фирузабада.[7] Для такого предположения имеются следующие данные, что в городе был выкопан большой пруд, «раба вар», проведено четыре канала, благодаря чему были орошены земли деревень соседней области. У этого города был впоследствии установлен знаменитый священный огонь Аташ-и Вахрам, о чем упоминает тот же Карнамаг.[8]

[1] A catalogue. . . by J. Marquart, ed. by G. Messina, № 46, стр. 95, примечания.
[2] E. Herzfeld. Paikuli, Glossary, стр. 239.
[3] Th. Nöldeke. Geschichte des Artachšîr-i Pâpakân, стр. 461.
[4] J. Marquart. Eranšahr, стр. 144. — W. B. Henning. The great inscription of Šapur I, стр. 846. — E. Herzfeld. Paikuli, I, стр. 145.
[5] A catalogue. . . by J. Marquart, ed. by G. Messina, № 44, стр. 19.
[6] D. D. P. Sanjana, стр. 22.
[7] Th. Nöldeke. Geschichte des Artachšîr-i Pâpakân, стр. 474.
[8] Там же, стр. 55. — A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 94.

Укрепление Ирана, как и его активная внешняя политика III в. н. э., были тесно связаны с основанием и развитием городов. Одни возникали в связи с новыми явлениями во внутренней жизни Ирана, другие строились, восстанавливались и укреплялись как стратегические пункты. Охрана границ, создание опорных точек для мощной военной державы было одной из ее очередных задач. До 241 г., года смерти первого сасанидского шаха Арташира, были объединены далеко не все области, вошедшие впоследствии в состав Ирана. Шапур I (241—272) в первые же годы стал стремиться стать твердой ногой на северо-восточной границе Ирана.

Рис. 2. Монета Шапура I (241—272).

«В то время умер Арташир, царь персов, и вступил после него Шапур, он был очень жесток (ܩܫܝܐ) по природе. В первый же год[1] была у него война с хорезмийцами, с мидянами гор и в жестокой сече он победил их. Оттуда он отправился и покорил гелов, дайламитов, гурзанов, что обитают в дальних горах, близ последнего моря. И напал страх на всякого человека».[2]

Под мидянами подразумевают жители горных областей Мидии (Медии); что касается хорезмийцев, то они жили, очевидно, значительно южнее самой области Хорезма. Тяжелые битвы принесли Шапуру победу, которая закрепила положение Ирана на северо-востоке. Затем было осуществлено наступление на Гелан, Дайлом и Гурзан (Гурган), области на южном побережье Каспийского моря, которое для сирийского источника представлялось «последним» (ܐܚܪܝܐ).

Походы свои персидские войска начали с наиболее отдаленного своего врага, хорезмийцев (ܚܘܪܙܝܐ). «Оттуда», т. е. непосредственно из похода на хорезмийцев, они отправились на покорение народов, живших на побережье моря. Перечисление последних дано сирийским источником, однако, не в направлении с востока на запад, а в направлении с запада на восток: Гелан, Дайлом, Гурган. Эти земли были покорены и присоединены к Ирану Шапуром, суровый и решительный характер которого подчеркивают ранние источники. Сын Шапура I, Бахрахран, царствовавший как Бахрам I (273—276), имел звание геланшаха, т. е. был правителем Гелана и прикаспийских областей еще при жизни своего отца. К укреплению

[1] Текст позволяет читать эти слова и во множественном числе: «в первые годы».
[2] Mešiha-Zeha. Chronique d'Arbèle — стр. 33.

границ в этих областях правители неоднократно возвращались и в последующие века.

К тому же времени шаханшаха Шапура I относится поход и победа, одержанная персидскими войсками над Пахлечаком-«туранцем» (Пехлечак-и Тур). Война эта имела место в Хорасане, так как на том месте, где был убит Пахлечак, Шапур приказал построить город, который он назвал «Нев-Шахпур».[1] Большой и цветущий город Хорасана, Нишапур, хорошо известен в позднейший период, хотя самому названию города давалось неверное истолкование.[2] «Прекрасный [город] Шапура» был им построен и как опорный пункт, одна из крепостей, которые были необходимы для укреплявшегося государства. Необходимо указать, что борьба Шапура на северо-западе Ирана не закончилась на этом. В 253 г. она возобновилась и приурочивается источниками опять к Хорасану. Когда именно был убит Пахлечак, в первую или во вторую войну там Шапура, не вполне ясно.

Шапуру приписывается построение Пушанга, города одноименного округа провинции Герат. Там же по его распоряжению был возведен мост через реку Харе-руд.[3]

Таким образом, построение городов в III в. в Иране нашло себе место не только на западе государства, но и в его северо-восточных и восточных областях. И здесь города становились центрами, и здесь их укрепляли в качестве крепостей и опорных пунктов.

Возможно, что дальновидность политики правительства Шапура I и заключалась в том, чтобы, обезопасив восточную границу, развязать себе руки для активного наступления на западе. Во всяком случае, когда в 252 г. Шапур осаждал Нисибин, он был вынужден прервать эту осаду, с тем чтобы привести к повиновению восточные области, покорение которых было непрочным. Он успел в своем намерении и вернулся вновь к осаде Нисибина.[4]

Мир с Римом Шапур неоднократно нарушал то под одним, то под другим предлогом. Война была вызвана целым рядом причин общего характера, о которых речь была выше.

Именно относительно этих войн источники особенно много и настойчиво говорят о большом числе пленных, которые были выведены из римских провинций и приведены в Иран. Их труд

[1] Шахрастаниха-и Эран, § 15: A catalogue... by J. Marquart, ed. by G. Messina, стр. 12, 52.

[2] C. Barbier de Meynard. Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse. Paris, 1861, стр. 577—578.

[3] Шахрастаниха-и Эран, § 13, стр. 10. — J. Marquart. Eransahr, стр. 49, 61.

[4] E. Herzfeld. Paikuli, I, стр. 41.

применялся для создания новых и исправления старых ирригационных сооружений и строительства городов.

Свои победы шаханшах запечатлел в большой надписи «каабы Зороастра», которая как бы подводит итоги активной внешней политики Шапура I, его повторных походов на римские провинции. Наиболее вероятной датой ее составления является 262 г. н. э.; она появилась после полной и блестящей победы Шапура и до нападения Одейната, царя Пальмиры, на Месопотамию и его угрозы Ктесифону, так как никаких сведений об этих фактах надпись не дает.

Для всей политики Шапура I, не только внешней, но и внутренней, события, связанные с походами на запад и их следствиями, играли очень важную роль. Имея возможность судить об этом на основании и других источников, можно сказать, что Шапур излагает не все события, а берет как бы основные этапы, наиболее важные, определяющие события. Надпись делится как бы на три части, дает итоги трех походов Шапура.

Результатом первого похода является смерть императора Гордиана III и соглашение, заключенное персами с новым императором Филиппом. Затем следует описание, которое занимает значительное место и в котором рассказывается о нападении Шапура на Сирию и Малую Азию. Наконец, третий эпизод — это победа над войсками Валериана, его пленение и новый поход на приморскую Сирию и Малую Азию. Благодаря тому, что надпись выбита не только на пехлевийском, но и на греческом языке, она привлекла большое внимание ученых — специалистов по истории Рима.

К направленным против Рима походам Шапура I привел целый ряд причин. Опираясь на новый, более широкий слой иранской аристократии, военной и жреческой, новая династия видела в походах возможность обогащения и улучшения положения войска в походах. Кроме непосредственного обогащения грабежом, вывоза значительного имущества, войну вызывала и потребность в получении рабочих рук, рабов-военнопленных, которых можно было увести с запада.

Обеспечив спокойствие северо-восточной границы, Шапур двинулся в поход. В первой же битве с персами был убит римский император Гордиан, как об этом сообщает надпись. Римские источники избегают такого рода сообщений и говорят о его смерти вскользь. Но нельзя на этом основании утверждать, что показания надписи неопределенны.[1] Такого рода заключение можно сделать лишь с предвзятой точки зрения.

Смерть Гордиана датируется 244 г., который и является годом первого похода Шапура. Римские солдаты провозгла-

[1] M. Rostovtzeff. Res Gestae divi Saporis and Dura, стр. 23.

сили новым императором Филиппа, поспешившего заключить с Шапуром мир, об условиях которого говорит надпись. Он заплатил «за своих друзей» 500 000 динаров шаху и обещал в будущем платить дань. В западных источниках таких «позорных» откровений о римских делах мало, такого рода факты обычно затушевывались. После побед Шапура город Мизихе был переименован в Пероз-Шапур,[1] т. е. был отмечен как связанный с этими победами и триумфом Шапура. В греческой части надписи, в 10-й строке, говорится, что Μισιχην διὰ τοῦτο Περωσαχάρ ἐπωνόμασεν.[2] Такие переименования были обычны при перестройке и укреплении города, который приобретал и более важное положение. В греческом тексте кампании Шапура названы ἀγωγαί, причем из контекста видно, что одна ἀγωγή определяет одну кампанию. Если сравнить сведения источников о кампаниях против западной империи, то видно, что походы арабов совершались обычно весной, после того как лошади успевали откормиться на новом подножном корме. Ибн Хордадбех говорит, что арабы начинали выступать 11 айара (мая) и воевали месяц, затем следовал месячный перерыв, чтобы дать отдых людям и коням, а затем они вновь выступали в месяце тамузе (июле) в поход, длительность которого определялась в дней 60.[3] Эти короткие нападения были в стиле арабов, так как они отвечали коротким и быстрым набегам, которые совершались конницей.

Техника персидской армии в конце V в. н. э. несомненно отличалась высоким по тому времени уровнем, как засвидетельствовано, например, хроникой Иешу Стилита.[4] Осадные орудия, сооружение подкопов, выполнение сложных стратегических планов для этого времени вошли в обиход персидской военной теории и практики. В этом следует видеть шаг вперед по сравнению с военной техникой предшествующего периода, времени Аршакидов.[5] Победы Шапура I говорят о том, что и при нем уже техника значительно двинулась вперед, так как захвачено им было большое количество городов и крепостей. Для персов был необязателен весенний поход, как к этому были вынуждены арабы. Так, свой поход 502 г. шаханшах Кавад начал осенью, в конце месяца аб (августа).[6] Кампания Шапура

[1] فیروز — پیروز — «победитель»; — «победа», «триумф» (М. А. Гаффаров. Персидско-русский словарь, I, 137).

[2] W. Enszlin. Zu den Kriegen Schapurs, стр. 92. — E. Honigmann et A. Maricq. Recherches sur les Res Gestae divi Saporis, стр. 12.

[3] Ibn Khordadbeh. Kitab al masalik wal mamalik, ed. De Goeje. Lugduni—Batavorum, 1889, стр. 259, 199.

[4] Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 99—100.

[5] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 212.

[6] Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 93.

могла быть названа выступлением или движением (ἀγωγή), оно было более или менее длительным, но обычно не превышало года.

Второй поход Шапура на запад, о котором говорит надпись, был вызван его неудовольствием римской политикой в Армении. Давно была Армения яблоком раздора между обеими державами, каждая из них стремилась использовать свое влияние. Шапур обвинял римского императора в неправильных действиях в Армении и этим объяснял свое нападение на римские провинции. Хронология второй кампании не вполне ясна. Между 250 и 252 гг. персидские войска совершили ряд военных операций, но подробностей о них нет, и в надписи Шапур их особенно не оттеняет. Города, захваченные или разоренные в этой кампании, числом 35, находились на левом берегу Евфрата и только один — город Дура — на правом западном берегу. За это время произошли изменения в Армении. Шапур после убийства армянского царя Хосрова заставил бежать его сына Тиридата, а на его место посадил своего сына Хормизда. Особенно настойчива была осада войсками Шапура Нисибина, но ее пришлось прервать, так как он был отвлечен делами на востоке.[1] Некоторые исследователи относят упомянутую выше войну с Пахлечаком-«туранцем» к этому времени и датируют ее 253 г.[2] Такое предположение подтверждается данными хроники Табари, гласящей: «Говорят, что он напал в течение одиннадцатого года своего царствования на город Нисибин, в котором были отряды из войск Рума, и осаждал его некоторое время. Затем пришло ему известие (فحمة) из Хорасана, потребовавшее его присутствия, и он отправился туда, пока не сделал там своего дела, а затем он возвратился к Нисибину».[3] Военные действия на востоке были отмечены и в начале правления Шапура I достаточными указаниями источников.[4] Возможно, что он повторно воевал на востоке. Во всяком случае прерванная осада Нисибина была затем возобновлена и город был взят персидскими войсками. Повторную осаду и взятие Нисибина следует отнести с большой вероятностью к 254 г. Гарнизон ее был перебит, захвачено много пленных и денег.[5]

Нисибин оставался в руках Шапура I. Но его попытка возобновить военные действия в 256 г. не оказалась, видимо, удачной. Император Валериан, прибывший в Сирию в 253 или в начале 254 г., сумел выйти из положения. На его моне-

[1] Berytus, 8, 1943, f. 1, стр. 27, 34.

[2] W. Enszlin. Zu den Kriegen des Sassaniden Schapur I, стр. 20.

[3] Tabari. Annales, стр. 826.

[4] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 219.

[5] Tabari. Annales, стр. 826.

тах 257 г., т. е. вслед за кампанией Шапура 256 г., появляется звание «Parthicus», свидетельствующее о его успехе.

Третья часть надписи на «каабе Зороастра» посвящена третьему походу Шапура I, в котором он занял Месопотамию. Τρίτη ἀγωγή началась с присоединения Карр и Эдессы к персидским владениям в 259/60 г. Император Валериан выступил с семидесятитысячным войском. В надписи далее перечисляются города и области Римской империи, из которых, очевидно, была мобилизована эта огромная армия. Этот материал для определения состава войска был, по мнению исследователей, почерпнут из военных римских архивов, использованных персами. Часть информации была получена от взятых в плен солдат. Самый список провинций дан в надписи без определенного географического плана, и в нем есть повторения. Судя по латинским надписям, рядом с именем солдата всегда помещали место его родины («origo»). Возможно, что в данном случае использовались не матрикулы («matriculae») солдат, а общее название того места, где стояли те или иные войска — легионы, когорты и др.[1]

Решительная битва между войсками Шапура и Валериана произошла около Эдессы. Пехлевийский текст дает 'wlh'y, Хеннинг прочел его как Урхай. Подтверждается это и греческим, который хоть и близок первому, но имеет свои особенности, и сопоставление обоих текстов представляет интерес во многих отношениях.

«У Урхи битва с императором Валерианом имела место. Я сделал императора Валериана с его. . . пленником».[2] Слово «пленник» — производное от соответствующего сирийского корня ,עבד пехлев. dastgrab kerd — «брать в плен». В греческом тексте говорится, что битва была у Карр и Эдессы (строка 24): καὶ Οὐαλεριανὸν Καίσαρα ἡμεῖς ἐν ἰδίαις χερσὶν ἐκρατήσα (строка 25) μεν καὶ τοὺς λοιποὺς τῶν τε ἐπάρχων καὶ συγκλητικοὺς καὶ ἡγεμ[όνας] [οὓς] ἐκείνης τῆς δυνάμεως ἄρχοντες ἦσαν, πάντας τούτους ἐν χερσὶν ἐκρατήσαμεν καὶ εἰς τὴν (строка 26) Περσίδα αὐτοὺς ἐξηγάγομεν[3] — «И Валериана кесаря мы в собственные руки схватили и прочих епархов, сенаторов и эгемонов, которые были тех войск начальниками, всех их мы захватили в руки и в Персиду их увели».

Разгром семидесятитысячного римского войска был полным, в плен были взяты все военачальники и сам император. После этого войска Шапура двинулись по открытой теперь дороге в Сирию и Малую Азию. Шапур жестоко разорил Антиохию[1] и вывел из нее множество пленных. Есть данные, что здесь в 257 г. был уничтожен остававшийся персидский гарнизон. Однако на это известие нельзя полагаться, так как, когда в 253 или в начале 254 г. в Антиохию прибыл император Валериан, он нашел ее в развалинах, а персидского гарнизона в ней не было.[2] Разграбив города провинции Сирии, персы прошли Киликию и Каппадокию, подвергнув их разорению, и через Месопотамию возвратились в Иран. Надпись говорит о том, что пленные были уведены в его собственное государство, они должны были работать в принадлежавших ему поместьях и поместьях его предков. Греческое слово «имения» — κτίσματα напрасно исследователем исправляется на κτήματα.[3]

Следует отметить, что Шапур не присоединял новые области, но своими завоеваниями наносил римским провинциям неисчислимый ущерб, разрушая производительные силы. Из этих областей вывозилось множество ценностей, особенно золото и серебро, а также было порабощено и уведено в персидский плен большое количество населения.

Источники согласно говорят о том, что военнопленные выполняли различные работы в Иране. Часть пленных была поселена в Ираке, в ал-Ахвазе, т. е. Сузиане, в Парсе и «в городах, которые построил его отец»,[4] т. е. Арташир, отец Шапура.

Император Валериан был уведен в плен, «в землю набатеев» (الى بلاد النبط),[5] т. е. арамейскую область. Средняя Месопотамия и ближайшие, прилегавшие к Тигру с востока в его среднем течении, области были сироязычны. Табари использовал источник, в котором прямо говорится, что Суристан (سورستان), т. е. сирийская страна, — это Савад, среднее течение Тигра и Евфрата, где расположен Ктесифон.[6]

В числе работ, выполнявшихся римскими пленными, было возведение плотины на Шуштере; что же касается непосредственного участия самого Валериана в этой постройке, то это легенда. Престарелый император, как сообщает хроника Сеерта, заболел от горя и умер.[7] Плотина тем не менее носила название «плотины кесаря» — Банд-и Кайсар.

Во всех источниках твердо держится традиция об основании Шапуром нескольких городов, в постройке которых прини-

[1] Berytus, 8, 1943, f. 1, стр. 28—29.
[2] W. B. Henning. The great inscription of Sapur I, стр. 834—835.
[3] W. Enszlin. Zu den Kriegen des Sassaniden Schapur I, стр. 93, строки надписи 24—26. — E. Honigmann et A. Maricq. Recherches sur les Res Gestae divi Saporis, стр. 14.

[1] Tabari. Annales, стр. 826—827.
[2] Berytus, 8, 1943, f. 1, стр. 45.
[3] Там же, стр. 30. — E. Honigmann et A. Maricq. Recherches sur les Res Gestae divi Saporis, стр. 15. Строка 35 сохраняет слово κτίσματα.
[4] Chronique de Seert, I: Patrologia Orientalis, t. 4, Paris, 1908, стр. 221.
[5] Там же.
[6] Tabari. Annales, стр. 819. — Th. Nöldeke. Tabari, стр. 15.— Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв.
[7] Chronique de Seert, I — стр. 220.

мали участие те же военнопленные. Название городов обычно включало имя основателя или обновителя города с каким-либо другим словом. Составленное так новое название помогало установить основателей городов, как, например, многочисленных Александрий, Антиохий, Селевкий.

В области Майшан Шапуром был построен город Сад-Шапур, или Шаз-Шапур (سدشابور, или شذشابور). Другим именем этого города было Дейр-Махрак (شذشابور وهو ديرمحراق).[1] В то же время сохранилось и третье «набатейское», т. е. арамейское, его название — Дима (ديما).[2] Очевидно, старые названия этого поселения сохранялись за ним и после того, как оно стало укрепленным городом при Шапуре.

С именем Шапура I связана постройка города Гунде-Шапура, известного у сирийцев под названием Бет-Лапат, а «жители ал-Ахваза называют его Бил (Бел)», по имени человека, который руководил строительством города.[3] Несколько наименований города заставляют предполагать, что он существовал до перестроек, осуществленных при Шапуре военнопленными из римских провинций. В сущности название городу было дано как бы в насмешку: vahi-Andiok-Sapuhr, (وَهْيَ أَنْدِيوْ سَبُور)[4], — «лучше Антиохии Шапур (построил)».

Высказалось предположение, что испорченные 19-я и 20-я строки надписи Шапура содержали сообщение об этих строительствах.[5] Известны легендарные подробности о постройке этого города у Табари и особенно разукрашенный рассказ Шахнамэ, что жители Антиохии, уведенные в плен, поселились в этом городе и каждый нашел в нем точно соответствующее его прежнему поселению улицу и свой дом.

Историческими следует считать подробности относительно того, что Шапур I приказал сначала сделать план, а затем исчислить количество расходов на постройку города.[6] Известно, что построение города Дары на персидской границе происходило таким же образом, с предварительным планом, который был утвержден византийским императором Анастасием (494—518). Главным распорядителем работ по строительству Дары был епископ соседнего города. Что касается Шапура, то и он поручил строительство определенному лицу. С легендарными подробностями его описывает хроника Табари и дает

[1] Chronique de Seert, I — стр. 221.
[2] Tabari. Annales, стр. 831.
[3] Там же.
[4] Tabari. Annales, стр. 831, прим. Puncta variant.
[5] W. B. Henning. The great inscription of Sapur I, стр. 843.
[6] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 41.

ему имя Бил (?). В хронике Карки де бет Селох упоминается также один из его строителей — Тотай.

С именем Шапура связывают источники еще один город. «И построил он третий город у Деклата [Тигра] и назвал его Мервхабор (مروحابور), это Акбара и ее окрестности».[1] При этом хроника Сеерта прямо указывает на то, что Шапур «поселил в этих городах людей из пленных и дал им земли возделывать и дома для их поселения».[2] Такое указание несомненно имеет большое значение для представления о том, как пополнялось городское население и какую цель в экономической жизни Ирана имели порабощение и увод в плен мирного населения, его переселение.

Для датировки большой надписи Шапура I на «каабе Зороастра» существенно отсутствие данных о нападении Одейната, царя Пальмиры. Он выступил в 262 г. со своими войсками и преследовал отходившие или возвращавшиеся персидские войска и обозы. Возможно, что нападение это было настолько незначительным, что о нем не имело смысла упоминать. Во всяком случае вторичное нападение Одейната на персов относится уже к году его смерти, к 266/67 г. Поэтому составление надписи следует отнести к 262 г.

Завершается надпись сообщением о священных огнях, которые были воздвигнуты Шапуром в честь него самого и его семьи. Такого рода священный огонь возжигался «за душу» («rad ruvan») дарителя и поддерживался за его счет. В данном случае это было выражением благодарности шаха за одержанные им победы. Огни были установлены от имени самого Шапура, его жены царицы Адурнахид и трех сыновей, царя Армении — Хормизд Арташира, царя Месены — Шапура, царя Индии, Сакастана и Тохаристана — Нарсе.[3] Варахран, имевший звание геланшаха, не принимал, очевидно, участия в войне с римлянами, и потому имя его не упомянуто в числе его братьев. Варахран наследовал своему брату Хормизду как шаханшах Варахран или Бахрам I.

Свою победу Шапур I запечатлел в грандиозном рельефе в Накши Рустеме, где он изображен торжественно восседающим на грузном, мощном коне. Император Валериан изображен коленопреклоненным, с простертыми к шаху руками, он как бы молит о пощаде. На нем римская тога, развеваемая ветром, и лавровый венец, еще не снятый с головы побежденного императора, левая рука которого лежит на рукоятке меча. Триумф Шапура изображен еще на двух наскальных

[1] Chronique de Seert, I — стр. 221.
[2] Там же.
[3] W. B. Henning. The great inscription of Sapur I, стр. 846—847.

рельефах. На одном из них рядами следуют конные иранские войска, возглавляемые шахом.[1]

После всех своих побед Шапур присвоил себе титул, засвидетельствованный его надписями, — «шаханшах Ирана и не Ирана».[2]

Одейнат, царь Пальмиры, вел войну с Шапуром и в 266/67 г. был предательски убит. Пальмира под управлением его жены Зиновии продержалась до 272 г., когда город был взят и разрушен римскими войсками императора Аврелиана. В том же 272 году умер Шапур I.

Построение и заселение городов в III в. н. э. происходило частью за счет пленного населения из римских провинций. Другая часть населения городов состояла из местного населения, иногда переселенного шахом насильственно, из лиц,

Рис. 3. Монета Бахрама III, саканшаха (293).

Рис. 4. Монеты Нарсе (293—302).

сходившихся и собиравшихся в город. Города появлялись как признак нового этапа в разделении труда, так как в них стали сосредоточиваться ремесленники и торговцы. В то же время не следует забывать о том, что в раннем средневековье города были в значительной степени полуаграрными поселениями. Жители таких укрепленных стеной и башнями, валом и крепостью городов не отрывались до конца от земли. Часть окружавшей город области отдавалась шахом городской знати в качестве имений. Были земли, которые предоставлялись «для возделывания» населению города, как об этом свидетельствуют источники.

Известно, что в последующие века в страдную пору «городские люди» выходили на поля и виноградники, чтобы помочь в сборе урожая. Обширные пригороды тяготели к городу, но не теряли до конца своего аграрного характера, хотя население их могло заниматься ремеслом.

Сведения письменных источников сочетаются в этих своих общих чертах с тем, что дают новейшие археологические открытия о городах.

[1] S a r r e. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1924.

[2] E. H e r z f e l d. Paikuli, I, стр. 87, надпись из Хаджиабада, строка 2.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ ИРАНА

Территориальное деление Ирана на провинции с древнейшего времени получило название сатраний. Термин «сатрапия» засвидетельствован для времени Ахеменидов Геродотом. Этот термин شَهْر имеет несколько значений, он определяет землю, область, провинцию, царство, государство, а затем приобрел значение «город».[1] Когда после завоеваний Александра его новая империя была разделена на части, то они в значительной мере совпали с крупными сатрапиями Ахеменидов. Во главе каждой сатрапии был поставлен стратег. Более мелкой единицей в пределах сатрапии являлась епархия с возглавлявшим ее епархом. Значение слова «епархия» указывает, что это была территория, имевшая единое управление и соответствовавшая понятию провинции.[2] Производное слово «шахр — шахристан» получает значение «города», которое за ним сохраняется и в новоперсидском.

К III в. н. э. территориальное деление приняло совершенно определенные формы и легло в основу государственного устройства Ирана, о чем свидетельствуют термины, встречающиеся в памятниках. Однако в употреблении этих терминов в пехлевийской и сирийской литературе IV—VI вв., как и в более поздней, арабской, нет единообразия. В этом отношении характерен термин «шахр», который имел значение «государство», «царство». В то же время арабский текст Табари [3] для названия округов, на которые делился Парс, дает наименование كُورَت — «kura», что происходит от греческого χώρα. Нельдеке предполагал, что это соответствовало персидскому šahr, только в новоперсидском получившем значение города. Однако к такого рода предположению следует отнестись с крайней осторожностью, так как новейшие открытия позволяют давать не предполагаемые, а действительные эквиваленты.

Более мелкое деление территории в Иране связано с термином «рустак».[4] На рустаки делилась χώρα — كُورَت. В таком случае понятию волости или района соответствовало бы слово «рустак».

Для понимания термина «рустак» характерны другие данные, на основании которых рустак как деревня противопола-

[1] E. H e r z f e l d. Paikuli, Glossary, стр. 194—195.

[2] W. T a r n. Seleucid-parthian Studies. Proceedings of the British Academy, 1930, стр. 133—134.

[3] T a b a r i. Annales, стр. 814.

[4] Th. N ö l d e k e. Geschichte der Perser und Araber, zur Zeit der Sassaniden aus der arabischen Chronik des Tabari. Leiden, 1879, стр. 3, прим. 2.

гается городу. В письме Тансара говорится о полном разорении, которое нашел Арташир в Иране до объединения. Его деятельность выразилась прежде всего в основании городов (شهرها) и деревень (رستاقا).[1] Термин «рустак» и некоторые другие территориальные наименования X—XI вв. были предметом исследования Б. Н. Заходера.[2]

В Карнамаге равнозначно употребляются термины «рустак» и «deh», MATA как обозначающие селение, деревню.[3] Рустак (ростак) может быть противопоставлен как населенное место засеваемому пространству, посевной земле — arvaris, urvara.[4] В Ираке для подразделения типа волости, района применялся термин «tasuk», известный в арабском как طسوج, упоминаемый Ибн Хордадбехом. Деление территориальное, известное этому автору, дает смешанные персидские и арабские термины. Так, сообщая о Саваде, он говорит, что эта провинция Ераншахра состоит из двенадцати كورت, т. е. округов. «Каждый округ (كورت) — астан (استن)», т. е. каждый из округов составляет или равнозначен астану. В других местах оба термина стоят рядом: «округ-астан Шад-Хормуз», «округ-астан Шад-Кобад», «округ-астан Базиджан» (كورت استن بازجان).[5] Известно, что астандар (от «астан») занимал известный достаточно высокий пост в VI в. в Иране; так, упоминается астандар, который стоял во главе войск Испагани.[6] Таким образом, греческое χώρα соответствует понятию округа, астану. Такие округа в свою очередь состояли из нескольких тасуков (арабское طسوج). Арабские термины, как это имеет место в последнем случае, только повторяют иранские.

Как понятие территориальное в надписях сасанидских царей фигурирует термин «patkos». Это деление более крупное, объединяющее несколько сатраний — провинций — в одну часть. Этимологически этот термин связан с «kust», «kustak», что значит «бок», «часть», «сторона», как это раскрыто издателями памятника «Шахристаниха-и Еран», где фигурирует соответствующее слово в составе «падгоспан» или «падоспан».[7]

[1] M. Darmsteter. Lettre de Tansar. . ., стр. 246, 551.

[2] Б. Н. Заходер. Хорасан и образование государства сельджуков. Вопросы истории, № 5—6, 1945, стр. 122—123.

[3] D. D. P. Sanjana, V, 7—8, текст, стр. 26; перевод, стр. 23. — Th. Nöldeke, стр. 49. — E. Herzfeld. Paikuli, Glossary, стр. 213.

[4] E. Herzfeld. Altpersische Inschriften, стр. 124, 122.

[5] Ibn Khordadhben. Kitab al-masalik wal-mamalik, ed. De Goeje. Lugduni-Batavorum, 1889, стр. 5—6.

[6] J. Marquart. Eranšahr, стр. 30. — Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber, стр. 448.

[7] A catalogue. . . by J. Marquart, ed. by G. Messina, № 2, стр. 8.

Последнее означает правителя части Ирана и, быть может, соответствует греческому χιλιάρχης, званию знакомому Феофилакту Симокатте (4, 7). Звание падоспана известно и Ибн Хордадбеху.[1]

В надписи Шапура саканшаха, т. е. шаха саков, в Персеполе, в 8-й строке, написано: «frestake hamk patkosan» — «посланцы от каждой стороны». Издатель толкует patikos (patkosan) как более обширную территорию, чем провинция, упоминая четыре части Ирана.[2] Это были единицы управления государства, во всяком случае четыре спахбеда в VI в. соответственно стояли во главе войск этих четырех «сторон».

Среди терминов территориального деления Ирана существенное место занимают относящиеся к названию государства и города. Термины «шахр» и «шахристан» встречаются в памятниках III—IV вв. н. э., в официальных документах, какими являются, например, надписи шахов. В надписи шаханшаха Нарсе (строка 21) встречается термин «hšatrstn», в значении которого трудно ошибиться, так как он соответствует широко распространенному термину شهرستان — «шахристан».[3] К сожалению, парфянская часть этой надписи (pahlavik) не сохранилась.

В тексте пехлевийского трактата «Шахристаниха-и Еран» — «Города Ирана» — «шахристан» означает город вообще, часто главный город провинции, например Хорезма, Гургана и др. Как словообразующая часть stan вошла в качестве составной части географических названий, как Сакастан, Сиростан и т. д.[4] «Шахр» — «хшатр» наряду со значением «царство», «империя» имеет и более ограниченное значение — «область», «провинция». В надписи Шапура I на «каабе Зороастра» 260 г. н. э. так названа Каппадокия; следовательно, в этом случае шахр соответствовал по своему смыслу понятию римской провинции и имел значение — «провинция Каппадокия».[5] Но термин «шахристан» («strdstn») в той же надписи прилагается к более или менее значительному городу.[6] Эквивалентом сирийским и арамейским является термин ʾḥsdrkʾ.[7] Предшествующие исследования привели к определенному общепринятому мнению, что «хшатр» в древности означало страну, провинцию, область,

[1] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 151$_2$—152. — J. Marquart. Eranšahr, стр. 29, 133.

[2] E. Herzfeld. Paikuli, I, стр. 121, 231.

[3] Там же, стр. 104—105; Glossary, стр. 196.

[4] A catalogue. . .by J. Marquart, ed. by G. Messina, стр. 24.—Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. н. э., стр. 94.

[5] W. B. Henning. The great inscription of Sapur I, стр. 828.

[6] Там же, стр. 825.

[7] E. Herzfeld. Altpersische Inschriften, стр. 123.

государство и лишь впоследствии получило значение «город». Такого мнения придерживались Нельдеке, Херцфельд и другие исследователи.

Наряду с этим следует отметить в восточноиранских языках слово «kanta» — «стена», оно входит в качестве составной части в название города Самарканда, в древности Мараканда. В восточных областях kantha сохраняется в значении «город». Возможно, что в древности оно обозначало забор, загородку и стену, что дало в измененном виде понятие «дома» — kad или ked.[1] А. З. Розенфельд прекрасно разработала вопрос об укрепленном иранском поселении kala.[2]

В надписи Шапура I на «каабе Зороастра» термин «шахр» в значении провинции или области, в данном случае — римской провинции Каппадокии, применялся в пехлевийском. В то же время «strdstn» — «шахристан» в значении города засвидетельствовано той же надписью, причем дополнительно упоминается термин, представляющий значительный интерес.

В 19-й строке этой надписи, в пехлевийском тексте, повторена формула «strdstn'n MN plw'ly» — «шахристанан мен парвари», т. е. «города с округами (или областями)».[3] Значение термина «шахристан» как «город» несомненно и передается идеограммой «mdinta» — «мдинта». В Карнамаге «парвар» определяется как внешняя стена, защищающая город или окружающая поселение.[4] Этот термин — farvar, parivara — обозначает часть укрепления или оборонительного устоя большого дома, его сближают с греческим περίβολος. Другое значение «парвар» может быть «область», «марка», «пригород» и «тяготеющая к городу область».[5] Для определения термина «parvar» следует сопоставить его с эквивалентами на других языках. Так, в пехлевийской псалтири это слово соответствует сирийскому «saharta». Сирийское ܣܗܪ значит «обходить», «ходить кругом проса», отсюда значение «просить подаяния», «нищенствовать». Наряду с этим существительное ܣܗܪܬܐ обозначает «обведенное стеной место», «башня», «строение», «стена».[1] Таким образом, значения этого слова, как округ, окружность, тяготеющая к городу, область, понятны.

Греческий текст Накшрустемской надписи на «каабе Зороастра», перечисляя взятые персами города, неоднократно повторяет одну и ту же формулу, указывающую, что захвачен πόλιν σὺν τῇ περιχώρῳ — «город с округом» (строки 12, 19, 27 и др.).[2] В смысле περίχωρος — «область», «окружность», «округ» — следует понимать и «parvar». С городом сопоставляется и сближается область, которая к нему тяготеет и от него зависит.

Выражение той же надписи ἔθνη καὶ περίχωροι означает «народы и территории», т. е. принадлежащие этим народам или племенам населенные ими территории.[3] Ἔθνος можно с успехом перевести как «племя» или «племенное объединение», «союз племен», так как этнархами греки называли вождей арабских племен — шейхов. В значении территории или округа parvar подтверждается такого рода употреблением термина περίχωρος. Но выше было уже упомянуто, что допустимо переводить ἔθνος как территориальное понятие, как это делают некоторые исследователи, а не только как понятие «народ» или «племена».

---

[1] E. Herzfeld. Altpersische Inschriften, стр. 224.

[2] А. З. Розенфельд. Kala — тип укрепленного иранского поселения. Сов. этнография, 1951, № 1, стр. 22—38.

[3] Это выражение соответствует в греческой надписи словам πόλιν σὺν τῇ περιχώρῳ. Арамейское mn как идеограмма в пехлевийском имеет значение не только «из», «от», но и значение «вместо с», греческое συν, английское with (см.: E. W. West, M. Haug. Glossary and Index of the pahlavi texts of the book of Arda Viraf etc. Bombay—London, 1874, стр. 216).

[4] E. Herzfeld. Altpersische Inschriften, стр. 137.—Karnamag, ed. Antia, стр. 26, 37.

[5] E. Herzfeld. Altpersische Inschriften, стр. 75.

[1] C. Brockelmann. Lexicon syriacum, стр. 467.

[2] W. Enszlin. Kriege Schapurs, строки надписи 92—94.

[3] M. Rostovtzeff. Res Gestae divi Saporis and Dura, стр. 24.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ИРАНА И ВОПРОСЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИРАНЕ

В социальном строе Ирана сельская община, крестьяне-общинники составляли значительную часть. Как пережиток существовавшего в далеком прошлом первобытно-общинного уклада крестьянская соседская община была господствующей формой сельской жизни.

Наряду с этим рано возникло рабовладение в форме домашнего патриархального рабства, широко распространенного на всем Ближнем Востоке. После греко-македонской экспансии, в эллинистический период, рабство стало играть еще более существенную роль в хозяйственной жизни Междуречья и Ирана. О рабовладельческой основе эллинистического города свидетельствуют греческие надписи Суз, Селевкии и других городов.

К последним векам до нашей эры рабовладельческий уклад достиг значительного уровня развития в западных областях. Местная знать там пользовалась трудом рабов для обработки своих земель — имений и вотчин (дастгерд). Однако наряду с этим оставались в силе и крестьянские общины, существовали деревни, жизнь которых складывалась на общинных началах.

Большие пространства земли, часто целые области, принадлежали знатным иранским родам. Так, Карениды имели обширные вотчины в Мидии, род Сурен располагал частью Сакастана, одна из ветвей этого рода владела частью провинции Нишапур в Хорасане. Род Аспабед распоряжался Дахистаном в Гиркании, род Михран владел большими имениями в долине Тегерана и в Персиде. Земля переходила по наследству, считалась собственностью такого знатного царского рода. Не меньшее значение имела собственность на воду, она укрепляла власть землевладельца (хвадай). Необходимость искусственного орошения ставила в зависимость от владельца земли и находившихся на ней водоемов непосредственных производителей, обрабатывавших эти земли.

Знатные иранские роды, земля которых стала к концу эллинистического периода обрабатываться рабами, значительно окрепли экономически. Рабовладельческие отношения на определенном этапе развития общества стали ведущими, господствующими. Посаженные на землю рабы способствовали повышению производства сельскохозяйственных продуктов, часть которых могла поступать на рынок. Когда в 140—139 гг. до н. э. иранская знать в лице рода Аршакидов сместила Селевкидов с их греко-македонскими порядками, господствовали более развитые формы общественных отношений, чем те, которые имели место в Иране в период завоеваний Александра. Рабовладельческий строй обеспечивал возможности товарного производства в большей степени, чем консервативный, отжившийся общинный уклад.

До настоящего времени нет достаточных сведений о количестве рабов в Иране, нет материалов для статистических выкладок, возможных лишь при наличии частных юридических документов как в Египте или в Ассирии. В этом отношении можно ожидать много нового от документов, открытых в Старой Нисе неутомимыми трудами М. Е. Массона, возглавляющего Южно-туркменистанскую археологическую комплексную экспедицию.[1]

В настоящее время число найденных хозяйственных документов, написанных на глиняных обломках (остракa), превышает тысячу, они подготовляются к печати.

О наличии рабовладельческого строя свидетельствуют как данные нарративных источников, характеризующих доарабский период истории Ирана, так и известный юридический материал. Пехлевийский Законник «Матикан-и хазар датастан» и другие источники упоминают термины, означающие раба, — «бандак» и «аншахрик».[2] О рабах говорят и греческие надписи эллинистических городов Ирана, основой благосостояния которых было рабовладение. Полисное устройство городов с народным собранием (эклесией) и советом (булэ) типично для небольшого числа эллинистических городов Ирана.[3]

Наличие крестьянской общины как видоизмененной первобытно-общинной организации и рабовладения, не получившего полного развития, является характерным для Ирана первых

[1] И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, М. Е. Массон. Налоговые парфянские документы II в. до н. э. из Нисы. М.—Л., 1951.

[2] The laws of the ancient persians. Matikan-i hazar datastan by S. J. Bulsara, Bombay, 1937. — А. Периханян. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. ВДИ, № 4, 1952, стр. 14—20.

[3] F. Cumont. Une lettre du roi Artaban III.

веков нашей эры. Это характерно и для других стран Ближнего Востока, например для Армении.[1]

Кризис рабовладельческой системы, охвативший весь Средиземноморский бассейн в III в., коснулся и Ирана. В кризис оказались втянутыми вся Передняя Азия, Закавказье, области за Тигром.

В первой четверти III в. н. э. в Иране происходила внутренняя политическая борьба, завершившаяся выдвижением новой династии. Старая родовая знать и ее представитель, шах из рода Аршакидов, были не в силах справиться с новыми задачами и вынуждены были уступить свое место новой династии. Товарное производство, которое существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, имело место и в Иране. Близость границ Римской империи, торговое оживление в ее восточных провинциях, с одной стороны, торговые пути на восток, в Китай и Индию — с другой, способствовали тому, что спрос на продукты сельского хозяйства и изделия ремесла в стране возрастал. Товарное производство росло в Иране за счет усиления эксплоатации рабов в имениях знати, увеличения налогов и порабощения крестьянских общин. Одновременно шел интенсивный процесс дальнейшего разделения труда, выделялись разные виды ремесел.

Окончательное ослабление и свержение парфянской династии были связаны с новым этапом в развитии производительных сил, от которых отставали производственные отношения. Расчлененность областей Парфии, возглавлявшихся шахской родовой знатью, отсутствие мощного центрального правительства, сильного войска тормозили ее развитие. Объединение Ирана, осуществленное к 226 г. н. э. Арташиром I, отвечало новым задачам централизации управления.

В III в. имело место основание ряда городов, обновление и укрепление старых городских центров, что отвечало выделению ремесла из общины и дальнейшему разделению труда. Ремесленники стали сосредоточиваться в городах. Растущие города удовлетворяли потребности во внутренних рынках и являлись также центрами транзитной торговли. Торговые пути из Сирии и Месопотамии через города Ирана, в особенности через Селевкию—Ктесифон, уходили через всю Азию в Китай.

[1] С. Т. Еремян. О рабстве и рабовладении в древней Армении. ВДИ, № 1, 1950, стр. 25. С. Т. Еремян подкрепил новыми доводами правильное положение Х. Самуэляна о том, что в Армении «рабовладение не доросло и не вылилось еще в определенную общественно-экономическую формацию» (Вестник Института истории и литературы АрмССР, т. II, 1938).

Вместе с кризисом рабовладельческой системы эксплоатации в бассейне Средиземного моря Иран переживал в III в. период внутренней борьбы, завершившейся воцарением новой династии Сасанидов.

Пришедшее на смену парфянскому государству новоперсидское государство III—VII вв. опиралось на более широкий круг иранской аристократии, жреческой и военной, а не только на узкий круг знати. Это было некоторым расширением базы в пределах того же высшего класса. Материальной опорой жреческого и военного сословий было землевладение. В основном землевладельцы эксплоатировали труд рабов, независимо от этого существовали крестьянские общины. Потребность в рабочих руках для своих вотчин и имений толкала

Рис. 5. Монеты Шапура II (309—379).

военную аристократию и самого шаха к походам, к пленению населения чужих земель. Войны Шапура I в III в. и Шапура II в IV в. сопровождались массовыми уводами пленных, грандиозными переселениями, которые могут быть объяснены лишь острой потребностью в рабочей силе. Военнопленные удовлетворили на некоторое время назревшую потребность в рабочих руках, приложения которых требовали производительные силы.

Рабовладельческие отношения были подточены, разлагалась и община. Хозяйство усложнялось и требовало разделения труда. Резким обострением классовой борьбы в Иране отмечен V в., когда мощное социальное движение — маздакитское — коснулось всего эксплоатируемого населения. Временно в IV в. острота положения была ослаблена благодаря дополнительной, пришлой рабочей силе. Но V в. характеризуется новым обострением кризиса и общим состоянием брожения. Активное сопротивление рабов их владельцам ускоряло процесс распада старых и зарождения новых производственных отношений. «Рабы вышли из повиновения своим господам», «бросая свою работу», они бежали от господ «в города», сообщает письмо Тансара — памятник, дышащий враждой к движению народного протеста.

Община также оказалась в шатком положении. Значительное количество людей стало переходить в города. Род рас-

пался. Быт, традиции и права наследования малой семьи (отец, мать, дети) засвидетельствованы сасанидским Законником.[1] С ослаблением общин, с ростом частной собственности на землю создавались условия для попыток их феодального подчинения.

Появление условных форм собственности на землю, долгосрочные аренды, прикрепление непосредственного производителя к обрабатываемому им участку, переходные формы рабовладения, частичное освобождение раба и другие особенности характеризуют зарождение феодализма в Иране. В период образования новых, феодальных форм отношений отмечается усиление и численное увеличение городов. Явление это закономерно в условиях восточного феодализма, где феодальные отношения не были связаны с упадком ремесла, торговли, а следовательно, и городов. Они развивались в условиях, в которых город продолжал сохранять свое значение, часть хозяйства носила товарный характер, ремесло и торговля не замерли, а сохранили известный вес и значение в государстве.

Элементы феодализации, выявление феодальных отношений в Иране относятся к III—V вв. н. э. На это указывает ряд фактов, засвидетельствованных источниками. Усиление процессов феодализации можно отметить после V в., оно сопровождалось обострением классовой борьбы, выразившейся в маздакитском движении, направленном главным образом против феодального подчинения крестьянских общин.[2] Это движение объединило разные группы эксплоатируемого населения, чем и объясняется его длительность и мощь.

СЕМЬЯ

Первобытно-общинный строй, претерпевая в веках изменения, оставлял промежуточные формы общественных отношений и надолго сохранился в качестве сельской общины в Иране. В этой связи следует рассматривать и вопрос о больших семьях и родах, о семейно-родственных отношениях и связях, несомненно очень широких, имевших место в Иране в изучаемый нами период. Свидетельства о больших родственных группах, которые считали себя происходящими от общего порядка и находились в кровном родстве, имеются в древнейших памятниках Ирана. Знают эту терминологию и средневековые источники, пехлевийские документы.

Особенно архаичные формы сохранял патрицианский род, знать с ее огромными неделимыми земельными угодиями.

[1] Matikan, главы 15, 16, 17, 23, 24, 28, 36, 42 и др.

[2] Н. Пигулевская. Маздакитское движение. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, 1944, № 4, стр. 171—181.

В значительной мере этому способствовало то, что часть племенной знати не потеряла своего положения, приобретенного в предшествующий III в. н. э. период. Некоторые области Ирана оставались в ряде случаев под управлением и, безусловно, под большим экономическим влиянием этой родовой рабовладельческой знати, которая опиралась на собственность на землю. В основе власти, значительности и влияния знатных родов лежала их экономическая мощь. Собственность земельная была твердой и наиболее обеспечивающей хозяйственную базу большой семьи, она создавала и ту независимость знати, сломить которую сасанидская династия смогла лишь ценой больших жертв. Старая племенная знать в последний век до нашей эры и в первые два века нашей эры пополнилась новыми, выдвинувшимися родами, они ее потеснили, но приобрели ее вкус к независимости, пользуясь своей возраставшей экономической силой. Эти слои и выдвинули и способствовали укреплению Сасанидов, которые в свою очередь опирались на них, постепенно усиливая их роль в государстве.

Из аристократических родов вербовалось служилое и жреческое сословие, составившее опору новой, сасанидской династии, ее государственного аппарата. Наряду со старой, племенной знатью аристократия была землевладельческой и рабовладельческой. Этому господствующему классу отвечала надстройка государства Сасанидов, его правовые, религиозные и всякие другие институты.

Маздакитское движение было предметом многочисленных исследований. Особое внимание привлекало решение вопроса о браке, и, конечно, не случайно, так как в связи с этим движением источники упоминают о либертинизме его адептов. Для примера чаще всего приводятся соответствующие страницы Сиасет-намэ. Исследуя вопросы иранской семьи, Мазахери утверждает, что «низшие слои» иранского общества были моногамны, что соответствовало древней традиции, существовавшей у «праариицев».[1] Что касается высшего, «феодального» общества, то, по его мнению, «каждый феодальный барон времени Сасанидов имел гарем».[2] Кавад, склонившись к учению маздакитов, разрешил полигамию «низшим» и сравнял их в этом отношении с аристократией, чем вызвал решительный протест последней.[3] Такой взгляд никак не отвечает действительному положению вещей, полигамия зависела только от имущественных возможностей данного лица. Тот или другой

[1] A. Mazahéri. La famille iranienne aux temps anté-islamiques. Paris, 1938, стр. 134.

[2] Там же, стр. 135.

[3] Там же, стр. 138.

вид брака и многобрачие не определялись социальным положением в Иране. «Коллективный брак», проповедуемый маздакитами, по мнению Мазахери,[1] был связан с групповым браком массагетов, описанный еще Геродотом (I, 216). Такого рода брак был известен и эфталитам, связи которых с персами и с Кавадом персонально хорошо известны. Этого факта не приходится отрицать, но заимствование традиции и формы брака не следует искать на стороне, оно лежало в пределах самого Ирана, в традициях общины. Здесь могла сохраняться память о групповом браке. Однако наиболее правильно видеть в проповеди маздакитов относительно женщин тот же принцип равного распределения благ, как и всяких других, как об этом говорят источники.

Самая система распределения благ поровну в дальнейшем будет раскрыта как обязательное положение учения маздакитов, которое несомненно получило в самых широких размерах поддержку масс. Распределение отвечало острой потребности, вызванной тяжелой беспросветной жизнью. Раздел готовой продукции был знаком по общинному владению землей, и он вошел в круг требований народных масс.

Иранская семья в период IV—VI вв. может быть охарактеризована на основании не только одних случайных данных, нарративных источников. Юридические памятники этого времени сохранили сведения, позволяющие достаточно подробно представить себе структуру семьи, над которой довлеют традиции рода и родовых отношений.

Юридические памятники, упомянутые выше, дают богатый материал для суждения о семье. В первую очередь это Матикан, данные которого отражают положение V в. н. э. во всяком случае. Положение семьи и ее особенности в Иране имеют существенное значение для его социального строя. Этой проблеме посвящено большое и подробное исследование А. Мазахери «Иранская семья в доисламское время».[2] Широко привлекая различный материал, автор представил эволюцию семейных отношений в Иране. Мазахери правильно расценивает многие факты, он наблюдателен, но в целом его концепция неприемлема, так как он стоит на точке зрения извечного феодализма на Востоке. Справедливо его представление, что VI век является веком больших реформ, что целый ряд социальных форм изменился, принял новый характер, но основной причиной этих изменений была экономическая перестройка, происшедшая в предшествующие века.

[1] A. Mazahéri. La famille iranienne aux temps anté-islamiques, стр. 144.
[2] Там же.

Рассмотрение юридических материалов позволяет утверждать, что большая семья, отпочковавшаяся от рода, занимала центральное положение как основная социальная ячейка общества. В этой семье сохраняются традиции рода не только в форме обычая, но основой этой семьи с чисто экономической точки зрения было неделимое имущество, оно принадлежало и им располагала семья в целом. Это семейное, в прошлом родовое имущество и определяло крепость и стойкость семьи, связь между отдельными ее членами, сохранение дальних степеней родства в единстве. Возможность разделения родовой собственности обусловила и возможности разделения семьи, отделения ее членов и их обособление, группировка по меньшему числу ее членов, связь которых была кровной и наиболее крепкой. Возможность жить семьей, состоящей из отца, матери и детей, создавалась в зависимости от того, что такая семья могла себя экономически содержать.

Семья в Иране III—V вв., как она может быть представлена на основании юридических памятников, во многом подвергавшихся, однако, изменениям, опирается на традиции рода. По преимуществу имеется в виду большая семья, с многочисленными членами, во главе которой стоит отец. Его жена, главная из жен, является хозяйкой дома. Как из нарративных, так и из юридических источников вытекает, что наряду с главной женой отец имел других жен, условия брака с которыми носили другой характер, не полноправный. Права, как и доля наследства детей, зависели от того в каком браке состояла их мать с отцом. Права и доля сына были больше прав и доли дочери, мужчина занимал первое место, это особенно очевидно из положения, занимаемого главой дома, отцом.

Возможность разделения имущества рода было в конечном счете обусловлена распространением новых орудий производства. Мотыжное хозяйство требовало участия большого числа рук для обработки данного участка земли. Соха позволила еще в доахеменидское время перейти к обработке отдельных участков, которые могли быть достаточными для удовлетворения нужд одной отдельной семьи, состоящей из отца, матери и детей. Такая возможность выделения семьи из рода, как и деления родового имущества, привела к освобождению части членов рода и их уходу в города. Новая фаза разделения труда с еще большей отчетливостью определилась в первые века нашей эры благодаря тому, что намечавшееся отделение ремесла от сельского хозяйства получило более завершенный характер. Ремесленная окраина средневекового города имеет ту особенность, что она сохраняет известную связь с землей, с сельским хозяйством, являвшимися подсобным содержанием семьи. Пригород имел свои огороды, виноградники, даже

поля, обработка которых приносила дополнительный доход.

Иранская семья этого времени строится на власти мужа-отца, домовладыки, власть его в семье совершенно не ограничена. В юридических памятниках сохранились соответствующие термины. Глава семьи это «dutak sardar», «семьевладыка» — составное слово из «dutak» — «семья» и «sardar» — «имеющий власть». Этот термин подразумевает именно главу семьи и хозяина дома.[1] Он достаточно хорошо известен и сборнику Ишобохта, который дает ему сирийский эквивалент.[2] В сборнике дан термин ܕܘܕܓ̈ܪ, который состоит из двух слов — «dudag», являющегося измененным написанием «dutak», т. е. «семья». Вторая часть составного слова ܕܘ означает «господин», «владыка». Этот термин входит и в состав других пехлевийских слов, как, например, «пайгансалар» — «главный полицейский». В качестве объяснения слова «dudagsalarih» сирийский приводит: ܪܒܘܬ ܒܝܬܐ — «главенство дома». Это достаточно точное объяснение отвлеченному термину «домовладычество», образованному от понятия «глава дома». В сирийской литературе этого времени широко распространен и другой эквивалент пехлевийского слова «домовладыка», а именно ܪܒܬܐ, т. е. «глава дома», что в ряде контекстов соответствует пониманию латинского «майордом».

Домовладыка может быть назначен своим предшественником перед смертью, говорит сборник Ишобохта.

Девятая глава четвертой книги сборника озаглавлена «Об установлении dudagsalarih, т. е. главенстве дома» (ܥܠ ܬܩܢܘܬ ܕܘܕܓ̈ܪ ܣ̈ܠܪ ܐܘ ܪܒܘܬ ܒܝܬܐ). Далее следуют две статьи. В первой из них сказано: «Если хозяин дома (ܒܥܠ ܒܝܬܐ) в день своей кончины прикажет ясно относительно человека, чтобы он был главой дома, пусть сделают его по его приказу главой дома». Второй и последний параграф этой главы указывает, что если впоследствии убедятся в том, что это лицо является неподходящим, то представители церкви могут принять соответствующие меры, т. е. такое лицо в случае невыполнения им своих функций добросовестно может быть лишено этих прав.

«Если затем увидят на опыте, что он разрушитель и обманщик в отношении рода и наследства (ܒܕܒܝܢܐ ܕܒܝܬܐ) тех, что причастны наследству, или их близкие, то после того как допросят его перед церковным жертвенником и исследуют руководители и увидят, что правдива жалоба тех, то они власти (ܫܠܛܢܐ) поставить другого домовладыку (ܪܒܝܬܐ), о котором имеется свидетельство, что он верный и богобоязненный».[1]

Отсюда видно, что на основании последнего параграфа четвертой книги Ишобохта глава дома не являлся старшим в роде из живых членов этого рода — он мог быть назначен своим предшественником. Самый принцип родовых отношений был этим нарушен. Оставались в силе наследство рода и функции главы в отношении членов рода и их наследства. Поэтому главы или руководители церкви имели возможность, выяснив отрицательное поведение поставленного во главе рода лица, сменить его, действуя в интересах других членов рода и совладельцев родового наследства. Совершенно очевидно, что первоначальный характер положения родового старшины изменился, признание его как действительно старшего в роде по родовой иерархии сменилось тем, что функции руководства и представительства от рода могли быть переданы другому лицу, которое представлялось более подходящим для их выполнения. Таким образом, хотя домовладыка может быть избран, назначен и смещен, понятие рода (ܒܒܝܬܐ) остается в силе. Роду в целом было недопустимо вредить, за это поставленный «главой» и смещался. Имеется и родовое наследство (ܒܒܝܬܐ), которое должно было охраняться главой и приумножаться в интересах всего рода. Наследники родового имущества, в случае нерадения «главы дома» (ܪܒܬܐ), могли обжаловать его поведение. Следовательно, было еще в наличии неделимое родовое наследство, которое связывало членов рода между собой. Это положение находит подтверждение и в сообщениях нарративных источников. Епископ Каркы де бет Селох Шапурбараз происходил из знатного рода (ܒܒܝܬܐ), называемого «домом Арташира, сына Шапурбараза» (ܒܝܬ ܒܝܬ ܒܒܝܬܐ ܕܐܪܬܫܝܪ ܒܪ ܫܒܘܪ ܒܪܙ). Многочисленные члены этого рода по традиции считали себя переселенцами из Истахра.[2] «Его родичи были из рода, который вывел Селевк из земли Истахр». Их имущество было неразделенным, так как Шапурбараз, обратив их в христианство, «построил из их наследства дом для странников (ксенодохейон), чтобы в нем принять и дать отдых больным, утесняемым, бедным и нуждающимся; он дал дому и выделил ему имущество (ܡܘܡܐ) для вознаграждения врачей, что там имеются, для пропитания требуемого и необходимого тем, которые придут для лечения».[3] Имущество было общим

[1] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, II, стр. 24.
[2] Syrische Rechtsbücher . . ., III, Išoboht, IV, 9, §§ 1, 2, стр. 126—127.

[1] Syrische Rechtsbücher . . ., III, Išoboht, IV, 9, § 2, стр. 126—127.
[2] Acta mm. ss. II, стр. 517.
[3] Acta mm. ss. II, стр. 518.

и неразделенным, за его счет и была построена больница, и, чтобы поддержать ее доходы, ей было «выделено» (ܚܝܠ) имущество, для оплаты врачей и содержания больных.

О таком же неразделенном имуществе идет речь и в другом случае. Одна пятая часть селения Тешик принадлежала отцу епископа Акбалахи и являлась частью родовой собственности. Эта часть селения называлась Барома Хусраван, по имени отца Акбалахи.[1] Собственность эта не была разделена, но, видимо, было известно, какая часть дохода какому из членов рода принадлежит. Управление таким имуществом и находилось в руках старшего в роде или условно считавшегося таковым.

Эти сведения хроники, составленной не позднее первой половины VI в. Первый рассказ относится к событиям середины V в., второй — к лицу, жившему в последних десятилетиях IV в. н. э.

Роль главы семьи была значительной, при решении тяжб и представлении их в высшую инстанцию в Матикане специально упоминаются главы семьи.[2] Значительной была и власть отца в семье, чему можно привести много примеров. Так, например, дочь обязана была нести «заботу» («stūrih») для отца, если он ее к этому обязывал.[3] Но она не обязана была выполнять эту работу для постороннего человека. С другой стороны, дочь уже не могла быть выдана отцом насильно замуж, против ее воли. В случае, если дочь оказывалась в незаконном браке, она была обязана содержать себя сама, т. е. не быть бременем для отца. Однако если у нее не было заработка, то и в этом случае отец был обязан продолжать ее содержать.[4] Власть отца длительно простиралась на жизнь детей. Paterfamilias мог убить жену, детей, продать их в рабство, распоряжаться ими во всех отношениях. Указывая на это, Мазахери считает, что такого рода положение удерживалось до V в. н. э. включительно, так как его отражает Матикан.[5] Отец имел право продать детей в рабство, если они родились в состоянии несвободных («hustoikih» — по транскрипции Бульсары).[6] В этой статье Матикана есть несомненно ошибка, она неясна, так как по общему положению сын рабыни от свободного считался свободным. Если же это было дитя, рожденное в положении рабства, то, следовательно, отец дитяти должен был быть сам

[1] Acta mm. ss. II, стр. 516.
[2] Matikan, XLII, x+70, стр. 562—563.
[3] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, V, стр. 10—11.
[4] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, V, стр. 5.
[5] A. Mazahéri. La famille iranienne aux temps anté-islamiques, стр. 268.
[6] Matikan, XVII, 10, стр. 204.

рабом, но в таком случае он не имел права продавать свое дитя, так как это право принадлежало только его господину. Эта статья не является ясной, но и из нее можно заключить, что право продажи детей в рабство принадлежало отцу. Следует вспомнить, что право продажи детей в рабство сохранялось длительно и в Византии. Так, Зосима, византийский хронист V в., описывая бедственное положение городского населения, которое должно было выплачивать подать, называемую хрисаргир, упоминает о том, что родителям приходилось продавать в рабство своих детей, чтобы выплатить эту непосильную подать.[1] Хрисаргир был отменен в 497/98 г. н. э. Такая большая власть отца в Иране не вызывает сомнения и отвечает общему положению на Востоке в этот период.

В нарративных источниках постоянно встречаются сообщения о больших семьях, о многочисленных родственниках, составлявших одну семью, глава которой пользовался большой властью.

Как особый пережиток древней родовой общины и рода, в пределах которого имело место заключение брака между его членами, в Иране доарабского периода сохранялись кровнородственные браки с матерью, родными сестрами, племянницами и т. д. Эти браки не только не запрещались, но поощрялись и предписывались зороастрийской религией и соответствовали очень древней традиции. Этого рода браки засвидетельствованы источниками того времени, как, например, сирийскими. А. Христенсен совершенно прав, указывая на тщетные попытки ученых парсов нашего времени отрицать существование такого рода браков, и приводит свидетельства авторитетных источников. Более того, А. Христенсен, согласно данным пехлевийской литературы, считает, что «брак между близкими родственниками рассматривался не как нечистый, а как акт благочестивый и достойный с религиозной точки зрения».[2] Это известно и Агафию, византийскому хронисту VI в. Бардесан, умерший в 222 г. н. э., пишет о персах, что они «поставили себе законом брать в жены сестер, дочерей и внучек, некоторые добавляют, что они берут и своих матерей». ܐܝܬ ܕܒܝܢ ܦܪܣܝܐ ܕܢܣܒܘ ܐܢܫ ܐܚܬܗ ܘܒܪܬ ܐܚܘܗܝ ܘܒܪܬ ܒܪܗ ܘܒܪܬ ܒܪܬܗ ܘܐܝܬ ܕܐܡܪ ܐܦ ܐܡܗ ܢܣܒ ܠܗ ܐܢܫ.[3] «Последний

[1] Zosimus. Historia nova, l. II, cap. 38, ed. Mendelssohn. Lipsiae 1887, стр. 96.
[2] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 325.
[3] Bardesanes. Liber legum regionum. Patrologia syriaca, t. II, pars 1, col. 584—587.

гностик», сирийский писатель Бардесан — Бар Дайсан («сын Дайсана», реки, на которой стоит Эдесса), дал через своих учеников в сочинении «О законах стран» очень ценные сведения, сомневаться в них не приходится.

Биограф перса Мирангушнаспа, принявшего имя Гиварги (Георгия) и умершего мучеником в 612 г., сообщает, что он до своего обращения в христианство «по языческому и нечистому обычаю» был женат на своей родной сестре.[1] «Родственный брак» у персов в связи с обычаями, известными у прикаспийского населения в X в., был предметом исследования К. А. Иностранцева, давшего подробный комментарий к соответствующему тексту Макдиси.[2] Наблюдательный арабский писатель конца X в., Макдиси, посетил прикаспийские области, где отметил обычай родственного брака и запрет «вступать в брачные узы с иноплеменными». К. А. Иностранцев указал на то, что этот обычай был связан с эндогамией, древней традицией персидских племен, по которой «члены родственной группы женятся и выходят замуж лишь в среде той же группы».[3] Эндогамия и эксогамия установлены как различные формы брачных отношений у народов в древнейший период их жизни. Эти явления были проанализированы Энгельсом. Когда «материнское право уступило место отцовскому», то брак внутри своего рода стал обязательным, так как это было в интересах сохранения за родом его имущества. По отцовскому праву имущество девушки переходило с ее браком в другой род. Стремление сохранить имущество в пределах своего рода привело к установлению эндогамии.[4] Эндогамные традиции у персов пережили арабизацию и исламизацию, этнографы отмечают их до настоящего времени. Формы эндогамного брака несомненно сохранялись в течение всего раннего средневековья, и свидетельства источников доарабского периода в этом отношении единодушны.

С особенной силой и настойчивостью по этому поводу выражается отрицательное мнение христианского клира, который вел открытую борьбу с родственными браками. В середине VI в. несторианский патриарх мар Аба I написал трактат о брачном праве. Перс по происхождению, получивший хорошее образование и служивший писцом, дабиром, при известном юристе Хвадайбуде,[1] Аба составил «писание, просвещающее относительно границ брачного сближения и женитьбы».[2] Он указывает в трактате на то, что персы считают «особой праведностью дома Хормизда это установление, когда человек со своей матерью, своей сестрой или своей дочерью сближается в браке». Он приводит, далее, известные примеры из иранской мифологии и оспаривает «праведность» таких браков.[3] Мар Аба перечисляет затем многочисленные степени родства, брак между которыми запрещается. Запреты мар Абы, как и предшествующих несторианских клириков, были протестом против эндогамии, в то же время они вскрывают тесную связь между отдельными членами рода, наличие длительных и крепких родственных связей. Перечень родственников говорит о их большом числе, о том, что они включались в род, который сохранял традицию кровного родства и происхождения от общего предка. Эндогамия персидских племен получила отражение в их мифологии. Зороастризм в основе своей был религией и культом родового общества, был связан с ним по своему происхождению. В развитом классовом обществе эта идеология подвергалась изменениям, ее приспосабливали к новым явлениям.

Кровнородственные браки были одним из пережитков родового общества и его эндогамных традиций и не соответствовали новым формам социальной жизни. Большие неделимые имущества знатных семей долго сохранялись, а с ними и родовые связи и большие семьи, которые группировались на этой экономической основе. В этой среде дольше задерживались и традиции рода, в частности эндогамия и стремление к сохранению «чистоты крови» данного рода и его имущества. Как видно из сообщений Макдиси и этнографических данных более позднего времени, эндогамия имела место и сохранялась до недавнего времени у различных персидских народов и племен, приняв лишь более смягченную форму.

РАБОВЛАДЕНИЕ

Социальный строй Ирана в III—VII вв. н. э. до настоящего времени не получил в научных трудах завершенной характеристики. Возможно, что в значительной мере этому препятствовало отсутствие исследования большого юридического кодекса «Матикан-и хазар датастан», составление которого падает на век «великих Хосровов». Даже английский перевод этого свода,

[1] Житие Гиваргиса, изданное в сборнике: Histoire de mar Jabalaha etc., éd. P. Bedjan. Paris, 1895, стр. 437 (сирийский текст).

[2] К. А. Иностранцев. Сасанидские этюды. СПб., 1909, стр. 115—123.

[3] Там же, стр. 122.

[4] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1937, стр. 95.

[1] Н. Пигулевская. Мар Аба I. Сов. востоковедение, 1948, т. V, стр. 74.

[2] Eherecht des Patriarchen mar Abha; Syrische Rechtsbücher. . ., III, стр. 258.

[3] Syrische Rechtsbücher. . ., III, стр. 264.

осуществленный Бульсарой в 1937 г., не способствовал в последующее время исследованию кодекса.

Трудности понимания и освоения этого памятника остаются в силе и после работ Бартоломе и Пальаро. Немногие исследователи и в весьма ограниченных рамках обращались к анализу статей этого юридического памятника.

Выше была дана подробная история опубликования и изучения Матикана, а также сирийского юридического сборника Ишобохта, связанного с ним теснейшим образом и являющегося кодексом персидского права, переведенного на сирийский язык. Сборник Ишобохта позволяет выяснить целый ряд положений в социальном строе Ирана, а также уяснить те статьи Матикана, смысл которых недостаточно ясен. Представляя последовательное изучение пехлевийского памятника соответствующим специалистам, данное исследование использует его материал для некоторых наиболее существенных проблем, для которых и сирийский сборник Ишобохта дал исключительно ценный материал.

В социально-экономическом строе Ирана феодального периода сохранялись два явления: пережитки рабовладения и пережитки первобытно-общинного строя в форме общины. Эти явления в своем развитии изменялись, их количественное соответствие не оставалось на протяжении веков одним и тем же. В этой связи чрезвычайно интересны нормы права, зафиксированные в сирийском сборнике Ишобохта; они указывают на динамику отношений, на возникновение новых явлений, которые были связаны с зарождением форм феодализма. Иранское право домусульманского времени знает рабство как широко распространенный институт. Раб перечисляется наряду со скотом, и никакого различия между ними не делается. Закон так и перечисляет подряд раба, верблюдицу, овец и коз,[1] в другом случае располагает в одной рубрике раба и вьючное животное.[2] Брак раба мог иметь место только с согласия его господина.[3]

Брак свободного с рабой освобождал ее, даже если этот брак был браком неузаконенным. Свободными считались и дети от этого брака.[4] Дети, рожденные в браке свободной женщины с рабом, считались не свободными, а рабами. Самый брак не признавался, так как «церковь и родные» женщины, когда узнавали об этом, утверждали, «что недостоин этот муж той женщины» (ܕܠܐ ܟܫܝܪ ܗܘ ܒܥܠܗ ܕܗܝ ܐܢܬܬܐ).

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Isoboht, V, 7, § 10, стр. 158.
[2] Там же, V, 9, § 5, стр. 170.
[3] Там же, III, 10, §§ 1—4, стр. 84, 86.
[4] Там же, III, 1, § 4, стр. 74; IV, 4, § 7, стр. 116.

и тогда брак аннулировали.[1] В известной мере закон смягчал отношение к рабу, рекомендуя не продавать мужа и жену отдельно и не нарушать их брака. Но самый факт наличия такого рода увещаний говорит о том, что даже разрешенный рабу брак расторгался его господином при продаже раба с легкостью.[2]

В основном эти факты известны всем древним кодексам, имеющим статьи о рабстве и положении рабов. Но тот же кодекс включает статьи, указывающие на то, что потребность в работнике другого типа уже появилась, так как имеются данные, свидетельствующие об освобождении раба, частично или совсем. Этим путем хозяйство получало работника, в большей мере заинтересованного, а тем самым и более активного, более инициативного.

К 8 г. н. э. относится изданный в Риме закон, известный под именем «Lex Fufia Caninia», который давал право отпускать на волю не более одной трети всех принадлежавших данному господину рабов. Этот закон вошел в состав сирийского Законника, сборника V в. н. э.[3] Вероятно оттуда этот закон стал известным и Ишобохту, который противопоставляет ему практику, распространенную в «нашей земле», т. е. в Персии, где предоставляется право освобождать любое число рабов. Мотивом такого решения в сборнике является то, что отец семейства «сам знает», сколько рабов нужно оставить жене и его потомкам и сколько из них освободить.[4]

Отпускали раба на волю с имуществом, «с тем, что есть у него» (ܥܒܕ ܕܐܝܬ ܠܗ), и без него. Речь идет о пекулии (peculium) раба. Пекулий может быть «освобожден» с рабом и может остаться в собственности его господина.[5]

У раба могла быть собственность, но сохранение ее всецело зависело от его господина, который мог отнять ее у раба и аннулировать его право собственности.[6] Принадлежащее рабу имущество всегда может оказаться спорным. Так, в случае продажи раба (бандак), если у него было имущество или подарок, о котором не было известно его прежнему господину, то последний может его присвоить.[7] Наряду с этим в сборнике Ишобохта встречается несколько иной вариант: «Если человек подарил (ܝܗܒ) своему рабу поле, дом или что-нибудь другое,

[1] Там же, III, 1, § 5, стр. 76.
[2] Там же, III, 10, § 2, стр. 84.
[3] Syrisch-römisches Rechtsbuch aus dem V Jahrhundert, ed. A. Bruns und E. Sachau. Leipzig, 1880.
[4] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Isoboht, V, 13, § 1, стр. 176.
[5] Там же, V, 13, § 3, стр. 178.
[6] Matikan, XXXV, x+17, стр. 410—411.
[7] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 26.— Matikan, XLII, x+119, стр. 586.

а затем продал этого своего раба со всем, что у него было, то все, что подарил ему [рабу] первый господин, то волен этот раб при своей жизни или после смерти отказать кому хочет. Если он умрет, не передав и не продав этого, то это принадлежит его первому господину».[1] Иначе говоря, подарок возвращается к подарившему только в том случае, если раб не распорядился сам этим подарком. Законодательство стояло на страже интересов господина, но в то же время оно не могло обходить новых явлений, как наличия собственности у раба, которую необходимо было признать, хотя бы в некоторых случаях.

Отпуск на волю раба, который обычно выкупал себя, стал для господина выгодным или в какой-то мере устраивал его. Этим и следует объяснить противопоставление персидских обычаев закону, ограничивавшему освобождение рабов количественно.

Заинтересованность раба в работе стала совершенно необходима в усложнившемся хозяйстве. В законодательстве Ирана III—VI вв. находит отражение новое явление — прежде всего частичное освобождение раба. Другим моментом является то, что рабочая сила раба могла быть продана частично, собственность на него расчленяется между несколькими лицами, что также указывает на новое осмысление труда раба, при котором этот труд становится понятием отвлеченным. В отношении последнего чрезвычайно характерна статья закона, по которой раб после каждых двух лет на один год отдается (или дарится) другому лицу. Иначе говоря, труд этого раба в размере одной трети принадлежит некому Михриону. Матикан утверждает, что если кто-либо напишет (nipišt), что он этого «своего раба каждые два года отдает на один год Михриону» (ēn anšahrīk har 2 sal e sal ō mihryōn dāt), то раб не может быть освобожден без обоюдного согласия обоих его господ.[2] Матикан в издании Бульсары содержит этот текст с вариантами.[3]

В некоторых случаях закон упоминает о рабе, который является собственностью двух господ,[4] заработок которого должен быть соответствующим образом разделен между его господами. Продукция или заработок выражен словом «vindišn»; эта продукция раба и принадлежит двоим и делится между ними соответственно, т. е. поровну.

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Išoboht, V, 3, § 18, стр. 140.
[2] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 56.
[3] Matikan, XXXII, x+2, стр. 384—385.
[4] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 46. — Matikan, XXXV, x+9, стр. 406—407.

Данные такого рода указывают на то, что для рабовладельца vindišn, продукция раба была предметом отвлеченным, имела определенную ценность и могла поэтому быть распределена, подарена и продана. Рабочая сила раба не только использовалась его господином, но и могла быть в некоторой части продана или предоставлена другому лицу на определенное время. Так, одна из статей передает vindišn раба-аншахрика на три года другому лицу. В течение этих трех лет заработок этого раба без всякого ограничения принадлежит этому лицу.[1] В другом случае хозяин предоставляет рабу право распоряжаться своим vindišn, в таком случае имеющиеся у него деньги не могут быть отданы его господину.[2] Из своего заработка раб выплачивает свои обязательства господину, остальное предоставляется, следовательно, самому рабу. Закон предусматривает возможность принадлежности данного раба какому-то господину в размере 0.1 доли, что может быть реально понято лишь при условии, что ему принадлежала 0.1 продукции или заработка раба, того, что названо законом vindišn. Значительная ясность вносится в это положение благодаря тому, что имеется соответствующий материал в сборнике Ишобохта. Раб или рабыня получают свободу в размере 0.1 доли. В размере этой доли раб или рабыня могут работать на себя.

«Раб или рабыня если освобождены в какой-то доле, то в этой части, в которой они свободны, могут себе выполнять работу для самих себя, зарабатывать для себя» (אע עבדא או אמתא דהוין חד פלגא ... להון עבדא למעבד ולמעבד למנא דידהון ...).[3] Выражение למעבד עבדא значит «работать работу», т. е. «выполнять работу»; למנא למעבד буквально значит «приобретать имущество». Habe erwerben правильно передать как «зарабатывать», «приобретать что-то в свою пользу». Эти выражения и соответствуют тому, что в пехлевийском тексте передается словом «vindišn», которое не может вызывать сомнения по своему смыслу.[4]

Таким образом, юридические памятники, относящиеся к V—VI вв. н. э., свидетельствуют о том, что труд раба представлял как бы некую отвлеченную ценность, которая могла быть разделена на много частей. Освобождение раба, хотя бы

[1] Matikan, XXXV, x+15, стр. 408—411.
[2] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, I, стр. 48.
[3] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Išoboht, V, 13, § 7, стр. 178.
[4] Сомнение напрасно выражено на страницах «Вестника древней истории» (1952, 4, стр. 16).

в размере одной десятой, давала ему возможность работать для себя.

Об общей тенденции к освобождению говорит и следующая статья сборника Ишобохта, которая дополняет приведенные выше данные о праве освобождать рабов в любом количестве. В приводимой ниже статье речь идет об известном облегчении положения раба, который частично освобожден. Он имеет возможность себя выкупить и у других своих господ. Но это не может считаться законом, а является лишь свободным соглашением, на которое может пойти господин, то, что на пехлевийском носит название ʾpsnd pesend. «Есть страны где, если раб или рабыня освобождены наполовину или [в размере] одной трети, то тот, кому принадлежат две другие трети, обязан принять их стоимость от раба или рабыни и освободить их. Но это не по какому-либо закону, но предписывается по соглашению (ʾpsnd)».[1]

Освобождение рабов в Иране получало известное распространение, в такой мере, в какой это отвечало назревшей необходимости получить в хозяйстве работника другого типа.

Дети освобожденной рабыни считаются свободными,[2] как и дети свободной в одной десятой доле рабыни считаются также свободными в такой же доле.[3] Этот последний закон известен и Матикану. По поводу этого Бартоломе совершенно справедливо предположил, что Ишобохт и Матикан имели общий источник, «Книгу решений» («Dâtestân namak»), о котором речь была выше.[4]

Термины, обозначающие в Матикане раба, были подвергнуты рассмотрению в советской литературе. Два названия для рабов — «бандак» или «аншахрик» — для составителя Матикана не имеют различия. Но нет сомнения, что в отдаленном прошлом эти термины различались, причем «аншахрик» («чужестранец») был термином, первоначально обозначавшим рабавоеннопленного, лицо, не принадлежавшее к «шахру», к государству. Другой термин для рабов был «бандак».[5]

В приведенном нами выше тексте из сирийской хроники Карки де бет Селох рабы не принимали участия в трапезе господ,

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Išoboht, V, 13, § 7b, стр. 178.
[2] Там же, V, 13, § 4, стр. 178.
[3] Там же, V, 13, § 5, стр. 178.
[4] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 46—47.
[5] А. Периханян. Рабовладение и землевладение в Парфии, стр. 16. Следует отметить, что термин «bandaka» не имел в древности значения «раб», о чем свидетельствует употребление этого термина в Бехистунской надписи в значении «приближенный», «связанный с шахом», «близкое ему лицо» (F. Altheim. Weltgeschichte Asiens, im grechischen Zeitalter, I, стр. 139, 176).

носившей праздничный и ритуальный характер в день Тирагана. Это несомненно имело связь с тем, что когда-то рабы не принадлежали к роду, племени и народу своих господ, они были аншахрики. Однако нельзя согласиться с тем, что «аншахрик» ко времени составления Матикана было наименованием рабов, в основном используемых в сельском хозяйстве.

Вероятнее всего, сохранение в тексте законов разных наименований для рабов — «бандак» и «аншахрик» — указывает на то, что они относились к разному времени и были в сборнике объединены. Для переводчика свода Ишобохта различия в наименовании рабов не существовало, он знает только один сирийский термин «абда» (ʿbdʾ). В параллельных статьях Матикана и сирийского сборника это различие никак не отмечено, хотя в соответствующих местах пехлевийского памятника встречаются термины «аншахрик» и «бандак».

Большое значение имеет другое положение, что рабы, о которых идет речь в этих юридических сборниках, посажены на землю, причем обработка ими земли имела место на парцелах. Это положение не исключает возможности существования крупных имений типа латифундий, их земли обрабатывались рабами целиком, без разделения на участки. Но названные сборники указывают совершенно определенно на наличие парцеллы, на которую был посажен раб. Известно, что такого рода положение говорит о зарождении отношений нового характера, которые являются переходными к формам отношений, известным феодальному строю.

Раб, посаженный на землю, имеющий свою парцеллу, по самому существу является уже работником более инициативным, в большей мере предоставленным себе. Поэтому его заработок (vindišn) может принадлежать разным лицам и может в какой-то доле быть освобожденным, т. е. принадлежать лично ему. Та картина, которую раскрывают постановления, содержащиеся в названных юридических памятниках, несомненно — картина рабовладельческого строя, в недрах которого формировались и зрели новые формы общественных отношений. Аншахрик, бандак, в сирийском абда — это рабы. Но многочисленные статьи говорят об их освобождении, что, с другой стороны, подтверждает высказанное нами выше положение о наличии переходных форм отношений и развитии новых отношений.

О существовании парцеллярного хозяйства говорят законы и решения сборников. Матикан знает «дарение» земли, причем земли обрабатываемой. Обычное название такого рода земли «дасткарт», который означает не просто землю, а «именне», «участок земли с постройками». Известно, что в Иране «царским

дасткартом» называлось имение шаханшаха, в котором были различные постройки, его дворец, парк и т. д. Самый термин «дасткарт,» «дастгерд» («рукой сделанный») говорит, что это «обработанная земля».

Одна из статей Матикана говорит о том, что дасткарт дарится следующим образом: «Если кто объявит этот дасткарт мною тебе подарен, то дасткарт и то, что на дасткарте находится (dašt), считается подаренным».[1] В этом случае предполагается, что на земле дасткарта имеется недвижимая собственность, она вместе с землей переходит к новому собственнику, которому последняя подарена. Такое толкование «dašt» — «находится», «обретается» является обычным.[2] Самая статья говорит, что дасткарт бывает с угодьями, с известным количеством построек.

Другая статья дает еще более полное представление о том, кем обрабатывалась земля и насколько непосредственный производитель был связан с этой землей. «Если кто объявит этот дасткарт и все что находится на нем [мною] тебе подарено, то и заботящийся раб, который там выполняет работу, считается подаренным».[3]

Толкование этого текста представляет некоторое затруднение. Термин «stur» имеет значение имени действующего лица понятия «заботиться», «иметь попечение», то, что выражает латинское существительное «curator»; отсюда «sturih» — cura, т. е. «забота», «попечение».

В этой статье речь идет о передаче или дарении дасткарта со всем, что на нем есть, в том числе дарился и раб, который являлся производителем, обрабатывал данную землю, являлся ее «куратором». Его-то и дарили вместе с землей.

Комментируя эту статью, Бартоломе высказал совершенно справедливую мысль, что речь идет о небольшом участке, обработка которого находилась в руках одной семьи. Раб, сидящий на этой земле со своей семьей, по мнению того же автора, «во всех отношениях напоминает villicus'а древнего Рима: и он раб».[4] Участок обрабатываемой земли является, следовательно, парцеллой; непосредственным производителем, сидевшим на ней, являлся раб. К земле, вернее к своей парцелле, раб был прикреплен, так как являлся рабочей силой, без которой земля могла лежать втуне. Поэтому когда дарили этот участок,

[1] Matikan, XIII, x+11, стр. 140—141; — Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 29.

[2] Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg. 1904, стр. 740.

[3] Matikan, XIII, x+12, стр. 142—144. — Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 29—30.

[4] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 31.

то его дарили вместе с непосредственным производителем. Это типичное для переходного раннефеодального времени положение: раб посажен своим господином на землю, причем это определенный участок, по всей видимости с домом, который мог служить местом обитания этого раба с его семьей. Прикрепленность раба к земле и неотделимость его от участка, им обрабатываемого, подтверждается и другими статьями закона. Так, приводится мнение юриста Вехшапура, что подаренный дасткарт «дарился» вместе с рабом (аншахрик), «который там живых решений, очевидно, по спорным пунктам. Она подтверждает приведенную выше статью, но она гораздо менее подробна, так как только излагает толкование одного из известных юристов.

В другом случае в качестве заклада отданы dastkart и anšahrik. Если долг своевременно не возвращен, то названные dastkart и anšahrik поступают в распоряжение заимодавца.[2] Раб-аншахрик и участок земли, дасткарт, составляют одно целое, так как земля без «стура» (stur), куратора-раба не могла представлять той же ценности, что с рабом. В этом случае нельзя согласиться с переводом Бульсары, который предполагал, что речь шла только о рабе дасткарта. Прав Бартоломе, который утверждает, что в этих статьях земля и раб, сидящий на ней, связаны неразрывно, составляют одно целое.[3]

Заслуживают внимания и другие статьи Матикана, они позволяют представить себе некоторые особенности земледелия в Иране.

Дасткарт, переданный одним лицом другому, мог иметь колодец и канал, составлявшие часть оросительной системы. Ирригационный канал носит название «katas», он обычно обводняет не какой-то один участок, а несколько участков.[4] В этом случае существенно указать на то, что орошение играло важную роль в земледелии Ирана. Если дасткарт дарится двум лицам, то канал (katas) принадлежит обоим.[5]

Имеются также сведения о дворе, который составлял как бы одно целое, т. е. это был не только жилой дом, но и ряд хозяйственных построек. Слово «katak» (כתך) Бульсара переводит, как «estate», что не отвечает этому понятию. Это скорее дом или

[1] Matikan, XLII, 41, стр. 540—541. — Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 31.

[2] Matikan, XXI, 10, стр. 228—229. — Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 31—32. — A. Pagliaro. L'antichresi nel diritto sasanidico, стр. 286.

[3] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, 32.

[4] Matikan, XXII, 1—9, стр. 238—243. — Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 32.

[5] Matikan, XIII, x+14, стр. 142.

вернее двор, составлявший комплекс строений. О значении ряда слов можно еще спорить, но и число хозяйственных построек двора входил, например, сарай (sarǰe).[1] Значение слова «hamaper» (Bulsara, — amājir) раскрыто Бартоломе как «колодец», вернее — «постройка над колодезным отверстием, закрывающая и предохраняющая его». Колодец принадлежал двору. «Katak» — «двор» — может быть противопоставлен слову «xanak», «хапа» (خانك) в значении «жилой дом».[2]

Эти дополнительные сведения дают известное представление о том, что собой представляли постройки сельские и как широко была распространена ирригация.

Прежде чем переходить к другим статьям юридических сборников, следует остановиться на значении ряда слов текста, допускающих несколько иное толкование, чем было принято до настоящего времени.

В данной Матиканом формулировке «дарения» есть несколько вариантов, которые не обозначают по содержанию одного и того же. Формула «tō xvēš» значит «тебе в собственность»; «tō xvēš ē bavēt» значит «тебе собственностью будет». Эти слова закрепляют данную собственность за другим лицом безусловно. Иной характер имеет формула «ō tō dāt» — «тебе дано», которую, однако, такой глубокий знаток пехлевийского, как Бартоломе, считает однозначащей и приравнивает к формуле, упоминающей собственность, т. е. «тебе в собственность будет».[3] Между тем формула «tō dāt» — «тебе дано» не всегда предполагает подарок, она может предполагать и передачу или уступку на время или право использования (Vermächtniss), когда при ней нет термина «xvēš», ее смысл предоставлять или дать что-то, но не в собственность. Когда речь идет о чем-то постоянном, то в Матикане встречаются и формулы, которые это подчеркивают, как, например, что то или другое условие будет выполняться до «дня обновления».[4] Подтверждает такого рода предположение и текст другой статьи, где собственность и передача в собственность выражены совершенно определенно словом «xvēš».[5]

Исходя из этого, следует предположить, что Матикан первую формулу «tō dāt» применял для определения предоставления, отдачи, а передача в полную собственность или подарок выражались более точным и определенным образом — с «xvēš». Но возможно, что такого рода различие в данном источнике не проведено повсюду и последовательно. В зависимости от того, что сборник составлялся, по всей вероятности, разными лицами и в разное время, такое нарушение было бы совершенно не удивительным. Если приведенное нами предположение правильно, то тогда в ряде статей речь идет не столько о дарении, сколько о представлении этого имущества в пользование. Это особенно очевидно на примере статьи, в которой рассматривается вопрос о передаче имущества или вещи (xvāstak), ее ценность определена в данном случае в 200 стир. Это имущество передается (dahēt) второму лицу, оно в свою очередь может передать (dahēt) половину его третьему лицу. Как второе лицо — Михрион, так и третье лицо — Фаррох, которым это имущество было передано, получили его на условии «заботы», «попечения» (stūrih). Это выражение было приведено выше в связи с тем, что земля обрабатывалась рабом, который являлся «куратором», т. е. ее производителем.

В данном случае и Михриону и Фарроху имущество, по всей вероятности земля или какая-то другая собственность, оцененное в 200 стир, было передано для того, чтобы они имели о нем попечение. Это сформулировано так: «имущество в 200 (стир) в заботу Михриону дает» собственник этого имущества Атурфарнбаг.[1] «Стир» соответствует широко распространенному на Ближнем Востоке слову «статир», которым называли в разное время монеты разного достоинства. Захау в примечании к § 19 3-й главы 5-й книги Ишобохта считает эстир равным четырем зузе или диргемам.[2] В случае смерти Михриона и Фарроха это имущество переходит к детям Михриона, если нет специального распоряжения. Такое решение объясняется тем, что Михрион первый получил данное имущество от его непосредственного собственника. Все основания предполагать, что «хвастак» — имущество, которое требовало «заботы» и «попечения» — могло быть и землей. В таком случае вполне понятно, что этот участок переходил в «заботу» (stūrih) его детям. Вероятно, речь идет о том, что может быть названо арендой, передачей для «попечения» отдельных земельных участков, парцелл. В данном случае формулировка «дал» «в заботу» исключает возможность толкования «dahēt» как «подарил», а только как «дал» или «передал».

Для выяснения этого положения можно привести также материал из сирийского сборника Ишобохта. При перечислении всякого имущества первое место обычно занимают дом (ܒܝܬܐ) и поле (ܚܩܠܐ), а затем «прочее имущество» (ܫܪܝܪ

[1] Matikan, XIII, x+15, стр. 142—145.
[2] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 48—49.
[3] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 7.
[4] Matikan, XXXV, x+15, стр. 408—411.
[5] Matikan, XXI, 16, стр. 230—233.

[1] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 48.
[2] Syrische Rechtsbücher..., III, Anmerkungen, стр. 323.

(ܩܢܝܢܗ،).[1] О том, что существовала практика аренды, сдачи «в работу», свидетельствует и другая статья сборника.

«Если известно относительно имеющего собственность (А), что она находится в его руках давно (ܩܕܡ ܙܒܢܐ) и истец (ܒܥܠܕܝܢܐ) говорит: „он (А) в работу (ܦܘܠܚܢܐ) имел это имущество от меня (Б)“. Тот же (А) говорит, что нет. Если обнаруживается, что до того, как этот (А) имел это имущество, оно было в руках того (Б)...»[2] — ܘܐܢܘܗܝ ܕܐܫܬܟܚ ܩܢܝܢܐ ܡܬܬܚܝܕ: ܕܡܢ ܐܚܪܢܐ ܒܐܝܕܘܗܝ، ܐܫܬܟܚ، ܩܢܝܢܐ: ܘܒܦܘܠܚܢܐ ܡܢ ܐܝܕܝ ܕܗܢܐ ܒܦܘܠܚܢܐ ܐܫܬܟܚ ܗܘܐ ܩܢܝܢܐ ܗܢܐ: ܗܘ ܕܡܢ ܐܝܕܝ ܠܐ: ܐ ܕܡܬܚܙܝܢ ܒܡܠܘܬܐ ܡܬܚܫܒܢܐ: ܕܡܕܡ ܕܐܚܝܕ ܗܘܐ ܗܢܐ ܕܗܢܐ ܐܚܝܕ ܩܢܝܢܐ: ܒܐܝܕܝ ܗܘܐ ܗܘܐ... Далее следует указание на необходимость расследования, привлечения письменных документов, а если их нет, то свидетелей и клятвы, которые удостоверили бы принадлежность собственности. В этой статье речь идет об имуществе, находившемся в течение длительного времени в руках одного лица (А). Другое лицо (Б) оспаривает его права собственности на это имущество, утверждая, что (А) имеет или держит его «в работе» от (Б). Очевидно предусматривается случай длительной передачи имущества «в работу» (ܦܘܠܚܢܐ) «от меня» (ܡܢܝ). Длительность такой отдачи могла вызвать сомнение, кому принадлежит данное имущество. Как и в случае со sturih в статьях Матикана и здесь предоставление «в работу» не обусловлено денежными или натуральными взносами, но едва ли будет правильным предположить, что такого рода условная, временная передача имущества не оговаривалась соответствующими материальными условиями.

Такой же смысл следует предполагать и в другой статье сирийского сборника, где глагол ܝܗܒ значит не «подарил», а «дал». Основное значение этого глагола «давать», «отдавать». «Дарить» — вторичный смысл этого глагола и не обязательный в том случае, который приводится ниже. «Муж, у которого имеются долги (ܚܘ̈ܒܬܐ) разным людям, если он отдаст поля или дома разным другим людям, то его долги будут возмещены от поля или от дома, которые он отдал».[3] Речь идет, конечно, не о том, что он подарил, а о том, что он отдал «в работу» эти поля или дом, так как только при таком положении он будет иметь возможность

[1] Syrische Rechtsbücher. . , III, Išoboht, V, 3, § 2, стр. 134.
[2] Там же, VI, 4, § 5, стр. 192.
[3] Там же, Išoboht, V, 7, § 15, стр. 162.

возместить долги из доходов, полученных от «отданного» имущества. Формулировка «от меня» особенно подчеркивает, что собственник лишь на время передал свое имущество «в работу». Таким образом, выдвинутое нами предположение об истолковании выражений Матикана «dahēt» — «давать», «передавать», «предоставить», и «stūrīh» — «забота», «попечение», «выполнение работы» и других как выражений, указывающих на временную передачу данной собственности другому лицу в пользование, находят соответствующее подтверждение в данных сборника Ишобохта.

Сходные данные содержатся в другой статье Матикана, где дастгерд, не принадлежащий Фарроху, обещан им Михриону через десять лет.[1] Это обещание передать выражено здесь словом «dāt». Но у дасткарта есть собственник, хозяин (xveš), он им и распоряжается. В терминологии есть разница, едва ли ее следует считать случайной. Есть и другие указания на обещание передать (или подарить) не принадлежащий данному лицу дасткарт.[2] Такого рода обещание передать мог сделать только человек, имеющий какое-то отношение к данному дасткарту. Очевидно, он его обрабатывал, но затем не имел возможности им распорядиться, так как этот дасткарт имел хозяина-собственника.

Высказанные соображения предполагают несколько заострить внимание исследователей на дальнейшем уточнении анализа этих трудных текстов, с тем чтобы их интерпретация стала более верной. Передачи дасткартов через определенное число лет, передача от лица к лицу помимо собственника указывают на то, что наряду с неоспоримым фактом существования парцелл с посаженными на них рабами, вероятно, существовали дасткарты, которые имели свободных производителей.

В этом отношении известный свет на то, чем была передача имущества, бросает другая статья Матикана. Речь идет о том, что имущество отдано таким образом, что в течение одного года это имущество «во владение... дано» Фарроху, а в течение следующего года Михриону. Поэтому каждый из них отдельно может пользоваться чистым доходом с этого имущества за тот год, в течение которого оно было в его владении.[3] Если эта интерпретация текста, данная Бартоломе, верна, то можно сделать вывод, что и участок земли, или дасткарт, передавался «на попечение», с тем чтобы все необходимые расходы, связанные с этим «попечением», в том числе и известный

[1] Matikan, XXXVII, 5, стр. 432—433.
[2] Matikan, XXXVII, 9, стр. 434—435.
[3] Matikan, XXIII, x+46, стр. 272—274. — Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, V, стр. 39—40.

доход собственнику этого имущества, были уплачены. В данном случае речь идет об обеспечении жены, которое ей предоставляется мужем — «муж имущество жены в попечение дает». За вычетом необходимых расходов чистый доход поступал в распоряжение того, кому собственник этого имущества или земли их предоставил (dāt).

Матикан содержит также специальный раздел, посвященный аренде. Но от 34-й главы хотя и осталось только три параграфа, они все же дают известное представление об арендных отношениях, как и некоторые другие статьи этого сборника. Здесь речь идет об арендной плате (tahak), выплачиваемой в течение ряда лет за арендованное имущество. Если кто-либо взял имущество в аренду (paiṅ tahak — транскрипция Бульсары, pa tahak) на несколько лет и условился платить ренту ежегодно, из года в год (šnat šnat, арамейское),то в заключенном им письменном соглашении он оговаривает, что только в том случае, если рента не будет выплачиваться, эта собственность (xvāstak) может быть от него взята как неоплаченная. При этом рента обязательно выплачивается из года в год и «в начале периода», т. е. она платится вперед.[1]

Рента выплачивалась по соглашению. Так, если последняя реализованная сумма с данного имущества и не соответствует сумме ренты, она должна быть все же уплачена. В тексте говорится, что если обещано платить 1300 монет ренты, то она и должна быть уплачена.[2] Но законодательство предусматривает и другие возможности, снижение аренды, когда рентабельность данной собственности оказывается пониженной. Если по поводу некой собственности (xvāstak) будет заявлено «ренту 50 монет тебе я дам» и эта собственность не даст необходимой суммы и предполагаемая доходность окажется ниже в данном году, то и аренда платится в размере, соответствующем полученному доходу, т. е. снижается.[3] Необходимость такого рода снижения очевидна, так как арендатор оказывается не в силах внести сумму, о которой он уславливался.

Выше были отмечены случаи, когда собственник передавал свое имущество на длительное время «в работу» (ʿbdʾ). Матикан прямо указывает на то, что аренда могла быть наследственной и передаваться по наследству.

В дефектной статье, дошедшей лишь в своей начальной части, предусматривается случай, когда на аренду был заключен письменный договор, так как он был «записан» (napēšt): «Если муж собственность в аренде наследует...»,[1] дальше текст обрывается, и вся остальная часть 34-й главы Матикана потеряна. Но отсюда видно, что дело идет о долгосрочных арендах, длившихся из года в год (šnat šnat), и, как это обычно для таких аренд, они становились наследственными.

Аренда предоставлялась по заявлению арендатора, которому закон вкладывает в уста такие слова: «Пока ты полагаешь (это возможным) я буду держать это как арендатор».[2] Хозяин имущества назван хвастакдар (xvāstakdār), а арендатор — тахакаманд (от tahak — «аренда» или «арендная плата» и флексия персидской отглагольной формы). Если эта аренда передается по наследству, то она может быть прервана лишь в том случае, если арендатор перестанет вносить ренту. Следовательно, закон стоял на стороне арендатора, долгосрочная аренда которого по возможности сохранялась государством.

Таким образом, приведенные данные указывают на наличие рабовладельческих отношений на той стадии разложения этой формации, когда рабы оказывались посаженными на землю. Это стадия, когда эксплоатация раба начинает носить новую форму, так как этот раб посажен на парцеллу, от которой он неотделим. Самый заработок раба, его vindišn, может быть делим между несколькими лицами и в какой-то части принадлежать самому рабу, в таком случае он является «освобожденным» в этой доле.

Свободные производители на земле засвидетельствованы теми же юридическими памятниками. Широко практиковалась передача той или другой собственности во временное пользование, «в попечение», «в заботу» или «в работу». Длительность такой передачи, которая, видимо, носила некоторые черты аренды, была настолько велика, что могла быть наследственной, переходила к детям тех, которым данное имущество было представлено «в заботу».

Земля или какое-либо другое имущество могли быть также арендованы, за них вносится рента (tahak). Указаны примерные суммы аренды, в одном случае 1300, в другом — 50 стир. Аренда также является долгосрочной и может быть передана в наследство.

Правовые сборники, относящиеся к IV—VII вв., знают несколько социальных ступеней для подданных Ераншахра.

О свободном юридически человеке обычно говорится муж. В тексте стоит в этих случаях идеограмма арамейского gabra.

---

[1] Matikan, XXXIX, § 47, стр. 492—493.
[2] Там же, XXXIV, § 1, стр. 400—401.
[3] Там же, XXXIV, § 2, стр. 400—401.

---

[1] Matikan, XXXIV, § 3, стр. 400—401.
[2] Matikan, XLII, § 9, стр. 524—525.

В ряде мест подчеркивается, однако, что данное лицо является полноправным гражданином, это mart-i šahr. Mart-i šahr — «муж государства», а женщина, полноправная гражданка — žan-i šahr.[1] Так, заявление, сделанное человеком в присутствии жены и двух полноправных граждан (принадлежащих «шахру», «государству»), является действенным.[2] Заявление такого полноправного гражданина упоминается особо, как оттеняется и факт передачи ему имущества, назначение его опекуном, душеприказчиком.[3]

Это полноправие может быть подчеркнуто источником по сравнению с бесправным положением аншахрика, лица, не принадлежащего к шахру, к государству. Если можно допустить, что первоначально этим обозначали военнопленных, не принадлежащих к государству, то в дальнейшем аншахриком мог быть назван человек не полноправный, не являющийся гражданином Ераншахра в полной мере. Обращает на себя внимание тот факт, что встречается выражение «аншахрик-бандак», т. е. раб в двойном смысле.

Указание, что данное лицо является полноправным, может быть, однако, отнесено и за счет того, что эти тексты возникли хронологически в другой период, когда такое различие могло иметь существенное значение. Как социальная категория оно, может быть, должно быть сопоставлено с термином «азат» — «свободный», который известен по нарративным источникам. Такой человек — mart-i šhra — был полноправным, потому что он был свободным. В дальнейшем категория азат стала определять тот класс иранского общества, который, имея земельную собственность, нес военную службу и составлял ядро прославленных войск сасанидской династии.

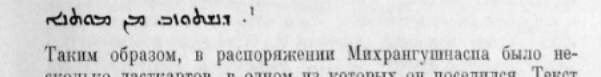
ДАСТКАРТ

Известно, что теоретики марксизма вопросу о собственности на землю отводят первостепенное место. Основой феодализма, главным моментом в укреплении экономической власти феодалов была «феодальная собственность на землю». В этой связи существеннейшую роль играет вопрос о значении того или другого термина, его первоначального смысла и переосмысления. Необходимо поэтому проследить характерные особенности в пользовании землей, кто является ее собственником, в какой форме протекает ее эксплоатация. Прежде всего следует отметить наличие крупной земельной собственности, при которой сохранялось и значительное количество земли в общинной собственности деревень. Под охраной общины крестьяне в течение долгих веков сохраняли свои традиции, и лишь постепенно имущественное неравенство стало нарушать привычные рамки первобытного, общего равенства членов общины.

Для определения крупного землевладения и его особенностей в доарабский период истории Ирана большое значение имеет уяснение некоторых терминов. К числу таковых принадлежит, например, широко распространенный в пехлевийской и сирийской литературе термин «дасткарт». Он вошел правомерно в арабские географические и исторические источники позднейшего времени.

Следует указать на то, что термин «дасткарт» («дастгерд») имеет несколько значений, и, как нам представляется, можно проследить эволюцию этого термина. «Дасткарт» в Матикане — «земельный участок, который обрабатывается рабом», но и «земельный участок вообще», как это нами установлено.

В значении имения или обрабатываемого участка земли с угодьями дасткарт упоминается в различных сирийских памятниках. «Случилась же чума в Махозе», как называли Селевкию и Ктесифон, сообщает биограф мар Гиваргиса, Михрангушнаспа, современника шаха Хормизда и Хосрова II. Испуганный приближением эпидемии, Михрангушнасп «по обычаю язычников бежал, удалился и поселился в одном из своих дасткартов, для того чтобы спастись от чумы»:

Таким образом, в распоряжении Михрангушнаспа было несколько дасткартов, в одном из которых он поселился. Текст дает множественное число «dasqerata» — ܕܣܩܪܬܐ. В этом случае имеются в виду имения с домами, постройками, в которых мог поселиться их хозяин. Непосредственное наблюдение и управление деревнями и его прочим имуществом осуществлял один «верующий», т. е. христианин. Одна из рукописей дает разночтение, этот управитель был «поставлен» над «его де-

[1] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, II, стр. 25—26.
[2] Matikan, XXIII, x+87, стр. 296—297.
[3] Matikan, XXVIII, § 6, стр. 346—347; XIV, § 11, стр. 158—159; XXVIII, § 22, стр. 352—353; XXVIII, § 9, стр. 346—347.

[1] Histoire de mar Jabalaha de trois autres patriarches, ed. Bedjan. Paris, 1895, Mar Giwargis, стр. 438—439.

ревнями» (ܐܣܛܘܢܐ) и его «рабами» (ܥܒܕ̈ܐ).[1] Об отце Михрангушнаспа известно, что он занимал должность остандара Нисибина и был очень знатным и богатым человеком. Их семья принадлежала к царскому роду, понятно поэтому, что они могли иметь несколько имений. В приведенном источнике различаются, с одной стороны, имения, принадлежавшие Михрангушнаспу, с другой — деревни или селения. Даскерата (ܕܟܪܬܐ) — это имения, курайа (ܩܪ̈ܝܐ) — это селения. В надписи шаханшаха Нарсе упоминается dastkarti astikan, что соответствует укрепленному лагерю.[2]

В трудах арабских авторов неоднократно упоминается ал-Даскара или Даскарату'л-малик, принадлежавший шахам сасанидской династии.[3] Археологические раскопки показали, что это был большой укрепленный дворец, или замок, окруженный крепкой стеной. Стена сложена из обожженного кирпича. Она существовала еще в начале X в., во времена арабского географа Иби Русты. Херцфельд[4] нашел лишь развалины стены длиной около 500 м с двенадцатью сохранившимися башнями и четырьмя разрушенными.

Наиболее вероятным предположением является, что Даскара была разрушена войсками императора Византии Ираклия во время его похода в 627—628 гг. «Дасткарт царский» находился на дороге из Ктесифона на Хамадан, в 107 км от столицы Сасанидов. Ираклием был взят «город Ганзак на востоке, где находился храм огня, богатства Креза царя Лидийцев» и т. д., «захватив это он отправился в Дастгерд» (ταῦτα λαβὼν ἐπὶ Δασταγίρδ᾽ χωρεῖ).[5] Тогда то и был, вероятно, разрушен дворец и стены резиденции последних Сасанидов.

В этом случае первоначальное значение слова «дасткарт» («дастгерд») подверглось изменению. Царский дасткарт с большим дворцом стал крепостью, обнесенной мощными стенами. Имя нарицательное стало именем собственным, хотя добавление к названию Дасткарт слов «царский» или «Хосроя» говорит о широком распространении этого слова в различных памятниках. Один сирийский источник V в. упоминает в области Нухадры «большое селение (ܟܦܪ̈ܐ), называемое Дастгард».[6] В сирийском дана транскрипция с ܙ, которая встречается нередко в написании слова ܕܙܟܪܬ. В деяниях собора мар Ябалахи I, созванного в 420 г., упомянута Даскарта (ܕܟܪܬܐ) в числе подчиненных власти католикоса мест.[1] Это указывает на то, что и в Даскарте было значительное население. Очевидно — это Даскарта де Малка, «Царский Даскарт», как он и назван в деяниях собора 424 г.[2]

Наличие в имении домов, а в крупных имениях дворцов, которые затем окружали стенами и укреплениями, и подало повод ошибочно толковать значение этого слова.[3] Дастгарт как имение, обрабатываемое рабами, засвидетельствовано значительным числом источников, в том числе талмудическими.[4]

Дасткарт отличается от деревни. В Карнамаге одновременно упомянуты селения, т. е. деревни, наряду с дасткартами, т. е. имениями. Об Арташире говорится, что он многие деревни (ܟ̈ܦ̈ܪ = deh) и имения сделал процветающими.[5]

Идеограмма, отвечающая термину dastkart, YAD kard, (ܕܙܟܪܬ), снимает возможность всяких сомнений в том, что значение этого термина «рукой сделанное», так как YAD значит в первой части «рука» (арамейский), во второй kart от kerden — «делать» (пехлевийский и персидский).[6] Подробно этот термин несколько раз разбирался Херцфельдом.[7] В некоторых случаях Бартоломе предлагает перевод термина «дасткарт» как «земельный участок», «земля».[8] В армянском dastkirti, соответствует греческому γεωργίον, κτῆσις. В политическом или административном делении дасткарт занимает последнее место в перечне населенных пунктов: город, селение с рынком, деревня, дасткарт. В надписях пехлевийских III—V вв. оно встречается в значении укрепленного лагеря, крепости. В дальнейшем оно стало означать отдельно стоящий дом, одинокое строение, которое и становилось крепостью, оно должно было обладать способностью сопротивляться. В таком смысле дасткарт соответствует и арабскому قصر (qasr), греческому κάστρον, латинскому castrum.[9] В Карнамаге говорится о многих дерев-

[1] Histoire de mar Jabalaha de trois autres patriarches, ed. Bedjan, стр. 439.
[2] E. Herzfeld. Paikuli, I, стр. 94—95, строки 4[1], 5[1]; стр. 164.
[3] A. Christensen. L'Iran sous les sassanides, стр. 455.
[4] E. Herzfeld. Archeologische Reise, II, стр. 76, 93.
[5] Theohanus. Chronographia, I. Bonn, 1839, стр. 474.
[6] Acta mm. ss. II, стр. 391.

[1] Synodicon Orientale, ed. J. B. Chabot. Paris, 1902, стр. 37.
[2] Там же, стр. 44.
[3] B. Geiger. Mittelpersische Wörter und Sachen. Wiener Zeitschrift für die Konde des Morgenlands. 1935, t. 42, H. 1/2, стр. 123.
[4] B. Geiger. Mittelpersische Wörter und Sachen, стр. 124.
[5] Там же, стр. 125. — Karnamag, 4, 19, ed. Sanjana, Bombay, 1896, стр. 25. — Th. Nöldeke. Karnamag. Geschichte des Artachšîr-i Pâpakân, стр. 48.
[6] Th. Nöldeke. Karnamag. Geschichte des Artachšîr-i Pâpakân, стр. 48, 48[4].
[7] E. Herzfeld. 1) Altpersische Inschriften, стр. 136—138; 2) Paikuli, Glossary, стр. 164.
[8] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 42.
[9] E. Herzfeld. Paikuli, Glossary, стр. 164.

ниях (deh) и имениях или отдельных хуторах (dastkert), основанных и процветающих благодаря Арташиру.[1] Для деревни приводится арамейский термин ܕܟܪܬܐ, бытующий и в сирийском. Для имения и сирийский сохраняет в транскрипции привычное персидское слово «dastkart». Это подтверждается и многочисленными примерами из армянских источников, которые проводят те же различия в терминах, применяемых к названию имения и деревни.

В этом отношении характерно и то, что источники определенно различают и округа, в пределах которых находился тот или другой дасткарт. Округу отвечает термин «рустак». Что касается деревни, в арабском термине قَرْيَة, то это испорченное греческое χῶρα и по смыслу соответствует пехлевийскому deh.

Таким образом, дасткарт означает прежде всего имение (Landgut), причем в предшествующий период это имение обычно обрабатывалось рабами. В ряде случаев, как можно заключить из приведенных выше статей Матикана, дасткарт — это обрабатываемая земля с домом, угодьями, каналами, колодцем. Но дасткартом тот же Матикан называет участок с сидящим на нем рабом (в единственном числе), обрабатывающим его; такой участок можно назвать парцеллой. Наконец, в дальнейшем дасткартом продолжали называть и те имения, в которых возвышались укрепленные и обнесенные стенами дворцы их знатных собственников, в частности имений, принадлежавших царям.

ОРОСИТЕЛЬНЫЕ КАНАЛЫ

В сборнике законов Ишобохта, сохранившемся, как известно, в поздних рукописях, нет конца. Сирийские рукописи, как и их арабские переводы, не дают заключительных глав шестой книги, а они могли бы, судя по сохранившимся заголовкам, представить большой интерес. В оглавлении шестой книги последние недошедшие главы были посвящены правам на оросительные каналы и связанным с этим обязательствам, а также вопросам о наемных рабочих и их оплате. Отсутствие этих глав в соответствующих арабских кодексах и сборниках, в которых содержатся переводы или близкие сборнику Ишобохта юридические материалы, указывает на то, что конец был потерян много веков тому назад.

Статьи по вопросам орошения в Матикане свидетельствуют о том, какое большое значение имело орошение для земледелия в Иране. Из этих же статей можно сделать достаточные

[1] Th. Nöldeke. Karnamag. Geschichte des Artachšîr-i Pâpakân стр. 48.

выводы относительно распространения частной собственности на землю. Хронологически данные Матикана относятся во всяком случае к V—VI вв. н. э., но право, зафиксированное в этих статьях, складывалось в предшествующие века.

Глава 22 Матикана посвящена вопросу об оросительных каналах и собственности на них.[1]

Канал называется katas, в позднейшем персидском کت от глагола «копать».[2] Это специальный подземный оросительный канал, который обычно проводили несколько человек, при этом оговаривали обязательства, связанные с ним. Пользование оросительным каналом было ограничено известными условиями. Определялась длина проведенного канала, наличие или отсутствие помощи при его сооружении. Приводится случай, когда при строительстве канала был поврежден дом другого лица. Этот дом «упал», т. е. развалился, и проводившие канал были обязаны возместить нанесенный убыток.

Между двумя лицами, совместно копавшими канал, происходит спор из-за права пользоваться водой.[3] Возникает также вопрос о праве поставить водяную мельницу на канале.[4] Канал строился сообща несколькими людьми. Но на основании терминологии Матикана нет оснований предполагать, что это было результатом труда общины или являлось ее собственностью. Принимавшие участие в проведении канала составляли товарищество (hambayih).[5] О товариществах Матикан упоминает и в других случаях, они известны и сборнику Ишобохта, где они называются ܟܗܒܝܐ. Это объединение вторичного характера, не веками сложившаяся община, а соглашение, заключенное между несколькими лицами с определенной целью. Такие товарищества объединяли торговцев. В данном случае составлялось товарищество для проведения оросительного канала. Это лица, заинтересованные и располагающие, очевидно, соседними участками земли. Отсюда можно сделать заключение, что известная часть земель перешла в частную собственность и что в Иране этого времени имела место аллодиальная собственность. В условиях, где необходимо было искусственное орошение, неизбежно возникало вторичное объединение заинтересованных лиц для осуществления этой задачи.

В период, когда были составлены греческие документы из Авромана, общинники (οἱ συγκλήρω) имели возможность продавать «выпавшую им надолю» землю. Но и тогда, в I в. до н. э.,

[1] Matikan, XXII, §§ 1—9, стр. 238—243.
[2] Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch, стлб. 432.
[3] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, V, стр. 36.
[4] Там же, стр. 37.
[5] Ham, hem — «вместе» (Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch, стлб. 1772).

эта земля не переставала находиться в ведении общины, а купивший ее участвовал в совместном взносе податей с общинной земли. Это явление свидетельствует о разложении общины, об имущественной дифференциации в ней, которая вела к тому, что общинники продавали свои наделы. Положение это находит отражение в Матикане и относится ко времени IV—VI вв. Процесс образования новых видов аграрной собственности развивался дальше. Наличие частной земельной собственности было отмечено выше, в связи с данными пехлевийского документа из Авромана. В последнем собственник земли так и называется бумхвадай. В Матикане права на оросительный канал принадлежат собственнику. Понятия «собственность» и «собственник» выражаются арамейской идеограммой «šalita».[1] Это означает «правитель», «господин», «собственник» в арамейском и в сирийском. Собственнику канала или тому, кто его проложил, эксплоатировавший канал платил ренту или аренду за пользование им.[2]

Таким образом, орошение — одно из важнейших условий производства сельскохозяйственной продукции — в некоторых случаях также находилось в частных руках, вместе с той землей, на которой оно было проведено. Поэтому ряд статей того же Матикана подтверждает, что с подаренным участком земли дарится все, что на нем находится, в том числе и колодцы, оросительные каналы, проведенные на нем.

МЕЛЬНИЦЫ

К числу явлений, характеризующих состояние производительных сил, принадлежат разного рода орудия производства, инструменты и система их использования. Среди скупых данных о их состоянии и уровне развития для Междуречья и Ирана доарабского периода имеются сведения о мельницах.

В изучаемый нами период, III—V вв., в Иране, как и в Междуречье и на Ближнем Востоке вообще были распространены ручные мельницы. Об этом имеются сообщения нарративных источников. Так, хроника Иешу Стилита, составленная до 518 г., сообщает, что из зернохранилища для выпечки хлеба в городе Эдессе в 499/500 г. выдавалась «пшеница». Очевидно, речь шла о зерне, которое перемалывали дома и из которого изготовляли хлеб.[3] В той же хронике сообщается под 504/05 г., что персы, захватив Амид, оказались осажденными византийскими войсками и испытывали большую нужду в продуктах. «А женщи-

[1] Matikan, XXII, §§ 1, 4, 6, 9, стр. 239, 241, 243.

[2] Matikan, XXII, § 1, стр. 238—239.

[3] Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 144.

нам они давали часть своей пищи, потому что они сожительствовали с ними и также потому что они были им необходимы, чтобы перемалывать и выпекать для них [хлеб]».[1] Дальше говорится с еще большей отчетливостью о ручных мельницах, на которых женщины обычно перемалывали зерно. Когда персидским солдатам «пищи стало недостаточно», они пренебрегли женщинами города Амида и «оставляли их без пищи». Сами же персы получали только по «полной пригоршни ячменя в день». Опасаясь покинуть свои сторожевые посты на городской стене, они «построили себе малые печки на стене, подняли ручные мельницы (ʾḵrkʾ ḵḥwʾy) и на своих местах размалывали пригоршню ячменя, пекли и ели».[2]

Из приведенного текста можно заключить, что ручные мельницы были в домах, где на них перемалывали зерно преимущественно женщины, которые занимались выпечкой хлеба не только для своего дома, но и на продажу.[3] Очевидно, эти мельницы были сравнительно небольшого размера, — чтобы привести их в движение было достаточно женской силы. Они были и портативны, так как персидские солдаты перенесли их на городскую стену.

С уверенностью можно говорить также и о наличии водяных мельниц, о чем имеется ряд свидетельств. В арабо-персидской традиции твердо установилось представление, что последний сасанидский шах Йездигерд был убит на мельнице. Преследуемый войсками изменившего ему марзбана Мерва Махуйе, Йездигерд бежал, «пока не достиг дома, в котором была мельница, на берегу Мургаба».[4] Табари приводит несколько рассказов с вариантами событий, сопровождавших убийство Йездигерда, но всякий раз он употребляет или термин رَحَى — «мельница», или говорит о здании мельницы بيت طحّان.[5] Но и в последнем случае очевидно, что мельница стояла на реке, так как в нее был сброшен труп убитого шаханшаха.[6]

О мельницах, построенных на реках или каналах, следовательно приводимых в движение водой, известно и сборнику пехлевийского права — Матикану. Несколько его параграфов

[1] Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 161.

[2] Там же. Сирийское ḵḥwʾy одного корня с арабским رَحَى — «мельница», употребляется обычно во множественном числе женского рода — ḵḥwʾy. Это слово имеет еще значение «мельничный жернов», «мельничный камень».

[3] Там же, стр. 144.

[4] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. Л., 1939, стр. 93.

[5] Tabari. Annales, I ser., t. V, 1893, стр. 2874, 2880.

[6] Там же, стр. 2881.

трактуют о правах построившего мельницу и собственника земли и проточной воды реки или канала, на которых построена эта мельница. Право лица, которому принадлежит земля с проточной водой, остается в силе, несмотря на то что он разрешил построить на этой воде мельницу.[1] Он, очевидно, предоставил возможность использовать принадлежащую ему землю и воду за известную плату или какое-нибудь другое возмещение.

В другом случае говорится о том, что если мельница построена на подземном оросительном канале (katas), принадлежащем другому лицу, то последний не имеет права приостановить воду, которая приводит в движение мельницу. Мельница была построена с его разрешения, поэтому он не может препятствовать ее работе, но он может пользоваться водой и орошать необходимую ему растительность.[2] Таким образом, нарративный и правовой источники взаимно подтверждают друг друга, указывая на наличие водяных мельниц в Иране в доарабское время.

В том же Матикане имеются указания на то, что особо расценивалась механическая часть мельницы, названная رخت.[3] Это самый аппарат мельницы, приводящий ее в движение.

Большой интерес представляют сведения относительно того, как происходила эксплоатация мельниц. Таалиби сообщает некоторые подробности, а именно, когда Ездгерд бежал, он достиг мельницы, принадлежавшей Махуйе — والجاد الهرب الى طاحونة لماهويه. Когда Ездгерд попросил закрыть двери мельницы и спрятать его, он пообещал щедро оплатить мельнику эту услугу. На это мельник ему ответил, «что налог на мельницу в день четыре диргема царских» (انّ ضريبة الطاحونة فى اليوم اربعة دراهم خسروانية), если Ездгерд заплатит ему эту сумму, он остановит мельницу, закроет дверь и предоставит ему возможность остаться.[4]

Этот текст свидетельствует о том, что мельница была построена на земле, принадлежавшей вместе с ее рекой марзбану Махуйе. Ему принадлежала и мельница, которая сдавалась в аренду, причем арендная плата составляла четыре диргема в день. То, что мельник мог выручить сверх того, составляло его заработок и оставалось ему. И это сообщение нарративного источника находится в соответствии с данными юридического памятника, который предусматривает случаи, когда мельница построена на чужой земле и только эксплоатируется мельником или лицом, ее построившим. На реке Мургабе и самая мельница была построена землевладельцем, но он сдавал ее в аренду.

Таким путем, для раннего средневековья можно с уверенностью говорить о наличии водяных мельниц, которые были достаточно сложного устройства и требовали технических навыков. В данном случае мельник был арендатором, человеком свободным, имевшим определенную профессию. Для общего представления об уровне производительных сил и тех работников, которые были заняты в отдельных отраслях производства, эти данные имеют значительный интерес.

[1] Matikan, XLII, x+125, стр. 588—589.

[2] Matikan, XLII, x+126, стр. 590—591.

[3] Matikan, XXXI, 13, стр. 379 (7). — I. A. Vullers. Lexicon persico-latinum, t. II. Bonnae, 1864, стр. 24, رخت — apparatus.

[4] Al-Thaalibi. Histoire des rois des Perses, ed. H. Zotenberg. Paris, 1900, стр. 746—747.

ФЕОДАЛЬНАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Процессы феодализации в Иране находят свое отражение в источниках, но они рассеяны, и указать на них, выявить значение и смысл отдельных явлений — задача весьма сложная, но отказываться от нее нельзя.

Определяя процессы социальной перестройки, особенно существенно выявить новые явления, изменение характера земельной собственности. Важнейший момент, определяющий экономический строй общества, связан с землей, владение которой составляло основную ценность, основную возможность производства для этого времени. Явления феодализации связаны с изменением характера собственности на землю, причем здесь может быть целый ряд особенностей, коренных и относительных изменений. Изменяется и характер эксплоатации, так как для феодального периода связь с землей и с орудиями производства непосредственного производителя является более тесной и глубокой, чем при рабовладельческом строе. В соответствии с этим выше нами было отмечено на основании документов и юридических памятников положение производителей. Земля и тот, кто ее обрабатывает, становятся в тесную связь, при которой отчуждение земли с производителем становится правилом, входит в систему.

Наряду с этим следует отметить и явления, указывающие на феодализацию земельной собственности землевладельца. Он получает ее в руки как условную собственность, как дар сюзерена, за который он несет службу, главным образом военную службу. Наряду с этим отмечаются изъятия из государственного фонда этих земель, их иммунитет. В этом отношении несомненное значение приобретают данные некоторых источников о времени Бахрама, вернее одного из Бахрамов. Так, Масуди относит свой рассказ ко времени Бахрама II, сына Бахрама. Одна из частностей его сообщения относится к сложению недоимок и уничтожению списков, в которых они были занесены.

Об этом известно и Фирдоуси, но он относит снятие недоимок ко времени Бахрама Гура. Таким образом, можно думать, что сообщения обоих авторов имеют общий источник, вероятнее всего Хвадайнамаг, но хронологически рассказ о сложении недоимок был приурочен ко времени шаханшаха Бахрама, но которого именно было не вполне ясно. Сообщение Масуди представляет большой интерес, тем более что некоторые термины, употребляемые им, находят параллели и в других источниках, что укрепляет смысл и значение этих терминов. К таковым относится прежде всего слово «катыйа», принятое для определения условного землевладения в арабской исторической литературе.

Трудно сказать, в какой внутренней связи находились в первоисточнике два рассказа, помещенные в «Золотых лугах» Масуди, — это рассуждение о происхождении слова «зиндик» и рассказ о Бахраме II, сыне Бахрама и мобеде.

Хотя в объяснении Масуди «зиндик» и производится от комментария Авесты — Зенд, но им упоминается и Мани, в связи с учением которого в литературе утвердилось слово «зиндик». В позднейшее время оно стало обозначать не только манихеев и маздакитов, но применялось и к буддистам, и ко всяким еретикам.[1] Мани предложил Бахраму принять проповедуемое им учение, но Бахрам только притворился, что принял его, и, собрав последователей Мани, приказал их уничтожить.[2] Это сообщение относится к манихейству, но оно напоминает традицию о маздакитах и, вероятно, относится к ним.

Далее следует длинный рассказ в занимательной форме о том, как Бахрам пренебрегал ради удовольствий государственными делами и затем, узнав о бедственном положении Ирана, восстановил порядок и посвятил себя делам. Причиной всех бед было то, что Бахрам отдал в порядке условного, ленного владения поместья своим приближенным. В тексте Масуди стоит اقطع (от قطع — глагола, обозначающего передачу земли в ленное или феодальное владение). واقطع الضياع لخواصّه ومن لاذ به من خدمه وحاشيته[3] — «Он отдал (в лен) поместья приближенным и тем, что были при нем из слуг и приверженцев». Такая раздача земель привела, однако, к запустению и оскудению земледелия. Оно процветало лишь на этих розданных землях, которые были избавлены от обязательства выплачивать харадж. Это же самое Масуди повторяет еще раз, указывая на то, что иммунитет этих земель привел к тому, что на них устремились производители, как на земли, находящиеся в привилегированном положении, и покинули свои земли, предав их запустению.[1] В казну подати больше не поступали, а продукты сельского хозяйства также отсутствовали, от всего этого пострадала и армия.

Бахраму под видом басни было сообщено об этом бедствии, и он возвратил отданные в лен (قطع) земли прежним владельцам.

Рис. 6. Шапур II на охоте на львов (блюдо, Эрмитаж).

Он восстановил порядки, господствовавшие до него, земледелие вновь стало давать урожаи, города стали процветать, а казна пополнилась благодаря уплате податей.[2]

Масуди объясняет в этом рассказе тяжелое положение государства тем, что розданные земли попали в руки недостойных людей, и тем, что часть земель была изъята из податной системы,

[1] В. Р. Розен. Два слова о значении слова «зиндик». Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., т. VI, стр. 336—340. — M. Cl. Huart. Les Zindiks en droit mesulman (отд. оттиск, стр. 79).

[2] Maçoudi. Les prairies d'or. Texte et traduition par C. Barbier de Maynard et Pavet de Courteille, II. Paris, 1863, стр. 167.

[3] Там же, стр. 168.

[1] Там же, стр. 169, 173.

[2] Там же, стр. 173—174.

не подлежала обложению хараджем, т. е. эти земли получили иммунитет. Что касается самого термина «харадж», то он засвидетельствован источниками для доарабского времени в Иране.[1] Иммунитет, по мнению Масуди, вернее — его источника, оказал пагубное действие на экономическое положение государства: бедность стала уделом войска и народа. Все устремились на эти земли, так как они не были обложены. Надо думать, что это сообщение находилось в Хвадайнамаге. У Фирдоуси сохранился подобный рассказ о Бахраме Гуре: при вступлении на престол он простил все старые недоимки, которые составляли большую сумму. Кейван вел счет всей казне, он подсчитал, что эта сумма составляет 93 млн диргемов. Бахрам отменил все эти недоимки и бросил все записи в огонь, чем был счастлив весь Ираншахр. Население выразило свою радость тем, что праздновало это событие в храмах огня.[2]

Рис. 7. Монета Бахрама V Гура (420—438).

Рассказ Масуди если он и носит черты беллетристической обработки, так как рассказ о сове явно привнесен или навеян сборником сказок Калилы и Димны, то какие-то черты подлинности в нем можно найти. Возможно, что и хронологически это сообщение относится к другому веку и другому представителю династии Сасанидов. Но едва ли будет правильным отвергнуть самое ядро рассказа и тот факт, что в персидском государстве в период доарабский в какой-то форме имела место раздача земель шаханшахом в порядке условного феодального держания. Нам приходилось уже указывать на данные Белазори относительно печатей Ирана, одна из них прикладывалась к актам земельных дарственных шаханшахов, которые носили условный характер. От того же корня قطع употреблен термин ikta'tun (اقطاعة), который в арабском утвердился как термин условного землевладения с обязательством нести военную службу.[3] Те же термины в тексте Масуди подтверждают высказанную нами точку зрения о возможности наличия феодального держания, ставшего особенно явственным при Хосрове I, после подавления маздакитского движения.

Если в предшествующие маздакитскому движению века в Иране осуществлялась передача земель во временное феодальное держание — а так только и можно понять рассказ Масуди, — в таком случае не может вызвать особого сомнения и то, что наступление на общины осуществлялось землевладельцами активно.

В маздакитском движении приняли участие не только широкие массы крестьянства, на стороне движения была и некоторая часть господствующего класса. Это очевидно, например, из деятельности Сиавуша, как и из позиции самого Кавада I. Борьба за распределение прибавочного продукта шла между родовитой старой знатью, когда-то рабовладельческой, занявшей положение царьков и владетелей провинций Ераншахра, и между более широким слоем «благородных». Азаты были опорой и поддержкой династии Сасанидов, некоторая часть их получала в условное владение земли. Азаты образовывали нарождающийся класс феодалов, несравнимо более зависимый от шаханшаха, чем знать со своими древними традициями независимого положения и власти. Объединение Ирана, осуществленное Арташиром, лишь приглушило их претензии, которые продолжали жить, и тенденции к подавлению их власти не раз владели действиями шаханшахов. Маздакитское движение помогло в этом отношении их намерениям.

В соответствующей главе нами подвергнуто анализу сообщение Табари о том, как при шаханшахе Хосрове I были приняты меры для восстановления экономически тяжело пострадавшей знати, феодальных землевладельцев. Укрепление господствующего класса, восстановление его привилегий было поставлено в связь с несением службы государственной, военной и гражданской, с обязательными приездами ко двору шаха. Точка зрения письма Тансара, памятника VI в., выражавшая необходимость и обязательность такого рода отношений, соответствует именно этому направлению всей политики Хосрова I.[1]

Наличие системы условного землевладения, указанное выше на основании рассказа Таалиби, находит подтверждение в сообщении Белазори, на которое мы имели повод ссылаться. В Иране существовали дифференцированные отрасли управления. Для документов, исходивших из различных ведомств, предназначались различные царские печати, они окончательно их скрепляли и делали данное письменное распоряжение законным и обязательным. Белазори, использовавший Ибн ал-Мукаффу, указывает, что у шаханшаха Ирана существовали особые печати для дел тайной канцелярии, для посланий и писем.

[1] Н. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосрова Ануширвана. ВДИ, № 1, 1937.

[2] Le livre des rois par Firdousi publié, traduit et commenté par J. Mohl. V, стр. 558—559.

[3] Н. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.—Л., 1946, стр. 215.

[1] M. Darmsteter. Lettre de Tansar. . ., стр. 210, 513.

Особую печать «закрепления» или «утверждения» прикладывали к дарственным (السجلات) вообще и при дарении земель (الاقطاعة), «и для всего того, что подобно этому из книг достоинства».[1] Шаханшах пользовался, следовательно, особой печатью для дел, связанных со знатью. Именитые и благородные были записаны в особых книгах, в которых велась их родословная. Дарения вообще выражали благоволение царя. Но дарственные на землю могли иметь особое значение, как носившие условный характер. В арабском термин اقطاعة (множ. اقطاعات) утвердился как термин условного землевладения, с обязательством несения военной службы.[2] Такого рода передача земли имела место в приведенном выше рассказе Таалиби, и там использован тот же арабский термин. В его смысле, после пространных объяснений Таалиби относительно иммунитета розданных земель, не приходится сомневаться, — это термин условного землевладения. Развитие феодальных отношений в халифате было несомненно связано с тем, что в Иране в предшествующий арабскому завоеванию период были в наличии формы феодального землевладения и феодальной эксплоатации непосредственных производителей.

Приведенные нами данные указывают на процессы феодализации в Иране, которые могут быть отмечены в V в. и особенно определившиеся на протяжении VI в. Острый взгляд крупнейшего исследователя средневекового Востока, В. В. Бартольда, совершенно верно отметил, что «порядки сасанидского государства за последний век его жизни существенно отличались от государственного и общественного строя Персии при первых Сасанидах».[3] Он справедливо указывает на то, что этому предшествовали «кризисы», «которые пришлось пережить государству», и особенно «коммунистическое движение маздакитов». Но, по его мнению, «еще недостаточно выяснена связь этой перемены» в государственном строе с кризисами.

Попытаемся выяснить эту связь в дальнейшем.

Усиление «благородных» землевладельцев за счет знатной аристократии — несомненно правильно отмеченный Бартольдом, а также Христенсеном исторический факт, который находит свое объяснение в марксистском учении о социально-экономических формациях.

---

[1] Al-B e l a d z o r i. Liber expugnatione regionum. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Botoavorum, 1866, стр. 464. — Al-B e l a d h u r i. Kitab albuldan, transl. by Murgotten, II, New York, 1924, стр. 259.

[2] S. K a z i m i r s k y. Dictionnaire arabe-français, II, стр. 771.

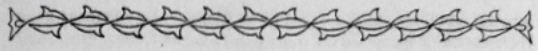
[3] В. В. Б а р т о л ь д. К истории крестьянских движений в Персии. Из далекого и близкого прошлого, сборник в честь пятидесятилетия научной жизни Н. И. Кареева, Пгр., 1923, стр. 56.

Разложению рабовладельческих отношений в Иране выше было уделено внимание в связи с юридическими данными о формах собственности и подчинения. Рабовладельческая аристократия, знать родовая, была в значительной мере ослаблена разложением рабовладения, на котором преимущественно держалось ее благосостояние. Этому способствовал и общий кризис рабовладельческого строя в Передней Азии. Образование государства Сасанидов было несомненно выражением того, что базис — экономический строй общества — претерпевал изменения. В первые века существования новоперсидского государства родовитая знать продолжала составлять опору шахов, но этому предшествовало ее «покорение», следствием чего было ограничение ее автономии и признание ею верховной власти шаханшаха. Наряду с этим для возвышения и упрочения новой династии ей была необходима опора в более широком слое, каковым и явились «благородные». Связанные с шахом обязательством военной службы «благородные» («азатхан») были землевладельцами. Их благосостояние обеспечивалось феодальной эксплоатацией или эксплоатацией в формах, переходных к феодальной. Они выявлялись и укреплялись как класс феодалов и с большей легкостью, чем в крупном хозяйстве, переходили к парцеллярной системе. Главным объектом их прав и собственности была деревня, которая сохраняла свое общинное устройство, она-то и сделалась предметом все большего порабощения и эксплоатации. Знать же, родовитая и богатая, в большинстве случаев опиралась на свои родовые земли, среди них значительное место занимали имения. В них широко применялся труд рабов, о чем известно из источников. Конечно, и в дасткартах переходили к парцеллярному хозяйству, как мы на это указывали выше. Знать по преимуществу была рабовладельческой и теперь переходила к новым, переходным феодальным формам хозяйства.

Борьба общин против закрепощения в маздакитском движении, выражавшем их протест, носила религиозное обличие. «Симпатии» Кавада к маздакитам и то «попустительство», которое привело их к временному упрочению, не были его личным делом. Это явилось выражением борьбы между рабовладельческой родовитой знатью и «благородными», нарождавшимся более широким слоем землевладельцев, феодализирующихся азатов. Опорой Кавада в борьбе со знатью были эти последние, они и оказались в преимущественном положении дехканов в VI в. в Иране. Действия Кавада были результатом этой борьбы рабовладельческой знати и феодализирующихся азатов. Народное движение «низших против высших» помогло еще сильнее ослабить аристократию, разорить ее, подчинить власти шаханшаха. Но когда социальное движение, после возвращения на

престол Кавада, стало слишком сильным и угрожающим, он предоставил сыну завершить его кровавой расправой. Политические мероприятия Хосрова Ануширвана имели целью укрепление азатов, которые стали в положение феодалов шаха, получавших из его рук земли в порядке феодального владения. Кавад, как и ряд шахов, его предшественников, видел свою опору в этом военном и землевладельческом сословии азатов. Слагались новые формы собственности и распределения. Значительная доля земельной собственности и добавочного продукта приходилась на долю азатов.

ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДА В СОЦИАЛЬНОМ СТРОЕ ИРАНА IV—V ВЕКОВ Н. Э.

ЗАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ И ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМЕСЕЛ

Ранее было уже указано, что войны Шапура I, как и настойчивая политика Нарсе (293—302), поставили Иран в особо благоприятное внешнеполитическое положение.

Вслед за завоеваниями Шапуру I, как и основателю династии — Арташиру I, источники приписывают основание или обновление многочисленных городов. В связи с новыми экономическими явлениями воспроизводство несколько расширилось. Появились новые отрасли ремесла, новые его виды и число лиц, занятых ремеслом, строительством и неземледельческим трудом, возросло. Это явление нашло отражение и в росте городов и в большей стройности организации ремесленников, в новых формах организации. На строительных и ирригационных работах широко использовался труд военнопленных. Нет сомнения, что эти военнопленные были на положении рабов и выполняли тяжелые работы.

Потребность в рабочих руках и спрос на труд ремесленников новых специальностей, который имел место в городах, удовлетворялись не только местными людьми и своими подданными, но и военнопленными. Об этом с большими подробностями сообщает один из сирийских источников. В связи с потребностью в ремесленниках пленные «ромейские» попадали в Иране в несколько более удовлетворительное положение.

«Итак этот славный Поси был по рождению из пленных, которых привел Шапур, сын Хормизда от ромеев и поселил их в городе Бех-Шапуре, что в земле Фарс (ܒܝܬ ܫܒܘܪ). Отец же этого Поси пришел в этом пленении».[1] Взятый в плен отец Поси,

[1] Acta mm. ss. II, стр. 208.

а затем сам Поси жили в городе Бех-Шапуре. По «приказу царя» Поси имел в городе «базу» (ܒܐܙܐ), т. е. «контору», что указывает на известную его состоятельность. «Он взял женой персианку из того города», которую он обратил в христианство. Своих детей он «вырастил и воспитал» также в христианстве. Когда шаханшах Шапур II «построил город Карка де Ледан, он привел пленных с разных мест и поселил в нем».[1] Но этого было мало. Многовековой опыт персидского государства подсказал и другую меру. Шаху «показалось хорошим» смешать пленных с местным населением. Для этой цели «из всего народа, что в городах земель его державы», он приказал «перевести по тридцать или около того родов» в свой новый город и поселить их «среди них», т. е. среди пленных. Расчет был сделан на то, что пленные «смешаются» и «свяжутся» с их родами (ܙܒܢ̈ܐ). Смешанные браки должны были создать «привязанность», т. е. новые привязанности, близость к стране «пленения», нарушить стремление вернуться на родину, а также ослабить связь между военнопленными. При поселении их в новом городе они могли бы составить слишком большую и сплошную массу населения. Расселение среди пленных подданных Ирана должно было способствовать ассимиляции выведенных из империи пленных и тому, «чтобы им не легко было понемногу, путем бегства, удалиться в области, откуда их полонили».[2] «Так полагал Шапур по своим соображениям», добавляет автор жития, но «путем смешения пленных с народами» произошло другое, а именно христианство получило значительное распространение среди городского населения Ирана. Об этом свидетельствует целый ряд источников.

«Как и прочие роды из разных мест, которых привели и поселили в городе по приказу Шапура, сына Хормизда, так и из Бех-Шапура, города в Фарсе, приводили. Среди тех, что переселили из Бех-Шапура, был и блаженный Поси, его жена, его дети, его братья, его сестры, его домочадцы, их перевели и поселили в Карка де Ледан».[3] Переселение совершалось, следовательно, целым родом, так как, кроме жены и детей, упоминаются братья и сестры Поси, которые составляли с ним одну большую семью, в которой Поси был домовладыкой. Такая большая семья сообща обслуживала и ту «базу» (ܒܐܙܐ), о которой источник сообщил в приведенных выше словах. Известное благосостояние Поси можно отметить и на основании того, что у него были домочадцы, «люди его дома» (ܒܢܝ ܒܝܬܐ), которых

[1] Acta mm. ss. II, стр. 209.
[2] Acta mm. ss. II, стр. 209.
[3] Acta mm. ss. II, стр. 209.

переселили с ним вместе. Это могли быть люди, не только обслуживавшие его дом, но и подручные работники его ремесла.

Поси был ткачом и при этом «превосходным ремесленником», его главной специальностью было изготовление парчи, шелка с золотом (ܒܘܪܟܝ ܩܘܡ ܫܒܚ ܩܘܣܛܐ ܩܛܝܦ̈ܐ).

Рис. 8. Сосуд (Эрмитаж).

В сирийском употреблено известное греческое слово «метакса», т. е. «шелк-сырец» и золото. Он вырабатывал «украшенные», т. е. узорчатые, с рисунком и украшениями, ткани.

Шапур собрал ремесленников всяких, из «пленных» и «из своей страны», к числу которых принадлежал и Поси. Шаханшах собрал их для своих собственных дворцовых мастерских, так

как источник сообщает, что «мастерские (ܒܝܬ ܥܒܕܐ) он поставил им около своего дворца в Карка де Ледан».[1]

Одним из важнейших вопросов и чрезвычайно неясных в раннем средневековье является вопрос об организации ремесла. То, что в Иране ремесленники были организованы в своего рода корпорации или цехи, отмечалось нами в другой работе на основании подписей старшин разных ремесел под актами несторианских соборов.[2] Во главе отдельных отраслей ремесел были старосты, старшины или главы (сирийское ܪܫ и ܪܒ). Известно, на какой значительной высоте в Иране находилось изготовление всякого рода металлических изделий; неудивительно поэтому, что встречаются «старшина серебряников», «глава ювелиров», «глава» занятых работой над свинцом и другими металлами.[3] Подписи этих лиц под деяниями соборов указывают на то, что представители корпораций были видными, богатыми и пользовавшимися влиянием в своем городе и государстве людьми. В арабское время в Иране, как и в византийских городах, люди одной профессии селились обычно в определенном квартале. Нет сомнения, что города Ирана эпохи халифата и в этом случае мало отступали от того устройства городов, которое было в предшествующий период.

К числу корпораций принадлежал и цех торговцев. Под актами собора VI в. встречается имя Камизида бар мар Шемона «торговца». Особенно интересна подпись другого лица, перса, по имени Михробузида бар Гурии, который подписался в качестве «старшины торговцев» (ܪܒ ܕܡ ܙܒܢ). Звание старшины встречается и в приведенных выше наименованиях старших или глав ремесленников. Под актами собора 544 г., созванного при патриархе мар Абе I, подписался «начальник ремесленников» или их глава, персидское звание его — ܐܣܦܗܒܕ — приведено в сирийской транскрипции.[4] Каругбед был главой ремесленников, возглавлял их цехи и представлял их перед шахом. Таким образом, «старшины» ремесленников и торговцев «управляли» ими, а над всеми ними стоял «начальник» или «господин ремесленников». Последний как чиновник занимал уже выдающееся положение в государстве. В связи с этими данными и сведения о Поси получают живой и отчетливый характер. Организация ремесленников в соответствии с их профессией, по

[1] Acta mm. ss. II, стр. 209.

[2] Н. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв., стр. 228—229.

[3] Synodicon Orientale. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, vol. 37, Paris, 1905, стр. 79—80.

[4] Synodicon Orientale, стр. 79.

производственному признаку, приобретает еще бо́льшую определенность.

Шапур из собранных им ремесленников в Карка де Ледан составил «одно собрание», т. е. они составили как бы одну единицу управления со своим старшиной или главой.[1] Автор подчеркивает этот факт, так как, очевидно, каждое ремесло состав-

Рис. 9. Серебряное блюдо (Эрмитаж).

ляло свое «собрание», т. е. имело отдельную организацию; здесь же она объединяла всех ремесленников с многими разделами или видами ремесла.

Сирийское «собрание» (ܟܢܘܫܐ) встречается обычно как понятие собрания людей, их известного единства, организации, самоуправляющейся единицы. «Собрание» составляла и высшая сирийская школа; этим подчеркивалось, что она не является

[1] Acta mm. ss. II, стр. 210.

случайным сборищем людей, а некой организацией, ей должен был быть представлен новый член, она могла вывести недостойного члена из своего состава. «Собрание» школы пользовалось правом выбирать лицо, которое руководило всей хозяйственной жизнью школы, своего майордома.[1]

Не случайно названа «собранием» и организация ремесленников; она, очевидно, выбирала своего главу или старшину. В Карка де Ледан ремесленники различных профессий составили одно «собрание», в связи с тем что это были ремесленники царского двора.[2] Их мастерские располагались у дворца Шапура II, а не в городе или в отдельных его кварталах. О том, как селились ремесленники, достаточно отчетливо говорят названия улиц города, сообщаемые хроникой Карки де бет Селох. Улицы носили названия ремесел, мастерские, которых размещались на них. Источник говорит, что Шапур «сделал» собранных им ремесленников «одним собранием многих разделов» (ܟܢܘܫܐ ܚܕ ܕܟܬ̈ܝ̈ܐ ܕܥ̈ܡ̈ܡ̈ܐ ܣܓ̈ܝ̈ܐ). Сирийское слово «тегма» (ܬܟܣܐ) есть транскрипция греческого τάγμα и означает «раздел», «легион», как и «ранг», «класс». В одно «собрание» входили, следовательно, мастера различных видов ремесла, чего обычно не бывало в городах.

Поси как искусный ткач, превосходный мастер своего дела, «был прославлен перед царем», который оказывал ему «честь» и «постоянно делал ему много подарков». Через некоторое время шах «сделал его главой ремесленников, и изо дня в день возрастал человек и прославлялся».[3] Поси «возрастал», т. е. богател, и ему оказывали все больше чести, он стал главой ремесленников в Карка де Ледан и получал многочисленные подарки. Затем шах сделал его «главой ремесленников других областей своей державы».

Другой источник дает персидский термин, хорошо известный: он называет Пусика (Поси) каругбедом. Каругбед был уже чиновником, назначенным шахом, выполнял функции государственные. Выборное начало касалось, видимо, только звания «старшин» и возглавлявших цехи лиц. Один из источников дает возможность уяснить, что́ именно подразумевалось под званием каругбеда: «каругбед, что переводится держащий ремесленников царя» (ܟܪܘܓܒܕ ܗܘ ܐܚܝܕ ܥ̈ܡ̈ܡ̈ܐ ܕܡ̈ܠ̈ܟ̈ܐ ܟܪܘܓܒܕ).[4]

[1] Gli statuti della scuola di Nisibi, Giornale della Società Asiatica Italiana, v. 4. Roma, 1890, стр. 181—182.
[2] Acta mm. ss. II, стр. 210.
[3] Там же.
[4] Martyrium st. Simeoni: Patrologia Syriaca, t. II, 1, стлб. 774—775;. Narratio st. Simeoni: Patrologia Syriaca, t. II, 1, стлб. 954.

О Поси (Пусай) говорится так: «Пусай каругбед, что является званием главы ремесленников» (ܦܘܣܝ ܟܪܘܓܒܕ ܕܗܘ ܫܡܗ ܪܫ ܥ̈ܡ̈ܡ̈ܐ).[1]

Звание каругбеда было связано с инспектированием мастерских в других городах Ирана. «Немного дней спустя, после того как он получил от царя должность чести, ему было приказано царем отправиться, чтобы посетить ремесленников, что были в городе Шадбор, называемом по-арамейски Рама».[2]

Таким образом, звание каругбеда, «господина работ» или «начальника ремесленников»,[3] в IV в. было дано Поси, который был христианином; таковым был и Вардаяб, подписавшийся под деяниями несторианского собора 544 г. Это указывает на значительное место, которое заняли в городах ремесленники-христиане, сирийцы и персы, говорившие по-сирийски.

ТЕКСТИЛЬНОЕ РЕМЕСЛО

Вопрос о развитии производительных сил является одним из наиболее важных и решающих для истории. В процессе оживления и образования городов в Междуречьи и Иране появление новых видов ремесел, отделение их друг от друга, несомненно, играло значительную роль. Подобное расширение ремесла, повышение спроса на предметы их производства привели к другому явлению — усовершенствованию орудий труда. Изменение техники ремесла для такого отдаленного периода прослеживается с очень большим трудом, мы не имеем необходимых памятников материальной культуры, а если они имеются, то датировка их крайне неопределенная, и базировать на ней те или иные выводы можно лишь с большой осторожностью. Поэтому всякая возможность наметить моменты изменения техники производства представляет большой интерес и должна быть использована.

Особенно широкое распространение шелка в Средиземноморском бассейне относится к III—IV вв. и сохраняется в средневековый период. Еще в I в. н. э. был освоен новый северный путь из Китая. Наличие шелка в Римской империи засвидетельствовано Плинием Старшим для того же I в. н. э., Плинию Старшему было известно, что шелк производят китайцы, серы (seres). С этим привозным товаром римским женщинам («feminis hostris») достается «двойной труд» («geminus... labor») — «развивать нить и вновь ткать» («redordiendi fila rursumque texendi»).[4] Повидимому, Плиний имеет в виду необходимость

[1] Patrologia Syriaca, t. II, 1, стлб. 782.
[2] Acta mm. ss. II, стр. 210.
[3] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 240, 502.
[4] Plinius. Historia naturalis, VI, 20, 2 (= VI, 54).

развить нить шелка-сырца, метаксы, которая доставлялась от китайцев. И весь этот труд производится, по его мнению, для того, чтобы матрона публично блистала в новом туалете. Тому же автору известно, что шелк вырабатывается червем, и он добавляет: «Ткани, называемые бомбициной, наподобие пауков ткут для платья и женской роскоши».[1] Таким образом, автор «Естественной истории» считает, что шелк получался в Римской империи из Китая. Что касается изготовления шелковых тканей в империи, то это явствует из выражения Плиния относительно двойного труда, выпадающего на долю «наших женщин». Однако очевидно, что в его время шелковые одежды были предметом роскоши, доступной немногим.

В раннем средневековье шелк стал сравнительно более распространенным, но все же дорогим и изысканным товаром, как об этом свидетельствует в IV в. Аммиан Марцеллин: «Seres. . . conficiunt sericum, ad usus antehac nobilium, nunc etiam infimorum sine ulla discretione proficiens»[2] — «Китайцы. . . производят шелк, в прошлом для употребления знати, ныне же он используется без всякого различия и недостаточными». Такое указание на сравнительно более широкое распространение шелка и в менее состоятельной среде указывает на то, что он сделался более доступным. Так как разведение шелковичного червя и, следовательно, получение сырья в областях Византии относится лишь к VI в., это свидетельство авторитетного писателя следует отнести за счет усовершенствования способа производства шелка, что и могло привести к его удешевлению. Согласное свидетельство письменных и археологических источников указывало на расцвет ткацких мастерских, изготовлявших шелковые ткани. Если охотно приобретались готовые шелковые ткани и одежды (vestis serica vel subserica),[3] то еще больше требовалось шелка-сырца (metaxa), обработка, окраска и украшение которого производились в соответствии со вкусом и требованиями византийского потребителя.

Имеется свидетельство того же Плиния Старшего о применении многониточного станка, хотя слова его не вполне ясны: «Plurimis vero liciis texere quae polymita appellant Alexandria instituit.[4] Нет полной ясности, что́ именно подразумевать под выражением «polymita». Слово μίτος, μίτα и в настоящее время на острове Крите обозначает ремизы. Возможно, что

[1] Plinius. Historia naturalis, XI, 26, 1 (= XI, 76).
[2] Ammianus Marcellinus. Historia, XXIII, 6, 57, ed. Teubner.
[3] Codex Theodosianus, L, 16, § 7. D. de publicanis, 39, 4.
[4] Plinius. Historia naturalis, VIII, 14, 2 (= VIII, 196).

Плиний имел в виду введение многониточного станка со многими ремизами (with many heddles).[1]

Археологическим свидетельством о наличии шелка в областях, принадлежащих империи, являются шелковые ткани, найденные в Египте в погребениях Антиной IV в. н. э. Рисунки этих тканей указывают на то, что это местные изделия, так как на них вытканы изображения, встречающиеся на древних греческих вазах, и типичные мотивы африканской флоры и фауны.[2]

В начале V в. в Александрии была гинекея, т. е. императорская мастерская, в которой ткали шелковые ткани, как в гинекеях Константинополя, Кизика и Карфагена. «Itinerarium Antonini Placentini», памятник VI в., упоминает об общественных ткацких мастерских, в которых изготовлялись разного рода ткани,[3] в том числе шелковые. В других центрах империи также были прядильные и ткацкие мастерские, перерабатывавшие шелк-сырец. Это производство особенно широко развилось в Сирии (Бейрут, Тир, Сидон), так как метакса доставлялась сюда и морем, из Индии и с Цейлона. Способствовал этому и тот факт, что именно Сирия была главным местом получения естественной пурпуровой краски.

Прокопий Кесарийский пишет: «Платья из шелка-сырца в Берите (Бейруте) и Тире, городах Финикии, выделывались издревле. Там издавна жили торговцы, хозяева мастерских и ремесленники, и отсюда товар распространялся по всей земле».[4]

Очень ранние сирийские источники сообщают об изготовлении шелковых тканей в Междуречьи. Так, в учении апостола Аддая, одном из древнейших памятников, известном еще Евсевию Кесарийскому, говорится об иудеях, торгующих шелком (ܣܪܝܩ̈ܐ).[5] Другим названием для шелка («sericum», σηρικός) было ܫܝܪ̈ܐ, ܫܝܪ̈ܬܐ, упоминаемое в том же памятнике: «Агей, который изготовлял шелка и повязки царя». Повязки были тканые, тонкими с многочисленными украшениями.[6] Это же название шелка — šeraia — дает и Ефрем Сирин в толковании

[1] G. M. Crowfoot and J. Griffiths. Coptic textiles in two-faces weave with pattern in reverse. Journal of Egyptian Archeology, 25, 1, 1939, стр. 47.
[2] Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 86—88.
[3] Antonini Placentini Itinerarium seculo sexti exeunte scriptum recensuit, vertit, notis mustravit J. Pomialovsky. Православный палестинский сборник, вып. 39. СПб., 1895, стр. 2.
[4] Procopius Caesariensis. Historia arcana, cap. 25, Ed. J. Haury. Berlin, 1905, v. III, стр. 155.
[5] C. Brockelmann. Lexicon syriacum, стр. 730. — W. Cureton. Ancient syriac documents. London, 1864, text, стр. 14. — G. Phillips. The doctrine of Addai. London, 1876, стр. 34.
[6] W. Cureton. Ancient syriac documents, text, стр. 14; notes, стр. 157.

на пророка Исайю.[1] В 47-м гимне о вере тот же Ефрем называет рядом «ярмы и изготовления» (ܪܟܒ̈ܐ ܥܒ̈ܕ̈ܐ) во множественном числе, что дало основание переводчику XVIII в. перевести их как «aratorum textorumque juga». Термин «rukaba» следует перевести как «составление», «изготовление», «сопоставление», что понималось как «ткань» или «материя».[2] Ефрем приводит наряду с этим «работу ремесленников» (ܥܒ̈ܕ̈ܐ ܕܐܘܡ̈ܢ̈ܐ) и ряд других специальностей как «соображения мудрецов» и затем говорит, что «умеющим это [выполнять] легко, но тяжко невеждам» (ܟܠ̈ܝ ܠܡ̈ܠܐ ܕܐܘܡ̈ܢ̈ܐ ܠܡ̈ܠܐ ܕܥܒ̈ܕ̈ܐ).[3] Ремесло, как и умение считать, требовало знаний и навыков, в том числе и умение ткать.

Центром текстильного производства в Иране в раннее средневековье была провинция Хузистан, расположенная на юг от Мидии и на восток от нижней Месопотамии, по реке Каруну с ее многочисленными притоками. На восток от Хузистана и вдоль Персидского залива находился Фарс, древняя Персида. Благодаря ирригационной сети Хузистан был чрезвычайно плодороден и богат. Одним из важнейших продуктов, поставлявшихся из Хузистана, был сахар, так как там в обилии произрастал сахарный тростник. Главными городами Хузистана были Шуштер (Тустар) и Ахваз, которые являлись в то же время центрами ткацкого ремесла. В 260 г. шах Шапур I из победоносной кампании на запад привел огромное количество военнопленных, в их числе был и император Валериан. На Каруне (или Малом Тигре) римлянами была построена плотина у Шуштера, которая отвела часть вод от города и дала возможность оросить местность для земледелия. Эта постройка римских инженеров вызывала в течение веков восторженные отзывы. Город был окружен садами, где созревали всевозможные фрукты. Летом там стояла сильная жара.[4]

Текстильные изделия Ближнего Востока представляют существенный материал для некоторых исследований. Рисунок и красочная расцветка помогают с достаточной точностью локализовать происхождение того или другого материала. Так как многие ткани были найдены в могилах, курганах и различных захоронениях, то для них могут быть даны хронологические рамки. Особенно большое значение имели ткани, найденные в раскопках Антиной, так как сухой климат Египта прекрасно сохранил ткани. Другим существенным звеном в исследовании тканей было открытие некрополя в Пальмире, который с уверенностью может быть отнесен ко времени до 272 г., года разрушения столицы Одейната и Зинобии. Из других находок следует также отметить те, которые были сделаны на «шелковой дороге» особенно в Лулане, Астане, в курганах, вскрытых экспедициями Козлова в Монголии в Хара-Хото, в Ноин-Уле. Как шерстяные, так и шелковые ткани стали предметом тщательного технологического анализа, микроскопических исследований, и полученные результаты имеют несомненный интерес. Несмотря на это наиболее острые, основные вопросы техники производства длительно оставались в тени и не привлекались для рассмотрения исторических явлений.

[1] Ephraem Syrus. Opera omnia, t. II. Roma, 1740, стр. 43.
[2] Там же, t. III, стр. 86. — Payne-Smith. Syriac dictionary, стр. 534.
[3] Ephraem Syrus. Opera omnia, t. III, стр. 85.
[4] G. Le Strange. The lands of the eastern Caliphate. Cambridge, 1930, стр. 6, 232, 234—235.

Города Ахваз и Шуштер (Тустар) славились производством дорогих шелковых тканей и в арабское время. Развитие ремесла в городах этой богатой провинции Ирана относится еще к временам первых шахов сасанидской династии, к III—IV вв. н. э. Исследование тканей, получивших условное название «сасанидских», началось давно. Еще в конце прошлого века привлекли внимание куски шелковых тканей, которыми были отделаны туники, найденные в Антиное. «Персидский рисунок» их решал вопрос о их иранском происхождении. Эта точка зрения Гайе (A. Gayet) была затем поддержана Гюйме (E. Guimet), также считавшим их привозными, персидскими тканями. Другая точка зрения была развита в трудах Фальке, посвященных истории шелковых тканей. Он отнес часть шелков к числу выделанных на месте, в Антиное.[1] По характеру рисунков другая группа тканей была им отнесена к числу выделанных в Хузистане. Эта точка зрения была принята и Херфельдом, считавшим, что текстильное производство в Иране развилось под влиянием греческого, но пришедшего не с Запада, как думал Фальке, а с Востока, из эллинистической Бактрии. Тот же Херфельд пытался датировать эти ткани, относя «греческие» к III—началу IV в., смешанного, греко-персидского стиля — к 350—500 гг., «сасанидские» имели, по его мнению, распространение с VI до IX в.[2] О греческом влиянии на искусство Ирана подробно писали Блоше и др.

Последовательно, в ряде специальных работ Пфистер стал развивать другую точку зрения, причем базой для его умозаключений явились не только рисунки на тканях, но и технологическое их изучение. С общими выводами Пфистера не всегда можно согласиться, но проделанный им анализ техники изготовления тканей имеет существенное значение.

Шелковые ткани Антиной являются, по определению Пфистера, саржей (la serge), простейший вид которой имеет следу-

[1] O. Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1913; 2 Aufl., 1921.
[2] E. Herzfeld. Die Maleréien von Samarra. Berlin, 1927, стр. 67.

ющую особенность. Нити утока, чередуясь при прохождении, пропускают 2 нити основы, так что одно и то же положение повторяют нити 1-я, 4-я и 7-я, 2-я, 5-я и 8-я и т. д., через две нити. Благодаря такому расположению нитей получается рисунок диагональю, такой тип ткани принято называть саржей или репсом. Это так называемое кипорное тканье. Для узорчатых тканей саржа явилась удобной формой текстиля.

По такому типу изготовлялись шелка и в Китае, а именно — ткани, открытые в Лулане экспедицией А. Стейна, вытканы так, что уток проходит над тремя нитями основы, но чередуются лишь две нити, так что 1-я и 3-я, 2-я и 4-я имеют одно и то же положение (А). Таким образом, принцип тканья здесь тот же, что и в сарже, и это очевидно из прилагаемых чертежей. Ткани, найденные Козловым (В) вытканы так же: уток проходит над тремя нитями основы, но в этом случае эти две чередующиеся нити утока дают более симметричный рисунок. Принцип работы и в этом случае остается тот же. Луланские ткани относятся ко времени династии Хань — I—II вв. н. э.; к началу нашей эры следует отнести ткани, найденные Козловым. Вероятно, это был обычный для того времени характер китайского тканья. Китайскую саржу Стейн нашел в Астане и отнес ее к VI в., причем он пришел к выводу, что саржа не принадлежала к тканям, впервые выработанным в Китае, а была западной (по отношению к Небесной империи) обработкой шерстяных тканей, изготовленных в долине реки Тарим. Эта обработка была затем применена китайскими ткачами.[1]

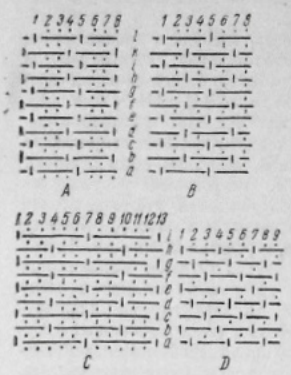

Рис. 10. Схемы тканья.

Далее Пфистер остановился на особенностях некоторых тканей из Антиноя, их рисунки ближневосточного типа он считает месопотамскими.[2] Автор приводит образец сасанидской ткани (С, Д), в которой нить утока проходит над пятью нитями основы на лицевой стороне по типу китайских тканей.

Проделанная Пфистером работа привела его в 1932 г. к выводу, что изготовление саржи было впервые изобретено в Сирии и Месопотамии, где таким путем обрабатывали шерсть. Умение изготовлять такого рода ткань и побудило будто бы Шапура I взять арамейских ткачей в Сузиану после взятия

[1] R. Pfister. Les premières soies sassanides. Etudes d'orientalisme, publiées par le Musée Guimet à mémoire se Raymonde Linossier, t. II. Paris, 1932, стр. 466—468.

[2] Там же, стр. 472.

Рис. 11. Ткань, окрашенная в голубой, зеленый и кремовый цвета (Эрмитаж).

Антиохии в 260 г.[1] Выводы Пфистера совпали с точкой зрения Стейна. Конечно, и до этого времени в Персиде было развито ткацкое производство, сырьем для которого служили как шерсть, так и шелк, что способствовало сохранению персидских рисунков и их традиции.

Следует отметить фактическую ошибку в изложении Пфистера, а именно не шах Шапур II переселил ремесленников, а шах Шапур I, захватив вообще большое число пленных в ромейских

[1] R. Pfister. Les premières soies sassanides, стр. 473.

провинциях. О переселении им специально ткачей сведений в источниках нет. У более поздних авторов встречается смешение двух шахов в одно лицо и времени Шапура I приписываются факты, имевшие место веком позднее.

Исследование некоторых пальмирских тканей из шерсти и шелка имели очень существенное значение для дальнейших выводов. К числу этих тканей принадлежат L 43 и L 44 из серии новых пальмирских текстилей, исследованных Пфистером. L 43 окрашена натуральным пурпуром, что свидетельствует о ее местном, сирийском происхождении. Эта ткань, изготовленная в виде саржи, настолько плотная, что под утоком совершенно скрыта основа. Нити основы и утока имеют сильное правое кручение. Самая шерсть очень тонкая, и эта ткань высокого качества. L 44, окрашенная в темнокоричневый цвет, по характеру тканья подобна предшествующей, ее нити также скручены направо.[1] Из числа шелков обращает на себя внимание ткань S 38 с относительно сложным рисунком саржи, который «хотя и не требует механического станка (métier à la tire), но для которого необходимо 8 бёдр (lames) и 8 подножек (marches)». В качестве утока в этой ткани употребляется тонкая шерсть, окрашенная естественным пурпуром, что является одним из признаков ее местного производства. Этому отвечает и характер тканья в виде саржи.[2] В противоположность шелкам неоспоримо китайского происхождения эта саржа с рисунками в виде шашечек и ромбов и по самому характеру ткани принадлежит к числу местных, сирийских. Рисунок образуется не только утоком, но и основой, что не имеет соответствия в китайских шелках времени династии Хань; зато вид этой шелковой ткани как нельзя лучше соответствует характеру шерстяных тканей той же Пальмиры L 43 и L 44. Нити шелка этой ткани совершенно не скручены, что, вероятно, следует отнести за счет того, что нити шелка, полученного из Китая, были шелком-сырцом, который являлся очень плотным.[3] Другая пальмирская ткань из голубого и золотисто-желтого шелка, принадлежащая по своему характеру к саржам, имеет нити, окрашенные натуральным пурпуром, также несомненно сирийского происхождения.[4]

В этой связи, поддерживая точку зрения Стейна и Эндрьюса, Пфистер приходит к выводу, что саржу в Китае в эпоху Хань ткать не умели и что найденные в Лулане в Туркестане шерстяные ткани в виде саржи, т. е. кипорного тканья, по происхождению своему западные, в конечном счете из Сирии, где изготовление шерстяных тканей достигло большого совершенства и где встречаются ткани точно такого же типа.[1]

Но тот же автор в том же труде отмечает особенности одного из шелков из Дуры, который по характеру отвечает двуцветным шелкам из Лулана. Рисунок наружной и оборотной сторон точно повторяется, различаясь только по обратным цветам. Как и в других китайских шелках, рисунок выполнен как нитями основы, так и утока, что отвечает его, повидимому, китайскому происхождению.[2]

Тогда же было обращено внимание на направление кручения. В Пальмире тонкие нити шерсти, окрашенные естественным пурпуром, кручены направо, что отвечает обычному кручению в Центральной Азии. Если китайский шелк скручен, то он скручен также направо. Но встречаются шерстяные нити и левого кручения, но окрашенные в другой цвет.[3]

Существенные дополнения в анализ текстиля были внесены работой о двусторонних коптских тканях.[4] Это шерстяные ткани с рисунком на лицевой стороне, который повторяется на обратной с той разницей, что на левой стороне цвет фона дает рисунок, а цвет рисунка — фон, т. е. белый рисунок на голубом фоне лицевой стороны дает голубой рисунок на белом фоне на обратной стороне ткани.

Рисунки этих тканей простые, это — прямоугольники, квадраты, восьмиугольники, ромбы. Рисунок основной не выполняется, в нем участвуют только чередующиеся нити утока. Тканье не очень сложное, с 4 ремизами. По лицевой стороне рисунок дается утоком, он покрывает три нити основы, в то время как ненужный уток покрывает только одну нить. Две цветные нити, которые пропускаются по основе, ткут рисунок как на лицевой, так и на оборотной стороне, различаясь лишь по цвету. Голубая нить лицевого рисунка спрятана под белой нитью, которая выполняет тот же рисунок на оборотной стороне. На диаграммах это становится особенно ясным.[5] Такого рода тканье допускает и несравненно более сложные рисунки. Широко распространен в такого рода тканях рисунок из восьмиугольников, который хорошо известен и на византийских мозаиках, как, например, в церкви 332 г. в Вифлееме.

Существенное значение имеют выводы авторов исследования о технике, с помощью которой могли быть изготовлены эти

[1] R. Pfister. Nouveaux textiles de Palmyre. Paris, 1937, стр. 24—25, табл. VIa, VIb.

[2] Там же, стр. 35. Естественная пурпурная краска добывалась из морских моллюсков в приморских городах Сирии, в частности в Тире и Сидоне.

[3] Там же, стр. 35.

[4] Там же, стр. 36, 37.

[1] Там же, стр. 36.

[2] Там же, стр. 38—39.

[3] Там же, стр. 41.

[4] G. M. Crowfoot and J. Griffiths. Coptic textiles in twofaced weave with pattern in reverse, стр. 40—47.

[5] Там же, стр. 42—43.

ткани Египта. Простота некоторых рисунков двусторонних тканей может привести к мысли, что их можно было выделывать на примитивном горизонтальном ткацком станке двенадцатой династии, на вертикальном станке девятнадцатой династии или на эллинистическом станке. Все три вида станков были распространены в Египте. Но против того, что эта ткань выделывалась на примитивном станке, говорит тот факт, что встречаются очень сложные рисунки, которые при этом повторяются на ткани систематически и совершенно точно. Таким же аргументом является и большая ширина ткани до 85 см. Все это свидетельствует о том, что в распоряжении ткачей должно было быть более сложное орудие производства.

Исходя из этого, Кроуфут и Гриффитс предположили, что для этих изделий был необходим более сложный ткацкий станок, горизонтальный с педалями (with treadles), потому что только в этом случае могло быть применено специальное приспособление, что делало станок механическим (a draw-loom). Увеличение числа ремизов без их контроля педалями не может осуществляться, так как оно не приведет к необходимым результатам. Такой же усовершенствованный станок давал возможность точно повторять сложные рисунки, то чего невозможно было достичь примитивной техникой простого ткацкого станка.

«Эти соображения приводят нас к мысли, что двусторонний текстиль был вытканн на горизонтальном ткацком станке с педалями», — говорят авторы,[1] подразумевая под двусторонним текстилем текстиль с одинаковыми изображениями на лицевой и оборотной сторонах ткани. Древнейшими образцами такого текстиля являются ткани, служившие подушками для изголовья мумий в Антиное и относящиеся ко II—III вв. н. э. Таковы и фрагменты ткани из Хавариса, хранящиеся в Музее Южного Кенсингтона и относящиеся к IV в. н. э. На протяжении этого времени следует предположить известное развитие техники.

Решить вопрос относительно происхождения этих двусторонних тканей со сложным рисунком до настоящего времени не удавалось. По мнению одних, эти ткани IV в. привозные, по мнению других — местные, египетские.[2] Кроуфут и Гриффитс обратили внимание на направление кручения нити. Нити древнего Египта имеют обычно левое кручение. То же левое кручение имеют нити и современного Египта и Судана, где до настоящего времени в употребления ручное веретено.[3] В шерстяных тканях, найденных при раскопках в Пальмире, Пфистер обнаружил, что нити были скручены направо.[1] Этот способ кручения существует и до настоящего времени в Пальмире, Трансиордании и у племени Бени-Гасан.

[1] G. M. Crowfoot and J. Griffiths. Coptic textiles in twofaced weave with pattern in reverse, стр. 46.
[2] Там же, стр. 47.
[3] Там же.

Упомянутые исследовательницы обнаружили в трех образчиках из Музея Южного Кенсингтона (текстиль-2 с геометрическим рисунком, приведенный ими, и две ткани с восьмиугольниками и птицами) левое кручение нити, условно обозначаемое буквой «S», тогда как текстиль-1 с квадратами имеет левое кручение основы и правое кручение утока, условно обозначаемое буквой «Z». Они не сочли возможным сделать из этих немногочисленных примеров окончательного вывода, тем более что оба вида текстиля (1-й и 2-й), по мнению исследовавших их, выработаны одним и тем же способом, с четырьмя ремизными нитями (heddles). Во всяком случае для текстиля-1 можно предположить, что левое, более примитивное, кручение основы указывает на ее местное изготовление, а правое кручение утока следует отнести за счет того, что нить была не местной, а привозной, или что уток был выделан на более усовершенствованном веретене. Исследовательницы коптских тканей Эрмитажа на основании трудов Пфистера указывают на различие в кручении нити в Египте и Передней Азии.[2] Более определенных данных о времени появления текстильного станка с педалями, при котором в выполнении трудового процесса стала принимать участие нога, нет.

К сожалению, текст Плиния Старшего, относящийся к I в. н. э. недостаточно ясен. Что именно подразумевается под словом «polymita» неизвестно. Возможно, что это многониточный станок, со многими ремизами и что Плиний имел в виду введение усовершенствованного станка со многими ремизами[3] и с ножными педалями.

В подтверждение того, что в Египте в первых веках новой эры существовал более сложный ткацкий станок, следует привести данные некоторых греческих папирусов. Из них известно, что ткач выполнял свою работу стоя (ὀρθόστος),[4] следовательно на станке, не требовавшем участия в работе ноги ремесленника. Наряду с этим засвидетельствовано употребление станков более сложного характера, работа на которых

[1] R. Pfister. Textiles de Palmyra. Paris, 1933, стр. 38; Nouveaux Textiles de Palmyra, стр. 39.
[2] М. Матье и К. Лянунова. Художественные ткани коптского Египта. М., 1951, стр. 25—82.
[3] Plinius. Naturalis historia, VIII, 14, 2 (= VIII, 196). — G. M. Crowfoot and J. Griffiths. Coptic textiles in twofaced weave with pattern in reverse, стр. 47.
[4] B. P. Grenfell and A. S. Hunt. New classical and other greec and latin Papyri. 1897. Папирус 79.1.3.

производилась сидя, благодаря чему высвобождались ноги ткача.

Греческий папирус № 37 из коллекции Фуада I является договором, заключенным по поводу обучения мальчика ремеслу ткача, работающего в сидячем положении (τὴν λινυφικὴν τῶν καθημένων τέχνην — «искусству выделки льна сидя»).[1]

Изучая материалы текстиля со времени господства арабов и до монгольского завоевания, Сержан отметил то большое значение, которое имела провинция Хузистан как центр производства мануфактуры. Шуштер (Сустер, Тустар) был особенно широко известен и играл важную роль в торговле между Китаем и Передней Азией. Это положение было приобретено Шуштером в предшествующий период. По мнению Сержана, развитие ткацкого ремесла следует приписать влиянию византийских пленных, которые были сюда вывезены. Византийскому влиянию он приписывает и развитие текстильного ремесла в Египте.[2] Таким образом, для этого автора влияние Византии на развитие текстиля в Иране является несомненным.

Между тем Пфистер, продолжая работать над различными образцами текстиля III и IV вв., пришел к другим предположениям, согласиться с которыми трудно.

В Антиное найдены мумии, под головами которых находились подушки, они были набиты перьями, часть из них еще сохранилась. Шерстяная ткань этих подушек привлекла к себе внимание Пфистера. Образцы трех тканей хранятся в Musée Guimet и по характеру рисунка Гайе считал их иранскими, что Пфистер подтверждает также на основании других доводов.

Рисунок этого крупного и грубого тканья точно повторяется несколько раз подряд. Как и на упомянутых выше тканях, изученных Кроуфут и Гриффитс, каждый уток проходит от кромки до кромки и расцветка лицевой стороны в оборотном виде повторяется на оборотной стороне. Кайма из белой шерсти имеет рисунок ромбами. Особенно следует отметить то, что совершенно одинаковые рисунки точно повторяются.[3] Рисунки не только геометрические, встречается и стилизованный орнамент. В такого рода ткани нить повторяет свой путь через три нити на четвертую. В этом случае 1-я нить повторяется 5-й и 9-й, а 2-я повторяется 6-й и 10-й нитями. Основа ткани

[1] P. Jouguet. Les papyrus Fouad I, 1939, папирус № 39 (см.: M. J. Rostovtzeff. The social and economic history of the hellenistic World, t. III, стр. 1624).

[2] R. B. Serjeant. Material for a history of islamic textiles up to the Mongol Conquest. Ars Islamica, X, 1943, стр. 71.

[3] R. Pfister. Le rôle de l'Iran dans les textiles d'Antinoé. Ars Islamica, vv. XIII—XIV, 1948, стр. 46—47 и рис. 50 и 51.

очень сильно скручена, уток скручен несколько слабее. Все нити имеют правое кручение (Z).[1] Особое значение повторяющегося рисунка в том, что это механическое повторение, впрочем оно встречается и в китайском шелке, привезенном в Пальмиру в II в. н. э. или во всяком случае до 272 г., года ее разрушения. Датой появления тканей с механическим повторением рисунка на Ближнем Востоке Пфистер считает III в. н. э.[2] По его мнению, не ромейские военнопленные привезли с собой в Иран новые способы тканья текстиля в III и IV вв., а что он происходит из Китая, а шахи Шапур I и Шапур II широко ввели его в употребление. До 300 г. в Антиное этого усовершенствованного ткацкого станка (le métier à la tire) не было, он был специальным достоянием Ирана.[3] Изготовление дибаджа сложного по рисунку не было привезено пленными из империи в Хузистан. Самое слово «дибадж» персидское, и арамейцы были только искусными ткачами, но не они дали это новое изобретение. Однако эти предположения не имеют опоры в фактах. Раскопки в Пальмире показывают, что в Сирии умели изготовлять саржу (la serge) и ткали шелк в III в. н. э., как это видно из наличия сирийских шелковых тканей в Пальмире. Это говорит о том, что здесь знали кипорное тканье. В Египет так называемые сасанидские ткани могли попадать и попадали из Сирии. Явно спутаны сведения о двух Шапурах и в III в. н. э. переносятся факты известные относительно времени Шапура II. Наконец, не приняты во внимание сведения и свидетельства сирийских источников. Если плотина на р. Каруне, у Шуштера, и была построена ромейскими пленными, захваченными Шапуром I во время его кампании против Рима, что хорошо известно, то во всяком случае нельзя считать это аргументом в пользу того, что и переселение арамейцев-ткачей следует отнести к тому же времени. Главным аргументом в пользу своего предположения Пфистер считает то, что археологические материалы из Пальмиры и Антиноя относятся ко времени до IV в. Пальмира была разрушена в 272 г., что касается Антиноя, то три упомянутые выше подушки иранского тканья были найдены в квартале, где находились и гипсовые маски умерших, изготовление которых не выходит за 300 г.[4] Для таких тканей был нужен усовершенствованный ткацкий станок (métier à la tire), и он имелся только в Иране. Иран доставлял шелк, которого не имели другие государства Ближнего Востока. Использовав свое выгодное положение на «шелковой дороге», Иран к началу III в. будто бы смог поставить

[1] Там же, стр. 48.

[2] Там же, стр. 49.

[3] Там же, стр. 66, прим. 112.

[4] Там же.

ткачей Сузианы в особо благоприятные условия, введя заимствованный у китайцев усовершенствованный ткацкий станок.

В употреблении в Иране был и тонкий козлиный пух, который отрастает у коз к зиме и спадает весной, когда его можно просто счесывать гребнем.[1] Для названия такой шерсти имел хождение термин «buzasm = buz-pasm» — «шерсть козы», как это было указано Бенвенистом.[2] Шерсть примешивали к шелку, что облегчало его окраску.[3] Нельзя считать доказательством в пользу иранского происхождения некоторых тканей то, что в Египте было известно только левое кручение — la torsion gauche (S). Все же упомянутые ткани из Антиноя (одежда, подушки, ткань из нитей с пухом козы) имеют более сложное кручение, правое (Z).[4] На характер кручения нитей обратили внимание Кроуфут и Гриффите. Более сложное правое кручение они считают сирийским обычаем, как это было отмечено на основании пальмирского текстиля.[5]

Как видно из приведенных выше данных, точка зрения Пфистера менялась на протяжении лет.[6] В своей работе, изданной в 1932 г., он сам стоял на той точке зрения, что изготовление саржи, т. е. ткани с диагональю, так называемое кипорное тканье, было изобретено «на западе, в Сирии или Месопотамии, где оно было приспособлено для изготовления шерстяной ткани».[7] Он ссылается на Стейна, считавшего, что первые образцы саржи, появившиеся в Китае, были шерстяными тканями с «западными рисунками», изделиями, которые Стейн относил к бассейну р. Тарим. Умение изготовлять саржу и побудило шахов перевести арамейских ткачей в Сузиану. И в 1948 г. Пфистер не отрицает искусства сирийских ткачей, но сводит его к изготовлению простой саржи на примитивном станке (un métier simple).[8]

Только в своих позднейших работах тот же автор высказал предположение, что употребление сложного станка распространялось с востока, из Китая на запад, через Иран в области Средиземноморья. С этим предположением, однако, трудно согласиться и не только потому, что производство и изготовление шелка тщательно оберегалось и составляло тайну Небесной империи. О том, сколько хитроумия надо было, чтобы овладеть ею, свидетельствуют рассказы о внедрении шелководства в Хотане и в Византии. Нет никаких письменных свидетельств, которые позволили бы подтвердить предположение Пфистера, а археологические данные опровергают его.

[1] R. Pfister. Le rôle de l'Iran dans les textiles d'Antinoé, стр. 67—68.
[2] Там же, стр. 68.
[3] Там же, стр. 72, 74.
[4] Там же, стр. 67, 48.
[5] G. M. Crowfoot and J. Griffiths. Coptic textiles in two-faced weave with pattern in reverse, стр. 47.
[6] R. Pfister Textiles de Halibieh (Zenobia). Paris, 1951, стр. 41—42.
[7] R. Pfister. Les premières soies sassanides, стр. 472.
[8] R. Pfister. Le rôle de l'Iran dans les textiles d'Antinoé, стр. 66.

А. Стейн вопрос о кипорном тканье решал в пользу бассейна р. Тарим, где раньше, чем в Китае, таким способом выделывались шерстяные ткани, найденные в раскопках Лулана.[1] Кроме того, на основании превосходного археологического и документального материала тот же А. Стейн пришел к выводу, что «ширина шелка, вывозимого из Китая, не претерпела изменений между началом I в. хр. э. и III или началом IV в. хр. э.».[2] Найденные куски шелка на «средней дороге» из Китая на запад, между Дун Хуаном и северными оазисами Таримского бассейна, надписи и печати позволили ему прийти к этому выводу. Ширина китайского шелка составляла 22 китайских дюйма, что по его расчету равняется 50 сантиметрам, и она не изменилась со времени династии Хань до времени династии Синь.[3]

Этот факт имеет большое значение для данного вопроса, так как новая техника тканья и, следовательно, новый, более усовершенствованный ткацкий станок возникли на западе в I—III вв. н. э., как об этом свидетельствует текст Плиния Старшего и ткани из Пальмиры и Антиноя. К тому же ширина тканей Средиземноморского бассейна составляет около 85 см, а китайской — около 50 см. И это является указанием на то, что китайская выделка шла на менее механизированном орудии.

Археологические данные свидетельствуют о том, что текстиль III в. н. э. из Пальмиры и Антиноя был выткан на станке с применением педалей. Это усовершенствование давало возможность ввести в работу ноги. В Египет ткани, выработанные на них, попадали из Сирии или из Ирана; в Пальмире они явно местного, сирийского происхождения, так как в них встречается окраска естественным пурпуром. Эти ткани говорят о наличии усовершенствованного ткацкого станка, с помощью которого можно было механически повторять один и тот же рисунок на ткани много раз. Станок этот был, вероятно, известен в приморской Сирии и в Месопотамии, а оттуда проник и в Иран.

[1] A. Stein. 1) Serindia, II, Oxford, 1921, стр. 907—909; 2) Innermost Asia, I, Oxford, 1928, стр. 241. — Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 200.
[2] A. Stein. Central-asian relics of China's ancient silk trade. Asia major. Hirth anniversary volume, London, стр. 372.
[3] Там же, стр. 363, 373.

В жизнеописании Поси (Пусик) говорится, что он был из числа пленных, захваченных Шапуром сыном Хормизда, т. е. Шапуром II. Сначала Поси находился в городе Бех-Шапуре в Персиде, где имел свою мастерскую (ܒܝܬܟܪ), а затем, когда Шапур построил город Карка де Ледан, его переселили со всеми чадами и домочадцами в этот город. Он был «прекрасный» ремесленник и главным образом выполнял «ткацкую работу и фигурным золотом обрабатывал метаксу».[1] Поси был, следовательно, ткачом, выделывавшим парчу, которая обычно в персидском и в арабском носит название «дибаджа». Сирийское ܕܝܒܓ соответствует персидскому ديبا и арабскому ديباج и определяется как vestis serica variis coloribus ornata или vestis auropicta, т. е. «шелковая одежда, разноцветная или тканая золотом».[2] Обрабатывая шелк, метаксу, Поси ткал «фигуры» из золота, т. е. именно такие ткани или одежды, которые могут быть названы vestis auro picta.

Сведения этого источника говорят о том, что в IV в. Шапур II поставил на широкую ногу производство дорогих шелковых тканей и парчи, и едва ли можно думать, что славившийся своим мастерством Поси работал у себя на родине, в «ромейской земле», на примитивном станке.

Масуди (ум. в 956 г. н. э.) сообщает о походах Шапура II в Месопотамию, Амид и другие области ромейской державы. Население оттуда он вывел и поселил «в Сус, Туштер и в другие города области Ахваз. Они породили [детей] и поселились в этом месте и с того времени начали изготовлять дибадж туштери и другие образцы шелка в Туштере, Ахвазе, в Сусе и покрывала и ковры в Нисибине и Менуте».[3] В значении слов ومن ذلك الوقت — «с того времени» — нельзя сомневаться, для Масуди это было временем, с которого началось изготовление знаменитых шелковых тканей в Ахвазе, в Сузиане. Его свидетельство говорит в пользу того, что роль, которую сыграли ромейские пленные в развитии текстильного производства в Иране, была далеко не из последних. Как и сирийский источник, Масуди считает это существенной датой в истории этого ремесла. Ко времени Шапура II он приурочивает начало изготовления дибаджа, т. е. парчи или фигурного с выделкой шелка.

Выделка тканей в Хузистане продолжалась и в арабское время. Мукаддаси в X в. н. э. отмечает специализацию ремесел

[1] Acta mm. ss. II, стр. 209.

[2] C. Brockelmann. Lexicon syriacum, стр. 138. — К. Иностранцев. Из истории старинных тканей. Зап. Вост. отд. Русск. Археол. общ., т. XIII, 1901, стр. 082.

[3] Maçoudi. Les prairies d'or, t. II, стр. 186.

отдельных городов этой провинции по выделке тканей. В Ахвазе производили тонкие покрывала, которые носили женщины; Шуштер славился парчей и фигурным шелком, дибаджем; в Сусе ткали шелковые ткани. В других, более мелких городах выделывали — в Аскар Мукраме вуали из шелка и скатерти, в Башинше занавеси, в Нахр-Тире длинные вуали, для того чтобы закрывать лицо.[1] Арабские историки и географы отмечают также большое число дорог в этой провинции, соединявших ее во всех направлениях с другими городами, и большое число рынков на ее территории.

Археологические открытия и технологический анализ тканей позволяют прийти к выводу, что более совершенные методы тканья стали применяться на западе и к тому тонкому и превосходному материалу, который вывозился из Китая. Обработка шелка, его выделка в виде узорчатых цветных тканей и парчи были возможны лишь с помощью более совершенных орудий производства.

Весьма вероятно, что ткани, найденные в Антинои, были сирийскими изделиями. В Сирии имело место правое кручение нити, которое засвидетельствовано для ряда тканей из Пальмиры.

Для определения времени, когда было освоено в Сирии более усовершенствованное производство тканей, большую помощь могут оказать письменные источники, приведенные нами выше. Они позволяют настаивать на том положении, что производство шелковых тканей в приморской Сирии и Месопотамии достигло значительного совершенства еще до III в., о чем свидетельствуют материи гробниц Пальмиры. С IV в., со времени переселения пленных Шапуром II в Иран, производство шелка достигает особенно широкого распространения и высокого качества и в Иране.

Большую роль в производстве текстиля в Иране сыграли шахские мастерские. Возможность использовать новое, усовершенствованное орудие производства было в наибольшей степени доступно царскому хозяйству. Шахи в личных экономических интересах стремились удержать в своих руках производство драгоценной мануфактуры, которая ценилась высоко на рынках империи. Одаривать роскошным платьем подданных или послов было знаком благоволения. Все шахи династии Сасанидов сохранили этот обычай, который перешел затем и в халифат. Дорогая шелковая и парчевая одежда и ткани были предметом торговли персов, в которой был заинтересован и сам шах.

[1] G. Le Strange. The lands of the eastern Caliphate, стр. 246.

Для раннего феодального периода характерна роль, которую играл шах в создании новых городских центров, в устройстве мастерских, в более интенсивно развивавшемся хозяйстве, принадлежащем ему. В первую очередь оно обслуживало дворец и двор, но часть продукции поступала, несомненно, в торговый оборот.

Существенным является то, что для III—IV вв. н. э. в Иране изменению форм общественных отношений предшествовало и соответствовало изменение в состоянии производительных сил. Усовершенствование орудий производства является чрезвычайно важным моментом, а в данном случае оказалось возможным проследить это на изменении вида ткацкого станка, характере ткани. Если в Египте и Пальмире в III—IV вв. появляется новый вид текстиля, производить который можно было только на ткацком станке, более усовершенствованном, то несомненно, что расцвету ткацкого искусства способствовало именно появление этого нового орудия производства. Оно было освоено в Сирии, ткачи которой славились своим искусством, и было перенесено в Иран. Наибольшего расцвета в Иране ткачество достигло именно при участии уведенных в плен сирийских ткачей, которые изготовляли драгоценную парчу и другие виды шелковых, златотканных материй, умели применять кипорное тканье. Такая возможность была создана изменением и усовершенствованием самого орудия производства. Этот прогресс явился одним из условий, которые привели к дальнейшему разделению труда и способствовали зарождению новых общественных отношений феодального характера.

ПОДАТИ И НАЛОГИ В ГОРОДАХ

Вопрос о податном обложении города является важным вопросом для его истории. К IV в. относятся сведения относительно подати и способа, которым ее собирали.

Часть рассказа о Симеоне бар Саббаэ дает самое живое представление о том, как легко повышали подати и налоги.

Шаханшах Шапур II вел активную внешнюю политику, которая требовала больших средств. Империя оказывала не только сопротивление, но переходила в наступление, нанося тяжелые удары городам Ирана, разрушая селения, уничтожая поля и виноградники. Иран нуждался в средствах для содержания армии и поддержки государства, внутри которого, по мнению правящих кругов, были сторонники империи. С того времени, как при Константине христианство перестало быть гонимым (Миланский эдикт 313 г.), а затем было объявлено государственной религией, на христиан в Иране стали смотреть как на союзников и «друзей кесаря». Сирийское население по

преимуществу было городским, оно же было и почти поголовно христианским. Для Шапура поэтому, по ряду соображений, было желательно пополнить свою казну именно за счет податей с персидского и сирийского городского населения.

В городах ремесленники были значительной культурной силой. Среди них были лица разного имущественного состояния, одни скопили значительные богатства, другие были очень бедны. У последних было только то жалкое рубище, которое Симеон отказался снимать с них, чтобы уплатить двойную подушную подать шаханшаху. В связи с общим положением в городах возникали острые экономические конфликты, имела место классовая борьба.

К 117 г. царства персов и 31 году Шапура, «царя царей», т. е. 340 г. н. э., относится его распоряжение о том, чтобы с христиан была взята подать в двойном размере. Из агиологического материала, единственного, который сообщает об этих событиях подробно, все же не все звенья этих событий могут быть восстановлены. Во всяком случае можно утверждать, что желанных результатов Шапур не получил, и следствием этого было издание им декрета о разрушении церквей и арест Симеона бар Саббаэ, епископа столицы Сасанидов Селевкии — Ктесифона. Казнь Симеона относится к 36 году царствования Шапура II, к 344 г. н. э. От этой даты традиция и считала, что гонение длилось 39 лет,[1] так как в течение этого времени производились многочисленные конфискации имущества и казни. О положении христиан в Иране и преследованиях, которым они подверглись, свидетельствует и греческий историк Созомен, использовавший восточные источники.[2]

Симеон происходил из семьи городских ремесленников-сирийцев. Его прозванием было «сын красильщика» бар Саббаэ (ܒܪ ܨܒܝ). Родители Симеона занимались окраской шелка, особенно пурпуровой краской, цвета «крови», как образно выражается его житие. Заняв положение епископа Ктесифона, Симеон стал главой христианского населения в сасанидском государстве вообще. Правительство Ирана, исходя из этого, обратилось именно к нему с требованием внести и быть ответственным за подать, которая была возложена на христианское население в двойном против обычного размере. «Поднять» такую «подать» значило выплатить ее, собрав с населения. Сирийский глагол ܫܩܠ — «поднимать» подать дает соответственно выражение ܒܥܠܝ ܕܡܫܩܠ — «податные», люди, платя-

[1] Aphraatus Demonstratio. XXIII: Patrologia syriaca, t. II, f. 1, стлб. 149. — P. Peeters. La date du martyre de st Siméon, стр. 128.

[2] Sozomenos. Historia ecclesiastica, l. II, ed. Hussey. Oxonii, 1860.

щие подать, обязанные ее платить. Симеон указывал, что платить подать христиане считают себя обязанными, но они не в силах дать ее в двойном количестве. «Нет у нас золота, чтобы дать вам, ни серебра, чтобы платить вам подать».[1] Симеон должен был эту двойную подать собрать и выплатить «за весь свой народ». Таким образом, положение, которое хорошо известно при арабском халифате, а также знакомое источникам монгольского периода, установилось еще в раннем средневековье, в период персидского господства. Христианское население государства, сирийское и персидское, управлялось клиром. Как и на средневековом западе, клирики играли выдающуюся светскую роль, принимали участие в управлении, держали в своих руках не только суд и образование, но и отвечали за подати.

Шапур II хотел «подчинить двойной подати» всех христиан, которые находились в персидском подданстве. Он написал сакру (царскую грамоту) из Бет-Хузайе к правителям Бет-Арамайи следующим образом: «Тотчас, как вы увидите этот приказ нашей божественности . . . схватите Симеона, главу назореев, и не отпускайте его, пока он не поставит печать на собственноручное письмо (ܟܬܒܐ) долговое и не примет на себя двойную подушную подать вдвойне со всего народа назореев, которые в нашей божественной земле имеются и живут в нашем государстве, и не отдаст ее».[2]

Приведенный текст говорит о том, что в Иране существовала практика передачи права собирания подати отдельному лицу, которое обязывалось соответственным долговым письмом, с собственноручной подписью и печатью отвечать за сумму, проставленную в этом письме. Такого рода обязательство не являлось, однако, откупом, так как откуп предполагает внесение определенной суммы вперед государству, с тем чтобы откупщик имел возможность затем восполнить ее для себя сбором налога с населения. Симеон бар Саббаэ должен был выдать долговое письмо на требуемую шахом сумму налогов с христиан.

Это говорит о том, что в Иране имела место система передачи прав государства, как, например, сбора налога отдельному лицу, оно собирало и передавало его государству и ручалось за то, что требуемую сумму выплатит. Долговое собственноручное письмо Симеона бар Саббаэ, которое с него потребовали по приказанию Шапура II, было бы ручательством и обязательством представить определенную сумму налогов, теперь удвоенных Шапуром. Недаром это долговое обязательство должно было иметь не только собственноручную подпись, но быть удостоверенным приложением личной печати Симеона, как доказательство того, что он «принял его на себя».

Двойная подать, т. е. подать вдвое бóльшая обычной, была непосильна, источник говорит о том, что христианское население было «отягчено податью», что «злые взыскатели торопились подвести его под тяжкое ярмо». Сборщики податей «беспокоили священников». Из этих слов следует сделать вывод, что клирики представляли «свой народ» перед государством, они должны были вносить за него собранные подати, поэтому их и «беспокоили» мытари.[1] Отказ собрать подать был отказом от «подчинения царю Персии и Сирии».[2]

Не желая ставить свою подпись под долговым письмом, Симеон старается убедить начальников в своей верности: «Я почитаю царя царей и приказы его чту [поддерживаю] всей моей силой», но он просит и надеется «и вас убедить, что не мое дело требовать подать с народа». Обращаясь к «власть имущим и свободным», Симеон стремится парировать три обвинения, которые были ему брошены, — в богатстве, праздности и вражде к шаханшаху. Ответ на два первых упрека указывает на то, что Симеон был связан с производителями городов. «Если бы мы были богаты! всякий знает, что мы бедны и мало у нас изобилия Мамоны. . . И если бы бездельны! Но относительно этого вы осведомлены, что среди нас нет никого праздного от царской работы, потому что мы все подчинены порядку подати. И если мы враги! среди нас многочисленны люди, уверенные, что мы друзья всех людей, особенно же царя царей».[3] В подтверждение своих слов и того, что горожане бедны и трудятся, выполняя «царскую работу», Симеон призывает в свидетели «всех». Если он и говорит, что «не его дело требовать подать с народа», т. е. с христиан, то ясно из других указаний того же источника, что именно он как старший клирик собирал и представлял шаханшаху подать «от назореев».

Правители (ܪܒܐ), поставленные в Ктесифоне, убеждали Симеона следующими словами: «Смотри, что ты делаешь с собой, когда ты восстаешь против приказа царя царей и к документу этому печати не прикладываешь и не [соглашаешься] принять двойную подушную подать, которую ты даешь царю царей от назореев, его рабов».[4] Симеон протестовал более всего против повышенной подати, он не считал возможным ее собрать, но, что подать поступала царю через него, следует считать установленным.

[1] Martyrium st. Simeonis bar Sabbae: Patrologia syriaca, t. II, f. 1, стлб. 734.

[2] Narratio de b. Simeone bar Sabbae: Patrologia syriaca, t. II, f. 1, стлб. 791.

[1] Patrologia syriaca, t. II, f. 1, стлб. 726.

[2] Там же.

[3] Там же, t. II, f. 1, стлб. 794—795.

[4] Там же, стлб. 799.

Политической подоплекой действий Шапура II было также стремление подорвать всякую связь, которая существовала и могла укрепиться через пленных между Византией и его подданными. Шапур трижды посылал в Ктесифон свои декреты — сакры, как их называют сирийские источники, употребляя для царской грамоты греческое слово.[1] Сам Шапур и его двор жили в Карка де Ледан,[2] городе, находящемся в Бет-Хузайе, хотя официально столицей был Селевкия—Ктесифон в Бет-Арамайе. Донесения с мест и из Селевкии посылались в Карка де Ледан. Все, что говорил Симеон, правители записали и «послали шаху Шапуру в Бет-Хузайе через курьеров».[3] После отказа Симеона поручиться за представление шаху двойной подати, его и некоторых других клириков было приказано доставить ко двору. Еще до этого декрет предписывал разрушить христианские церкви, так что, когда Симеона выводили из «своего города», т. е. Ктесифона, он просил, чтобы его не вели мимо церкви, которую он там отстроил с большой роскошью, так как она была разрушена за несколько дней до этого «магами в содружестве с иудеями».[4] Сведения письменных источников подтверждаются археологическими данными, так как в Ктесифоне найдены развалины двух церквей, из которых одна никогда не была закончена. Ее относят ко времени Сасанидов, возможно, что это и есть построенная при Симеоне церковь.[5]

Этот факт, как и другие сведения источников, говорит о целом периоде, когда правительство Ирана относилось к христианским кругам положительно. Возможно, правы те источники, которые считают, что Шапур II первоначально относился к Симеону положительно, «весьма любил его».[6] Это объясняется в первую очередь тем, что при усиленном градостроительстве первых Сасанидов городские производители, ремесленники всех видов ремесла были крайне нужны, правительство обнаруживало даже известную заботу при переселении их в новые города. Так как в числе городских производителей было значительное число христиан, то и они не подвергались гонениям. Но когда число «ромейских пленных» возросло и они стали составлять все более значительное количество городского населения, к тому же христианство стало широко

[1] Patrologia syriaca, t. II, f. 1, стлб. 818.
[2] Там же, стлб. 742.
[3] Там же, стлб. 806. В сирийском тексте «курьеры» — ܩܘܪܝܠܣ, — вероятно, с греческого «veredarii»; смешение «л» и «р» объясняется нехлевийским.
[4] Там же, стлб. 742.
[5] P. Peeters. La date du martyre de St. Siméon, стр. 129—130.
[6] Chronique de Séert, 27: Patrologia Orientalis, t. IV, стр. 87 (297).

распространяться среди сирийских и персидских главным образом городских производителей, персидское правительство стало принимать меры, чтобы это изменить. Сношения с Константинополем и общая вера рассматривались как прямая угроза Ирану.

Шапур II обвинял как Симеона, так и всех христиан в том, что они друзья и «рабы кесаря», так как они одной с ним веры. Он сказал о них «жестокие слова», которые стали известны при дворе (ܩܠܝܠܐ), после чего потекло множество обвинений и доносов на христиан, представлявшихся шаху и «его знатным» (ܪܒܢܝܐ).[1] В сакре Шапура прямо говорится: «Симеона же, главу колдунов, приведите ко мне, потому что он отверг мое царство и избрал кесарево, потому что он почитает его бога, а моего бога презирает».[2] По словам источника, клеветники поддерживали эти враждебные подозрения Шапура и говорили ему: «Если ты, царь, посылаешь послания великолепные и мудрейшие твоего величества, как и славные дары и желанные подарки твоей чести, они не принимаются и не являются особенно ценными в глазах кесаря. А вот если Симеон посылает ему презренное и малое письмо, он встает, кланяется и принимает его двумя руками и тщательно исполняет его дело».[3] Переписка Шапура с императором Констанцием известна и Аммиану Марцеллину. Более чем вероятно, что в Константинополе стремились поддержать сношения и с клиром восточной церкви враждебного Ирана. Симеон бар Саббаэ мог быть в центре дипломатических маневров обеих держав. Стремясь очернить его в глазах шаха, последнему сообщали: «. . . нет тайны в твоем государстве, которую бы он не написал и не сообщил бы кесарю».[4]

Такова была общая обстановка, неблагоприятная для Симеона, когда он отказался собрать двойную подать с «назореев» и представить ее царю Ирана.

Отказ Симеона рассматривался поэтому правительством Ирана как действие преступника и бунтовщика. Он же стремился доказать свою невиновность и невозможность возложить двойную подать на плечи «своего народа». Допрос Симеона в Карка де Ледан велся в присутствии шаха верховным судьей, (ܪܒ ܕܒܪܢ), но в нем принял участие и сам шах.

«Когда вошел Симеон, он не поклонился [шаху] земно, и на это также очень рассердился шах и сказал ему: „Правда все слова, которые я слышал о тебе. Почему ты раньше кла-

[1] Patrologia syriaca, II, f. 1, стлб. 806.
[2] Там же, стлб. 738.
[3] Там же, стлб. 639.
[4] Там же, стлб. 806.

нялся мне, а теперь не поклоняешься?». Симеон ответил и сказал: «Раньше я поклонялся [земно] потому, что я не ходил в цепях и не был призываем оставить истинного бога моего, как ныне».[1] В том, что Симеон не поклонился, как обычно полагалось шаху, в землю, было известным протестом и против обвинений и против того, что он был закован в цепи. Конфликт, возникший в связи с несправедливым требованием собрать двойную подать, перерос в конфликт невыполнения требований шаха, а в представлении правительства в восстание. Зороастрийское жречество, маги, настаивали перед Шапуром: «Этот, что подати не дает, пожелает восстать против твоего царства, поэтому он недостоин жить».[2] Они сводили старые счеты с представителем религии, с которой они упорно боролись. По их мнению, «тот, кто не хочет приказа принять на себя, хочет восстать и поднять с собой народ».[3]

Симеон стремится оправдаться перед шахом: «Я раб малый и слабейший из рабов твоего государства, но по какой причине ты называешь меня бунтовщиком?». Шах ответил ему: «Потому что ты не подчинил твой народ подати, которую мы, божественные, приказали [дать]».[4]

Правительство опасалось восстания в городах, так как представитель одной из наиболее многочисленных групп городских производителей отказался выполнить его непомерное требование. Симеон утверждал полную законность действий «назореев», которые выполняли предписание «отдавайте каждому то, что ему следует, кому подушную подать — подушную подать, кому налог — налог (ܟܠܓܐ), ибо не приказано нам давать двойную подушную подать», как этого потребовал Шапур. Епископ Ктесифона утверждал, что «превосходит нашу силу», т. е. является непосильной, «двойная подушная подать, потому что мы бедны».[5] Более того, Симеон предложил в доказательство бедности захватить дома и имущество, «которое мы полагаем перед ним», т. е. перед шахом, «потому что мы находимся в его земле, пусть он прикажет властям, и они будут взяты от нас».[6] И при личном свидании с шахом Симеон говорит: «Тела рабов твоего величества, дома и всякое имущество принадлежит тебе, шах».[7]

Но несмотря на все эти уверения в словах Симеона и в его поведении был известный протест против порядка, установившегося в деспотическом государстве Ирана, с тяжелой эксплоатацией подданых.

Сам «муж бедный», он «ежедневно учил бедности и смирению свой народ». «Мы научены давать бедным, а не вымогать у бедных», говорит он, «успокаивать притесненных, а не притеснять обессиленных».[1] Он отказывается «снять одежду с нищего и притеснять освобожденных моим господом»[2] и не хочет быть «тираном над смиренным народом божиим».[3]

Таким образом, Симеон не предполагал стать бунтовщиком, но своими словами он бичевал систему взимания податей и налогов в Иране, где с нищего снимали одежду и вымогали у бедных последнее. Не подчинившись требованию дать двойную подать, он тем самым ставил под вопрос и вообще внесение податей, «противоставлял» себя государственной власти, по крайней мере его открыто обвиняли в этом. И хотя на вопрос: «почему с нас требуется двойная подать?», было отвечено: «Потому, что вы не принадлежите к вере шаханшаха»,[4] этот довод не отвечал всей совокупности причин таких требований, для этого имелись и другие основания. «Сказал ему шах: „Войны многочисленны, тяготы обременительны, а вы пребываете в мире и находитесь в вашей вере в противоречии со мной. Подчинитесь моему приказу ты и твой народ, возьми и дай с твоего народа двойную подушную подать, освободись и иди в твой дом с миром“».[5]

Производители города не принимали непосредственного участия в военных походах, они оставались «в мире», тогда как шах и его войско «несли все тяготы и изнурения войн». Двойная подать должна была пополнить казну шаха, ослабить положение и дальнейшее распространение христианства и подорвать возможности Константинополя вести дипломатическую игру на этой струне, т. е. на возможной близости иранских христиан с ромейскими. Такое положение, однако, не продлилось при следующих шахах, так как в качестве городского населения, часть которого составляли христиане, они играли роль в общей экономике государства.

Шапура II, процарствовавшего 70 лет 11 месяцев и несколько дней, сменил на престоле его брат Арташир. Он известен по данным сирийских источников как наместник или правитель Адиабены.[6] Он был в числе жестоких гонителей христиан,

[1] Patrologia syriaca, t. II, f. 1, стлб. 742.
[2] Там же, стлб. 742.
[3] Там же, стлб. 847.
[4] Там же, стлб. 846.
[5] Там же, стлб. 802.
[6] Там же, стлб. 802.
[7] Там же, стлб. 850.

[1] Там же, стлб. 847.
[2] Там же, стлб. 850.
[3] Там же, стлб. 846.
[4] Там же, стлб. 847.
[5] Там же, стлб. 850.
[6] Acta mm. ss. II, стр. 233, 286, 333. Хроника Сеерта ошибочно считает его жившим в Ниневии (Patrologia Orientalis, t. V, стр. 260).

но несмотря на это ему было враждебно также и зороастрийское жречество. Через четыре года его сместили войска (الجيش).[1] Вместо него шаханшахом стал Шапур III сын Шапура II, в 383 г., который соответствует 15 г. царствования Валента.[2] Шапур III изменил политику своих предшественников, отца и деда, по-видимому, стремясь укрепить связь с городом. «Он освободил христиан из темницы и сказал: я освободил их из темницы, и они по обычаю будут платить харадж, что будет полезнее царству, чем их темницы», т. е. чем их заключение.[3]

Такое действие шаха было, следовательно, связано с определенными экономическими соображениями. Значение имеет и другой факт, что в то же время Шапур III «обратился против глав» (وقصد الرؤساء) и обложил их хараджем (الخراج).[4] Это можно понять только как известные меры, принятые шахом против значительно укрепившейся знати и выразившиеся в требованиях выплаты государственного налога.

Приведенный материал дал возможность сделать ряд общих выводов, которые выносятся нами повторно в заключение.

Данные IV в., получившие окончательное оформление в первой четверти V в., позволяют утверждать, что производители города платили подушную или, как выражается сирийский источник, «серебро головы» (ܟܣܦ ܓܘܠܓܠܬܐ), поголовную подать. Наряду с этой податью ими выплачивался налог (ܡܟܣܐ), которым облагалось ремесло и торговля. По тому, что данная часть населения была «подчинена порядку подати», было несомненным, что она не является «праздной», а делает «царскую работу». Под последней подразумевалась любая работа, любой труд, который выполнялся для государства в широком смысле слова. Так как государство и шах были неотделимы, и шах олицетворял государство, то всякая работа могла быть рассматриваема как работа для шаха, а теми, кто работал, выплачивалась и подать. В ряде случаев ремесленники выполняли «царскую» работу в самом буквальном смысле слова, как в Карка де Ледан, где они работали в мастерских шаха.

Рассмотренный материал позволяет сделать и другой вывод, что сбор податей не всегда совершался государственными сборщиками, вернее, что они не всегда собирали их непосредственно с платящих. С христиан, с «народа назореев», подать взималась через клириков, за нее отвечал епископ столицы Ирана — Ктесифона. Сбор подати поручался путем передачи долгового письма. Принявший на себя сумму, указанную

[1] Chronique de Séert: Patrologia Orientalis, t. V, стр. 260.
[2] Th. N ö l d e k e. Tabari, стр. 435.
[3] Chronique de Séert: Patrologia Orientalis, t. V, стр. 261.
[4] Там же.

в долговом письме, ставил под ним свою подпись и свою личную печать в знак того, что он отвечает за данную сумму подати и внесет ее в государственную казну.

Можно с уверенностью сказать, что городские производители не несли воинской повинности, они жили «в мире» и покое. Однако этот покой был весьма условным, так как из ряда источников известно, как тяжело страдало городское население во время постоя своих войск или во время осады. Если война не приносила удачи, а следовательно добычи и пленных, то шахи Ирана облагали своих подданных, в том числе и городских производителей, тяжелейшими податями и налогами, чтобы пополнить свою казну.

Христианское население городов Ирана, пополненное пленными из провинций империи, было достаточно многочисленным, чтобы стать предметом беспокойства для государства. Их самостоятельная, независимая от зороастрийского жречества, клерикальная организация перерастала в организацию, с которой не могли не считаться и считались по линии чисто государственных, фискальных интересов, так как она выполняла и светские функции. Это явление широко известно во всем феодальном средневековом обществе, в котором интересы и деятельность церковных организаций распространялись и на сферу социально-экономическую. Надстройка деятельно влияла на укрепление своего базиса.

Империя, соперничая с Ираном на Ближнем Востоке, хваталась и за идеологическое оружие, распространяя и укрепляя христианство. Представители последнего в Иране казались союзниками империи и Ктесифону, и Константинополю, они не могли не приниматься во внимание в дипломатических расчетах обеих держав. Когда многочисленность христиан, преимущественно производителей города, и их значение выросли в известную силу в государстве, шаханшахи поспешили ее ослабить, поставить пределы распространению этой религии и уничтожить ее наиболее видных представителей. Города и их население были необходимы персидскому государству, но они должны были быть в полном повиновении и в полной власти этого государства.

ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВЫЕ ТОВАРИЩЕСТВА

Торговля в странах Ближнего Востока в доарабский период велась широко. В орбиту обмена были втянуты многие города и области. Как Византия, так и Иран соперничали друг с другом в торговле особенно дорогими товарами, к которым принадлежали шелк и шелковые изделия из Китая и Средней Азии. Транзитная торговля давала большие прибыли, и сношения по

«шелковой дороге» были предметом особого внимания внешней политики Ирана. Приобретение шелка из рук иранских купцов обставлялось и оговаривалось целым рядом условий и со стороны Византии. По этой же караванной дороге из Ирана в Китай вывозили сельскохозяйственную продукцию: вино, фрукты, орехи, некоторые красящие вещества, как хну и т. д. В Китае имели сбыт и персидские ткани, изделия из металла. Морской путь в Индию и на остров Цейлон, через Красное море в Эфиопию, был другой стороной оживленного обмена между странами Среднего и Ближнего Востока. «Путь благовоний», древняя караванная дорога из приморской Сирии в Южную Аравию и Хадрамаут, был также спорным. Дипломатия Византии неустанно работала, стремясь приобрести влияние и вступить в сношения с арабскими племенами, которые располагались по этому пути. Сношения Ирана с северной Индией засвидетельствованы археологическим материалом. В Бегграме найдены изделия из стекла, характерные особенности которого говорят об их происхождении из Сирии, славившейся этой продукцией.

В городах ремесло давало продукцию, которая находила сбыт непосредственно из рук ремесленника или через скупщика торговца, который вывозил и продавал этот товар. Городское ремесло говорит о его выделении и отделении от сельского хозяйства. Наряду с городскими ремесленниками имели место и значительные шахские мастерские, как это видно из приведенного выше материала. При всем этом в деревнях, в общинах, хозяйство носило натуральный характер. Ремесло здесь удовлетворяло потребность деревни и носило примитивный и более упрощенный характер, в значительной мере оно находилось здесь в нерасчлененном от сельского хозяйства состоянии. Материалы раскопок указывают на то, что существовала продукция различного вида, находившая сбыт в различных слоях населения.

Сельскохозяйственное производство в известной части также было товарным. Хозяйство шахское преимущественно шло прежде всего на удовлетворение нужд самого шаха, его семьи, гарема, двора. Какая-то часть производства могла быть товарной, тогда как удовлетворение непосредственных нужд шаха было скорее частью натурального хозяйства. Дасткарты знати, отчасти крестьянское хозяйство давали товарную продукцию. Зерно, масло, вино, мясо, фрукты, орехи поступали в продажу. Некоторые виды продуктов вывозились из Ирана, за его пределы, были предметами заморской торговли. Внутренний рынок питался продукцией, поставляемой крестьянскими общинами, частновладельческими землями, он был достаточно оживленным. Источники постоянно называют рынки в городах и их предместьях. Известен «сенной рынок» иранской столицы,

обширный рынок сельскохозяйственных продуктов в Амиде; это сведения сирийских источников V—VI вв.[1] Можно привести немало материала из нарративных источников более позднего времени о торговле Ирана, как и сведения китайских источников о товарах, доставляемых от персов.[2] Такого рода описательный материал представляет большой интерес, но он дает возможность располагать лишь богатым фактическим материалом, не всегда вскрывающим существо вопроса.

Хозяйство доарабского Ирана в основе своей было натуральным, но некоторая часть его была вовлечена в товарное производство. Известная часть населения была связана с процессом товарного производства.

Юридические памятники позволяют значительно углубить изучение внутренней организации торговли. Вопросы кредита, займа, договоров о доставке и закупке товаров, товариществ дают возможность определить экономическую основу этой торговли, которая велась на основе мелкого товарного хозяйства. Мелкое товарное производство характерно для данного периода как в области производства сельскохозяйственных продуктов, весьма ограниченной, так и в области производства изделий ремесла. Ремесло в деревне обслуживало деревню же, городское ремесло обслуживало господствующие классы общества.

С жизнью города тесно связаны ремесла и торговля. Благодаря наличию юридических источников есть возможность не ограничиваться лишь перечнем специальных ремесел и отраслей торговли, но выяснить самое существо их экономической основы.

В пятой книге сборника Ишобохта имеется ряд глав, трактующих вопросы торговли. В 11-й главе так и говорится о купле (ܙܒܢܐ) и продаже (ܙܒܢܘܬܐ) и о том, когда можно вернуть купленную и потребовать обратно проданную вещь.[3] Должно быть особо отмечено, что составитель сборника в торговых тяжбах различает решение по закону и гораздо более часто встречающееся решение в соответствии с обычным правом. «По обычаям, которые держатся среди торговцев» (ܡܢܗܓܐ ܕܙܒܢܐ ܒܝܬ ܣܚܪܐ), в первую очередь устанавливали характер товара — «надежного и ненадежного». В зависимости от того, к какой категории мог быть отнесен товар, заключался и тот или иной договор. Но если товар нельзя было считать надежным, то условия договора менялись. Торговцам было известно много

[1] Анонимная сирийская хроника времени Сасанидов. Перевод Н. Пигулевской. Зап. Инст. востоковедения, т. VII, Л., 1939. — Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 80, 122.

[2] F. Laufer. Sino-iranica. Chicago, 1919.

[3] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Išobocht, V, 11, стр. 172.

опасностей, которые угрожали товарам и заставляли относить их в разряд «ненадежных». Перечисление опасностей говорит о том, что речь идет главным образом о дальней, заморской торговле. Прежде всего это «море», т. е. опасность кораблекрушения, затем «огонь» — возможность пожара, предотвратить который было конечно очень трудно в условиях того времени. Следующими опасностями названы «власть» и «враги». Сирийское ܫܘܠܛܢ определяет власть царей, князей, всякого рода начальников как «власть имущих» вообще. Правители всех категорий могли отнять товар или часть товара, тем самым лишить торговца материального обеспечения, на основе которого им был заключен договор. Такого рода опасения были особенно справедливы в том случае, когда товары приходилось переправлять через границы разных государств и провинций. Что касается врагов (ܒܥܠܝ ܕܒܐ), то военные действия и необеспеченность спокойствия на дорогах были постоянным бичом торговли. Наконец, опасность заключалась и в возможности неудачи в торговле, в обложении товара непомерным и часто неправомерным налогом.[1]

Сборник Ишобохта мотивирует достаточно основательно, почему именно не установлено закона для торговых сделок, заключаемых между мореходами и торговцами. Море не может быть подчинено ни закону, ни воле человека, «поэтому и мы не хотим устанавливать относительно него ничего по закону» (ܡܢ ܕܠܐ ܫܝܡ ܐܢܫ ܠܝܡܐ ܕܢܫܝܡ ܠܗ ܢܡܘܣ ܐܘ ܕܢܬܬܩܢ ܠܗ ܡܕܝܢܚ).[2] Спорные казусы лучше разбирать в соответствии с обычаями, принятыми между торговцами. Очень часто они устанавливают между собой соглашения большой сложности. Обязательства заключаются в зависимости от доставки товаров до того или другого пункта на побережье или до такого-то острова. В этой связи следует вспомнить многочисленные гавани вдоль берегов Красного моря, остров Иотабу, порты Индийского океана, остров Цейлон, западные берега Индостана и гавани Персидского залива, которые посещались также персидскими купцами и мореходами.[3]

Сложные и спорные вопросы по своевременной доставке товаров и другие казусы не всегда могли быть решены по закону, в этих случаях обращались к руководителям церкви. Последние назначали несколько лиц из числа наиболее добросовестных, пользовавшихся хорошей славой торговцев, которые и высказывали свое мнение по поводу данного спорного вопроса.

В связи с этим переводчик сборника Ишобохта на сирийский язык употребляет юридические пехлевийские и сирийские термины, которые указывают на то, что дела могли решаться в этом случае «по соглашению», т. е. по добровольному согласию. Значение этих терминов раскрыто во введении к сирийскому сборнику.

«То что мы называем pesend и bihdadhstinih, то есть меньше суда и больше суда.

«Эти два [понятия] во многом сходны друг с другом, потому что pesend подразумевает меньше, чем закон. Так, если кто-либо должен другому сумму и вдвойне [? проценты], но по бедности или по причине болезни или по другой какой-нибудь причине он не может заплатить и скажет кредитору: Согласись — и я отдам тебе только сумму [без процентов]. Bihdadhstinih подразумевает больше, чем закон. Так, если дочь по нашему закону наследует половину части сына, а ей дается целая часть, чтобы она не осталась в доме и не нашли в ней недостатка».[1]

Добровольное соглашение в обоих случаях получает характер более снисходительного решения, чем по суду. В первом случае — pesend — «по соглашению» возвращается меньшая сумма, чем положено по суду. По суду должна была быть возвращена сумма долга и проценты с нее, здесь же «по соглашению» возвращается лишь основная сумма долга. Во втором случае bihdadhstinih представляет «по соглашению» бо́льшую сумму, чем могло быть дано по суду. Дочери дается полная доля сына, ей увеличивается доля ее приданого, с тем, чтобы она «не осталась дома» в вековушах, а вышла замуж.

Пехлевийский термин bihdadhstinih переводчик приводит в сирийской транскрипции и дает соответствующий сирийский эквивалент — ܒܗܕܕܐܣܬܝܢܝܗ.[2] Термин ܦܣܢܕ (pesend) также приводится повторно в пятой книге сборника.[3] Завершение дела «по соглашению», выраженное термином pesend неоднократно применяется в этом смысле в Матикане.

Приведенные выше данные говорят о широко развитой торговле, со сложившимися веками порядками, с хорошо знакомыми решениями обычного права. Торговля зачастую происходила в долг. Торговец расплачивался, лишь распродав свой товар; в приведенном в сборнике примере это было масло в сосудах, которые были ему доставлены морем. Предусматриваются варианты возможных договоров, сделок, решений по поводу

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Išobocht, V, 8, § 1, стр. 164.
[2] Там же, § 3, стр. 166.
[3] Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 162—183.

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Išobocht, V, §§ 12, 14, стр. 289.
[2] Там же, стр. 166.
[3] Там же.

их, в зависимости от ряда условий: вошло ли судно в гавань, находятся ли товары еще на корабле (ܒܐܟܐ) или они уже перенесены «в лавки» (ܒܚܢܘܬ ܙܒܢ).[1] Каждое из этих условий меняло возможности заключения того или иного договора в связи с товаром, с тем, насколько надежно было его местоположение в данный момент. И здесь делалось также различие в зависимости от того, насколько данные товары могут быть повреждены и насколько большой опасности они подвергаются при перевозке.[2]

* * *

Данные юридических сборников позволяют нам впервые сделать очень важный вывод относительно организации торговли в Иране в раннем средневековье. Торговля в значительной степени велась компаниями, обществами, объединениями, товариществами.

В правилах, связывающих между собой членов товарищества, видны черты той первобытной организации, которая была у общины. Конечно, hambayih — товарищество[3] — явление вторичного порядка; это свободная организация, возникающая на других основаниях, объединяющаяся по иным признакам, чем община. Но принцип распределения и характер отношения к собственности роднит товарищество с общиной.

4-я глава пятой книги сборника Ишобохта подробно развивает положение о товариществе. В ней приведены различные взгляды на права и обязанности членов товарищества, которые занимали, повидимому, значительное место в экономике Ирана.

В сирийском понятие товарищества выражено словом ܫܘܬܦܘܬܐ — šautafuta, а члены товарищества называются ܫܘܬܦܝܐ — šautafe. Основное положение о товариществе сформулировано следующим образом: «Если мужи, сколько бы их ни было, приобретают какую бы то ни было собственность и заключают условие: Все, что мы имеем или приобретаем, будет между нами действительно [общим], то все что они приобретают или имеют принадлежит им равным образом (ܫܘܝܐ)».[4] Следовательно, согласие заключить товарищество предполагает деление того, что имеют его члены, что они получают или зарабатывают, в равной доле между всеми.

В число членов товарищества надо быть принятым. Так, например, приемный сын, которого отец принимает в товари-

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Išobocht, V,§ 2, стр. 164, 166.
[2] Там же.
[3] Транскрипции Бартоломе: Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, I, стр. 39, 44.
[4] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Išobocht, V, 4, § 1, стр. 142.

щество, становится его членом по выполнению известных формальностей. Отец должен «написать и припечатать», т. е. приложить печать к написанному, и затем «принять» приемного сына «в товарищество» (ܫܘܬܦܘܬܐ ܥܡ ܒܢܝ . ܫܪܐ ܒܪܐ).[1] Право собственности определяется законом отчетливо: человек «властен продать, заложить,[2] подарить свое имущество и делать с ним все, что желает».[3] Если один из членов товарищества (ܫܘܬܦܐ ܕܒܝܫ) оказывается в плену или на время поселяется на чужбине, а его компаньоны продолжают свое дело и получают прибыль, то если «часть этого их товарища не отделена» (ܡܢܝܬ ܠܐ ... ܫܘܬܦܐ ܐܡܪ ܕܫܘܬܦܘ), т. е. не отчуждена, то по возвращении он получает как свою долю, так и соответствующую долю прибыли.[4]

В юридической практике существовали разные взгляды на особые приобретения компаньонов. Например, если один из членов товарищества получал военную добычу или «подарки от царей или знатных», следовало и это включать в то, что составляло общее имущество товарищества. Различные мнения по этому вопросу приводятся со словами ... ܐܝܬ ܕܐܡܪ, т. е. «есть такие, что говорят».[5] Наиболее законченное и крайнее мнение о товариществе заключалось в утверждении, что у его членов существует только общая собственность, которой они пользуются на равных основаниях.

«Относительно товарищества говорится некоторыми, что если они [члены товарищества] вообще что-либо отделяют, то нарушается товарищество» (... ܫܘܬܦܘܬܐ ܒܛܠ ... ܫܘܬܦܘܬܐ ܕܝܠܗ ܐܝܟ ...).[6] Иначе говоря, это мнение сводилось к тому, что если что-либо в собственности члена товарищества отделялось или отчуждалось как его личное имущество, например полученный им подарок от шаха или знатных, приобретенная на войне добыча и т. п., то этим нарушались основы товарищества, общность имущества его членов. Если в товариществе выделяли какое-нибудь имущество, то прекращалось самое товарищество, нарушался его основной принцип. Но это не было безусловно общепринятой точкой зрения; из текста явствует, что были и другие взгляды, кото-

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Išobocht, V, 4, § 3, стр. 144.
[2] Там же. Издатель вставляет ...
[3] Там же.
[4] Там же, § 4, стр. 144.
[5] Там же, § 6, стр. 146.
[6] Там же.

рые допускали, что подарок, полученный лично членом товарищества, ему одному и принадлежит, как и приобретенная им военная добыча.

Но основной идеей товарищества, главной его объединяющей силой была общность имущества, на которой стояла и община. Делить все поровну и держаться этого принципа буквально и абсолютно было основой объединения. Можно было бы думать, что товарищество заключалось специально для ведения торговли, но есть данные, которые указывают на то, что доходы получались некоторыми товариществами другим путем. Так, случалось, что дом или поле находились в собственности нескольких лиц или им владели «в товариществе». «Дом или поле имеются у человека в товариществе», — указывает одна из статей сборника Ишобохта.[1] Встречается в общей собственности раб и другого рода «имущество» (), которое «имеет и других товарищей» (), т. е. и других собственников. Этот случай изменяет право одного из совладетелей безоговорочно распоряжаться, например продавать без предварительного условия с другими совладетелями, свою часть собственности.[2]

Предусматривается случай, когда наследство составляет долю в товариществе. Жене и детям в соответствии с этой долей выплачивается прибыль или доход () с полей () или с найма, т. е. с предоставления в наем домов ().[3] Глагол имеет совершенно определенный смысл — «нанимать», «сдавать в наем», соответственно то же значение имеет существительное, произведенное от этого корня «наем», «сдача в наем».

Таким образом, товарищества были широко распространены и объединяли не только торговцев, но и людей, имевших в общей собственности недвижимость, как поля или дома, которые отдавались в наем, в аренду. Доход с них составлял общее имущество товарищества.

В Матикане имеется также ряд статей, перекликающихся со статьями сборника Ишобохта и подтверждающих еще раз вероятность того, что оба эти юридические сборника имели один и тот же источник — «Книгу судебных решений» (Datastan namak).

Общество, компания или товарищество (hambayih) имеют общую собственность, совместное владение. Участник общего дела (merak) — это деловой товарищ (socius), участвующий

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Išobocht, V, 11, § 6, стр. 174.
[2] Там же, VI, 1, § 4, стр. 184.
[3] Там же, IV, 5, § 4, стр. 120.

в общем деловом предприятии.[1] Это то, что по-сирийски выражено словом — «товарищ», которое, впрочем, имеет и другой пехлевийский эквивалент — hambay — «член общества». Муж объединил в одно товарищество имущество двух своих жен, он составил, как упоминает Матикан, hamvindišn. В этом термине очень характерно сочетание двух понятий. Первая часть слова — ham — говорит об общности, а вторая — vindišn, — как уже было указано выше, соответствует заработку, результату труда («Arbeitsverdienst», «Arbeitseinkommen»).[2] Сочетание обоих слов в представлении Бартоломе дает общество, созданное для приобретения — «Erwerbgesellschaft».[3] Термин этот имеет большое значение для представления о юридических нормах экономической жизни Ирана.

Выше был дан анализ термина vindišn в связи с тем, что он выражает заработок раба. Для того, чтобы не нарушить общего хода и направления исследования о рабстве, были оставлены в стороне другие значения этого термина и его применение. Vindišn может обозначать и доход вообще, но преимущественно им выражается понятие заработка.[4] Hamvindišn предполагает объединение имущества известного числа лиц с целью дальнейшего приобретения или совместного заработка. Как и сборник Ишобохта, Матикан предполагает, что два лица, составляющие такое товарищество, не могут иметь особого, не общего имущества. Во всяком случае одна из статей возражает против того, что член товарищества отказался от предложенных ему (в подарок) денег. Он не должен этого делать, потому что часть этого подарка или денег принадлежит товариществу. Статья рекомендует узаконить прием этих денег, с тем чтобы каждому из членов товарищества принадлежала определенная их доля.[5] Возможность увеличения доли одного из членов товарищества пресекается. Все должны иметь только равные доли. Так, если товарищество имело долг, то его никак нельзя было переводить на одного из его членов, с тем чтобы остальные члены становились его должниками и попадали в зависимость от него. Иначе говоря, закон стоял на страже интересов и равенства всех членов этого объединения, как и равного деления между ними прибылей и достатка.[6] А это значит, что и сумма долга могла быть передана только

[1] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, IV, стр. 5, 50—51.
[2] Ch. Bartholomae. 1) Zum sassanidischen Recht, III, стр. 6; 2) Zum sassanidischen Recht, I, стр. 46—47.
[3] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, I, стр. 45.— Matikan, XXXV, x + 3, стр. 402—405.
[4] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, I, стр. 46.
[5] Там же, стр. 45—46. — Matikan, XXXV, x+19, стр. 410—411.
[6] Matikan, V, 1, стр. 60—61.

всему товариществу в целом. По поводу этой статьи Бартоломе указывает на особенно ясно изложенное положение об общности имущества товарищества.[1] Сирийские материалы дают еще более яркую картину. На основании приведенных из сборников Ишобохта данных видно, что формулировка общего права членов товарищества (šautafuta) показана выше с полной отчетливостью.

Некоторые выражения Матикана Бартоломе толкует так: считалось возможным, что в товариществе могли участвовать члены с неравными вложениями и деление дохода между ними происходило в соответствии с размером их вложений.[2] Однако не вызывает сомнения и тот факт, что первоначальная организация товарищества имела в виду общее равенство членов и разделение всех доходов поровну.

Целый ряд статей обоих юридических сборников защищает именно такое положение вещей и стремится оградить интересы товарищества, построенного на полном равенстве.

В товарищество (hamvindišn) муж объединяет имущество двух своих жен, причем жены не имеют права выйти из этого товарищества. Это право им не дано, потому что в семье главой является муж и жены ему и в этом случае подчинены. Если же hamvindišn составляют двое мужчин, то они в любое время могут нарушить или расторгнуть свое соглашение и иметь отдельное имущество (yutvindišn).[3]

На основании всего выше приведенного можно говорить о широком распространении товариществ или объединений, имевших целью получение дохода. Это было возможно осуществлять путем торговли, но и путем эксплоатации, сдачи в наем или в аренду того или другого имущества. Главным в этом случае являлся доход, заработок, vindišn, который и служил предметом дележа между членами товарищества. Равенство долей в товариществе — один из его главных и основных признаков.

Подобный принцип имущественного равенства имеет внутреннюю, генетическую связь с общиной. Но самое товарищество, как было выше уже указано, является вторичным явлением, возникшим из экономической необходимости, как свободное объединение материальных интересов нескольких лиц. Однако формы, в которые выливалось это вызванное экономическими причинами объединение, были в известной степени заимствованы из порядков, привычных общине. Эти формы лишь с течением времени приобретали новые черты, которые отражали имущественное неравенство членов объединения. Одни юристы полагали, что с момента нарушения имущественного равенства дохода уничтожилось самое объединение, товарищество. Новые явления — экономическое неравенство, различие в количественном вложении отдельных членов товарищества в его общий имущественный фонд — неизбежно привели к тому, что доходы стали делить в соответствии с вложениями, в соответствии с частью, вложенной в общий фонд.

Товарищество в его первоначальном смысле, с его абсолютным равенством было «разрушено», как это и утверждали некоторые юристы. Но товарищества с неравными взносами все же продолжали существовать, как это видно из источников.

[1] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, I, стр. 44.
[2] Там же.
[3] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, I, стр. 49—50.— Matikan, XXV, x+3, стр. 402—405.

ЗАЕМ, ЗАКЛАД. ДАРЕНИЕ

Простое товарное производство, которое обслуживало рабовладельческое и феодальное общество, несомненно существовало в изучаемый период. В той же связи с развитием денежного хозяйства, чеканкой монеты очень рано возникает предоставление в заем денег под заклад. Широко были распространены такого рода операции в древнем Египте и Вавилоне, в Греции и Риме. К первым векам новой эры операции ростовщиков приняли самые широкие размеры, для рабовладельческого общества — это установленные, широко известные нормы хозяйственной жизни.

Сборник Ишобохта содержит ряд статей, относящихся к закладу недвижимой и движимой собственности. Этим статьям предпослано введение, в котором составитель сборника стремится объяснить тот факт, что христиане дают свои деньги под проценты. Во всяком случае он считает недопустимым большие проценты, непосильные и разорительные для тех, которые вынуждены прибегать к займам и не могут без них прожить.

ܡܫܟܢܐ — meškana «заклад» — производное глагола ܫܟܢ — «класть», в сирийском также значит «обитать», «иметь место жительства». Закладом могла быть как недвижимая, так и движимая собственность.

«Если заклад не является скарбом (ܟܢܫܐ), а поле или дом, заложенные грамотой с печатью, и они находятся в руках первого кредитора, давшего в заем, он властен также, пока он не получит свое сполна, не давать ничего другим кредиторам»[1] —

ܟܕ ܡܫܟܢܐ ܠܐ ܗܘ ܟܢܫܐ ܐܠܐ ܒܝܬ ܐܘ ܚܩܠ ܕܒܟܬܒ ܘܚܬܡ ܘܗܘ ܒܝܕ ܩܕܡܝܐ ܕܝܗܒ ܠܗ ܒܣܦ ܗܘ ܐܦ ܠܐ ܫܠܡ ܠܗ ܟܠ ܙܒܢ ܕܠܐ ܫܠܡ ܠܗ ܟܠ ܡܕܡ ܠܐ ܢܬܠ ܠܫܘܠܡ ܠܫܐܪ ܒܥܠܝ ܕܝܢܐ ܕܝܗܒ ܠܗ ܒܣܦ ܗܘ ܐܦ ܠܐ ܫܠܡ ܠܗ ܟܠ ܙܒܢ ܕܠܐ ܫܠܡ ܠܗ ܟܠ ܡܕܡ ܠܐ ܢܬܠ ܠܫܘܠܡ ܠܫܐܪ ܒܥܠܝ ܕܝܢܐ

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Išobocht, V, 7, § 2, стр. 154.

Из приведенного текста явствует, что в залог отдавали недвижимость — поле, дом, причем заложенным имуществом распоряжался уже кредитор, оно находилось «в его руках» (ܒܐܝܕܘ). Формула ܐ ܗܝ ܐܢ — «если же» — указывает на то, что заложенное имущество, такая недвижимость не обязательно передавалась в руки кредитора, «господина долга» (ܡܪܝ ܕܝܢܐ). В данном случае эта мера, может быть, объяснялась тем, что у того, кто закладывал, был не один кредитор, а несколько. В качестве первого кредитора (ܩܕܡܝܐ), лица, принявшего в заклад имущество, он им и распоряжается и не обязан был, в соответствии с данным законом, удовлетворять других кредиторов, пока не получит «свое сполна».

Из этого можно заключить, что в ряде случаев заложенное имущество оставалось в руках должника, который продолжал его эксплоатировать, чтобы заплатить свой долг.

Кроме недвижимости, закладывали и движимое имущество, «скарб» (ܟܪܟܐ). Под этим словом в сирийском чаще всего подразумеваются сосуды, посуда, домашние вещи. В некоторых случаях оно означает даже платье вообще, не какую-нибудь специальную часть одежды, а вообще носильные вещи. Поэтому предпочтителен перевод этого слова как «скарб», под которым могут подразумеваться всякие домашние вещи, в том числе сосуды и одежда.

Заклад недвижимого имущества, как представлявшего наибольшую ценность, обеспечивали письменным документом. Это была грамота или писание с приложенной к ней печатью, поэтому можно было применить выражение, что имущество было «заложено с грамотой и печатью». Возможно, что такого рода документы составлялись и на менее ценные залоги. Во всяком случае письменные долговые обязательства считались неоспоримыми, их хранил у себя заимодавец. Когда долг был уплачен, заложенная собственность должна была быть возвращена, а также он получал обратно документ, закладную. «Должник же говорит: я не отдам тебе денег, пока ты не отдашь мне залога или расписки». Расписка (ܟܬܒܐ) подразумевает запись с собственноручной подписью, то, что в греческом называлось χειρόγραφον. Заимодавец должен был по уплате вернуть и то и другое. «Не может заимодавец (ܡܫܟܢܢܐ ܕܝܢܐ) после уплаты денег и процентов откладывать возврат залога и расписки».[1] Отсюда видно, какое значение придавали документу, письменной записи, которая могла быть представлена в суд.

Одна из статей сборника предусматривает следующий случай: «Если в их [кредиторов] руках нет заклада, а другие,

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Išobocht, V, 9, § 5, стр. 168.

кому заложены поля и дома, но они не имеют поля или дома, но только им написана грамота о закладе поля и дома, тогда первый получает свое, а остаток другие».[1] Здесь, следовательно, предусматривается случай, когда заклад не находится в руках заимодавца. Значение, которое придавалось в этом случае письменному документу, явствует и из того, что «если и другому заложены грамотой поле или дом, то оба делятся соответственно (ܚܕܐ) своей доле»,[2] т. е. в соответствии с предоставленной ими должнику суммой.

Предусматриваются случаи продажи уже заложенного имущества, залог разным лицам и другие случаи. Из этих статей сборника очевидно, что заклад и залог имели самое широкое распространение, и эти операции были подробно разработаны, как и случаи, когда и каким образом заимодавцы могли получить свой долг обратно. Ряд статей предусматривает смерть должника, рассматривает вопросы наследства и его дележа между кредиторами и наследниками. Специальные указания имеются относительно того, когда, в какой срок закладчик имел право продать заложенную ему собственность.[3]

Выше уже упоминалось о том, что Ишобохт осуждает высокие, разорительные проценты, которые надо было выплачивать за предоставленную в долг сумму. Еще предки «установили закон в каждый месяц за 100 зузе брать 1 зузе, но не больше» (ܕܝܢܐ ܕܐܒܗܝ ܒܟܠ ܫܗܪܐ ܡܢ ܡܐܐ ܙܘܙܐ ܠܡܣܒ ܙܘܙܐ ܚܕ ܠܐ ܝܬܝܪ).[4]

Такая доля предписывается библейскими правилами, она составляет 12% в год, по одному зузе за 100 в один месяц. В следующем параграфе, текст которого не вполне удовлетворителен, предлагаемый годовой процент дается не ниже десяти эстирин и не выше двадцати.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что в первом параграфе деньги названы зузе, так, как их принято было называть в древности и в библейских текстах. Во втором же параграфе деньги носят название ܐܣܛܝܪܝܢ — «эстирин» (множественное число). Это одно указывает на то, что источники первого и второго параграфов были разные. Наиболее вероятно, что первый был заимствован составителем из Библии, которой сирийские христиане широко пользовались. В этом случае Ишобохт привлек данные, которых не могло быть в чисто иранском пехлевийском источнике, каким, вероятно, был Datastanamak. Из этого последнего у Ишобохта заимствован второй

[1] Syrische Rechtsbücher. . ., III, Išobocht, V, 7, § 3, стр. 156.
[2] Там же.
[3] Там же, § 12, стр. 160; §§ 6, 8, стр. 156, 158.
[4] Там же, 9, § 1, стр. 166, 168.

параграф, где деньги называются эстрин. В единственном числе «эстир», в соответствии с употребительным в пехлевийском «стир», означает «статир» — название монеты, широко распространенное на Ближнем Востоке. Примерно достоинство эстира, стира, соответствовало четырем зузе или дирхемам.[1]

Текст второго параграфа следует связать с предшествующими вводными объяснениями, они даны составителем по поводу непомерных процентов, которые брали заимодавцы. Затем упомянуты проценты, узаконенные Библией, 12% годовых, по сравнению с которыми 20%, названные во втором параграфе, не являются снижением. Но эти 20% годовых являются снижением, по сравнению с непомерно высокими процентами, «беспощадно» требовавшимися «многими заимодавцами». Ввиду этого «учителя веры», т. е. христианский клир и епископальный суд, пытались ввести более низкие проценты. Они делали это «ради тех, которые нуждались в заемах» и не могли без них прожить, и «снизили (ܐܕܘܪ) до 20 эстрин», т. е. до 20% в год. Несколькими строками ниже предлагается, чтобы ссудный процент был не ниже 10 и не выше 20.[2] При всем этом сам составитель сборника указывает на то, что попытки бороться против высоких ссудных процентов были безрезультатными, так как снижение процента только рекомендовалось, но не предписывалось законом: «И это мы не по закону приказываем, а советуем и уговариваем, как учителя веры».[3]

Не вызывает сомнения тот факт, что непомерные проценты были особенно разорительны для должников и закладывавших свое имущество бедняков. Если принять во внимание большое число статей о закладе дома или поля, то следует думать, что разорение было широко распространенным явлением. Данные изучаемых законодательных сборников относятся к доарабскому периоду. В IV—VI вв. имело место высвобождение известного числа хозяйств из общины, из большой семьи. Не все малые хозяйства могли устоять, и разорение было заурядным явлением. В Авроманских документах продажа доли общинной земли не отчуждала этого участка от общины, он только менял своего хозяина, который продолжал выполнять свои обязанности в отношении общины. В сборнике Ишобохта заклад дома и поля не оговаривается обязательствами в отношении общины, о ней не упоминается.

[1] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, стр. 48.— Syrische Rechtsbücher. . ., III, Anmerkungen, стр. 323.
[2] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, Išobocht, V, 9, § 2, стр. 168.
[3] Там же.

Не имея частных документов для данного периода, трудно сделать окончательные выводы, но и нормативный материал позволяет высказать предположения относительно значительного роста частновладельческих земель за счет общин. Община подтачивалась изнутри — ростом экономического расслоения и извне — наступлением собственника-землевладельца. Вчерашний рабовладелец сажал сегодня своего раба на парцеллу, эксплоатируя его труд в новых условиях. Этот же землевладелец одновременно начинает наступление на общину, чтобы подчинить ее, он ищет инициативного работника, который ему необходим для ведения хозяйства.

В древности известны многочисленные дарения в пользу храмов. Передача имущества в качестве пожертвования на благочестивые дела, на поддержку церквей и монастырей, широко применялась в Иране в доарабский период. Статьи сборника Ишобохта говорят о том, что не было забыто и дарение рабов. Так, из благочестивых побуждений монастырю (ܒܝܬܐ) дарят рабыню с детьми, с ней предлагается обращаться, «как с прочими рабынями» (ܐܝܟ ܥܡ ܫܡܫ ܒܬ ܐܡܬܐ ܕܒܝܬܐ ܕܡܬܝܬܒܝܢ).[1]

Пожертвования перечисляются в пользу монастырей, ксенодохейонов и для благочестивых целей. Пожертвованное имущество должно приносить доход. Поэтому обменять или продать его можно только с выгодой для учреждения, которому пожертвование сделано. Ведать этим имуществом должны доверенные люди, которые находятся под контролем руководителей церкви.

Данным законодательного памятника соответствуют и сообщения нарративных источников. В принадлежащем церкви селении ܒܝܬ ܐܪܒܝܐ в Месопотамии, у города Дары, крестьяне находились на положении рабов.[2] Это следует из того, что, когда государственная казна (ταμεῖον, ܛܒܠܐ) приобрела эту деревню, «всякий, населявший ее, был освобожден и ему утверждена была его земля и двор» (ܟܠ ܕܝܬܒ ܒܗ ܫܪܝ ܘܐܬܪ ܒܝܬ ܐܪܥܐ ܘܒܝܬ ܡܬܝܬܒ ܒܗ).[3]

Известны пожертвования в пользу знаменитой несторианской академии в Нисибине и ее ксенодохейона. Учившимся в этой академии запрещалось ходить и выпрашивать на содержание школы.[4]

[1] Ch. Bartholomae. Zum sassanidischen Recht, III, Išoboht, V, 12, § 4, стр. 176.
[2] Zacharias Rhetor. Historia ecclesiactica, ed. E. W. Brooks. Scriptores Syri, ser. 3, t. VI, стр. 36.
[3] Zacharias Rhetor. Historia ecclesiactica, стр. 36.
[4] Gli Statuti della scuola di Nisibi, II, 14; Giornale Asiatica Italiana, IV, 1890, стр. 192.

Зороастрийские храмы также получали поддержку и крупные пожертвования от знати. Шапур I после победоносного похода в восточные римские провинции сделал пожертвования в пользу храмов огня, о чем выше была речь. Матикану известно, что храм огня был учрежден Атропатом, сыном Мартбуда. Этот храм был поручен попечениям наследников жертвователя.[1] В другом случае сообщается об учреждении зороастрийского храма на земле, принадлежавшей совместно (ham yahavunt — транскрипция Бульсары, которая дает ham — «совместно» и арамейское — ihb с пехлевийской флексией 3-го лица множественного числа unt, латинское habunt) двум лицам — Каскаха и Атрогохма. На этой земле находилась кумирня, вместо нее по распоряжению шаханшаха Хосрова I, сына Кавада, был поставлен шреум. Так как земля была захвачена шахом без разрешения владельцев, то они обжаловали это решение, и им и их наследникам было предоставлено право распоряжаться и оберегать этот храм.

Как Ишобохт знает рабов, которых дарят монастырю, так и Матикан знает рабов, которых дарят храму «священного огня». Но раб-аншахрик не имеет права выполнять в этом храме какие бы то ни было функции, непосредственно связанные с самим огнем. В этом случае текст называет отдельно bandak gabra — «бандак-муж» и hushtoik gabra — «аншахрик-муж», т. е. обе категории рабов. Очевидно, запрет непосредственно служить огню был распространен на обе категории рабов, как на бандак, так и на аншахрик. Женщины не имели права служить в зороастрийском культе, поэтому названы только рабы мужского пола.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что как зороастрийские храмы огня, так и христианские церкви и монастыри в Иране имели собственность, им принадлежали земли, рабы. Жречество занимало в Иране выдающееся положение, в его руках были сосредоточены значительные богатства — недвижимая и движимая собственность, храмы и их доходы. Знать занимала высшие должности зороастрийской иерархии, распоряжалась образованием, судом. Высший суд империи был предоставлен жречеству, власть его была поэтому очень велика. Высшие категории жрецов принадлежали к наиболее знатным родам Ирана.

Христианский клир и монашество обеспечивались христианским населением Ирана, экономически достаточно сильным. Городское население западного Ирана в значительной своей части было христианизовано, ремесленники и торговцы составляли их наиболее значительное число.

[1] Matikan, XLII, 37, стр. 538—539.

Религиозные организации в Иране, как и в других государствах, в период раннего феодализма, путем дарений и пожертвований, которые они умели использовать, приобретали положение крупных земельных собственников, будущих духовных феодалов.

ПОЛОЖЕНИЕ «ЦАРСКИХ ГОРОДОВ» В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Рост городов III и IV вв. н. э., обновление старых, постройка новых, массовые переселения, привлечение ремесленников разных специальностей в города и, наконец, создание рынков, центров обмена, — все это сопровождалось известными льготами, которые давались населению в городах. Выше уже отмечалось, что городу прирезывалась известная часть земли, чтобы его населению было чем кормиться. Присоединенная к городу земля находилась от него в зависимости и составляла единый с ним округ. Городской ремесленник сохранял известную связь с землей, она могла осуществляться непосредственно, как обработка какого-то небольшого надела. С другой стороны, пригородная земля давала ту товарную сельскохозяйственную продукцию, которая способствовала обмену. Однако товарное обращение в этот период не получило еще достаточного развития.

В ранний период зарождения феодальных отношений города преимущественно получили «положение царских городов». Те из крупных городов, которые ранее имели полисное самоуправление, к III в. утеряли его безвозвратно. С развивающимися феодальными устоями общества дрогнули, а затем и были уничтожены автономии тех больших городов Ирана, которые их имели. Шах был заинтересован в подчинении себе городов по целому ряду причин. Экономически они были центрами ремесла и торговли, а также административными единицами. Политически они становились опорой укреплявшейся феодальной знати, когда попадали в зависимость от нее, особенно в более поздний период развития средневекового общества.

Города были тесно связаны с самим шахом, который не раз вмешивался в их дела еще в то время, когда существовала их автономия. Такой факт засвидетельствован, например, письмом Артабана III к Сузам.

Из армянских источников хорошо известно, что в городах раннего средневековья существовали льготные условия. Желая привлечь население в свою резиденцию Звартноц, католикос Нарсес III «поселил там семейства из черни на правах горожан»,[1] предоставив им особые льготы — «привилегии городских жителей». Это льготное положение на «городских началах»

[1] Себеос. История. Перевод С. Малхасяница. Ереван, 1939, стр. 101.

населения свидетельствует о том, что как царь, так и крупные феодалы поддерживали облегченный режим в принадлежавших им городах.[1]

Справедливо предположение, что ввиду того что в городах такими привилегиями пользовались ремесленники и купцы, то и поставленные в привилегированное положение «крестьянские дымы» резиденции каталикоса также занимались ремеслом и торговлей. Наряду с этим сельскохозяйственными работами занимались не имевшие таких льгот крестьяне.[2]

Чрезвычайно характерен рассказ, сохранившийся у Моисея Хоренского, о «построении Аршакавана». Царь Армении Аршак II «задумал и совершил безумное дело», жалуется летописец, он построил у южного подножья Арарата (Масиса), на торговом пути, город Аршакаван. Он объявил его убежищем, в которое поторопились укрыться беглые рабы и крестьяне, «слуги», скрывавшиеся от своих хозяев, сюда же стали спасаться неоплатные должники и все, кого преследовали, — «немедленно вся долина, как море, наполнилась людьми».[3] Тот же факт сообщают и другие армянские источники. Фавст Византийский утверждает, что Аршакаван имел сначала характер крепости, а затем стал городом, так как Аршак построил в нем свой дворец. И с этого момента «жители города перестали бояться господа», это означает, что с этого времени жители города не опасались больше наступления своих прежних хозяев.[4] Один из источников утверждает, будто Аршак сам провозгласил разрешение «преступникам» селиться в городе.[5]

Нахарары неоднократно «приносили жалобы», требуя возвращения своих людей, но напрасно. Аршак, предоставляя льготы городскому населению, создавал в нем известную опору в борьбе с родовитой землевладельческой знатью. Город был собственно «царским», благодаря чему он и занял особое положение. Пользуясь покровительством царя, для которого экономический расцвет центра ремесла и торговли имел большое значение, город становился источником доходов царя. Но недовольные Аршаком нахарары, которым было отказано в возвращении «беглых» и «преступников», подняли восстание и со своими войсками двинулись на ненавистный «царский»

[1] Акад. Я. А. Манандян. Проблема общественного строя доаршакидской Армении, стр. 4.

[2] С. Т. Еремян. О рабстве и рабовладении в древней Армении, стр. 20.

[3] Моисей Хоренский. История Армении, стр. 163.

[4] Faustus de Byzance, traduit par J. B. Emine. In: V. Langlois. Collection. . ., t. I, стр. 247. — Фавстос Бузанд. История Армении. Перевод А. М. Геворгяна. Ереван, 1953, стр. 84—85.

[5] Житие Григория и Нарсеса: V. Langlois. Collection. . ., t. II. стр. 32.

город и вырезали все его население, мужчин и женщин, оставив в живых лишь грудных младенцев.[1]

Как и для Ирана IV в., строительство царем городов не является в Армении случайностью, это было следствием общего явления, этапа дальнейшего разделения труда. Ремесленник селений и деревень, не оторвавшийся от полей и виноградников, обслуживал землевладельца, который не желал отпустить его в город. Как велика была ненависть к городу, показала судьба Аршакавана, потому что «каждый нахарар был исполнен яростью к провинившимся слугам своим».

Закрепощение общин, процессы феодализации приняли в Иране особенно острый характер в V в. Объясняется это тем, что начавшееся задолго до этого времени разложение рабовладельческой системы эксплоатации на всем Ближнем Востоке сказалось и в Иране. Если здесь значительная часть земли оставалась в руках общин, под охраной которых жили крестьяне, то другая часть обрабатывалась рабами, посаженными на землю владельцами. Процессы феодализации затронули как тех, так и других.

В IV в. военные походы дали Ирану огромные массы военнопленных; как порабощенные, они выполняли тяжелые работы, несли рабский труд. Потребность в рабочих руках играла не последнюю роль в завоеваниях Шапура II, который массами выводил население провинций империи в земли «своей державы». Пленные ромейские сыграли значительную роль в построении городов, как это было указано выше, они заменили в известной степени труд рабов. В V в. такого притока рабочей силы извне не было, Иран был предоставлен собственным ресурсам и дальнейшее развитие его производительных сил, поддержание расширенного воспроизводства в городах, увеличение сельскохозяйственной продукции шло за счет усиления эксплоатации «народов» Ирана.

Мощное социальное движение, известное под именем маздакитского, охватило с величайшей силой Иран. Это был протест общин против их закрепощения и усиления эксплоатации, это было движением рабов и «слуг» против своих господ. И в этом случае города сыграли роль убежища, места, куда устремились люди, бросавшие свой тяжкий труд и ярмо непосильной эксплоатации. Описывая анархию, которая возникла, автор письма Тансара говорит, что «слуга стал господином», что «простонародие» бросило работу, обратилось «в бегство» и «рассеялось по городам». Среди всякого рода дурных дел, которые приписывает классовый враг своим покинувшим работу слугам, названо и «подстрекательство» или стремление учинить бунт

[1] Моисей Хоренский. История Армении, стр. 164.

(فتنه). Их действия имеют место в городах, о чем говорит, например сирийская хроника города Карки де бет Селох и другие источники.

Отрицательную характеристику ремесленникам вообще дает и классово враждебный им источник Майино-и-хард. На вопрос о пороках ремесленников дух мудрости ответствует: «порок земледельцев невежество, зависть, дурная воля и злоба. Порок ремесленников (хутукш) — неверие, неблагодарность, неуместное рассуждение, угрюмость и бранчивость».[1] Список этих «пороков» дополняет ту отрицательную характеристику, которая давалась ремесленникам и автором письма Тансара, также стоявшего на враждебной народному движению точке зрения. Город оказался и в этом случае убежищем, местом, куда устремились беглые и недовольные. Характерно, что источник говорит: «Дошло до того, что рабы (بندگان) осмелели (دلید شدند) на владык (خداوندان), а жены на мужей».[2] Таким образом, маздакитское движение затронуло и рабов, что указывает на глубокие изменения, происходившие в общественном строе Ирана. Город благоприятствовал тому, чтобы скопившийся здесь народ вступал в более тесное общение и мог действовать сообща. Поэтому одно из предписаний шаханшаха заключалось в том, чтобы каждый занимался своим делом, выполнял свою работу и никто не вмешивался в чужие дела (مشغول حردانیدن مردان نکوهای خویش).[3] Это распоряжение, как и длительное рассуждение о недостойном поведении женщин и разрушении семейной жизни, связывает этот памятник с временем Хосрова I. Именно при этом шахе правительство приняло решительные меры для подавления движения.

Городское население состояло из различных имущественных слоев, причем в числе «простых» и «незнатных» людей могли быть очень состоятельные. В этом отношении следует вспомнить экономическое благосостояние Поси, ставшего каругбедом. В период разорения знатных семей, когда были поколеблены древние основы рода и его благосостояние, городское население стало приобретать имения знати. «Независимому народу» (عامه مستقل), как характеризует их источник, было запрещено покупать имения знати,[4] что отвечало и общему направлению политики второй четверти VI в., когда установились отношения феодального характера и шах ставил в зависимость от себя представителей «благородных». Эти данные говорят о значительности города, о том, что «городской народ» был «независимым» и экономически сильным. К его недостаткам, по мнению предубежденного источника, принадлежали склонность «к восстаниям» и «к подстрекательству».

[1] The book of the Mainyo-i-khard, ed. by E. W. West. London, 1871, § 59, стр. 183.
[2] Lettre de Tansar. . ., стр. 217, 521.
[3] Там же, стр. 217.
[4] Там же, стр. 222—223.

В таком же роде высказывается и Фирдоуси в зависимости от использованного им источника, стремившегося скомпрометировать политику, «освобождавшую» город. В Шах-намэ рассказывается, будто Бахрам Гур прибыл после охоты в одно селение (ده — deh), но там его никто не приветствовал, хотя люди вышли на дорогу, чтобы посмотреть кортеж. Шах разгневался и сказал сопровождавшему его мобеду, что желал бы видеть это селение в запустении, так как был обижен невниманием его жителей. Тогда мобед обратился к жителям селения (deh) и сказал, что шах Бахрам объявляет это селение городом (دیان تاکند شهر), поэтому всех называет хозяевами, господами (کدخدای). Господами считаются также женщины и дети, все равны и каждый является господином селения (همه کدخدان ده اند).[1] Жители селения испустили крики радости по поводу того, что все стали господами, что женщины и мужчины стали в равное положение, а что слуги и наемники стали равны господам. Молодые люди перестали бояться и убили старых господ, а все селение охватили беспорядки, грабежи, и очень скоро цветущее селение оказалось разоренным, покинутым и в полном запустении.[2] Через год мобед вернулся, чтобы констатировать этот упадок; он посоветовал одному из оставшихся там старцев взять управление в свои руки, обещая ему помощь из казны. После этого селение было восстановлено, вернулись те, кто его покинул, и оно расцвело с прежним успехом.

Мораль этого рассказа ясна. Город освобождал, в городе каждый чувствовал себя равным, независимым, свободным, каждый был господином. Слуги и наемники становились равными господами, исчез страх. Женщины могли пользоваться правами и авторитетом наравне с мужчинами. Но результатом освобождения было общее разорение. В этом рассказе Фирдоуси дается та же отрицательная характеристика городу и горожанам, делается упор на недопустимость равенства, которое нарушает отношения господства и подчинения, без которых не мыслится государством его «порядок».

В известной мере этот рассказ связан с отзвуками маздакитского движения и его идей, хотя и относится ко времени Бахрама Гура. Тенденция этого сказания та же, что и приведенных строк письма Тансара.

Существенно также то, что селение становилось городом по распоряжению, приказу шаха, и все становились господами и

[1] A. Firdousi. Le livre des rois, publ., trad. et comm. par. J. Mohl, V. Paris, 1868, стр. 582.
[2] Там же, стр. 584—585.

хозяевами, в какой-то мере отменялись подати. Эти сведения перекликаются с текстом сирийской хроники города Карки де бет Селох, который был приведен нами выше.

СОСЛОВНЫЙ СТРОЙ ИРАНА И ГОРОДСКОЕ СОСЛОВИЕ

Для более четкого определения глубоких сдвигов в социальных отношениях Ирана следует рассмотреть положение города. Смена общественной формации не оставила и не могла оставить без значительных изменений социальную структуру города. Древний, античный город изменился, когда его основа, рабовладельческая система, была подорвана. В раннее средневековье роль города значительна, она определяется более глубоким разделением труда, более решительным отделением от сельского хозяйства ремесла, по крайней мере в наиболее крупных центрах, дифференциацией трудовых процессов в пределах каждого ремесла и, следовательно, известной специализацией ремесленника на отдельных отраслях производства. Центральной фигурой города становится свободный производитель — ремесленник, эксплоатация рабского труда отступает, в Иране она и вообще не была количественно большой.

Положение городского населения, ремесленников и торговцев, связано с сословным делением в Иране вообще. В данном случае выражение «сословие» употреблено чисто условно, так как разделение общества, которое дается в источниках, не отвечает узкому представлению о сословиях, тем более о классах. Общество Ирана этого времени состояло из двух классов — эксплоатирующих и эксплоатируемых. Первые были классом землевладельцев, к которому принадлежали как жречество, так и военная аристократия. Основную часть эксплоатируемых составляло крестьянство. Но сословное деление, наличие сословий в иранском обществе явствует из источников. Однако рамки сословного деления не были такими суровыми, они нарушались, и сословия не приобретали характера каст.

Большой интерес представляет свидетельство источников о сословиях, которое связано с традицией священных огней зороастрийцев.

Не только Авеста, но и памятник, воспевающий Арташира I — «Карнамаг», знает в Иране только три сословия — жреческое, военное и земледельческое. Вопрос о сословиях за последнее время особенно подробно рассматривался Викандером. Он стоит на той точке зрения, что деление на сословия исходит из преданий знати и жречества и ошибочно приписывается различным легендарным лицам или Арташиру.[1]

[1] S. Wikander. Die Feuerpriester in Kleinasien und Iran, стр. 192—193.

Анализируя различные списки разных источников, Викандер наблюдает известную закономерность. Если воины занимают в списке сословий первое место, то среди жречества первое или единственное место отводится хербадам. Если же первое место занимают жрецы, то они называются мобедами и имеют преимущество перед хербадами.[1] Такая закономерность связана, по его мнению, с традициями разного происхождения. Мобеды были связаны с северо-западной традицией, имевшей опору в Шизе, а хербады, жреческая знать, — с культом Анахиты и с Фарсом. Последним покровительствовали первые Сасаниды, в частности Шапур I.

В списке сословий, перечисленных в книге Арда Вираф, в 14-й главе, Викандер находит указание на то, что якобы существовало зороастрийское учение о пяти огнях, а юго-западная традиция придерживалась традиции о трех огнях. Мобеды стремились объединить оба эти положения.[2]

По нашему мнению, ссылка на Арда Вираф не отвечает положениям, высказанным Викандером. Перечисление сословий дается здесь несколько иначе, чем ему это представляется, и их всего четыре, а не пять. Первыми названы представители жреческого сословия, им отводятся два параграфа (1—2 и 3—6). Далее названы воины, к ним причисляется и шах, и о них говорится в двух параграфах. Как и два предыдущие, они заканчиваются словами: «И это казалось мне чудесным», так как это — видение автора книги Арда Вираф (7—10 и 11—13). Следовательно, в этих четырех параграфах охарактеризованы два сословия — жреческое и воинское. Далее следует один параграф, посвященный земледельцам вастриошан (14—18) — третьему сословию. И наконец, в заключительном параграфе (19—21) названы ремесленники, хутухшаган (hutuxšaγ), которые «в мире», т. е. в своей жизни на земле служили «возглавляющим их».[3] Таким образом, в этом случае речь идет о четырех сословиях, но подробности о них излагаются дважды, в дифференцированном виде.

В другой своей работе Викандер рассматривает этот вопрос в связи с древними иранскими легендами, имеющими параллель в индийском эпосе. Как и Христенсен, отметивший наличие двух традиций, названных им условно «религиозной» и «национальной», Викандер приписывает эти традиции двум разным «социальным классам» сасанидского времени — «жре-

[1] Там же, стр. 195.

[2] Там же, стр. 205. — Книга Арда Вираф является «поздним продуктом после сасанидского времени» (W. B. Henning. Zoroaster politician or witch-doctor. London, 1951, стр. 32).

[3] The book of Arda Viraf, ed. E. W. West. Bombay, 1872, стр. 36—39, 163—164.

ческому» и «аристократическому».[1] Древняя иранская традиция знала три сословия, и соответственно существовало три священных огня: жрецов (Atur Farnbag), воинов (Atur Gushnasp) и «третьего сословия» (Atur Burzen Mihr). Первое место принадлежало огню жрецов, но с возвышением царя огонь воинов стал приобретать все большее значение; это ясно из ряда примеров, которые он приводит из источников. Что касается огня «третьего сословия», то он вышел из традиции второго сословия, т. е. воинов — аристократии.[2]

Иначе говоря, оба упомянутых автора пришли к выводу, что господствующее в древности положение жречества было затем потеснено светской аристократией, представителями воинов. При усложнении государственного строя функции жрецов и воинов изменились. Суд остался в руках жречества, но функции управления и сбора налогов отошли в руки сословия воинов, т. е. были уделом аристократии. Хотя литературную традицию удается уловить лишь для первых двух сословий, нельзя быть уверенным, что третье сословие свой огонь получило как бы от второго сословия, отпочковалось от него. Нам представляется более правильным предположение, что огонь вастриошан восходит к глубокой древности, когда труд земледельца был окружен величайшим почетом, на что есть указания как в индийском, так и в персидском эпосе. Но совершенно понятно, что фиксированы были лишь две традиции — жреческая, названная Христенсеном «религиозной», и светская, аристократическая, она же царская, названная им «национальной». Поэтому не вполне убедительна точка зрения Викандера, что новая династия Сасанидов противопоставила функциям двух первых сословий, жреческого и военного, функцию третьего сословия.[3] Но что, расширяя опору государства, Сасаниды, выдвинутые более многочисленным землевладельческим слоем, не только аристократией, подняли значение вастриошан, не подлежит сомнению. В этом им помогла традиция, существовавшая издавна в Иране, высоко ставившая занятие земледелием.

Иначе обстоит дело с четвертым сословием — ремесленников (hutuxš). Это живое слово, которое бытовало в иранских языках, оно имеется в упомянутой выше 14-й главе книги Арда Вираф и в одном папирусе VII в.,[4] оно неоднократно встречается в Матикане.[1] Жреческая традиция знает только три огня и остается при этом и тогда, когда существовало уже «четыре класса». Три священных огня были издревле известны и стабильны.[2] Традиция и почитание трех огней оставались без изменений, но в сословном строе Ирана, в соответствии с его социальной перестройкой, произошли изменения. Город с его ремесленниками и торговцами значительно возрос количественно, т. е. городов стало больше, почти все Сасаниды были строителями городов. Население Ирана образовывало все новые города, которые затем находили поддержку и покровительство шахов и правительства. Росло и количество жителей в самих городах, куда устремлялась часть населения из деревень.

Но это новое, народившееся городское «сословие» не имело своего огня, в традиции на практике остаются три главных, основных священных огня, поклонение которым для соответствующих сословий было обязательным. Хутухшан были как бы присоединены к вастриошан. Кроме главных священных огней, существовали огни и во всех провинциях, где они находились под охраной местных жрецов. Письмо Тансара говорит о «священных огнях», которые поддерживались у каждого из «царей провинций».[3] Главное святилище жречества и их огонь следует искать в Кариане (Kariyan), в Персиде, между Сирафом на берегу Персидского залива и Дарабджиром. Огонь воинов (Гушасп) горел в Ганзаке, в Шизе (Азербайджан). «Огонь крестьян» (Atur Burzen Mihr) находился на северо-западе от Нишапура, где селение Реванд названо Лазарем Фарбским «деревней магов».[4] Очень показательно, как представления об огнях даны в различных источниках V—VI вв., хотя в известной мере терминология их несколько архаизирована.

Карнамаг знает три священных огня: огонь магов-жрецов, огонь войска, артештар ва сепахпатан — «колесничников и воинов», к которым причислялся и сам шах. Третий священный огонь, называемый «Бурзен-Михр», был учрежден для земледельцев, вастриошан. Никакой другой дифференциации этих сословий в этой «книге Арташира» не дано. Термин «вастриошан» раскрывается как измененное «варз-кердан» «землю делающие», т. е. «земледельцы».[5]

Другой памятник VI в. изменяет этой традиционной и архаизированной схеме. Карнамаг стремится доказать, что он составлен во времена Арташира; такой же тенденцией отличается

[1] S. Wikander. Sur le fond commun indo-iranien des épopées de la Perse et de l'Inde. La nouvelle Clio, 1950, № 7, стр. 312—313.
[2] Там же, стр. 314—315.
[3] Там же, стр. 320.
[4] Hansen, fragm. 8831, 6: Sitzungsbericht der Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1937, стр. 91. — S. Wikander. Feuerpriester in Kleinasien und Iran, стр. 205.

[1] Matikan-i hazar datastan.
[2] S. Wikander. Sur le fond commun indo-iranien des épopées de la Perse et de l'Inde, стр. 316.
[3] Lettre de Tansar. . ., стр. 225, 530.
[4] A. Christensen. L'Iran Sous les Sassanides, стр. 165—167.
[5] Karnamag, ed. D. D. P. Sanjana, стр. 4. — Th. Nöldeke. Geschichte des Artachšîhr-i Pâpakân, стр. 37, 68.

и письмо Тансара, которое является к тому же псевдо-эпиграфом. Но в вопросе о сословиях Карнамаг остался при старой жреческой схеме трех священных огней, а письмо Тансара отразило действительное состояние сословий, оно дифференцирует, перечисляя профессии, входящие в то или другое сословие.

Письмо Тансара делит население на четыре сословия (چهر اعضا), буквально на «четыре члена». Главой всех их является падишах. Шахи провинций от него зависимы, они обязаны по очереди приезжать к его двору, чтобы этим выразить преданность. Свой венец они должны получать только из рук самого шаханшаха. Попрежнему первое место занимает жречество, второе принадлежит воинам, но третье место занимают писцы. К писцам принадлежат писатели, счетчики, юристы, биографы, составители писем и актов, поэты, врачи, астрологи.[1] В централизованном персидском государстве III—VII вв., в его управлении, бюрократия заняла настолько видное положение, что выделилась из сословия жрецов и составила как бы особое сословие скрибов.

«Четвертый член» общества или сословие характеризуется как «прислуживающие» или «услужающие» (میانه خوانند). Состав этой группы дифференцируется. «Они торговцы (بازرگانان), земледельцы (راعیان — крестьяне, райяты), купцы (تجار) и прочие ремесла».[2]

Очень характерно деление сословий в книге Майнио-и-хард. Этот памятник первых веков новой эры сохранил в одной из глав трехчленное деление общества, но дал дополнение, из которого явствует, что четвертое сословие появилось позднее. В главе 31 упоминаются занятия жрецов, воинов и земледельцев. Обязанности последних заключаются в следующем: «Дело востриош выполнять возделывание и культивирование, и по своим способностям [они должны] вскармливать землю и держать ее возделанной».[3] Следующая, 32-я, глава посвящена обязанностям ремесленников, хутукш. На вопрос мудреца, в чем состоит дело ремесленника, дух мудрости ответствовал: «Дело ремесленников в том, что то дело, которое они не понимают, они к нему не прикладывают руки, а те, которые они понимают, они делают хорошо и со вниманием и спрашивают справедливую оплату. Если случится, что они делают то, что они не умеют, это дело бывает испорчено и плохо сделано».[4]

Таким образом, за тремя сословиями определилось четвертое, главным отличием которого было признано совершенство их работы, требующей особых навыков, знаний, опыта; они берут в руки, прикладывают свой труд только к тому делу, которому они обучены и которое они хорошо знают. Это указывает и на то, что производительные силы продолжали здесь развиваться. Ремесло, инструмент (как бы он ни был примитивен), прием и навыки работы передавались систематически. Обучению данному труду, ремеслу, придавалось большое значение.

Изменения, внесенные в деление сословий, говорят также о значительном месте, которое заняли производители города в общей экономике государства. Класс эксплоатируемых дифференцировался, ремесленники в городе, торговцы заняли настолько значительное положение, что источник перечисляет их в четвертой группе общества. Сословий стало четыре, но они утеряли свою связь с религиозной традицией, во всяком случае четвертое сословие примыкает в этом отношении к третьему сословию, ремесленники и торговцы объединяются с востриошан. Священный огонь сословия уже не имел прежнего значения, установить еще один священный огонь не представлялось возможным, и четвертое сословие, вышедшее из земледельческого, сохранило общее с ним святилище.

[1] Lettre de Tansar. . ., стр. 518.
[2] Там же, стр. 213, 512, 513.
[3] The book of the Mainyo-i-khard, стр. 161.
[4] Там же, стр. 161.

МАЗДАКИТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Маздакитское движение было вызвано глубокими социальными явлениями, нарушением закона соответствия развития производительных сил и производственных отношений. Оно охватило значительные массы населения, причем, как это имело место особенно в движениях древнего и средневекового периода истории, в нем принимали участие различные классы общества, хотя главной силой этого движения были крестьянские массы. Рассмотрение движущих сил общества, участвовавших в маздакитском движении, возможно только при детальном изучении фактов, сохраненных источниками. Следует сразу же отметить враждебность сохранившихся источников к маздакизму, оказавшую известное влияние и на точку зрения исследователей, которые в ряде случаев были пристрастны и не отнеслись критически к характеру и направленности источников.

В историческом процессе, происходившем в Иране в V в. н. э., продолжалось средоточие населения в городах и их численное увеличение, о чем речь была выше. Образование новых городов, как и укрепление старых центров, их уплотнение, следует поставить в связь с общими процессами разделения труда. Новые, феодальные формы общественных отношений, разложение части сельских общин, особенности введения форм эксплоатации парцеллярной, наконец, зарождение феодальной собственности на землю — все это влекло глубокую перестройку, в которой городская жизнь заняла известное положение, иное и новое по сравнению с предшествующим периодом, до III в. н. э.

Маздакитское движение, связанное с перестройкой базиса, имело идеологические мотивы, которые частью сохранены в источниках. Учение Маздака корнями своими было связано с манихейством и являлось как бы развитием его наиболее крайних черт. Манихейство определялось пессимизмом, так как доминирующий мотив зла в мире был его основанием.

В маздакизме получил развитие мотив борьбы со злом, которая опиралась на возможность победы добра над злом.

Различные формы надстроечных, идеологических направлений были связаны с различными общественными явлениями, которые определялись перестройкой семьи и общины.

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ МАЗДАКИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Маздакитское движение неоднократно привлекало внимание исследователей. Его касаются во всех общих историях Ирана, ему посвящены и отдельные исследования.

В прошлом столетии Шпигель охарактеризовал маздакизм как некую реформацию зороастризма. Религиозный характер доктрины Маздака давал повод для рассмотрения ее в таком плане. Существенной является его связь как с зороастризмом, так и с манихейством, получившим значительное распространение в Иране со второй половины III в. н. э. Социальный характер движения маздакитов также был отмечен Шпигелем, который подчеркнул, что их последователями были «бедные» и «неимущие», составлявшие главную силу движения, вызвавшего сильнейшую ненависть имущих и знатных.[1]

Т. Нельдеке в своем ученом переводе хроники Табари дал в соответствующих главах ценные подстрочные замечания. В особом экскурсе он охарактеризовал основные черты маздакизма, указал на различные версии в тексте Табари и уделил много места социальной характеристике этого движения.[2] Особенно существенно то, что указана связь с маздакитским движением реформ, осуществленных шаханшахом Хосровом I.[3]

Крупнейший специалист по истории Ирана времени сасанидской династии, Христенсен, неоднократно возвращался к истории маздакитского движения. Ему принадлежит наиболее полная, можно сказать исчерпывающая, сводка источников, подробное рассмотрение отдельных версий и выделение древнейшего, основного остова исторических событий, связанных с именем Маздака. Сравнения, которые сделаны Христенсеном, являются главным образом сравнениями по линии сюжета, сопоставлениями событий, сообщаемых той или иной хроникой, их классификацией по содержанию рассказа, но не являются анализом существа данной версии. Положительная или отрицательная трактовка, данная тем или другим источником маз-

[1] F. Spiegel. Eranische Altertumskunde, т. III, Leipzig. 1878, стр. 391.

[2] Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber . . ., стр. 135.

[3] Н. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосрова I. ВДИ, № 1, 1937.

дакитского движения, не представляла для него интереса. Между тем взгляды отдельных историков прошлого, социальная среда, из которой вышли данные источники, в значительной мере определили их взгляд на маздакитское движение.

Переоценка сюжетного момента и недооценка социальных причин того или другого взгляда источников на существо вопроса не дали еще возможности во всей полноте решить вопрос о сущности маздакитского движения.

Наиболее полно источниковедческие вопросы поставлены Христенсеном в его небольшой монографии.[1] В статье более позднего времени он возвращается к характеристике двух версий о Маздаке, одна из них находится в персидской Фарс-намэ.[2] Другая связана с группой памятников, имеющих общую традицию, и сохранилась в персидском ривайате.[3] По мнению Христенсена, обе версии дают возможность восстановить утерянную пехлевийскую книгу Маздак-намэ.[4]

Рис. 12. Монета Балаша (484—488).

Христенсен развил мысль о зависимости учения маздакитов от манихейства, на что имеются указания в источниках. Это в значительной мере определило представление о маздакизме, доктрину которого Альтхейм и Стиль[5] пытаются связать с широко распространенными взглядами представителя греческой эклектической философии Порфирия. Авторы исходят из общего положения, что новоплатонизм породил на Ближнем Востоке монофизитство и близкие ему явления, тогда как в Иране и зороастризм и манихейство дуалистичны. Не считая достаточно выясненной самую основу учения Маздака, авторы стремятся найти его изложение в источниках в наиболее чистом виде, каким оно исходило от основателя учения или его ближайших учеников. Таким является, по их мнению, текст Шахристани, который в этой части восходит к изложению Мухаммеда ибн Харуна, называемому также Абу Иса ал-Варрак.[6] К этому тексту обращались и все предшествующие исследователи и высоко оценивали его как первоклассный источник. Христенсен привел соответствующий текст Шахристани в полном французском переводе и удачно определил различные источники, которыми пользовался для этой главы автор «Книги о религиях философских школ». В частности, именно Христенсен указал, что при изложении религиозной системы Маздака использован третий источник, претендующий на то, что это подлинные слова Маздака.[1]

[1] A. Christensen. Le règne du roi Kawardh I et le communisme mazdakite. Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskabs historisk-filologiske Meddelelser, IX, 6, 1925.

[2] A. Christensen. Two versions of the history of Mazdak. Dr. Modi memorial volume. Bombay, 1930, стр. 327.

[3] Там же, стр. 322.

[4] Там же, стр. 326.

[5] F. Altheim und R. Stiehl. Mazdak und Porphyrius. La nouvelle Clio, 1953, 5, №№ 7—10.

[6] Там же, стр. 360.

Источники, сообщающие о маздакитском движении, многочисленны, но не равноценны. Часть из них является свидетельством современников, относившихся к движению крайне отрицательно. К числу таких памятников следует отнести сирийскую хронику Иешу Стилита, составленную до 518 г., сообщения Прокопия Кесарийского и Агафия, греческих писателей VI в., как и сведения народной хроники, известной под именем Иоанна Малалы. Это наиболее близкие по времени свидетельства сохранились у авторов, получивших информацию из Ирана, но не бывших персами. Для Иешу Стилита Кавад хорошо известное лицо, он был свидетелем похода персидских войск в начале VI в., их угроз Эдессе и особенно тяжелой осады Амида. Но общий эпический тон сирийского хрониста не обостряется и в его характеристике Кавада, хотя и он сообщает, что тот «обновил отвратительную ересь зарадуштакан».

Прокопий Кесарийский, секретарь Велизария с 527 г., находился с этим выдающимся византийским полководцем в походе против персов в последние годы царствования Кавада, умершего в 531 г. Его сообщения живы и интересны, хотя в них имеются несомненно ошибки. Агафий Миринейский, умерший около 582 г., в четвертой книге своей истории использовал сведения об Иране, полученные им от известного толмача Сергия. Последний служил переводчиком при переговорах и в сношениях между Ираном и Византией, он пересмотрел шахские архивы и ознакомил Агафия с материалами архива царствований и деяний персидских царей, сделав перевод их на греческий язык.

Малала дал единственный по значимости материал, он связывает учение Маздака с учением, развитым в III в. Бундосом. Сведения Малалы восходили к персу Тимофею бастагарию. Существенно, что эти, хоть и краткие сведения Малалы перекликаются с данными арабо-персидских авторов более позднего времени, которые сообщают об учении Маздака.

Сирийская «История города Карка де бет Селох» знает потрясения, вызванные маздакитским движением. Сторонники Маздака, как и в других источниках, называются и манихеями.

[1] A. Christensen. Le règne du roi Kawadh I. . ., стр. 79—82, 80 (прим. 3).

Эта «История» была составлена в VI в., и ее данные должны быть отнесены к сообщениям современников событий.

Хронограф Феофана VIII в. сохранил данные, восходящие к более раннему времени, но указывающие на организацию манихеев-маздакитов, что имеет очень существенное значение.

Для сирийских и греческих источников характерно то, что маздакизм для них учение религиозное, «ересь». Действия маздакитов характеризуются как восстание, возмущение, они разграбляют имущество, нарушают нормальное течение жизни, им ставится в укор либертинизм.

Пехлевийские источники содержат только немногочисленные намеки на Маздака и его приверженцев, при этом исключительно отрицательного характера.[1]

Арабо-персидская традиция не представляет единообразия. Но характеризовать ее только в соответствии с различием в сюжете было бы неправильно. Для одних источников характерно то, что они не придают особого значения маздакитскому движению, в центре их интересов находится история Кавада, романтические и приключенческие ее черты. Другую группу источников выделяет их резко отрицательное отношение к маздакитскому движению, которое вызвало ненависть и страх господствующего класса. Как в первом, так и во втором случае трактовка зависит от источников, к которым восходят эти сведения, и от политической обстановки и среды, отразившейся в сочинениях данных авторов.

В основе арабо-персидской традиции лежат материалы пехлевийской хроники, не дошедшей до нашего времени. При дворе Сасанидов был архив, в нем сохранились официальные документы, записи главнейших событий, происходивших в государстве. Хвадайнамаг — «Книга государей» — была официальной хроникой Сасанидов, ее неоднократно переводили на арабский язык. Перс-зороастриец, перешедший в ислам, Ибн ал-Мукаффа, был автором наиболее популярного арабского перевода этой пехлевийской книги. Помимо этого перевода, сделанного в VIII в. (Ибн ал-Мукаффа умер около 760 г.), который также не сохранился, существовал еще ряд переводов, использованных, например, в Анналах, составленных в 961 г. Хамзой Исфаганским.[2] Во всяком случае Хамза указал, что он приобрел восемь рукописей истории персидских царей, которые он сравнил между собой, при этом перечисляет имена переводчиков. Первым им назван Ибн ал-Мукаффа, вторым Мухаммед ибн ал-Джахм Бармекид, причем в обоих

[1] A. Christensen. Le règne du roi Kawadh I. . ., стр. 20—21.
[2] В. Р. Розен. К вопросу об арабских переводах Худай-намэ. Отд. оттиск, 1895, стр. 173.

случаях говорится, что это книги «в переводе» (من نقل) названных лиц и обе носят одно и то же название — «Книга жизни царей Персии» (كتاب سير ملوك الفرس).[1] Из «сокровищницы ал-Мамуна» была извлечена «Книга летописи царей Персии» (كتاب تاريخ ملوك الفرس). Далее вновь повторяется первое название «Книга жизни царей Персии» в переводе других переименованных лиц. Пятый и шестой экземпляры рукописей, указанных Хамзой, были переводами или входили в своды (من نقل او جمع), составленные названными им авторами. Шестая и седьмая рукописи носят несколько иное название — «Книги истории царей сыновей Сасана», т. е. царей из рода Сасанидов.[2] Эти данные, на которые впервые указал В. Р. Розен, говорят о том, что существовало несколько переводов Хвадайнамаг, но их содержание не совпадало полностью. Их названия не были одинаковыми, что скорее подтверждает различие переводов, причем два из них входили в состав сборников. Восьмой рукописной книгой, по остроумному предположению Розена, следует считать книгу ал-Кисрави, к которой в следующей главе переходит Хамза. Возможно, что ее название было пропущено переписчиком. Автор указывает на то, что в хронологии персидских царей было много ошибок и несоответствий и что он сравнивал рукописи друг с другом и стремился выяснить «то, что должно быть изложено в этой главе».[3] Еще более отчетливо Хамза говорит в начале второй главы, что «книга, называемая Худай-намэ (خُداى نامه), в переводе с персидского на арабский носит название «Книги истории царей Персии».[4] Таким образом, не может быть сомнения в том, какая именно книга лежала в основе сообщений Хамзы о времени сасанидских царей, которые он тщательно сравнил между собой и проверил.

Противоречия в арабо-персидских источниках, по мнению Христенсена, восходят к той же Хвайдайнамаг,[5] следовательно в основном пехлевийском источнике были уже отражены разные представления о движении, о роли Маздака, Кавада. Однако, сравнивая версии между собой, можно отметить их почти дословное совпадение в некоторых частях, совпадение,

[1] Hamza Ispahanensus. Annales, ed. J. Gottwaldt, t. I. Textus arabicus, Lipsiae, 1844, стр. 1—9; t. II. Translatio latina, Lipsiae, 1848, стр. 6—7.
[2] A. Christensen. Two versions of the history of Mazdak, стр. 322.
[3] Hamza Ispahanensus. Annales, стр. ٩ (9) — В. Р. Розен. К вопросу об арабских переводах Худай-намэ, стр. 174.
[4] Hamza Ispahanensus. Annales, стр. ١١ (16).
[5] A. Christensen. Two versions of the history of Mazdak, стр. 322.

которое не может быть случайным. Такая же близость наблюдается и в смысловом отношении.

В основу Хвадайнамаг легли источники, использованные и Агафием Миринейским из архива шахов Ирана. Та же «Книга государей» была взята Фирдоуси для Шах-намэ. Автор знаменитой поэмы пользовался персидским переводом этой пехлевийской книги, а также располагал и другими источниками, известными и арабским авторам. Летописи сасанидских царей были широко пополнены народными сказаниями, как и романами, пехлевийской беллетристикой. К числу таких романов принадлежали роман о Каваде и роман о Маздаке, Маздакнамэ, легендарные подробности и беллетристические детали у позднейших авторов появились именно из этих пехлевийских произведений.

В источниках можно с большой вероятностью выделить то, что составляло первоначальную канву фактов, занесенных в анналы и затем использованных в «Книге государей». Наибольший интерес могли представить материалы, которые исходили бы от самих маздакитов, но таких немного, в частности к их числу можно отнести данные аш-Шахристани.[1] Перс по происхождению, Шахристани (1085—1153) писал на арабском языке и оставил описание религий и философских школ, среди них нашло место и учение маздакитов.

Философский трактат Нихайату-л-икдам фи Илми-л-калам является дополнением к книге о ересях Китабу-л-милал вал-нихал, в нем излагаются взгляды Шахристани, философские и религиозные.[2] Книга о ересях была впервые издана Кьюртоном и прочно вошла в историю арабской философии с переводом Хаарбрюкера.[3] Одна из глав второго раздела второй книги этого сочинения объединяет философские взгляды сторонников дуалистического начала (thanawija), которые считают, что свет и тьма изначальны и вечны. Первый параграф этой второй главы посвящен манихеям, второй — маздакитам. В основном содержание последнего следующее. Основателем этого учения является Маздак, выступивший при Каваде, отце Ануширвана, он привлек его к своей вере. Хосров Ануширван обнаружил лживость Маздака, разыскал и убил его. По свидетельству ал-Варрака, учение маздакитов во многих утверждениях сходится с учением манихеев о двух существах и двух началах, с той разницей, что Маздак признавал за добрым на-

[1] A. Christensen. Le règne du roi Kawadh I, стр. 79—82.

[2] The summa philosophiae of al-Shahristani Kitab nehayatu'l-Jqdam fi 'Ilmi'l-Kalam edited with a translation by A. Guillaume. Oxford, 1934.

[3] Muhammad al-Shahrastani. Book of religious and philosophical sects. Ed. by W. Cureton. London, 1842. — Th. Haarbrücker. Asch-Shahrastani's Religionspartheien und Philosophen-Schulen. Halle, 1850.

чалом действия намеренные и по свободному выбору. Тьма же действует, по его мнению, без плана, случайно, она бессознательна и слепа, тогда как свет сознателен. Смешение того и другого случайно и возникло без определенного плана, намерения и свободного выбора. Освобождение осуществляется поэтому также случайно, не по свободному выбору. Маздак запретил людям раздоры, ненависть и борьбу. Так как в большинстве случаев причиной этого являются женщины и материальные блага, то он освободил женщин. Он обобществил материальные блага, приравняв их в пользовании воде, огню и пастбищам. На этом, видимо, кончается материал, позаимствованный Шахристани у некоего зороастрийца, обратившегося в ислам Мухаммеда ибн Харуна, известного под именем Абу Иса ал-Варрака.

Переходя к новому источнику с выражением «говорят», Шахристани сообщает, что Маздак приказывал «убивать души», чтобы освободить их от зла и смешения с тьмой. В качестве основных элементов он признавал три: воду, огонь и землю. Из смешения этих основных элементов вышло зло и добро.

Шахристани использовал, далее, еще один источник, к которому он переходит со словами «рассказывают». «Предмет поклонения» Маздака сидит на троне в том высшем мире, подобно тому как царь персов сидит на своем престоле в низшем мире. Перед первым находятся четыре силы: различения, разума, памяти и радости, как перед шаханшахом находятся мобедан-мобед, великий хербад, спахбед и рамишгар. Эти четыре силы распоряжаются делами мира через семь везиров, которые вращаются в круге двенадцати духовных существ. В каждом человеке собраны эти четыре силы, а семь и двенадцать духовных существ стали господами в низшем мире, с которого обязательство было снято. «Царь высшего мира» царствует благодаря знанию букв, которые составляют «имя наивысшего». Тот, кто может себе представить что-то об этих буквах, тому будет открыта великая тайна. Кому это не дано, тот остается в ослеплении невежества, забвения, тупости и горя перед этими четырьмя духовными силами.[1]

В заключение Шахристани приводит название четырех маздакитских сект, которые распространены: «кудсакийа» в Ахвазе, Фарсе и Шахрзуре, а прочие в Согде — Самарканде, Чаче (Ташкенте) и Илаке.

Таким образом, можно думать, что в распоряжении Шахристани было не меньше трех источников о маздакитах. Первый из них сообщал фактический материал о Маздаке и его социальное учение. Второй и третий источники содержали изложение его

[1] Th. Haarbrücker. Asch-Schahrastani's Religionspartheien und Philosophen-Schulen, стр. 291—293. — A. Christensen. Le règne du roi Kawadh I, стр. 79—82.

системы философской и религиозной, которая является синкретической и включает элементы гностицизма, манихейства, преломленного пифагорейства. На это указывает учение о свете и тьме, сакральные числа четыре, семь, двенадцать, учение об имени и о великой тайне. Третий источник указывает также на распространение маздакизма в юго-западных областях Ирана и в Средней Азии. В изложении Шахристани маздакизм не подвергается тем клеветническим и презрительным наветам, которые можно найти в других источниках, это скорее благожелательный или эпический тон, в котором излагается его доктрина. Есть основания предполагать, что здесь отражена сохранившаяся среди маздакитов в период арабского господства традиция. Вся литература маздакитов была уничтожена после их свержения, и, вероятно, лишь немногие письменные памятники сохранились втайне у их последователей.[1]

В третьем источнике, использованном Шахристани, изложено учение Маздака, обратившее на себя особое внимание упомянутых выше исследователей. Они стремятся доказать, что это учение восходит непосредственно к основателю движения и изложено подлинными его словами. Прежде всего отмечается, что божество Маздака, сидящее на троне, не имеет имени; это объясняется тем, что его имя может быть известно только человеку, постигшему «высшую тайну».[2] Божество со всех сторон как бы обступают «силы», которые руководят всем миром, наподобие того, как высокие должностные лица управляют Ираном. В дальнейшем учение Маздака детализирует различные начала или силы. По-новому дается перевод того места текста Шахристани, где говорится о том, что происходит, когда все силы (al-kuwā) объединяются в человеке. Неясный, по его мнению, перевод Христенсена [3] Альтхейм предлагает дать иначе. А именно «если все силы, которые разъединяют человека», т. е. людей вообще, объединятся в одном человеке, то он сам становится божеством.[4] Силы, о которых идет речь названы kuwa, а духовные силы обозначаются как al-kuwa r-rūhānaiya.

Определяя фрагмент, находящийся у Шахристани, как традицию, непосредственно исходящую от Маздака, Альтхейм и Стиль натолкнулись, однако, на затруднение. В высшей сфере сидящее на престоле божество не имеет имени, в сфере земной, которая соответствует высшей, царь назван Хосровом. Объяснение этому авторы находят в том, что шах Хорезма у Иби

[1] A. Christensen. Le règne du roi Kawadh I, стр. 82.
[2] F. Altheim und R. Stiehl. Mazdak und Porphirus, стр. 361, 365.
[3] A. Christensen. Le règne du roi Kawadh I, стр. 81—82.
[4] F. Altheim und R. Stiehl. Mazdak und Porphirus, стр. 365.

Хордадбеха назван خسرو خوارزم Хосров Хварезм («хосров» как имя нарицательное в значении «шах», «царь», Хорезма),[1] и возводят это наименование к эпическим сказаниям о легендарном шахе Кай Хосрове.[2] Совершенно справедливо, что при Маздаке Хосров играл лишь отрицательную роль гонителя, и поэтому предполагать ссылки на его имя не приходится. Верным является и тот довод, что в этом отрывке назван один спахбед, что указывает на время, предшествующее реформам Хосрова I, установившего должность четырех спахбедов.[3] Но едва ли следует соглашаться с авторами, которые произвольно утверждают происхождение Маздака из Хорезма, для чего они изменяют текст Табари, допуская ошибку в далеком пехлевийском оригинале. В этом нет необходимости, так как происхождение Маздака из Нисы или Нишапура или из области северного Хорасана поддерживается целой группой источников. Но если Маздак и происходил из северного Хорасана, то все же приписывать ему наименование шаха Хосровом несколько искусственно. Нельзя согласиться с теми отличительными чертами, которыми авторы наделяют учение Маздака по сравнению с учением Мани; так, по их мнению, у Мани светлому началу противополагается темное, у Маздака нет, у Мани божество деятельное и находится в борении, божество же Маздака покоится, у него деятельны лишь силы, наиболее отдаленные от божества.[4] Но такие представления стоят в прямом противоречии с ранним и достоверным свидетельством Малалы о Бундосе, который «пренебрег» (ἀπέσχισεν) учением манихеев и ввел свою догму (ἴδιον δόγμα) и «учил, что благой бог сразится со злым и победит его, а победе долженствует честь».[5] Считать Бундоса только предшественником Маздака при том, что в учении последнего уже нет злого начала, как это стремятся доказать упомянутые авторы, никак нельзя. Если все положительное в догме маздакитов и возглавлялось единым светлым божеством, которому подобала «честь», то это не снимало борьбы добра со злом. Авторы неправы, утверждая, что в учении Маздака все высокое, духовное, мыслящее было и покоящимся и потому оно противопоставляется всему действующему.[6] Этому противоречат все положения маздакизма, его со-

[1] Ibn Knordadhbeh. Kitab al-masalik wa'l-mamalik. Lugduni — Batavorum, 1889, стр. 40.
[2] F. Altheim und R. Stiehl. Mazdak und Porphirus, стр. 367, 368.
[3] Там же, стр. 367.
[4] F. Altheim und R. Stiehl. Mazdak und Porphirus, стр. 368—369 (на основании Белами, ал-Бируни, Табари).
[5] Johannes Malalas. Chronographia, Bonn, 1931, стр. 309.
[6] F. Altheim und R. Stiehl. Mazdak und Porphirus, стр. 371—372.

циальная активность, которая была сильнее, чем в манихействе. Никакого упразднения борьбы двух начал, наличной в манихействе, не произошло. Об этом говорит не только текст Маалалы, из которого явствует, что свое учение Бундос распространил и в Иране, так как он «удалился» из Рима и «учил в Персиде», но и в тексте Шахристани учения Маздака и Мани непосредственно связаны, благое начало действенно, причем оно следует сознательному, преднамеренному решению и свободному выбору.[1] Стремясь сблизить учение Маздака с новоплатонизмом, с учением Порфирия в частности, Альтхейм и Стиль утверждают, что Бундос в Риме ознакомился с этим кругом идей и перенес их в Иран, где они находились под спудом в течение двух веков, а затем были подхвачены и распространены Маздаком. Последний многое истолковал иначе, чем Мани, и в северном Хорасане познакомился с идеями Бундоса, позаимствованными у Порфирия.[2] Наконец, авторы указывают, что буквы (цифры), которыми властвует владыка света, соответствуют греческому алфавиту в 24 буквы, а не арамейскому алфавиту в 22 буквы. Отказ человека от смешения со злом, с тьмой, есть отказ от «его самости» и связано с отмиранием индивидуальности.[3]

Со всеми этими соображениями также никак нельзя согласиться. Распространение идей новоплатонизма, знакомство с сочинениями Порфирия имело место в Иране, куда не только проникали, но где осуществлялись переводы с греческого на сирийский — язык культуры и литературы Ближнего Востока. Возможно, что в эклектическом, воспринявшем множество различных влияний манихействе, а вслед за ним в маздакизме, можно обнаружить разные элементы, которые роднят их с тем или иным положением из учения гностиков, новоплатоников. Это учение и сближает маздакизм с идеями императора Юлиана или философа Порфирия, тем не менее учение Мани или Маздака носит уже черты глубокого синкретизма. Манихейство своими корнями уходит в своеобразную и интересную среду философских и религиозных идей Междуречья, где и следует искать их начало. Крайней модернизацией отзывается и стремление доказать, что отказ от индивидуальности ведет к победе над злом. Такой идеи в источниках о маздакизме нет места. Нельзя согласиться и с их стремлением оторвать маздакизм от манихейства, с которым он связывается еще младшими современниками движения, как, например, автором сирийской хроники Карки де бет Селох.

Уделяя внимание мелким, не имеющим существенного значения моментам в учении Маздака и совершенно оставляя в стороне его социальную сущность (как большого динамического начала), авторы ушли от возможности разрешения этой проблемы.

На основании целого ряда других источников следует указать, что учение, которое проповедывал Маздак, сложилось задолго до него. Основателем этой доктрины называют Зарадушта или Заратустру. Еще Нельдеке пришел к выводу, что нет оснований считать его вымышленным лицом или смешивать его с одноименным пророком зороастрийской религии — это историческое лицо, которое источники знают как Зарадушта, сына Харагана из Паза. Один из источников Табари утверждает, что Зарадушт был идейным родоначальником маздакитов, а Маздак лишь проповедником этой доктрины.[1] Хронологически наиболее близкие к движению источники подтверждают эту точку зрения. Так, сирийская хроника Иешу Стилита, составленная до 518 г., говорит о «дурном нраве» Кавада и о том, что он «обновил» отвратительную ересь религии «магов», называемую зарадуштакан (ܙܪܕܘܫܬܝܐ).[2] К этому примыкают и данные хроники города Карки де бет Селох, одного из центров иранской провинции Бет-Гармай, составленной в VI в. Сириец Акбалаха пользовался доверием шаха и играл при сасанидском дворе выдающуюся роль. Благодаря своему влиянию он имел возможность препятствовать распространению учения «двух врагов Мани и Зарадушта, которые жили во времена этого славного».[3] Хроника считает, следовательно, Мани и Зарадушта современниками, а тем самым дает возможность установить время их жизни в III в., так как Мани умер в тюрьме в 276 г. Та же хроника идейно сближает манихейство с маздакизмом, как учением этого Зарадушта, которое «в одно время явно, в другое тайно просуществовало вместе с горьким корнем Мани до времен Хосрова».[4] Целый ряд общественных явлений привел к тому, что к концу V в. учение Зарадушта было «обновлено» и получило широкое распространение. Одновременно с манихейством оно подвергалось преследованиям еще в III в., как указывает хроника. Манихеев гнали яростно и в Иране и в Византии, это засвидетельствовано многочисленными источниками,

[1] Th. Haarbrücker. Asch-Schahrastani's Religionsparthein und Philosophenschulen, стр. 291. — A. Christensen. Le règne du roi Kawadh I, стр. 80.

[2] F. Altheim und R. Stiehl. Mazdak und Porphirus, стр. 272—274.

[3] Там же, стр. 275—276.

[1] Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber. . ., стр. 154.

[2] The Chronicle of Joshua the Stylite, ed. by W. Wright. Cambridge, 1882, § 20. — Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 135.

[3] Acta mm. ss. II, стр. 517.

[4] Acta mm. ss. II, стр. 517.

как и тем, что они были вынуждены переселиться в Прикаспийские области, в Среднюю Азию.

Византийская историография также тесно связывает маздакизм с манихейством. В Хронографе Феофана под 6016 г. имеется подробное сообщение о кровавой расправе с маздакитским движением, уничтожившей его главных деятелей. Хронограф упорно называет их манихеями. «Кавад же, царь персидский, сын Пероза, много тысяч манихеев (πολλὰς μυριάδας Μανιχαίων) с их епископом Индасаром уничтожил в один день, вместе с сенаторами персидскими их единомышленниками (σὺν τοῖς οὖσι συγκλητικοῖς Πέρσαις ἐκ τοῦ αὐτῶν φρονήματος)».[1] Как видно из приведенных выше данных из трактата Шахристани, близость манихейства и маздакизма не ограничивалась смешением их названий и тем фактом, что Зарадушт был современником Мани, — их философские предпосылки и самые системы были сходны. Гностическое учение, попытка ревизовать зороастризм, создать универсальную религию были основой манихейства. Эта основа находит свое место и в мировоззрении маздакитов, которое носит совершенно явные следы гностического учения, переработанного манихейством.

Сведения хронографии VI в. Иоанна Малалы сообщает следующее. Этому источнику известны маздакиты под именем манихеев, причем их учение распространялось даже в Риме. Хронограф сообщает об учении некого Бундоса, манихея, который появился в Риме, основал там секту под названием дарисфенов, а затем направился в Иран. Временем его деятельности Малала считает царствование императора Диоклетиана (284—305). Такое хронологическое указание соответствует и приведенным выше сведениям сирийской хроники Карки де бет Селох. Последняя считает основателем маздакизма Зарадуста, современника Мани, т. е. приурочивает время его жизни к III в. н. э.

Иоанн Малала сообщает: «При этом императоре [Диоклетиане] объявился некий манихей в Риме городе, по имени Бундос, который пренебрег догмой манихеев, ввел собственную догму и учил, что „благой бог сразится со злым и победит его, а победе долженствует честь". Он удалился и проповедывал в Персии, где манихейская догма персами зовется [учением] дарисфенов, что переводится [учение] благого».[2] Бундос значит «почтенный», «уважаемый». Христенсен полагал, что речь здесь идет о том же Зарадуште или Зарадусте. На пехлевийском языке название секты дарисфенов Бундоса—Зарадушты, приведенное Малалой, — derist-denan — значит «те, которые проповедуют истинную веру».[1] Таким образом, учение Зарадушта во второй половине V в. нашло горячего сторонника и проповедника в лице Маздака, оно было учением, родственным манихейству, «манихейской сектой». Философское учение маздакитов признавало, однако, конечную победу добра. Эта философская предпосылка служила основанием для вывода, что возможно изменить мир, реализовать некоторые положительные начинания, способствовать победе добра. Отсюда вытекали и те выводы социального порядка, которые были сделаны исследователями относительно этого учения, оказавшегося в V в. связанным с именем Маздака, сына Бамдада. В качестве «проповедника у простонародия» последний выдвигал социальный момент, что было выражением чаяний и надежд измученных, притесненных масс иранского населения.[2] Этим маздакизм и отличался от манихейства, что был не только философской доктриной, но имел и действенную, практическую сторону, пытался осуществлять свои идеи в жизни.

Источники не сходятся на личной характеристике Кавада, одна и та же хроника на разных страницах различно расценивает его отношение к маздакитам. Но это не является существенным моментом, как рассказ о казни Маздака, явно выхваченный из традиций пехлевийских романов, вероятнее всего из Маздак-намэ. Для данного исследования существенна другая сторона традиций — характеристика самого маздакитского движения, она дается ими единодушно. Это признание того, что за Маздаком шли беднейшие слои населения, что народ тяжело страдал от голода и требовал улучшения своего положения, что протест и движение оказались вызванными этими обстоятельствами именно в данный период. Также единодушны характеристика философской и религиозной теории Маздака, сделанные им выводы для практического осуществления равенства в распределении имущества.

Противоречия традиции объясняются той реальной исторической обстановкой, в которой были зафиксированы события конца V и начала VI в. в Иране, как и тем, что они получили романтическое обличие в беллетристических пехлевийских сочинениях. Обаяние этих последних в значительной мере потемнило историческую правду событий.

---

[1] Theophanes. Chronographia, ed. De Boor, I. Lipsiae, 1883, стр. 169—171.

[2] Johannes Malalas. Chronographia, стр. 309—310.

[1] A. Christensen Le règne du roi Kawadh I, стр. 99,97.

[2] Siasset-Namèh, traité de gouvernement, composé par le visir Nizam al-Mulk, traduit par C. Schefer. Paris, 1893, стр. 245. — Сиасет-намэ. Книга о правлении визиря XI столетия Низам ал-Мулька. Перевод Б. Н. Заходера. М., 1949, стр. 190.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ МАЗДАКИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ПОЛИТИКА КАВАДА

Распространение маздакитского движения в V в. было связано с именем Маздака, сына Бамдада, современника шаханшаха Кавада I (488—531). «Проповедник у простонародия» принадлежал к жреческому сословию и был магом, по персидской традиции, а Низам ал-Мульк называет его даже мобедан-мобедом и приписывает ему стремление реформировать зороастрийскую религию.[1] Жрецом считает его и Шах-намэ Фирдоуси. Традицию о Маздаке в значительной мере потемнила литературная обработка сведений о нем, которой созданы «Роман о Каваде» и «Роман о Маздаке». Фантастические подробности, занимательные эпизоды вплетены в историю царствования Кавада, его сближения с маздакитами и в сведения о Маздаке. Нелегко поэтому выделить основные моменты в истории маздакитского движения, очистив их от романтического, литературного элемента, сохранившегося у позднейших авторов. Это сказывается в разных версиях, которые переписаны Табари в истории Таалиби, в Сиасет-намэ. Об этом достаточно подробно сообщил и Христенсен в своих источниковедческих розысканиях. Помимо ряда причин, указанных выше, к концу V в. положение в Иране стало тяжелым. Агрессивная внешняя политика шаханшаха Пероза требовала огромных средств. Войны с «гуннами» на среднеазиатской и кавказской границах опустошили казну. У эфталитов в качестве заложника остался сын Пероза, Кавад, и чтобы выкупить его, отцу пришлось обложить поголовной податью все население. Пероз воевал несколько раз с гуннами и «попал в руки своих врагов. Все его войско было разбито, рассеяно, а сам он был взят живым. Он пообещал в своей гордости дать за спасение своей жизни 30 мулов, нагруженных зузе. И послал в землю, что находилась под его властью, и с трудом собрал 20 мешков, так как вся казна предшествовавших ему царей была истощена прежними войнами. За другие 10 мешков, пока он не пришлет их им, он оставил поручителем и заложником Кавада, своего сына, и во второй раз заключил с ними договор больше не воевать». Пероз освободил сына, послав требуемую сумму, и вновь «собрал войско и отправился воевать». На этот раз все его войско было

Рис. 13. Монета Кавада I (488—531).

[1] Siasset-Namèh, стр. 245.—Сиасет-намэ, перевод Б. Н. Заходера. М., 1949, стр. 190.

истреблено и сам Пероз погиб, пропав без вести.[1] В годы его правления происходило немало стихийных бедствий: недород, неурожай, голод привели к обнищанию масс. Есть сведения, что Пероз стремился несколько облегчить положение населения, снижал подати, оказывал помощь раздачей денег из казны.[2] По другим данным, он призывал ко взаимной поддержке, требовал, чтобы богатые из своих запасов оказали помощь бедным, к которым он проявлял всяческую заботу.[3] Современники считали его царствование чрезвычайно несчастным и население ко времени вступления на престол Балаша находилось в бедственном состоянии, в этом единодушны все источники и восточные и греческие. Такое положение не могло не благоприятствовать социальному движению и было почвой, на которой оно стало быстро развиваться. После 484 г., года вступления на престол Балаша, брата Пероза, улучшения не последовало. Денег в казне было мало, собирать подать с населения было трудно, обедневшие, разоренные и обнищавшие крестьяне покидали свои насиженные места.

Повсеместное недовольство и волнения должны были вынудить Балаша к некоторым мероприятиям в пользу крестьян. Об этом сохранилось отдаленное воспоминание, будто Балаш привлекал к ответственности тех владельцев, на землях которых непосредственные производители были доведены до разорения и покидали свои участки и дома.[4] Едва ли можно доверять этому сообщению в той форме, как оно выражено у Табари, но что какие-то попытки правительством для смягчения делались, несомненно справедливо.[5] Этим, вероятно, и объясняется ненависть высших кругов к мужу «смиренному и миролюбивому», каким был Балаш. Не нравилось и стремление правительства Ирана поддержать дружеские отношения с Византией и искать опоры в несторианском населении, ввиду того что положение государства было шатким. Шах не имел поддержки и в войске, так как у него «не было золота, чтобы содержать свои войска», и поэтому он был «ничтожен в их глазах». На него пыталась оказывать давление знать, предъявлявшая свои требования. Против него было и жречество — мощная сила в государстве. «Маги также его ненавидели за то, что он пренебрегал их законами и желал построить бани в городах для омовений».[6] Недо-

[1] Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 132, 86—87.

[2] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 119.

[3] Там же, стр. 121—122.

[4] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 134. — Tabari. Annales, t. II, стр. 883. — Н. Пигулевская, Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 87.

[5] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 296.

[6] Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 88.

вольство жречества и знати, отсутствие поддержки со стороны войска, оплата которого в должных размерах Балашом не производилась, привели к катастрофе. Балаш был свергнут и ослеплен, а престол занял в 488 г. Кавад, сын Пероза. При нем маздакитское движение достигло наивысшей точки своего развития.

Проследить историю движения в деталях не представляется возможным по состоянию источников, можно выделить лишь известное число фактов, при этом преимущественно относящихся к разгрому движения. История Маздака, история шаханшаха Кавада I подверглась художественной обработке. На пехлевийском существовали романы о Каваде, о Маздаке, и следы такого рода беллетристических произведений, как Кавад-намэ и Маздак-намэ, были вскрыты исследователями в более поздних арабских и персидских произведениях. Но по существу известное число фактов может быть установлено на основании всех этих разнообразных источников, потому что они содержатся с небольшими вариантами во всех них.

Кавад был несомненно умным и тонким политиком, он быстро ориентировался в любой обстановке, был храбрым воином и ловким дипломатом. Он дважды занимал престол шаханшахов. Заняв его вторично, в трудный политический момент, он сумел сохранить его за собой и поднять государство до положения мировой державы, на котором его удержал и Хосров. С годами у Кавада выработалась политическая прозорливость, но в молодости он не смог учесть всех последствий своей связи с маздакитами, где политический расчет играл доминирующую роль. Давая простор народному движению, Кавад рассчитывал обуздать жречество, ограничить претензии знати. Непосредственными участниками движения были «простонародие» и «чернь», к которым была обращена проповедь Маздака и которые «склонялись» к его учению. Временный успех движения был связан с ними. Но азаты, «свободные», средний слой землевладельцев, которые были обязаны нести военную службу, дехкане, получили более всего преимуществ при Хосрове. В качестве войска они открыто выражали свое неудовольствие Балашу. После маздакитского движения им была оказана материальная поддержка, она их усилила, в противоположность ослабевшей знати и жречеству.

Проповедь Маздака имела особенно большой успех во время голодных лет. Тогда он предложил Каваду открыть голодным хлебные амбары. Фирдоуси облекает их беседу в поэтическую форму. В виде притчи Маздак рассказывает шаху о тяжком голоде, постигшем население. Иранское правительство, вообще говоря, предпринимало такие меры и раньше, но голодный народ и сам захватил хлеб в государственных хранилищах.[1]

[1] A. Firdousi. Le livre des rois, VI, стр. 142—145.

Движение масс, возглавленных маздакитами, приняло широкий и угрожающий характер. Оно развивалось при поддержке или, во всяком случае, при попустительстве шаханшаха, с которым Маздак вошел в сношения.

Маздакиты стремились «взять у богатых», чтобы дать бедным, вернуть неимущим за счет имущих. Народ объединился вокруг Маздака и «прилежал» ему и его последователям. Маздакиты так укрепились, утверждает враждебный им источник, что осмеливались врываться в чужой двор, забирать всякое имущество, жилище, жен, и никто им в этом не препятствовал.[1] В сирийской хронике города Карки де бет Селох сохранились сведения о действиях маздакитов во время их господства. Правитель Томездгерд приказал (ʒnƨ) «язычникам и манихеям» грабить движимую и недвижимую собственность жителей Се-

Рис. 14. Монеты Хосрова I Ануширвана (531—578).

лоха.[2] Действия маздакитов, несомненно, нанесли тяжелый имущественный ущерб знатным родам, и политика Хосрова I была направлена на восстановление потерь и укрепление их пошатнувшегося положения. Намеками на маздакитское движение следует считать и жалобы другого памятника на появление людей безродных, низкого происхождения, без знаний и навыков, стремившихся занять положение и сделаться богатыми.[3] Уравнительный принцип маздакизма действовал, диктуя распределение имущественных благ всякого рода собственности.

Социальное учение Маздака нашло свое выражение в религиозном обличии. Почти дословное совпадение главных положений указывает на то, что догма Маздака была примерно в следующем виде изложена в Хвадайнамаге, в этом отношении показательны совпадения Табари и Таалиби.

Бог дал свои дары людям с тем, чтобы они делили их поровну, пользовались ими сообща и ни один из них не имел больше,

[1] Tabari. Annales, 886. — Th. Nöldeke. Tabari, стр. 142.

[2] Хроника Карки де бет Селох (сирийский текст): Acta mm. ss. II, стр. 521.

[3] Lettre de Tansar. . ., стр. 215, 519. — A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 357—358.

чем другой, «чтобы не было у одного больше, чем у другого» (حتّى لا يكون لاحدهم فضل فيما على الاخر).[1] Но люди стали совершать в отношении друг друга несправедливости, вступили в борьбу, сильные победили слабых и захватили все дары и имущество. Поэтому необходимо брать у богатых и оделять этим неимущих, с тем чтобы у всех была одинаковая доля благ. Бедным следует вернуть то, что им в сущности принадлежит, за счет имущих. Те, кто имеют много денег, всякого другого имущества, женщин, не имеют на это больше прав, чем те, которым все это не принадлежит.[2]

Таким образом, маздакизм видел происшедшие в историческом процессе изменения. От первоначального, всеобщего равенства, в котором материальные блага принадлежали всем в равной и одинаковой мере, люди уклонились. В возникшей борьбе сильные взяли верх, все захватили себе, но от этого слабые не потеряли своего права на эти блага. Отнимая их обратно от богатых и распределяя их среди бедных, маздакиты восстанавливают лишь первоначальный справедливый порядок, потому что права на эти блага и имущество богатые не имеют. Обращает на себя внимание то, что требуется деление «в равной доле», что имеет глубокие корни. «Необходимо обязательно взять у богатых для бедных, так чтобы сравнять их в собственности» (والواجب المفروض ان يؤخذ للقلين من المكثرين حتّى يتساووا فى الاملاك).[3]

В таких словах излагает доктрину Маздака Таалиби, что вполне совпадает и с традицией, переданной Табари. Упор в маздакизме делался на равное распределение, которого они требовали для всех. Они желали равной, одинаковой доли в получении благ, с тем чтобы «сравнять» в обладании собственностью всех между собой. Эта уравнительная тенденция находила опору в том, что первоначально все блага мира были даны людям всем в одинаковой мере. Как «вода, огонь и пастбища» являются предметом общей собственности, в такой же мере должно быть общим и все остальное материальное имущество людей. Это было наиболее сильной стороной учения маздакитов.

Равное распределение имело глубокие корни, так как оно практиковалось искони в общине. В товариществах, о которых имеются сведения в древних иранских юридических кодексах, принцип распределения тот же. Прибыль, полученная товариществом (hambayih) делилась в равной мере между всеми его

[1] Al-Thaalibi. Histoire des rois de Perse, стр. 600. — Th. Nöldeke. Tabari, стр. 154.
[2] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 141.
[3] Al-Thaalibi. Histoire des rois de Perse, стр. 600.

членами. Такое распределение также опирается на традиции, сложившиеся в общине, хотя самое товарищество — явление вторичное. Это был наиболее простой вид социальной реформы, возврат к примитивной системе распределения, хорошо знакомой крестьянской общине. Что именно последняя являлась образцом, говорит особенно ясно подробность текста Шахристани, где в качестве примера общей собственности названы «вода, огонь и пастбища». Пастбища были неделимой собственностью общины. Они принадлежали всем ее членам и потому включались наряду с водой и огнем в число даров, принадлежавших всем. Обращает на себя внимание то, что нигде в наиболее старой и близкой к событиям традиции не упоминается о требованиях делить землю; повидимому, земля находилась преимущественно в руках крестьян. Община подпадала феодалу, он стремился ее захватить, поработить и сделать ее источником своих доходов, но земля в представлении непосредственных производителей принадлежала еще им. Наступление на общину и ее землю осуществлялось в порядке феодального владения. Усиленная эксплоатация и подчинение общины феодалу вызвало протест масс.

Вопроса о маздакитском движении и сложных исторических проблем, связанных с ним, коснулся в своей статье В. В. Бартольд. Отметив, что Маздак в своем религиозном учении примыкал к Мани, Бартольд отрицал возможность «проповеди разнузданности» в маздакизме, который на практике привел к тому, что движение стало движением «низших против высших», по выражению Табари.[1] Отношение Кавада к маздакитам, «сначала дружественное, потом враждебное», В. В. Бартольд не приписывает религиозным побуждениям, а справедливо отмечает, что в дальнейшем имело место «усиление авторитета престола на счет высших слоев аристократии, с сохранением в руках низшей земельной аристократии, дехканов, местного управления, особенно дела сбора податей и всей полноты власти над сельским населением».[2] Из этих слов В. В. Бартольда явствует, что и он полагал, что Кавад поддерживал маздакитов, стремясь ослабить родовую аристократию, а опирался в своей политике на «благородных» землевладельцев — дехканов. Эти последние непосредственно осуществляли эксплоатацию крестьянства, и сбор податей в значительной мере происходил через них. Новые феодальные порядки, при которых «благородные» и обедневшая знать становились все более зависимыми от престола, способствовали усилению их наступления на крестьянские общины особенно после кризиса маздакитского движения.

[1] В. В. Бартольд. К истории крестьянских движений в Персии, стр. 56.
[2] Там же, стр. 56—57.

Общины ожесточенно боролись за свою автономию, одним из выражений этого кризиса и борьбы было маздакитское движение.

В сущности своей это движение было крестьянским, поскольку оно выражало протест масс, которые экспроприировали часть имущества знати, захватывали и делили его между собой. Источники не дают достаточного материала для суждения о том, как протекала эта борьба, «но несомненно, что, по

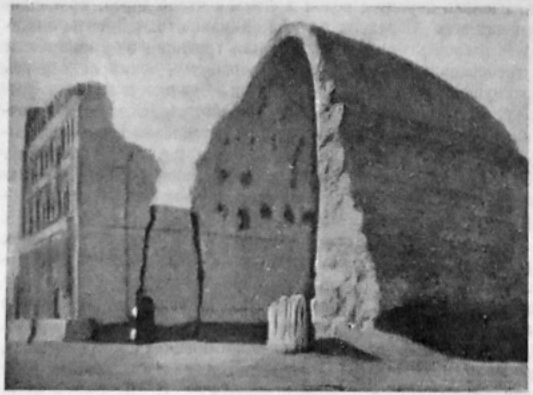

Рис. 15. Здание времени Хосрова I(Taq-i Kisra).

крайней мере, в Персии эти кризисы способствовали усилению дехканов как сословия на счет более высоких слоев персидской аристократии».[1] Бартольд сопоставляет кризисы с подобными кризисами в Европе, «аналогия» с которыми, по его мнению, «ясна сама собой».

Достоверным из всех жалоб классовых врагов следует считать то, что обособленность знатных родов была нарушена движением, наряду с разорением части знати. Это явление в известной степени было в интересах шаханшаха, так как оно в значительной мере ослабляло знать, пользовавшуюся исключительно большой властью и влиянием на государственные дела. Высшие роды

[1] В. В. Бартольд. К истории крестьянских движений в Персии, стр. 56.

аристократии — наследственная знать — была руководящей политической силой, подчас угрожавшей автократическим тенденциям шаханшаха. Опорой государственной власти становились более широкие круги. Азаты-дехкане предъявляли претензии на иное распределение добавочного продукта, львиная доля которого доставалась узкому кругу аристократии.

Протест крестьянства против прикрепления, против нового наступления на общины проявился в требовании общности имущества и получил свое выражение в маздакизме. Его успех был обеспечен различными действующими силами. Движение нашло поддержку в части господствующего класса, вместе с которой к нему склонился и шаханшах, желая «крушения знати».[1] Христенсен не склонен считать, что Кавад в первый период своего царствования установил какие бы то ни было законы, которые бы в значительной мере изменили положение знатных семей. При Замаспе, сменившем Кавада, источники не сообщают ни о каких изменениях или восстановлении прежнего положения. Но тот же Христенсен высказал предположение что какое-то особое обложение богатых было введено с тем, чтобы облегчить положение бедных.[2]

Свидетельство восточных источников создает представление, что со стороны правительства Кавада существовало попустительство, действия маздакитов нельзя было обжаловать, т. е. такого рода жалобы не принимались во внимание, таков смысл приведенного выше текста Табари.[3] Сирийский источник — хроника Карки де бет Селох — также указывает на «грабежи», производившиеся по приказу правителя Томездгерда. Активные действия имели место во всяком случае. Маздака прямо обвиняют источники в том, что он «натравливал» простой народ на знатных.[4] Эксплоатируемое население перешло в наступление, в действии осуществлялись уравнительные тенденции маздакизма. Сторонниками Маздака было «простонародье». Один из источников Табари говорит о «низах» (السفلة), которые «схватились» за этот случай, «использовали» эту возможность действовать против господствующего класса и потому следовали за Маздаком.[5]

Спасет-намэ вкладывает в уста Хосрова Ануширвана, ярого противника Маздака, такие слова: «Этот пес растащил имущество людей, сорвал покрывало с гаремов, простонародье сделал

[1] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 142 (прим. 3) — 143.
[2] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 345, 347.
[3] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 154.
[4] Там же, стр. 142.
[5] Tabari. Annales, стр. 886: Th. Nöldeke. Tabari, стр. 141.

властвующим».[1] Основные принципы действий Маздака и его последователей остаются и в этом позднем источнике теми же самыми. Закона об общности имущества или жен Кавадом, по данным Сиасет-намэ, не издавалось, но он не препятствовал действиям маздакитов, направленных в сторону такого рода «новшеств», осуществлявшихся насильственно. Повторяя более ранние источники, Низам аль-Мульк утверждает, что «многие люди все больше увлекались его [Маздака] учением по причине общности имущества и женщин, в особенности простонародие».[2] Нет сомнения, что к «низам» и «простонародию» прежде всего следует причислить крестьянство, составлявшее основную массу населения.

Массы и придали мощь и силу движению. Прямым следствием их участия были налоговые реформы, подготовленные Кавадом и проведенные Хосровом I. Судя по тому, что государственная власть стала поддерживать именно средних землевладельцев, следует предположить, что это был тот слой господствующего класса, который вышел с победой из схватки, а в VI и VII вв. стал главной опорой государственной системы Ирана.[3] За поддержку маздакизма Кавад поплатился престолом. Жречество и знать свергли его и заточили, о чем с достаточной достоверностью сообщают все источники. Прокопий Кесарийский, сведения которого восходят к сообщениям, исходящим от персов, подтверждается данными Хвадайнамага, сохранившимися в позднейших арабских и персидских сочинениях.

Маздакитское движение оказало воздействие и на положение знатных родов, так как была разбита обособленность этих семей, их замкнутость и «чистота» происхождения. В период перевеса маздакитов, говорит Табари, люди «низших» классов смешивались с женщинами аристократических родов, о которых они «не смели помышлять».[4] Семейные традиции были нарушены, и дети не могли указать, кто был их отцом,[5] — утверждает тот же источник. В этом вопросе нельзя согласиться с исследователями, полагающими, что никаких законодательных постановлений Кавадом не было сделано. Обращает на себя внимание, что ближайшие по времени источники, какими являются Иешу Стилит и Прокопий Кесарийский, оба и независимо друг от друга, говорят об «общности» жен.

Текст Прокопия и вообще заслуживает несколько большего внимания, чем ему уделено до настоящего времени. Μετὰ δὲ

[1] Сиасет-намэ, перевод Б. Н. Заходера, стр. 192.
[2] Там же, стр. 142.
[3] Н. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосрова Ануширвана, стр. 143—144.
[4] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 154.
[5] Там же, стр. 142.

Καβάδης ἐπὶ τὸ βιαιότερον τῇ ἀρχῇ χρώμενος ἄλλα τε νεώτερα ἐς τὴν πολιτείαν εἰσῆγε καὶ νόμον ἔγραψεν ἐπὶ κοιναῖς τοῖς γυναιξὶ μίγνυσθαι Πέρσας, ὅπερ τὸ πλῆθος οὐδαμῇ ἤρεσκε.[1] «Притом Кавад насильственно пользовался властью, он вводил новшества в государство и написал закон об общности жен персов, что многим совсем не понравилось».

Таким образом, по мнению и по сведениям, которыми располагал Прокопий, Кавад вообще произвел перемены в управлении государством, ввел новшества. Что касается «закона об общности жен», то Христенсен справедливо указал, что во всяком случае не было закона об уничтожении семьи; это впрочем было бы трудно осуществить. Тот же автор отмечает, что другой достоверный и современный событиям источник, Иешу Стилит, не говорит текстуально о существовании такого рода закона.[2] Во всяком случае следует предположить, что обособленность и традиционная замкнутость знатных аристократических родов была нарушена.

Недовольство «многих» привело к катастрофе и лишению Кавада его престола. Кто были эти «многие» видно из дальнейшего, так как ими был посажен на престол Балаш (Βλάσης), брат Кавада, вместо него. «Балаш приняв царскую власть, созвал знатных персидских (Περσῶν τε τοὺς ἀρίστους ξυνέλαζε) для совета относительно Кавада».[3] Но вынести шаханшаху смертный приговор собравшиеся знатные все же не решились; это одно указывает на то, что среди них были и его сторонники. Предложение убить Кавада исходило от Гусанастада: . . . παρελθὼν δὲ τῶν τις ἐν Πέρσαις λογίμων ὄνομα μὲν Γουσανασπάδης, χαράγγης δὲ τὸ ἀξίωμα (εἰη δ' ἂν ἐν Πέρσαις στρατηγὸς τοῦτο γε) πρὸς αὐτὰς πυνθάνεται ἐσχατιᾶς τῆς Περσῶν γῆς τὴν ἀρχὴν ἔχων ἐν χώρᾳ ἣ τοῖς Ἐφθαλίταις ὅμορός ἐστι. . .[4] — «. . . случилось быть одному из известных персов, по имени Гусанастад, по званию ханаранг, это значит у персов полководец, который в отдаленнейшей части персидской земли правил, в области, соседней с эфталитами». Звание ханаранга было наследственным со времени шаха Пероза в роду правителей провинции Апршахр, где были расположены города Нишапур и Тус (Мешхед). Вероятно, эти наследственные правители принадлежали к «досасанидской династии», т. е. были из племенной знати данной провинции, которая добровольно подчинилась или была покорена Арташиром.[5]

[1] Procopius Caesrensis. De Bello persico, I, 5. Opera omnia, ed. J. Haury, I. Lipsiae, 1905, стр. 20.
[2] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 344.
[3] Procopius Caesarensis. De Bello persico, I, 5—I, стр. 21.
[4] Там же.
[5] J. Marquart. Eranšahr, стр. 74—75.

Гусанастад опасался Кавада и того, что через некоторое время он найдет широкую поддержку. Только так можно понять его слова, что в то время, как он говорил, было бы достаточно уничтожить одного Кавада, а через некоторое время «двадцать тысяч мужей в латах не смогут выполнить этого». Он предполагал, следовательно, что шах получит большую поддержку. Ждать ее можно было от тех, кто был заинтересован в «новшествах» Кавада. Здесь совершенно ясен намек на то, что знать очень хорошо учитывала и понимала, что политика Кавада имела сторонников, и это были широкие массы. Число «двадцать тысяч» (μυρίάδες δύο) взято, конечно, для того, чтобы сказать, что «бесчисленно большое войско» не сможет справиться с тем, во что выльется деятельность Кавада, которая получит множество сторонников. Итак, шах не был убит, но его заточили.

Прокопий Кесарийский сообщает, далее, одну из версий легендарного характера о бегстве Кавада. Иешу Стилит в своем повествовании не говорит о заточении, а прямо сообщает, что Кавад бежал к эфталитам. Отсылая к нашим предшествующим работам, где дано исследование хроники Иешу Стилита и ее перевод на русский язык, остановимся лишь на самых основных моментах, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу.[1]

Изменения, которые вносил маздакизм, были идеологические и религиозные и не могли этим своим характером не затрагивать зороастрийского жречества. Следует придать значение тому, что назревал какой-то кризис в отношении жречества к шаху и шаха к жречеству. По персидской традиции Маздак принадлежал к жреческому сословию, был «магом», а Низам ал-Мульк называет его даже мобедан-мобедом и приписывает ему стремление реформировать зороастрийскую религию.[2] Во всех спорах Маздак ссылается на учение Зарадушта и учение Зенд-Авесты.

«Меня послали, чтобы обновить веру Зарадушта, народ забыл смысл Зенд-Авесты, не так исполняет повеления бога, как проповедывал Зарадушт», — говорит Маздак. Людям «Зарадушт так приказывает, как в Зенд-Авесте, люди же не умеют этого истолковать».[3] Ересь Маздака состояла в том, по мнению Низам ал-Мулька, что он «сделал общим имуществом и жен людей».[4]

[1] Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 134—135, 88—89. — The chronicle of Joshua the Stylite, ed. by W. Wright. Cambridge, 1882, § 16. — Н. Пигулевская. Маздакитское движение, стр. 171—181.

[2] Siasset-Namèh. . ., стр. 245.

[3] Сиасет-намэ, перевод Б. Н. Заходера, стр. 190, 193.

[4] Там же, стр. 196.

Таким образом, и в этом источнике XI в. повторяются те же формулировки, что у современников движения, и отмечается особо связь учения Маздака с господствующей идеологией. Зороастризм уже не отвечал новому этапу развития общества. Приспособление надстройки к новым явлениям социальной жизни не могло проходить безболезненно. Это сказалось еще при Балаше, которого «ненавидели маги за то, что он прекратил [действие] их законов и желал построить в городах бани для омовения».[1] Иначе говоря, при Балаше был налицо конфликт между жречеством и шахом, он «прекратил», «положил конец» (𐭱𐭲𐭭) законам магов. Одним из нарушений была постройка бань в городах, что было традицией греко-римских городов. Постройка бань была уступкой городскому населению, значительная часть которого не принадлежала к зороастрийской религии, и для нее бани были обязательным обычаем городской жизни, хорошо известным в городах Византии, ближайшей соседки Ирана.

Тот же Иешу Стилит характеризует Кавада, как «обновившего отвратительную ересь магов зарадуштакан». «Дурные нравы», в которых хронист обвиняет Кавада, якобы побудили императора Анастасия отказаться иметь с ним дело. Сущность же «ереси магов», по его мнению, в том, что она «учит, что женщины будут общими и каждый может жить с кем хочет».[2]

Если Маздак был проповедников «ереси магов», т. е. того, что было для зороастризма ложным, еретическим учением, то поддержка этого учения была направлена против жречества. Известно, что часть представителей знати и некоторые члены царской семьи склонялись к маздакизму. Опираясь на эти группы, Кавад и смог вновь вернуться на престол. Особенно способствовал его спасению и возвращению Спавуш (ὁ Σεύσης — Прокопий Кесарийского) из знатной иранской семьи.[3] Для шаханшаха и части светской знати поддержка маздакизма была способом борьбы и возможностью ослабить жречество. Одной из сторон маздакитского движения была борьба светской знати со знатью жреческой, экономическая мощь и влияние которой на государственные дела были исключительно велики.

Сведения греческого хронографа Малалы указывают на то, что маздакиты были объединены некой религиозной организацией — «ибо манихеи постановили епископа, по имени Индаразара» (ἦσαν γὰρ ποιήσαντες οἱ αὐτοι Μανιχαῖοι καὶ ἐπίσκοπον, ὀνόματι Ἰνδαράζαρ).[4] Выше было уже указано, что манихеев и маздаки-

[1] Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 134.

[2] Там же, стр. 135.

[3] Procopius Caesarensis. De Bello persico, I, 6; I, 11, — I, стр. 29—30, 53—55.

[4] Joannes Malalas. Chronographia, стр. 444.

тов смешивали. В данном случае речь идет о казни маздакитов, осуществленной в конце царствования Кавада.

Имя «епископа» или «предстоятеля» маздакитов было Индарзгар (اندرزغر) и означает «советчик», «учитель»,[1] т. е. не является именем собственным, как это полагал греческий хронист. Идеология и организация маздакитов делали их соперниками других религий в Иране. Их глава пользовался влиянием при дворе шаха, как и «архимаги» (οἱ ἀρχιμάγοι τῶν Περσῶν), которых Кавад пригласил, «устроив заседание» (συλέντων ποιήσας).[2] Греческий хронограф Феофана называет верховного зороастрийского жреца Глоназом. При казни маздакитов (манихеев) присутствовал мобедан-мобед Глоназ, а также епископ христиан Базан (Βαζάνης), которого Кавад почитал, как искусного врача.[3] Сведения Малалы восходят к «бастагарию персов», принявшему в христианстве имя Тимофея.[4] Смешение манихеев с маздакитами лежало в основе сообщения Малалы, будто у них были свои церкви и Кавад велел их передать христианам. Но это последнее сообщение было справедливо отвергнуто уже Феофаном. Последний, как и Малала, сообщает о царской грамоте, содержавшей приказ уничтожить в Иране всех манихеев, сжигать их и их книги,[5] что касалось несомненно собственно манихеев.

Маздакизм представлял опасность как «ересь», враждебная зороастризму. Мобеды и несторианские епископы видели в маздакитах соперников. Ярко выраженные социальные черты маздакитского учения и самое движение были угрозой для знати. Религиозная доктрина маздакизма и его организационные формы вызвали опасения в жреческих кругах. Подорвать положение жречества, занявшего в государстве исключительно видные руководящие позиции, было в интересах шаха. Опорой шахской власти стали более широкие слои господствующего класса, и идеологическая надстройка должна была измениться в соответствии с новыми явлениями в социально-экономическом строе общества, в его базисе. Стремление ослабить зороастрийское жречество могло играть роль в симпатиях части господствующего класса к маздакизму. Поддержка, оказанная шаханшахом маздакитам, была вызвана стремлением противопоставить их сильной родовой и особенно жреческой знати, пользовавшейся неограниченным воздействием на все государственные дела. В источниках, хронологически близких маздакитскому движению, роль враждебного ему жречества, магов, выступает особенно ярко. Не случайно упоминают об этом Малала, Иешу Стилит, Прокопий Кесарийский.

[1] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 462, прим. 3.
[2] Joannes Malalas. Chronographia, стр. 444.
[3] Theophanes. Chronographia, I, стр. 170.
[4] Joannes Malalas. Chronographia, стр. 444.
[5] Theophanes. Chronographia, I, стр. 170. — Joannes Malalas. Chronographia, стр. 444.

Религиозное обличие маздакизма как социального учения было типичным явлением для всех средневековых ересей запада и востока. Как особое религиозное учение «ересь Маздака» претендовала, по словам Низам ал-Мулька, на обновление зороастризма и должна была заменить зороастризм, иудейство и христианство. Тот же автор утверждает, что ни один мобед не принял нового учения, распространение которого имело место в среде «простого народа».[1]

Мобедан-мобед занимал первое после шаха место. Хотя своим воцарением, в обход старшего сына Кавада, Хосров I был обязан влиянию жречества и поддержке мобеда, но положение зороастрийского клира именно при нем оказалось в значительной мере подорванным. Учение маздакитов представляло враждебную для зороастризма силу, и это в известной мере учитывалось политикой Кавада. Привилегиями жречества тяготилась и светская знать, следствием чего было желание ослабить ее позицию. «Мобеды» и «маги» особенно ожесточенно боролись против маздакитов, в которых они видели своих соперников и врагов.

В иранской «табели о рангах» до VI в. мобедан-мобед занимал первое место. После реформ Кавада и Хосрова звание мобедан-мобеда следует за званием целого ряда светских чинов.[2] Положение зороастрийского жречества было несомненно поколеблено маздакитским движением. В этом была заинтересована светская знать и династия, так как одним из мотивов для временной поддержки маздакитского движения являлась борьба со жречеством.

В первые годы своего царствования Кавад опирался на группировки, дружественные маздакитам. Этому способствовала и мощь движения, поддержанного народными массами. Но политика правительства не учла всех последствий своих действий. Попустительство маздакитам в их активных, враждебных действиях, направленных против знати, привело к взрыву. Знать и жречество сместили Кавада и посадили на престол его брата Замаспа.

Удаление Кавада трактуется источниками различно. Наиболее вероятно, что он бежал к царю эфталитов, при дворе которого он рос, будучи оставлен в качестве заложника своим отцом Перозом.[3] Такова традиция сирийской хроники, совре-

[1] Siasset-Namèh. . ., стр. 248.
[2] E. Stein. Ein Kapitel vom persischen und vom byzantinischen Staate. Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, 1920, стр. 54—55.
[3] Иешу Стилит. Хроника, § 23: Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 88, 136.

менной событиям, и одного из источников Табари. Последний подтверждает факт бегства Кавада к эфталитскому царю, хотя несколько меняет обстоятельства и время бегства.[1] К середине VI в. несомненно существовала и другая версия — «Романа о Каваде», помутившая все источники. В греческом она имеется у Прокопия Кесарийского и у всех зависящих от него авторов, а также широко распространена у арабских и персидских историков. Заточение Кавада и его бегство обросли легендарными подробностями; так, рассказ о том, как его жена, посещая его в тюрьме, приказала завернуть шаха в ковер и вынести, составляет часть «Романа».[2] Активность и предприимчивость Кавада помогли осуществить его бегство к эфталитам, где он мог рассчитывать на поддержку.

Таким образом, в 496 г. Кавад лишился престола шаханшахов, а в 499 г. возвратил его себе. Покидая престол, Кавад сохранил себе жизнь и не оставлял надежды вернуться. В государстве были силы, на которые он мог опереться, — часть знати и средние землевладельцы. Недаром его освобождение связывается с именем Спавуша. У эфталитов, куда устремился Кавад, он искал военной помощи и нашел ее. Он породнился с ними, женившись на царской дочери. Последняя происходила от брака царя эфталитов с сестрой Кавада, захваченной в плен во время войны ее отца Пероза на северо-восточной границе. Сестра Кавада и устроила его брак со своей дочерью. «Он приободрился, породнившись с царем, и плача перед ним ежедневно, просил его дать ему войско в помощь, чтобы он пошел истребить знать и утвердиться в своем государстве».[3]

В источниках, объединенных у Табари, сохранились следы исторической действительности, отраженной в сирийской традиции. Сообщая о вражде и борьбе Балаша (ошибочно, вместо Замаспа) с Кавадом, Табари говорит, что он был вынужден бежать «к хагану, тюркскому царю», чтобы просить у него помощи и вспомогательных войск. К этому факту Табари и возвращается вторично, вновь говоря о бегстве.[4] Эфталиты и в других источниках называются иногда гуннами, иногда тюрками и абделами.[5] Нет сомнения, что речь идет о бегстве к эфталитском двору, с которым Кавад был связан с того времени, когда «рос там», находясь в качестве заложника. Настоятельные просьбы Кавада, но главным образом заинтересованность в сохранении благоприятных отношений с персами склонили эфталитов к тому, чтобы поддержать и восстановить Кавада на престоле. «И дал ему его тесть немалое войско по его просьбе. Когда он достиг персидской земли, услыхал об этом его брат и бежал от него, а Кавад исполнил свое желание и казнил знатных».[1] Сообщение хроники, составленной еще при жизни Хосрова, его современником заслуживает доверия. Кавад после своего восстановления, расправился со знатью, с той ее частью которая была ему враждебна и оказала сопротивление. Часть светской знати и азаты оказали ему поддержку, и он опирался на нее и в момент своего возвращения.

Иранские источники, например, упоминают Зармира, сына Сохры, помогавшего Каваду восстановить свои права.[2] Этой ориентации придерживался и знатный перс Спавуш, он оказал поддержку Каваду и сыграл активную роль при его бегстве и возвращении. Сначала Спавуш получил высокое звание artestalansalar, которое делало его главой всех высших чинов и главнокомандующим армии: Σεόσην ἀβραστα̃δάρην σαλάνην εὐθὺς ἀνεῖπε. δυνατὰι δὲ τοῦτο τὸν ἐπὶ ἀρχαῖς τε ὁμοῦ καὶ στρατιώταις ἅπασιν ἐφεστῶτα.[3] Но затем он поплатился жизнью за свою огромную власть, а его должность была упразднена.

Возвращение Кавада на престол обусловлено рядом причин. К 499/500 г. относится жестокий голод в связи с засухой и налетом саранчи, охвативший области западного Ирана и Междуречья. Голод и разорение масс вызвали вновь их активность. Усиление народного движения было использовано руководящей верхушкой маздакитов, при содействии которой Кавад имел возможность возвратиться. Он был восстановлен на престоле именно тогда, когда маздакиты вновь получили поддержку недовольных масс и использовали силы «простонародия» в своих политических интересах. В годы голода Кавад, еще не крепко сидевший на престоле, предоставил им некоторую свободу действий, но уже в 502 г. он стал стремиться укрепить свое положение и обогатиться за счет войны с Византией.

Маздакитское движение смяло и нанесло тяжелый ущерб иранской знати и жречеству, другие из их числа поплатились жизнью, когда возвратившийся Кавад рассчитался со своими врагами. Опираясь на военную силу эфталитских войск, Кавад провел ряд мер, направленных на восстановление неко-

[1] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 135, 137.
[2] Procopius Caesarensis. De Bello persico, I, 5; I, 6—I, стр. 20—21, 27—30. — Theophanes. Chronographia, стр. 123—124.
[3] Иешу Стилит. Хроника, § 23: Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 136.
[4] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 133—135.
[5] Theophylactus Simocatta. Historia, ed. De Boor. Lipsiae, 1887, стр. 257, 161.

[1] Иешу Стилит, § 24: Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 92.
[2] Bury. History of the later Roman Empire, t. II. London, 1923, стр. 9.
[3] Procopius Caesarensis. De Bello persico, I, 6 — I, стр. 29—30.

торого равновесия в государстве. Прежде всего было необходимо заставить подчиниться племена и народности, которые вышли из повиновения Ирану во время этих смутных лет. Царская казна была пустой еще до бегства Кавада, за время царствования Замаспа она не пополнилась. Подкупать и платить было нечем, но Кавад угрозами заставил подчиниться тимуритов, как и кудиштов. Эти племена, считая независимыми себя, стали тревожить и грабить население Ирана.

Военные действия Кавада в Перс-Армении возвратили последнюю шаху. Армяне примкнули к нему, хотя хронист утверждает, что они сделали это «не боязни, против воли». Арабы сами «слетелись» к шаханшаху, намереваясь принять участие в войне, которую Иран собирался вести против Византии.

Войско эфталитов, данное Каваду его тестем, требовало вознаграждения. Их недостаточно было кормить и содержать, но было необходимо дать обогатиться. Составляя коалицию против Византии, Кавад указывал на тот источник, из которого он будет черпать средства, чтобы вознаградить союзников за участие в войне. Добыча, захваченная в ромейской земле, — вот казна, он сможет распоряжаться ею и уделить из нее своему войску. Военная добыча — совершенно реальное богатство, приносимое войной господствующему классу. В меньшей степени добыча доставалась рядовому воину, хотя личный риск его был неизмеримо бо́льшим. Возможность напасть, захватить, ограбить, взять в плен была общим интересом и стимулом, объединившим племена и народы державы Сасанидов.

Походом на Византию, использовавшую в своих интересах «смуту» в Иране, разрешалось несколько задач. Необходимо было восстановить прежний внешнеполитический престиж Ирана, создавалась возможность обогатить казну, срочно требовавшую пополнения, а главное, от последствий неулегшейся социальной бури, вызванной маздакитским движением, следовало искать отвлечения в активной внешней политике, в военных действиях.

Наступление персидских войск на византийские области дало большую добычу, обогатившую самого шаха и войско. Осаждая город, войско требовало обычно выкупа, вымогало его. Если в выкупе отказывали, то, захватив город, войска подвергали его жестокому разграблению. Львиная доля доставалась царю, затем военачальникам, принадлежавшим к знати, остальное захватывали воины. Походы начала VI в. восстановили расстроенную государственную казну и оказали поддержку господствующему классу, понесшему потери за время обострения классовой борьбы. Активная внешняя политика отвлекала от последней, а экономическое усиление основного ядра войска, которое составляли дехкане, средние землевладельцы, отвечало задачам правительства. В новой фазе политика была

направлена на ослабление маздакитов, окончательный и кровавый расчет с ними произвел еще при жизни отца, сын Кавада, Хосров.

Свидетельства греческих писателей о казни манихеев — маздакитов — были частью уже приведены выше. О ней сообщают Малала и Феофан. Прокопий Кесарийский входит в подробности относительно престолонаследия у персов и завещания Кавада, по которому в обход других сыновей наследником был объявлен Хосров. Каус, старший из них, был сторонником маздакитов, и видеть его на престоле было нежелательно.[1] Второй сын Кавада, Зам, был лишен глаза и поэтому не мог стать шахом.[2] Хосров же был желанным наследником и любимым сыном. Утверждение завещания имело место в особом собрании, в котором приняла участие знать, а распоряжался всем мобед (ὁ Μεβεδης). Перед смертью Кавад сообщил ему свою волю и по его совету составил письменное завещание.

Речь идет, очевидно, о мобедан-мобеде, верховном жреце, который стоял за Хосрова как шаха, враждебного маздакитам, и сторонника зороастрийской религии. Каус о том, что в завещании Кавада он обойден, не знал, и решение собрания знати и мобеда было для него неожиданностью.[3]

Казнь маздакитов произошла еще при жизни Кавада, по свидетельству Малалы и Феофана. При этом присутствовали мобедан-мобед и христианский епископ. Агафий Миринейский зависит в этих своих сообщениях от Прокопия, но использует и сведения, сообщенные ему толмачом Сергием, имевшим возможность их позаимствовать «из книг персов» (ἐκ τῶν Περσικῶν βίβλων). Отсюда Агафий почерпнул список персидских царей и их хронологию.[4] Новых сведений о маздакитском движении он не дает.

Длинный, не лишенный драматических эффектов, рассказ о расправе с главными представителями маздакизма и казни самого Маздака сообщает Фирдоуси. Он использовал Хвадайнамаг, где расправа над маздакитами была отнесена к царствованию Хосрова,[5] который имел особые основания ненавидеть Маздака, как подвергшего оскорблению его мать. Один из источников Табари сохранил по содержанию подобный же рассказ.[6]

В 528 или в начале 529 г. было устроено словесное состязание между маздакитами и зороастрийцами, в нем приняли участие

---

[1] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 361.
[2] Procopius Caesarensis. De Bello persico, I, 11—I, стр. 49.
[3] Там же, I, 21—I, стр. 112—113.
[4] Agathias. Historiarum libri quinque, IV, 30. Bonnae, 1828, стр. 273.
[5] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 360, прим. 1.
[6] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 155.

все наиболее выдающиеся представители той и другой стороны. Такого рода диспуты не раз устраивались при дворе сасанидских царей, в данном случае на нем присутствовали упомянутые выше мобедан-мобед Глоназ и епископ Базан. Маздакиты в состязании были побеждены, в то же время на них бросились воины стражи и перебили их, в том числе андарзагара, т. е., по всей вероятности, Маздака.[1] Гибель последнего с драматиче-

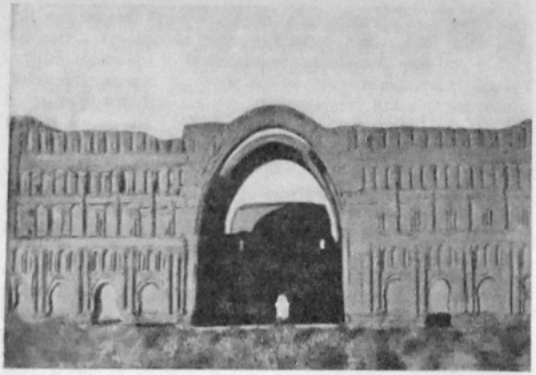

Рис. 16. Фасад дворца Хосрова I (Taq-i Kisra).

скими легендарными подробностями рассказывает Фирдоуси. Потеряв руководителей, маздакиты уже не могли оправиться от понесенных потерь, они рассеялись.

На то, что правительство Кавада в последние годы не опиралось более на маздакитов указывает сообщение о Спавуше-Сеосе. Он нарушал обычаи и порядки жизни персов, вводил новшества и даже похоронил свою жену, предав ее земле, что не отвечало принятым у персов порядкам. Кавад не спас Сеоса, которому был обязан «и жизнью и царствованием». Сеос был осужден и казнен.[2]

В качестве противника маздакитов Хосров начал играть роль еще при жизни отца, и кровавая развязка маздакитского движения — уничтожение главнейших его участников и казнь самого Маздака — произошли по его инициативе.

[1] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 360.
[2] Procopius Caesarensis. De Bello persico, I, 11 —I, стр. 54—55.

МАЗДАКИТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В НЕЗОРОАСТРИЙСКОЙ СРЕДЕ

Будучи социальным движением в период зарождения феодальных отношений в Иране маздакизм имел религиозное обличие. Распространение его происходило главным образом в среде персов-зороастрийцев. Как социальное явление маздакизм не мог не коснуться других народностей персидской державы. К 90-м годам V в. н. э. относятся сообщения о брожении и распрях, возникших в среде несторианского городского населения. Прямой связи с маздакитским движением в этих явлениях усмотреть нельзя, но общее ослабление режима, атмосфера неспокойствия могли содействовать выявлению конфликтов между отдельными группировками и направлениями в несторианской среде.

Епископ Бар-Саума принадлежал к числу живых и беспокойных людей, он принял участие в переброске «школы персов» из Эдессы в Нисибин, где знаменитая академия расцвела заново. Этот успех был в значительной мере связан с энергичной и широкой деятельностью мар Бар-Саумы в Иране, удачно использовавшего создавшуюся обстановку. Но Бар-Саума резко разошелся с Акакием, занимавшим первое место среди несторианских епископов в качестве главы кафедры Ктесифона. В деяниях собора мар Бабая, состоявшегося в 497 г., содержится указание на то, что разногласия между Акакием и Бар-Саумой имели место между четвертым годом Кавада и вторым годом царствования Замашпа.[1]

При мар Бабае было строго запрещено возвращаться к этой распре, так как примирение считалось окончательным. В первом и втором письмах Бар-Саумы к Акакию, написанных в 484 г., он говорит о повсеместном голоде и недостатках (ܟܦܝܢܘܬܐ), царивших повсюду:[2] «в этот час, когда господствует голод повсюду и повсеместно недостаток» (ܒܗܕܐ ܫܥܬܐ ܕܟܦܢܐ ܫܠܛ ܒܟܠ ܐܬܪܐ ܘܟܦܝܢܘܬܐ ܒܟܠ ܐܬܪ ܘܐܬܪ). Это было тяжелое время голода и волнений, о которых известно и из других источников для времени Переза и Балаша.

В третьем письме Бар-Саумы говорится о колебаниях, имевших место в Нисибине, как пограничном городе, в связи с трениями и войной между Ираном и Византией. Жители Нисибина, в значительной части сирийцы, были склонны стать на сторону Византии, их настроения разделял и Бар-Саума. Но его увлечение этим политическим направлением быстро изменилось, и теперь он жалуется на то, что группы христианского населе-

[1] Synodicon Orientale, стр. 312, прим. 4, 5. Это время падает между 22 июля 491 г. и 20 июня 497 г. (2-й год Замашпа).
[2] Synodicon Orientale, стр. 527.

ния находятся в связи с Марзбаном, правителем Нисибина, которому они, однако, не открыли своих тайных замыслов. Открыть ему глаза на действительные намерения нисибийцев Бар-Саума не решается, так как Марзбан мог бы об этом донести шаханшаху, а тот издал бы указ, направленный против «всех христиан».[1] Что речь идет о тяготении Нисибина к «ромеям», совершенно ясно из предшествующей части текста, где Бар-Саума говорит, что Нисибин может даже не остаться в составе персидского государства.[2] Это и были «замыслы» жителей города, не открытые Марзбану.

Состояние брожения в Иране не могло не отразиться и на сирийском населении города Нисибина, где оно приняло политический характер и клонилось к тому, чтобы вновь присоединить этот город к владениям Византии.

К середине VI в. относится сообщение сирийских источников о «постыдном» поведении Авраама бар-Аудмихра (ܐܒܪܗܡ ܒܪ ܐܘܕܡܝܚܪ) из Бет-Лапата, принесшего покаяние на несторианском соборе 544 г. В «недостойном» поведении этого епископа есть черты, которые связывают его в некоторой степени с идеями господствовавшими в маздакизме. Так, ему вменяли в вину то, что он «отдавал и продавал» евхаристические сосуды, а «их цену отдавал людям пустым и развратным, раздавал подарки, оделял дарами и имел заступничество (ܣܥܪܐ) у людей, которые не имеют усердия к правде».[3] Вернувшись в Бет-Лапат (Гунде-Шапур) из Бет-Арамайе, где при Хосрове I, в 544 г., имел место собор, Авраам, вопреки подписанной им покаянной грамоте, отступил от своего обещания и не подчинился митрополиту Павлу. «По своему обыкновению он употребил хитрость. Собрал пустых и развратных людей себе на помощь вместе с иудеями (ܝܗܘܕܝܐ) и разбойниками (ܩܛܠܐ), и имел убежище также у тех, что подавали ему нечестиво руку».[4]

В дальнейшем епископский суд, которому, очевидно, не хотел подчиниться Авраам, отступился от него, и Авраам был осужден светской властью. В числе представителей государства судивших его, названы гражданские чины и судьи. Они вынесли постановление подвергнуть его пытке, связав по рукам и по ногам. Точно так же было решено наказать его последователей.[5] Сам Авраам бежал, но его сторонники жестоко поплатились.

Данный эпизод заслуживает внимания, как явление, связанное с общим движением в Иране. На социальный характер

[1] Synodicon Orientale, 529
[2] Там же, стр. 528.
[3] Там же, стр. 73.
[4] Там же, стр. 77.
[5] Там же, стр. 77, 329, прим. 5.

действий Авраама и его последователей указывает, то, что он соединился «с разбойниками», что, продавая евхаристические сосуды, он раздавал и оделял других тем, что выручал. По имени его отца Аудмихра, очевидно, он был персом, но он оказался в близких отношениях и «с иудеями», будучи христианином. «Опасный» с точки зрения государства элемент в действиях Авраама заставил светскую власть вмешаться и осудить не только его самого, но и близких ему людей и привести в исполнение свои угрозы.[1]

На то, что связанный с Авраамом раскол не имел узкого и ограниченного церковного характера, указывают и подписи под актом его экскомуникации, принадлежащие не только клирикам, но и светским лицам, которые занимали видное положение и высокие должности, несмотря на то что были христианами. Подписи распределены по городам, и подписавшиеся гарантировали собору, что ни сам Авраам, ни его приверженцы не найдут у них поддержки. Наибольшее число подписей принадлежало жителям города Бет-Лапата; среди них были имена старейшины торговцев и некоторых старост ремесленных корпораций, как мастеров по серебру, мастеров по олову, золотых дел мастеров.[2] Все указанное заставляет предполагать социальный момент в этих несогласиях среди городского христианского населения в середине VI в. и поставить эти волнения в связь с отзвуками общего социального движения в Иране.

Еще Гретц в «Истории евреев» указал на небольшой фрагмент хроники, где содержится рассказ о восстании иудейского эксиларха Зутры, который, имея дружину в 400 человек, упрочил за собой некоторую независимость. Однако отдельные подробности этого рассказа являются чисто легендарными и надуманными и ни в какой мере не могут считаться историческими. На такой точке зрения стояли как Гретц, так и его переводчик Гаркави, в примечаниях к переводу названного труда, высказавший ряд критических замечаний. Совершенно неправдоподобны такие подробности, как семь лет, которые будто бы держались заговорщики, располагая столь малочисленной дружиной. Самое восстание приурочено к Махозе, что соответствует названию сасанидской столицы в иудейских памятниках этого времени.[3] Казнь Зутры и его деда Ханины с относительной вероятностью может быть приурочена к 520 г.[4] Если этот рассказ очистить от всякой шелухи легендарных и

[1] Н. Пигулевская. Восстание в Хузистане при Хосрове I. Кратк. сообщ. Инст. востоковедения, т. IV, М., 1952, стр. 6.
[2] Synodicon Orientale, стр. 79—80.
[3] O. Klíma. Mazdak und die Juden. Archiv Orientální, t. 24, 1956, f. 3, стр. 429—430.
[4] Г. Гретц. История евреев. СПб., 1883, стр. 7—31, 325—327.

неправдоподобных сообщений, то можно поддержать мнение, что среди иудейского населения было брожение, хронологически совпавшее и, возможно, имевшее связь с маздакитским движением.

Среди иудейского населения Ирана можно указать и другие вспышки, как, например, отмеченное анонимной сирийской хроникой восстание во второй половине VI в. Его участниками были разного рода ремесленники — ковроделы, ткачи, красильщики, прачки, которые собрались вокруг некого мужа, происходившего из селения Паллугта, из Бет-Арамайе.[1] Это социальное движение имело религиозное обличие, так как его глава утверждал, что «пришел мессия». Подавить это движение оказалось возможным лишь военной силой, для чего было вызвано «войско» из Аколы.

Приведенные данные говорят о том, что маздакитское движение коснулось в известной степени и незороастрийского населения Ирана благодаря своему социальному характеру. Общее состояние брожения во время маздакитского движения было таково, что для проявления недовольства населения и его протеста открывались большие возможности, возрастала активность масс независимо от их этнической принадлежности и идеологических различий. Социальная перестройка касалась классов общества сасанидской державы независимо от их народности языка и религии.

СЛЕДСТВИЯ МАЗДАКИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Победителями из маздакитского движения вышли средние землевладельческие слои и некоторая часть знати. Когда было покончено с руководящей группой маздакитов, движение было значительно ослаблено, оно замерло. В 531 г. Кавад умер, и Хосрову предстояло продолжить начатые отцом реформы и вводить новые положения, используя последствия движения.

Еще при Каваде была начата подготовка к реформе податной системы путем обследования и составления кадастра. В основных чертах новая система взимания податей, введенная в западных областях Ирана, имела много общего с податной системой Византии. Составление кадастра, взимание поземельной и подушной подати в азиатских провинциях Византии и самая система известны по единственному памятнику, сохранившему о ней сведения, — сирийскому Законнику V в. Известно, что некоторые сирийцы занимали видное положение при дворе Кавада и Хосрова, специально работая над переводами с греческого и с сирийского по заказам шаханшахов.[1]

Таким образом, самая система взимания подати могла стать известной в персидской державе. Новая податная реформа была произведена в интересах средних землевладельцев — дехкан, на которых и была ориентирована политика Хосрова, и, конечно, она не принесла облегчения непосредственным производителям.[2] Вызвана она была предшествующими затруднениями и недовольством системой обложения, о чем говорят источники, относящиеся ко времени Кавада.

Военную реформу Хосрова также следует рассматривать в общей связи с предшествующим периодом социальных бурь. Исполнявший обязанности главнокомандующего всеми войсками Ирана спахбед был заменен четырьмя спахбедами, которым были поручены разные части армии. Один из них имел звание спахбеда востока (Хорасан с прилегавшими к нему областями), другой — запада, третий командовал войсками юга (в том числе Йемена), четвертый — силами в Азербайджане.[3] Таким путем власть спахбедов была в значительной степени ослаблена, они находились в большей зависимости от шаханшаха. Кроме того, при Хосрове проводилось усиленное обеспечение войска оружием, конями, вводилась более суровая дисциплина, проводились маневры. Эти меры укрепляли военную мощь государства и ставили армию в непосредственную зависимость от правительства шаханшаха.

К тому же времени относятся меры, которые должны были укреплять определенный сословный слой в государстве, экономически его усилить и тем самым поставить в зависимость от правительства. Источники сообщают о том, что было приказано «записать» детей из господствующего класса, которые лишились отцов, для того, чтобы оказать им материальную поддержку. Арабские термины не оставляют сомнения в том, что يموتان الاشراف это были «дома знатных», семьи, принадлежавшие привилегированному классу, الاشرف — это azadhan,[4] азаты — «свободные», основной землевладельческий класс в Иране. Дочерей таких семей шаханшах выдавал замуж, обеспечивая их и снабжая приданым. Сыновей женили, поддерживая их материально также из государственных средств.[5]

---

[1] Анонимная сирийская хроника времени Сасанидов, перевод Н. Пигулевской, стр. 74.

[1] Н. Пигулевская. Сирийская культура средних веков и ее историческое значение. Сов. наука, № 2, 1941, 29.

[2] Н. Пигулевская. К вопросу о податной реформе Хосрова Ануширвана, стр. 143—153.

[3] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 155.

[4] Tabari. Annales, ʌʌʌ. (=898). — A. Christensen. Le règne du roi Kawadh I, стр. 33.

[5] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 163—164.

Эти меры, однако, не столько восстанавливали старую, в малой степени зависимую от шаха знать, сколько создавали новые условия для землевладельцев — азатов, которые оказывались в прямой зависимости от шахского правительства. В материальной поддержке заключался уже элемент ее условности: обеспечивая благосостояние азатов, с них требовали, чтобы они «оставались при дворе». Им давали должности, обязывали выполнять различные государственные функции, нести службу. Этим путем укреплялся создававшийся придворный, служилый и военный землевладельческий слой.[1] Средний класс землевладельцев от этого особенно выиграл и стал главной опорой государственной системы персидской державы. Эти меры отчасти касались, конечно, и знати. Вследствии этих мер она также попадала в зависимое положение, так как поддержка и ей оказывалась как бы условно, с тем, чтобы выполнялась какая-то служба государству.

Меры, предпринятые правительством при Хормизде, сыне Хосрова Ануширвана, были направлены на охрану интересов все тех же средних землевладельцев. Так старались оградить «дехкан», «деревенских господ» от разорений, причиняемых им войсками.[2] Источники рисуют этого шаха как враждебно настроенного к знати, проявляющего в отношении нее суровость. Ему приписывается стремление завоевать симпатии «народа».

Маздакитское движение оказало воздействие на дальнейшую перегруппировку социальных сил в государстве. Жречество и знать оказались несколько ослабленными. Условное феодальное землевладение за несение военной и гражданской службы было закреплено специальными мерами правительства. Класс землевладельцев в более широком охвате стал опорой Сасанидов. Часть знати, главным образом старая, племенная знать, была ослаблена, а средние землевладельцы упрочили свое положение, являясь главным, основным господствующим классом, через который непосредственно осуществлялась эксплоатация производителей. Азаты составляли и главное ядро сасанидских войск, их прославленную конницу. Источники конца VI в. свидетельствуют о том, что условная передача земли в порядке феодальной собственности заняла прочное положение в Иране. Укрепление азатов было результатом маздакитского движения.

[1] Th. Nöldeke. Tabari, стр. 164.
[2] Там же, стр. 262.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории ближневосточных городов было начато нами около двадцати лет тому назад, в специальном исследовании, посвященном городу Эдессе—Урхе. Использование источников не только на классических — греческом и латинском, но и на восточных языках, на которых говорило местное население, позволило исследовать историю областей, отдаленных от старых центров эллинизации в Малой Азии и Сирии и сосредоточиться на изучении истории областей бассейна реки Тигра и его притоков. Не только «собственно персидские» города, как Сузы, Опис—Селевкия, Керкук—Карка де бет Селох, но также Вавилон и Нисибин входили в состав могучей державы Сасанидов, их изучение в эллинистический, парфянский и иранский периоды позволили придти к новым выводам.

Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке имеет свои особенности. Развитие ремесла и торговли в городах, сохранение товарно-денежных отношений обусловили иной характер «восточного феодализма», отличного от «западного» и на его первоначальных этапах. Положение, которое занимал город в предшествующей формации, рабовладельческой, изменилось вместе с изменением экономического строя и появлением новых форм социальных отношений.

Сравнительное изучение статуса городов эллинистического периода, как имевших полисную организацию, так и не имевших ее, и положения городов в раннефеодальном государстве Сасанидов привело к выводу, что города потеряли самоуправление. Сохранились и развились, однако, своеобразные организации ремесленников, корпорации, имевшие своих представителей. Новое и значительное положение стали занимать «царские города», построенные и покровительствуемые шахами, которые были заинтересованы в них как с экономической, так и с политической точки зрения.

Явления феодализации Ирана прослежены в настоящей работе в различных областях его жизни. Источники позволили определить изменения форм рабовладения как частичное освобождение раба, запрещение продавать раба, посаженного на землю, отдельно от его парцеллы и парцеллу без этого раба. Эти формы рабовладения близки колонату — переходной к крепостнической форме эксплоатации. Дальнейшее ослабление и разложение общины сказалось в том, что допускалась продажа своего участка земли крестьянами-общинниками. Существенное значение имеет извлечение из источников указаний на появление условной феодальной земельной собственности в V в. н. э.

Попытки землевладельцев осуществить феодальное подчинение сельских общин встретили сопротивление. Маздакитское движение, потрясшее Иран в конце V в., выражало протест крестьянства против феодальных притеснений господствующего класса. Реформы Хосрова I закрепили новые феодальные порядки в Иране.

Наличие развитого ремесла, местной и транзитной торговли, товарно-денежных отношений, сохранение городов имели существенное значение и обусловили особенности зарождавшихся феодальных отношений.

В глубокой связи со всем историческим процессом и социально-экономическим развитием Ирана роль города в феодальном обществе в ранний период его образования приобретает особое значение. Исследование вопроса о положении города в раннефеодальный период в Иране позволило оценить и всю важность проблемы зарождения феодализма и его своеобразного развития на Ближнем Востоке.

ПРИЛОЖЕНИЯ

К ИСТОРИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ В ИРАНЕ

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ III ВЕКА Н. Э.

Изменения в экономическом состоянии общества не замедлили сказаться в целом ряде надстроечных явлений. Из этих явлений многие заслуживают специального, углубленного исследования, как новые характерные черты, которые приобрела государственная власть, изменения в области правовых отношений, нарождение новых форм культа, распространение новых идеологических учений.

В отдельных областях Ирана складывались учения и религиозные традиции, которые корнями своими уходили в глубокую древность. Изучение древнейшего памятника зороастрийской религии давно стало специальной отраслью науки, где взгляды и различные мнения все еще не достигли единства. Вопрос об Авесте, ее первоначальном составе и редакции, место ее составления, особенности алфавита, его происхождение, — все представляет большой интерес. В тесной связи с этим находится и выяснение «родины зороастризма», времени, к которому следует отнести проповедь Зороастра, и того, где она могла иметь место. Эти чрезвычайно сложные вопросы лежат вне рамок настоящего исследования, но нельзя не отметить их значимости. Они были предметом изучения Херцфельда,[1] труд которого вызвал живой обмен мнений как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. Достаточно указать на интересные и важные соображения, высказанные акад. В. В. Струве,[2] и на статью чл.-корр. Е. Э. Бертельса, разбившего последовательно

---

[1] E. Herzfeld. Zoroaster and his world, I—II. Princeton, 1947.

[2] В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. Матер. Южнотуркм. археолог. комплексн. экспедиции, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 14—15, 20—21.

ряд положений Херпфельда.[1] Особого внимания заслуживает точка зрения проф. Хеннинга, считающего Зороастра историческим лицом, жившим в VI в. до н. э. в восточных областях державы Ахеменидов.[2]

Оставляя в стороне эти вопросы, нельзя не коснуться других явлений в идеологии иранского общества изучаемого периода. Они отражают внутреннюю его перестройку и указывают на сложные и глубокие процессы, происходившие в этот переходный период.

Прежде всего следует иметь в виду, что в различных областях Ирана были в наличии разные культы и верования. Исследователи не раз отмечали трудность, с которой приходится встречаться при анализе связи между культом Ахурамазды и Митры, поклонением солнцу, огню и культом богини Анахит. Иранская религия III в. н. э. носит все черты глубокого синкретизма, объединения ряда местных культов в один, связи, которые в пантеоне осуществлялись путем брака и усыновления божеств между собой, их присоединения, а затем ассимиляции одним божеством других.

Наряду с культом огня в Иране были широко распространены верования и обычаи, анимизм и анимализм которых очевиден. Известны обычаи, считавшие отдельные деревья или целые рощи священными. Празднование нового года, или Тиргана, также в основе своей имело древние местные обычаи.

Существенным следует считать наблюдения исследователей, направленные на выяснение различия между жрецами — хербадами и мобедами. В основном совершенно правильным является наблюдение, что к V в. н. э. звание хербада вытесняется и его заменяет звание мобеда.[3] Это верное наблюдение было затем развито и подкреплено данными источников и привело в основном к следующим положениям. Хербад был жрецом огня, он выполнял его функции, он был хранителем священных книг. В то же время хербад (херпат) — учитель, у него ученик (хавишт) перенимает повторение наизусть текстов, что так точно передает арабская традиция, как «бормотание» — земзем или замзама.[4] Совершенно очевидно, что такого рода повторение наизусть указывает на наличие устной традиции, которая повторялась, вызубривалась, а не являлась чтением, т. е. чтением с написанного. Из этого можно сделать вывод, что в течение

[1] Е. Э. Бертельс. Новые работы по изучению Авесты. Уч. зап. Инст. востоковедения, т. III, М., 1951, стр. 257—271.

[2] W. B. Henning. Zoroaster, politician or witch-doctor, стр. 38, 41.

[3] E. Stein. Ein Kapitel vom persischen und byzantinischem Staate, стр. 50—51, 54.

[4] S. Wikander. Feuerpriester in Kleinasien und Iran, стр. 27—28, 30.

длительного времени никакой писанной Авесты не существовало, а была лишь устная традиция, усваиваемая повторением.

Хербады связаны с традицией, идущей с юго-запада, из Истахра, и с культом богини Анахит, известной также под именем Нанай в арамейских областях. Именно ей, богине Анахит, был посвящен храм, на стенах которого была найдена большая надпись Шапура I. Развалины эти — башня, кубической формы здание, ныне называемое «каабой Зороастра» — находятся близ Накши Рустема, у гробниц ахеменидских царей. Известно, что с Анахит был связан и широко распространившийся культ огня. Ее культ продвигался по древним путям, постепенно проникнув из Месопотамии в Сирию и Малую Азию, а затем через все Средиземноморье в Рим. С Анахит были связаны имена Афродиты—Венеры, а культ и его мистерии стали известны на западе как культ Великой Матери богов. Черты Изиды были несомненно приписаны ей же, она стала как бы собирательным именем, но сохранила и свои типические черты, принесенные с Востока.

Один из исследователей вопросов зороастрийского культа, Викандер, указывает, что в пехлевийской книге Арда Вираф можно с ясностью различить два слоя жречества — хербадов и мобедов, причем первое место принадлежит хербадам.[1] Но их местопребывание и наиболее частое их упоминание относится к юго-западу, к Истахру, к родине Сасанидов, утверждает этот исследователь. Арда Вираф — памятник, стоящий на позициях симпатии к хербадам. Только более поздние памятники стремятся связать хербадов с новым религиозным центром, каким является Шиз в Адорбайгане. Сасаниды, царствовавшие в III и IV вв. н. э., были сторонниками хербадов и почитателями Анахиты. Фарс был их религиозным центром, где ими были сделаны наскальные надписи. С культом этой богини следует связать вопрос о возникновении храмов огня. Здание, упомянутое выше, воздвигнутое в Персеполе и получившее название «каабы Зороастра», было посвящено Анахите. На нем были обнаружены надписи Шапура I от 262 г. и надпись мобеда Картира.[2] Что касается северо-западной традиции, имевшей свой центр в Шизе, то с ней связано наименование жрецов мобедами. Это название именно из северо-западных областей стало известно армянским источникам и нашло свое отражение в сирийских. Борьба между хербадами и мобедами была неизбежна и достигла остроты в V в. или несколько раньше, что связано с присоединением Шиза и Атропатены к Ирану около 387 г., при заключении мира с Римом. В то же время следует

[1] S. Wikander. Feuerpriester in Kleinasien und Iran, стр. 44—45.

[2] Там же, стр. 53, 55, 65—66.

признать, что первоначально существовал культ Анахиты и огня в Шизе, откуда еще в парфянское время эти культы стали известны в Армении. Лишь впоследствии этот центр был связан с мобедами и их авестийской традицией.[1]

Остановимся на изложенных выше положениях Викандера. Необходимо прежде всего отметить, что целый ряд его положений следует считать спорными, многие из них противоречат друг другу, а главное, чтобы доказать, например, свой тезис о позднем происхождении термина «мобед», автору приходится делать целый ряд оговорок, указывать на случайность употребления его и других терминов в некоторых источниках и т. д. Между тем, если рассматривать вопрос об иранских культах и жречестве в более общей форме, не отвлеченно, а в связи с другими историческими событиями в Иране, то следует сделать другие выводы. Для самого исследователя стали неясными причины, по которым представители северо-западного культа, жрецы-мобеды, пишут на юго-западном среднеперсидском наречии, тогда как представители юго-западного культа, шахи, сохраняют в своих надписях северо-западное, парфянское наречие. Такие же вопросы возникают в связи с другими утверждениями упомянутого автора.

В связи с тем что жречество стало постепенно приобретать значение в новоперсидском царстве III в. н. э., следует рассматривать и упомянутые выше факты. При Арташире I и Шапуре I поддержка оказывалась местной жреческой знати, той, которая была на родине династии Сасанидов. Связь этого жречества — хербадов — с культом Анахиты и культом огня не подлежит сомнению. В то же время следует отметить, что этот культ тогда не был явлением только местным, он был лишь окрашен известным местным колоритом. Поклонение огню также практиковалось во всех областях Ирана, но имело свои особенности, своеобразные черты, в зависимости от местных условий и традиций. О том, что это было именно так, говорит приведенный Викандером довод о знакомстве Армении с зороастризмом в парфянское время. Упомянутый автор напрасно придает слишком большое значение употреблению терминов «хербад» и «мобед», тем более что он не ссылается совсем на сирийские и минимально упоминает армянские источники, которые являются по времени и месту ближайшими историческими источниками. Что касается арабских и персидских источников, то ему приходится вносить оговорки и поправки, чтобы сохранить якобы строгую последовательность во времени появления хербадов и мобедов. На самом деле, в отдаленные эпохи от III в. н. э. традиции культа Анахиты и огня были связаны

[1] S. Wikander. Feuerpriester in Kleinasien und Iran, стр. 181, 180.

с хербадами, тот же автор не отрицает и связи мобедов с культом огня. При первых Сасанидах наметившаяся в предшествующий период социальная перестройка выдвинула новые явления в области надстройки, в частности изменение в структуре государства. Появление новой династии было обусловлено тем, что ее опорой стали более широкие круги знати и жречество. Ближе к Сасанидам были жреческие круги Истахра — хербады, но и жрецы других областей Ирана, других традиций культа получили возможность выдвинуться, стать в привилегированное положение. Мобеды стали поэтому признанными жрецами Ирана и были возглавлены мобедан-мобедом, т. е. первым нерархом, главным жрецом.

В надписях шахов династии Сасанидов они называют себя «маздеси баге» = «маздаяси баг», т. е. «поклоняющимся Мазде богом». Это справедливо для надписи Шапура I, как и Арташира I. Это выражение восстанавливается издателем и в тексте надписи Нарсе и Шапура II, имеется в надписи шаха саков, т. е. Сакастана, Шапура.[1] Таким образом, основным положением, засвидетельствованным самыми надписями шахов, является их религиозное поклонение Мазде. Это имя сокращено из древнего имени Ахурамазды. Поклонение огню является также определенным моментом, известным из тех же надписей, особенно подчеркнутым в большой Накширустемской надписи Шапура I на храме, называемом «каабой Зороастра», где говорится об огнях, воздвигнутых шахом в благодарность за победы.[2] В этой же надписи связь с богиней Анахитой может быть отмечена в имени царицы, жены шаха, которая названа Адуранаид ('Αδουρχναιδ).[3]

В надписи Нарсе (10-я строка) рядом с именем Хормизда (Охормизд — Ахурмазд) и «всеми богами» упомянута «Анахит банук» — «Анахит госпожа». Следовательно, ее почитание сомнению не подлежит.[4]

В тех же надписях следует отметить одновременное употребление терминов «мобед» и «хербат», как в 28-й строке надписи Картира в Накши Раджабе, где он сообщает, что был назначен шаханшахом Шапуром мобедом и хербадом (magupat ut êhrpat nam kirte).[5] На это до сих пор не было обращено внимания. Эта надпись Картира относится ко времени шахан-

[1] E. Herzfeld. Paikuli, I, стр. 85 — надпись Арташира, строка 1; стр. 86 — надпись Шапура I, строки 1 и 3; стр. 87 — надпись Шапура I, строки 1 и 3; стр. 95 — надпись Нарсе, строки 1 и 2; стр. 121 — надпись Шапура саканшаха, строка 1 и 3; стр. 123 — надпись Шапура II, строка 2.
[2] E. Honigmann et A. Maricq. Recherches sur les Res Gestae divi Saporis, стр. 16, строки 43—52.
[3] Там же, стр. 16, строка 47.
[4] E. Herzfeld. Paikuli, I, стр. 99.
[5] Там же.

шаха Варахрана сына Варахрана, т. е. Бахрама II (276—293). Следовательно, уже в конце III в. оба термина уживались в применении к одному и тому же лицу, занимавшему выдающееся, первое место среди жрецов. Необходимо также отметить, что Бахрам I и Бахрам II, упомянутые в этой надписи, утверждают Картира Охормизда только в звании мобеда (magupat), термин «хербад» здесь больше не упоминается.

Таким образом, религиозный синкретизм и смешение культов отмечается и в этой терминологии. Объяснение этому найти не трудно, так как синкретизм отвечал всему направлению политики Сасанидов, целью которой было объединение Ирана, слияние воедино маленьких царств и областей. Своеобразный характер некоторых культов и верований сглаживался в общем, становившемся центральным и главным зороастрийском культе. Из двух званий жрецов — хербадов и мобедов — окончательный перевес получили мобеды, и верховный жрец получил звание мобедан-мобеда. Колебания между этими двумя наименованиями отражены, по мнению Викандера, в письменных источниках. Есть основания только отчасти согласиться с тем, что традицию, связанную с Истахром, представляют такие памятники, как Карнамаг, Арда Вираф, письмо Тансара, хроники Табари, Таалиби, Фарс-намэ. Что касается традиции Шиза, то эта авестийская и ортодоксально-зороастрийская традиция представлена в Денкарте, у Масуди и Фирдоуси.[1]

Согласиться можно с тем, что первые памятники связаны общими традициями, ставившими особенно высоко Арташирa I и превозносившими его. Исходя из значения, которое они придают Фарсу как религиозному центру следовало бы, по теории Викандера, ожидать, что в качестве жрецов будут названы хербады. Между тем и Карнамаг, и письмо Тансара называют великого мобеда и, следовательно, по мнению того же автора, примыкают к традиции Шиза.[2] Эти данные свидетельствуют о том, что теория не подтверждается, что диффузия между юго-западным и северо-западным Ираном и его жречеством имела место, что искать черты глубокого различия среди жреческого сословия разных областей нет необходимости, они быстро нашли общий язык. Также никак нельзя согласиться с тем, что письменная Авеста возникла поздно, что даже такие памятники, как письмо Тансара и Карнамаг, не обнаруживают знания письменной Авесты.[3] Следует в этом случае отметить взгляды Нюберга и Хеннинга, считавших, что при Ахеменидах писанного текста еще не было и только при Сасанидах собирали устное предание. Соответственно и авестийский алфавит приурочивают к южному Ирану. Подобная точка зрения высказана и Бэйли, который относит возникновение авестийского алфавита к середине VI в. н. э.[1] Известно, что ошибки в огласовке в рукописях Авесты говорят о том, что ее восстанавливали, основываясь на древних, сделанных арамейским алфавитом без гласных текстах.

Чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельс указал на то, что такое утверждение названных исследователей противоречит таким источникам, как, например, манихейский трактат. По словам самого Мани, учение Зарадушта было записано его учениками «в книги». Это подтверждается и другим солидным источником, греческим писателем Павсанием, который утверждал, что зороастрийский жрец «поет, читая по книге».[2]

Тем самым рушится теория о противоположении устной традиции хербадов из Фарса письменной традиции Шиза, созданной мобедами. Недостаточно доказательно утверждение, что «апастак» — устная традиция, связанная с ритуалом, не имела отношения к дошедшей до нашего времени Авесте.[3] Вопрос о том, отчего с Шизом оказалась связанной письменная традиция, «нипек», не может быть поставлен без привлечения соответствующих источников. Сохранение письменного текста Авесты известно по многим легендам, они меняются у авторов, но сущность их остается. В этом отношении типичен рассказ, сохранившийся в Хронологии ал-Бируни. Здесь происхождение Зороастра приурочивается к Атропатене и передается легенда о сожжении Александром Македонским кож двенадцати волов, на которых был написан золотом текст священной Авесты, а также что он убил хербадов (وقتل الهوابذة).[4] Другая традиция утверждает, что в Самарканде были золотые таблицы с текстом Авесты, сожженные Александром.[5] Эти, хотя и смутные легенды также подтверждают существование писанной Авесты в древности.

В Атропатене религиозный центр существовал давно. В парфянское время Армении был известен культ Анахиты и огня из этих мест. Шиз играет большую роль в Иране в период до

[1] S. Wikander. Feuerpriester in Kleinasien und Iran, стр. 132—133.

[2] Там же, стр. 165.

[3] Е. Э. Бертельс. Новые работы по изучению Авесты, стр. 267—268.

[1] H. W. Bailey. Zoroastrian problems in the ninthcentury books. Oxford, 1943, стр. 169, 172.

[2] Е. Э. Бертельс. Новые работы по изучению Авесты, стр. 267—268.

[3] S. Wikander. Feuerpriester in Kleinasien und Iran, стр. 160.

[4] Takizadeh. A new contribution to the materials concerning the life of Zoroaster. Bull. of the school of Oriental studies, 1937, v. 8, стр. 948, 954.

[5] Šahristaniha-i Eran: A catalogue. . . by J. Marquart, ed. by G. Messina, стр. 8—9.

арабского завоевания. Именно здесь, в области Ганзак, была «школа магов», в окрестностях знаменитого храма Адаргушнп было селение, которое являлось «породителем и питателем всего магизма, называемым Сирош магов». Это было место, куда «собирались маги со всей земли персидской, чтобы учиться бормотанию Зарадушта, сына Сфидтахмана».[1] В Шизе, по преданию, находился также список Авесты, сделанный на воловьих кожах. Другой такой экземпляр, по тому же преданию, хранился в Истахре в Персеполисе,[2] т. е. там, где расположена и «кааба Зороастра» — храм богини Анахит. И эти сведения идут в разрез и разбивают предположения, что на юго-западе существовала только устная традиция, а на северо-западе появилась письменная и то только в VI в.

Политическая обстановка в Иране III и IV вв. н. э. объясняет те колебания, которые происходили в направлении идеологическом. Если в начале правления династии Сасанидов в III в. их опорой на первых порах был Истахр, области на юго-западе, то укрепление связи с северными областями было очередной их задачей. Присоединение этих областей имело большое значение, шах должен был найти опору и здесь в лице местной аристократии и жречества. Между тем, кроме зороастризма, и другие идеологические течения получили широкое распространение в Иране, к их числу принадлежало манихейство.

Зороастризм сконцентрировал свои силы перед реальной опасностью быть подавленным наступлением христианства, охватившего широкие круги Армении, распространившегося среди сирийцев и арабов Междуречья, проникавшего в персидскую среду. В IV в. официальное, государственное признание христианства в Византийской империи и Армении обострили положение дела Ирана еще в большей степени, так как христианство получило мощную опору. Строительство городов в Иране, концентрация ремесленного и торгового населения в городских центрах вызвали к жизни новые надстроечные явления, в частности укрепление идеологии этих классов населения.

Шахи рода Сасанидов были выдвинуты более широким кругом, не только родовой знатью, но и аристократией и жречеством Ирана. В идеологии новым и своеобразным явлением было манихейство, синкретическое учение, впитавшее разнообразные влияния, но имевшее и свои особенности.

Биографические сведения о Мани носят в значительной мере легендарный характер в том виде, как они передаются позднейшими авторами. Но найденные в Египте, на коптском языке

[1] Н. Пигулевская. Мар Аба I, стр. 79. — Vita mar Abae, ed. P. Bedjan. Paris, 1895.

[2] Šahristani-i Eran: A catalogue. . . by J. Marquart, ed. by G. Messina, стр. 28—29.

сочинения учеников Мани частью составлены на основании слов их учителя. В фрагментарном виде сохранилось сочинение самого Мани, знаменитый «Шапуракан», посвященный автором Шапуру I. В отрывках дошел также исторический трактат. Он представляет выдающийся интерес, так как писался целым рядом лиц из близких учеников основателя манихейства. На основании этих новых материалов во всяком случае следует считать, что данные Фихриста относительно первого выступления Мани в день воцарения Шапура I ложны.

Мани родился в 216 г. н. э.[1] Ему было около 23—24 лет, когда он впервые выступил с проповедью в последний год царствования шаха Арташирa I (224—241), о чем сообщается в первом лице, это говорит как бы сам Мани. Тогда же он отправился на корабле «в Индию», Туран и Мекран, где пробыл некоторое время.[2] Здесь он нашел христианские общины, рано основанные сирийцами. Нет сомнения, что ему был знаком и апокрифический памятник-путешествие апостола Фомы в Индию.[3] В учении Мани имеются черты, характеризующие индийские философские и религиозные взгляды, как метампсихозу; надо думать, что он принес их из своего дальнего путешествия. В царствование Шапура Мани вернулся из земли (χώρα) Индов в Персиду (Πέρσις), откуда он посетил Вавилонию, Майсан и «землю Хузистан», т. е. юго-западные области Ирана. Шаханшах Шапур принял Мани «с большой честью» и дал ему разрешение проповедывать в Иране; это несомненно следует считать историческим фактом.[4] Перечисленные, далее, области, в которых проповедывал Мани, находятся на северо-западе, так как, кроме упомянутой уже Персиды (Πέρσις), это «земля парфян (Πάρθοι) до самой Адиабены (название испорчено, но оно произведено от сирийского ее названия — Хедайаб), в пограничных областях (μεθόριων) с империей, и в самом царстве ромеев (Ῥωμαῖος)».[5] Высказывались предположения, что Мани сопутствовал Шапуру в боевых походах и был с ним в год пленения императора Валериана. Таким образом, в известный период деятельности Мани не только не встретил сопротивления со стороны государственной власти, но в лице Шапура I он нашел даже покровителя.

[1] H. C. Puech. Le manichéisme, son fondateur, sa doctrine. Paris, 1949, стр. 32.

[2] Schmidt-Polotsky. Ein Mani-Fund in Ägypten. Sitzungsberichte der Preuss. Akad. d. Wissensch., 1933, стр. 48 — H. C. Puech. Le manichéisme. . . стр. 44—45.

[3] H. H. Schaeder. Schmidt und Polotsky. Ein Mani-Fund in Ägypten. Gnomon, 1933, Bd. 9, H. 7, стр. 349.

[4] Schmidt-Polotsky. Ein Mani-Fund in Ägypten, стр. 51.— H. C. Puech. Le manichéisme. . ., стр. 46; автор относит это событие к 242 (или 243) г.

[5] Schmidt-Polotsky. Ein Mani-Fund in Ägypten, стр. 48.

Объясняется это, повидимому, тем, что необходимость в идеологическом оправдании и поддержке новых культурных явлений живо ощущалась, и на первых порах манихейство не шло вразрез с новым характером власти шаха.

Учение Мани было глубоко синкретическим, в него вошли элементы многих религий и философских систем. Гностицизм оказал глубокое влияние на манихейство, которое зародилось в зороастрийской среде и потому в основе своей было дуалистическим учением. Космогония Мани в сущности своей гностическая; к этому времени пифагорейское учение гносиза подверглось значительному влиянию христианства. Манихейство признавало и индусское учение о метемпсихозе, переселении душ. Пессимизм философской концепции Мани сказался и на его дуалистическом учении о борьбе доброго и злого начала в мире, причем отрицалось «добро» всего видимого чувственного мира. Отсюда проистекали и характерные этические взгляды манихеев, отрицание брака, строгий аскетизм. В манихействе, особенно в ближайшее к его возникновению время, заключались универсальные тенденции, стремление объединить и заменить все религии одной. Возможно, что эти тенденции и привлекали к манихейству шахов. Но в сущности своей пессимизм манихейства был отражением недовольства широких масс в Иране в период кризиса рабовладельческих отношений, и это его качество пассивного сопротивления и вызывало в дальнейшем враждебное к нему отношение.

Благодаря большому количеству военнопленных из провинций империи, приведенных в Иран, и христианство получило здесь значительное распространение. Благоприятное положение для манихейства сохранилось, однако, не надолго. Уже в конце царствования Шапура наметились признаки гонения на Мани и его учеников. При Бахраме I оно разразилось во всей своей силе.

Мани был в течение длительного времени заключен в тюрьму в Гунде-Шапуре (Бет-Лапат) и подвергнут жестоким пыткам, он умер от них 27 февраля 277 г.[1] Существуют другие легендарные рассказы о его смерти, но их нельзя считать правильными, так как приведенное сообщение засвидетельствовано сохранившимися манихейскими книгами, составленными учениками Мани. Так, сохранившаяся у Табари традиция утверждает, что Мани пытался обратить Бахрама в свою веру, но тот велел исследовать ее и, признав ее сатанинской, велел его казнить в Гунде-Шапуре, а затем расправился и с его последователями. Эти сведения у позднейших арабских авторов уснащаются многочисленными легендарными подробностями, к тому же они

[1] H. C. Puech. Le manichéisme. . ., стр. 53.

напоминают казнь маздакитов. Одни из ворот Гунде-Шапура получили название и «известны, как ворота Мани» باب المانى, потому что он был якобы казнен у этих ворот.[1] Но это неверно, так как противоречит свидетельству учеников самого Мани.

При Бахраме II (276—293) преследования манихеев продолжались и был казнен Сисиний, глава манихеев, — он был распят.[2] В этот период манихеи стали стремиться к тому, чтобы их принимали за христиан, положение которых было легальным. Они одевались, как христиане, и выдавали себя за таковых, поэтому их «спутали» с христианами. Следствием этого было то, что при Бахраме II, сыне Бахрама, во время гонений на манихеев были разрушены и христианские церкви. Но в краткое правление Бахрама III, в 293 г., было разрешено их восстановить.[3] Сами манихеи причиной преследований считали претензии магов (μαγουσαῖοι); последние требовали прекращения их проповеди, ввиду того что она была направлена против их закона (νόμος). Успехи манихеев не могли не вызвать беспокойства среди зороастрийского жречества, увидевшего в них врагов традиционного персидского культа огня. Маги пользовались целым рядом привилегий, занимали значительное положение и имели твердую экономическую базу, — новая религия стала серьезно угрожать их положению. Самые принципы последней не отвечали зороастризму, так как манихейство вобрало в свою философскую концепцию сложную систему гностицизма и других эллинистических учений.[4] Новейшие исследования показали его связь с древними религиями Месопотамии. При всем том манихейство имело такие стороны учения и столь широкое распространение, что иранское правительство шаха Нарсе (293—302) сумело его использовать. Особенно оно внедрилось в северных областях Ирана. Манихейский исторический трактат упоминает Адорбадаган как область распространения, т. е. Атропатену — Азербайджан.[5] Сторонником и покровителем манихеев тот же источник называет арабского царя Амаро. Это хорошо известный арабский шейх Амр ибн Ади, который был в числе лиц, приветствовавших Нарсе при его воцарении в сентябре 293 г. Об этом свидетельствует надпись Нарсе, где в 45(42)-й строке назван amru apgar(i) nan — Амр Абгаринан. В переводе издатель называет его «потомком Абгаров», а в словаре Амром ибн Ади, царствовавшим с 272 по 300 г.[6]

[1] Tabari. Annales, стр. 834.
[2] Schmidt-Polotsky. Ein Mani-Fund in Ägypten, S. 29. — H. H. Schaeder, Gnomon, Bd. 9, H. 7, стр. 349.
[3] Chronique de Seert: Patrologia Orientalis, t. 4, стр. 27 (237).
[4] A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides, стр. 183—190. Schmidt-Polotsky. Ein Mani-Fund in Ägypten, стр 28.
[5] E. Herzfeld. Paikuli, I, стр. 118—119, 137.

Манихеи обратились к шаху Нарсе с ходатайством о прекращении гонений. Это было предпринято через шейха Амра, который письменно обратился с этой просьбой к Нарсе. Один из учеников Мани, Иннай (Ἰνναῖος), получивший после казненного Сисиния звания главы, руководителя (ἀρχηγός) манихеев имел возможность беседовать с шахом. Большой интерес представляет тот факт, что и в эти первые десятилетия существования манихейства оно оказалось связанным с восстанием.

В 296 г. в Египте было поднято восстание, которое было приписано арабами манихеям.[1] Манихейство было использовано Ираном как оружие действовавшее в тылу у римлян и потому особенно страшное для них.[2] Известно, что такой источник, как письмо Тансара, высказало затаенную мечту сасанидских шахов и их приближенных — восстановить былую власть персов над Сирией и Египтом и обложить их податью.[3] В этом направлении действовали персы и в конце III в., стремясь ослабить положение империи в Египте, опираясь на манихейские круги, которые были там представлены арабами.

В противоположность Нарсе его сын Хормизд II (302—309) склонился к требованиям зороастрийского жречества и продолжил гонения на манихеев. Последние обосновались в северных областях, двинулись на восток, и значительная их часть оказалась в Средней Азии. Остатки разноязычной манихейской литературы позволяют лишь отчасти восстановить их сложную доктрину, в которой гностическая основа, местные культы Месопотамии, связанные с астрологией и эсхатологией, черты, почерпнутые из христианства и зороастризма, слились в одно целое. Дуализм манихейства утверждал зло всего происходящего на земле. Резко отрицательное отношение ко всему чувственному миру, ко всему материальному вело к проповеди аскетизма. Манихеи отрицали брак и деторождение.[4] По существу своему пессимистическое учение манихейства отражало обстановку тяжелого кризиса III в. и потому имело успех; оно распространилось на западе до самого Рима, на востоке достигло Турфанского оазиса. Этим учением увлекался в молодости блаженный Августин, а на востоке в Центральной Азии еще в XI в. писали о замечательных рукописях с миниатюрами самого Мани.

---

[1] W. Seston. Achilleus et la révolte de l'Egypte sous Diocletian d'après les papyrus et l'Histoire Auguste. Mélanges d'Ecole francaise de Rome. 1938.

[2] W. Seston. Le roi sassanide Narses, les arabes et le manichéisme. Mélanges syriens, I. Paris, 1939, стр. 233—234.

[3] Lettre de Tansar. . ., стр. 548.

[4] Chronique de Seert: Patrologia Orientalis, t. 4. стр. 27 (237).

В манихействе были черты, неприемлемые для государства. Жрецы-зороастрийцы выражали открыто свою вражду и настаивали на изгнании манихеев. Последние вызывали протест и со стороны христианства. «Сосуд всяческого зла» Мани изрыгнул «сатанинскую желчь», которая породила всякий сорняк, пишет с ожесточением христианский хронист VI в.,[1] и винит манихеев в злобных действиях, направленных против христиан.

Толерантность Шапура I и Нарсе, проявленная к манихейству, может объясняться тем, что в Иране был ряд культов, и шахи стремились их объединить. У Мани была тенденция создать единую универсальную религию, которая бы заменила все остальные культы, и возможно, что во второй половине III в. правительство Ирана учитывало это. Манихейство указывает на оживление в области идеологии, на новые явления. Гностицизм и пессимизм этого учения не отвечали древнему, традиционному зороастризму, который мог в наибольшей степени стать опорой укреплявшейся шахской власти.

В религиозной политике времени первых Сасанидов могут быть отмечены известные колебания. При Шапуре I поддержку получила жреческая знать Истахра — хербады, значение придавали культу огня и богини Анахит, святилище ее в Накши Рустеме почиталось особо. В то же время устанавливались новые алтари огня, поклонение которому оставалось в центре зороастрийского культа. По свидетельству Накшираджабской надписи Картира, именно Шапур I дал ему одновременно звание мобеда (магупат) и хербада (ехрпат). Термины «мобед», «маг», «магуша» и т. д. были широко распространены, о чем свидетельствует армянская, греческая и сирийская литература. Все это термины зороастризма и зороастрийского жречества. С более прочным присоединением северных областей древний религиозный центр в Шизе (Ганзак, Атропатена) начал новую жизнь, объединив магов.

Допущение проповеди манихейства указывает на то, что в III в. влияние зороастрийского жречества было не столь сильно, как впоследствии. Правительства шаханшахов Шапура I и Нарсе обнаружили известные колебания в сторону манихейства, попускали его, но и они были верными поклонниками Мазды (Ахурамазды) и своей религией считали культ огня. Особенности манихейства, его пессимизм, аскетизм, его обособленная организация не вязались с государственными интересами Ирана, а его жречество не имело в виду делиться своим привилегированным положением и материальным благополучием с другими. Жрецы принадлежали к высшему классу.

---

[1] Хроника Карки де бет Селох: Acta mm. ss. II, стр. 517.

Кроме отправления культа, в их руках было сосредоточено судопроизводство, образование. Высокое положение жречества было закреплено правом. Значение верховного жреца — мобедан-мобеда — было очень велико, он получил большое влияние на государственные дела. Не только родовитая, шахская знать, но и аристократия, из которой вербовалось и высшее жречество, заняла видное положение. Это известное расширение основы государственной власти в пределах того же класса способствовало выдвижению новой государственной надстройки несколько видоизмененной, с задачами централизации и объединения Ирана, которые и были осуществлены династией Сасанидов.

После некоторых колебаний и перестройки зороастрийский культ стал действительной опорой престола, и пиреум — жертвенник огня — неизменно остается символом иранских царей, сопутствуя их изображениям на монетах.

ПРАЗДНИК ШАХРАБГМУД — ТИРАГАН

В сирийской хронике из Адиабены, составителем которой был клирик VI в. н. э. Мешихазеха, сохранился рассказ о почитании одного праздника, названного хроникой Шахрабгмуд. Описание этого праздника Мешихазеха позаимствовал из письменного источника — истории некого учителя Авеля, жившего в начале V в. н. э. Самая история Авеля не сохранилась, но автор — лицо историческое, христианский клирик в Адиабене. Ко II в. н. э. относится сохраненный им рассказ о том, как из Забдицены (Бет-Забдай) в Адиабену — «землю Хедайаб» — прибыл некий Мазра, епископ Бет-Забдай, «с караваном торговых людей».[1] По просьбе жителей он поставил епископом Адиабены Шемшона (Самсона), и тот стал проповедывать христианство «в окрестных селениях, поклонявшихся огню и бросавших в него детей в свой большой праздник, который они называют Шахрабгмуд».[2] Описание этого праздника в Адиабене во II в. н. э. сохранено учителем Авелем и носит черезвычайно архаичные черты.

«Так рассказывает об этом празднике писатель Авель, этот праздник бывал в месяце Ияре и собирались со всех сторон к большому источнику. После того, как они омылись в нем, они садились, приготовляли [пищу] и давали всем своим рабам, чтобы они ели. Сами же они не ели, пока не бросят в огонь одного из своих младенцев.[3] Они брали его печень и почки и

[1] Mšiha-zkha. Chronique. — A. Mingana. Sources syriaques, I, стр. 4.

[2] Там же. — F. Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, стр. 276 (Шахраб — «блеск царства»).

[3] טף — «дитя», «мальчик или девочка до пяти лет».

вешали их на ветви деревьев там, как знак их празднества. Затем они метали множество стрел в небо как бы в радости и возвращались в свои дома».[1]

Это празднование было сопоставлено Мессиной с рассказом ал-Бируни о празднике Тираган, отмечавшемся 13-го числа месяца Тира.[2] Но параллельного анализа и выяснения характера этого праздника им не было дано. Между тем сопоставление ряда сведений имеет большой интерес как для изучения древних обычаев, бытовавших на территории Ирана, так и для характера данных, которым наука обязана нашему соотечественнику, великому ученому Средней Азии ал-Бируни. Праздник Тираган, как сообщает Бируни, праздновался в течение двух дней 13-го и 14-го числа месяца Тира. Первый день назывался малый Тираган, второй день — великий Тираган. Праздник связан с двумя сказаниями. Первое из них следующее.

После того как Афросиаб подчинил Ераншахр и разбил в Табаристане Меночихра, он обратился к последнему с просьбой. Меночихр на все согласился с условием, что он предоставит ему часть Ирана, на пространство, которое пролетит пущенная стрела. Присутствовавший при этом ангел Исфандармаз приказал изготовить лук и стрелу и послал за добрым, мудрым и знатным человеком, по имени Ариш. Последний решился метнуть стрелу, зная, однако, что это будет стоить ему жизни, но он согласился «пожертвовать ею ради вас».[3] Метнув стрелу со всей своей силы, он падает на землю мертвый, разбитый на части. Ветер же понес его стрелу на границу Хорасана, и она упала между Ферганой и Табаристаном, где выросло необыкновенной величины ореховое дерево — «не было дерева, подобного этому в мире». Афросиаб и Меночихр заключили договор в этот день, а народ сделал его праздником. Во время войны народы Ераншахра испытывали нужду, так как пшеница и фрукты не созрели своевременно, они ели их незрелыми. Поэтому, по обычаю, в этот день варят пшеницу и фрукты.

Дополнительно Бируни приводит другой обычай — разбивать в этот день кухонную посуду и то, на чем ее ставили на огонь. Этим хотели ознаменовать, что освободились от Афросиаба и каждый мог «делать свое дело».

С упоминанием того же Афросиаба связан и третий рассказ. Обычай омываться в этот день восходит к воспоминанию о том,

[1] Mšiha-zkha, стр. 4.

[2] P. G. Messina. La celebrazione de Tiragan in Adiabene. Atti de XIX Congresso Internationale degli Orientalisti. Roma, 1938, стр. 241.

[3] Alberuni. Chronologie orientalischer Völker, ed. E. Sachau. Leipzig, 1878, стр. 220. — Albiruni. The chronology of ancient nations, transl. by Ed. Sachau. London, 1879, стр. 205—206.

как Кай Хосров, возвращаясь с войны, которую он вел с Афросиабом, остановился в области Сава. Кай Хосров в одиночестве взошел на гору, возвышавшуюся над городом, и сел у источника, где ему явился ангел. Потерявший сознание от испуга Кай Хосров был приведен в чувство опрыскиванием водой. Он велел построить на этом месте город, получивший название Мандиш, измененное в Андиш. В память этого события персы омываются в этот день в реках и источниках.[1]

Бируни упоминает еще об одном сказании, связанном с праздником Тираган, которое он называет второй причиной его возникновения. Вся культура или цивилизация зиждется на «дахуфазии» — деле бережения, сохранения и очищения мира, и на «дахкана» — деле возделывания земли, засевании и распределении ее плодов. Оба эти явления близки. «Китаба» — писание — следует за ними и связано с обоими. «Дахуфазия» была основана Хошангом, а «дахкана» его братом Вайкардом в день Тир или Меркурий. Звездой писцов является Меркурий. Хошанг похвалил своего брата и дал ему в удел «дахкана», что соответствует и «китабе». День этот стал праздничным, «народ возвеличил его тем, что надел одежду писцов и дехкан». Цари, дехкане, мобеды и прочие продолжали одеваться в эту одежду «до дней Гистаспа для прославления писания и возвеличивания дехканы».[2]

Таковы сообщения Бируни.

Обычаи праздника Тираган можно поставить в связь с обычаями праздника Шахрабгмуд, праздновавшегося в области Адиабены в месяце Ияре. Так, омовение в источнике может быть связано с видением Кай Хосрова у источника и обычаем омовений, о которых говорит Бируни.

Метание стрел в воздух «как бы в радости» может быть приведено в параллель той стреле, которую метнул Ариш. Великий Тираган, 14-е, и празднуется как день, когда стало известно, куда упала его стрела. В общую связь с этой традицией следует поставить и Хаджиабадскую надпись Шапура I на юго-западном и северо-западном пехлеви.[3] Она не получила еще достаточно точного перевода и истолкования, но темой надписи является стрела; ее метнул шаханшах в присутствии многочисленных лиц, знати своего двора. Значение, которое придается этому факту, указывает на его традиционный или ритуальный смысл, имеющийся в действии Ариша и в обычае адиабенского праздника Шахрабгмуд.

[1] Alberuni. Chronologie, стр. 220. — Albiruni. The chronology, стр. 205—206.

[2] Alberuni. Chronologie, стр. 221. — Albiruni. The chronology, стр. 206.

[3] E. Herzfeld. Paikuli, I, стр. 87—89.

Бируни сообщает об обычае разбивать в праздник Тираган посуду, но никакого объяснения ему не дает. Между тем сопоставление этого обычая со сведениями сирийской хроники может объяснить многое. Кухонную посуду разбивали после того, как в ней было что-то приготовлено, что-то необычное. В округе Адиабены в огонь бросали ребенка, тогда понятно, что после этого разбивали решетку или что-то другое, что ставили на огонь. Бируни знал только сохранившуюся традицию, то, что эти кухонные принадлежности уничтожались, но почему это делали, он не мог сообщить. Если принять во внимание, что в Адиабене в этот праздник бросали в огонь ребенка и только после этого ели, то понятно, что решетка на огне или другие кухонные принадлежности уничтожались именно в связи с тем, что они служили для человеческого жертвоприношения. В этом случае можно указать и на другие параллели. Ариш, метнув стрелу, упал разорвавшись на части. Дитя бросают в огонь, вынимают его печень и почки и вешают их «там на ветви деревьев, как знак их празднества». Ариш пожертвовал собой, дитя также является жертвой, его внутренности вешают на деревья. Там, где упала стрела Ариша, выросло необыкновенно большое дерево. И здесь очевидна известная внутренняя связь и пережитки архаичного культа деревьев.

Великому ученому Средней Азии известен обычай варить и есть в Тираган пшеницу и фрукты, что связано с другой традицией. Это воспоминание о трудностях, пережитых Меночихром и народом, когда ни пшеница, ни фрукты своевременно не созрели во время войны с Афросиабом. Но этому обычаю можно дать и другое объяснение. «Второй причиной праздника» было установление понятий очищения мира и возделывания земли. Эта последняя функция принадлежит дехканам, земледельцам. В соответствии с этим находится традиция об их одежде. В этот день плоды земли употребляют в их наиболее примитивном виде, как вареную пшеницу и фрукты.

В рассказе учителя Авеля остается еще один неясный пункт. Собираясь к источнику и омывшись, адиабенцы приготовляли пищу, которой они кормили только рабов. Сами они ели после того, как ребенок был брошен в огонь. Иначе говоря, пища рабов не была ритуальной, не была связана с жертвоприношением, как пища свободных. Жертвоприношение было обрядом рода, связывало между собой его членов, но к ним не принадлежали рабы. Если эти рабы и не были порабощенными военнопленными, то они все были «иноплеменниками» в полном смысле слова, т. е. не принадлежали к данному роду и племени. Такой смысл имеет в сущности и иранский термин «аншахрик». Рабы не принадлежали к роду и поэтому не могли быть причастны к ритуальной трапезе. То, что свобод-

ные готовят рабам пищу и сами дают ее им, указывает на функцию распределения продуктов земли, заключавшуюся в понятии «дахкана».

До времени Бируни дошли сказания, литературная традиция праздника и некоторые обычаи, из которых не все могли быть им объяснены.

Сирийская хроника, сохранившая данные, относящиеся ко II в. н. э., дает представление о чрезвычайно древних, архаичных явлениях, как жертвоприношение детяти, культ деревьев, особая трапеза рабов. Но связь между сообщениями хроники и Бируни очевидна.

НИСИБИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

(СИРИЙСКАЯ ШКОЛА)

С образованием сасанидской державы в III в. отмечается оживление городских центров и основание ряда новых городов. В жизни Ирана градостроительство заняло крупное место. С усилением городов укрепилось и положение их христианского населения.

Нисибийская академия, как и все христианские сирийские школы, стояла на прочной материальной базе. Торговые и ремесленные круги поддерживали ее, так как знания были необходимы для их деятельности. Хотя школа и была клерикальной, но известные общие сведения и знания она давала. Что касается ее специфического характера, клерикализма, то вся культура средневековая была такова как на Востоке, так и на Западе.

Впрочем, клерикализм в академии Нисибина имел еще одну особенность — несторианское учение, которое развивали в этой школе, отличая ее от византийского христианства. Иран, враждебный Византии, мог терпеть христианское население городов лишь при условии, чтобы оно не имело прямой связи с Византией. Изгнанные из пределов империи, сторонники несторианства нашли поддержку в Иране именно потому, что они были враждебны господствующему в Византии православию. А православие, по этой же причине, угасло в пределах Ирана, как слишком тесно связанное с империей.

Из Нисибийской школы вышло немало общественных деятелей сирийцев и персов, литературным языком которых был сирийский. Кроме множества трактатов, экзегетических и литургических трудов, ученики этой школы, одного из первых средневековых университетов, оставили труды по философии, натурфилософии, логике, космографии и истории.

Исторические сочинения, хроники, хронологии, краткие записи, истории, биографии, стихотворные гомилии дают разнообразные материалы и сведения, неизвестные из других источников. Все эти труды свидетельствуют о широко развитой культуре сироязычного населения Междуречья и Ирана, позволяют глубже проникнуть в существо ряда вопросов их социальной и культурной истории в сасанидский период, как и в период халифата.

Наличие развитой школы в значительной степени объясняет широкую миссионерскую деятельность сирийцев. В этом смысле большой интерес представляют материалы древнейших армянских источников, свидетельствующие о первом проникновении христианства в Армению. Сирийцы с христианским учением принесли сюда грамоту, систематическое обучение, книги. Канон христианских книг составлял существенные знания средневекового человека, был как бы его энциклопедией. Распространение на восток сирийцев, торговый обмен, в который они вовлекли другие народы, как и их христианская миссия, были возможны лишь при наличии систематического образования, т. е. школы.

Для истории сирийской школы, в частности Нисибийской академии, большое значение имеет сохранившийся устав этой академии, ее статуты или постановления, которые являются правилом внутреннего распорядка в жизни этой школы. Это как бы древнейший университетский устав, своеобразный и важный документ средневековой культуры Востока.

К числу источников по истории сирийской школы относится памятник, называемый обычно «Правила Нисибийской школы». Впервые опубликованный в 1890 г.,[1] этот источник дал возможность вскрыть внутренний распорядок школы, цикл предметов, входивших в ее программу, взаимоотношения между учителями и учениками.[2]

---

[1] I. Guidi. Gli statuti della scuola di Nisibi. Giornale della societa asiatica italiana. 1890, v. 4, стр. 165—195. (Далее цитируется как «Правила»). — Th. Nestle. Die Statuten von Nisibis aus den Jahren 496 und 590. — Zeitschrift für Kirchengeschichte, 1897, Bd. 18, стр. 211—229.

[2] J. B. Chabot. 1) L'école de Nisibie. Journal asiatique, IX série, t. VIII, 1896, стр. 43—93; 2) Narsai le docteur et les orogones de l'école de Nisibie. Journal asiatique, X série, t. VI, 1905. — Fuchs. Die höheren Schulen von Konstantinopel. Byzant. Archiv, 1926, Heft 8.

В трактате Бархадбешаббы Арабайа[1] подробно сообщается о традиции, к которой восходила Нисибийская академия. В Дафне, предместии Антиохии на Оронте, была школа. Это знаменитая школа, где преподавали и учились выдающиеся христианские деятели первых пяти веков новой эры. Ее основа была заложена, по мнению автора трактата, еще в I в. н. э. От этой антиохийской школы отпочковалась школа в Эдессе, которая, судя по данным жития Ефрема Сирина (мар Афрема в сирийском написании), существовала и до того, как он начал в ней вести преподавание (IV в. н. э.).

При Ефреме Сирине школа в Эдессе достигла особенно большой известности. В V в., в пору оформления несторианства, один из «трех глав» Ива (в сирийской транскрипции — Хиба) был ее видным преподавателем и определил ее направление. В 489 г. школа в Эдессе была закрыта по распоряжению византийского императора Зенона, как очаг еретического несторианского учения. Но главные преподаватели и ученики Эдесской школы нашли себе приют в Нисибине, городе, где по преимуществу было сирийское и во всяком случае сироязычное население. В этом городе, находившемся под властью царя царей, школа достигла нового, небывалого расцвета.

При епископе Бар-Сауме были составлены правила, ими должна была руководствоваться эта пересаженная на новую почву школа. Бар-Саума установил эти правила с тем, чтобы они были опорой для управления школой и нормой для поведения учащихся. С постановлениями были согласны все члены школы, которые их подписали. Но после кончины Бар-Саумы эти правила были утеряны или уничтожены злонамеренными людьми, и дисциплина школы пришла в упадок. Но затем, при ректоре Нерсе, вновь пришли к решению восстановить эти правила. Удалось разыскать один экземпляр постановлений Бар-Саумы. С некоторыми изменениями они были восстановлены «в девятом году Кавада, царя царей персов, в 808 году греков, в месяце тишри первом», т. е. в октябре 496 г.

Двадцати двум параграфам правил предшествует длинное введение правоучительного характера с догматическими рассуждениями. После последнего параграфа следует добавление, относящееся к царствованию «миролюбивого и снисходительного Хосрова, царя царей, славно и праведно правящего».[2]

Епископ Павел и ректор Авраам, как и вся школа, подтвердили свое согласие с этими правилами, установленными при Осии и Нарсее.

[1] Barhadbešabba Arabaya. Cause de la fondation des écoles. Patrologia Orientalis, t. IV.

[2] Правила, стр. 188.

Эта приписка относится ко времени Хосрова I (531—578) и, следовательно, к середине VI в.

Первая группа постановлений была дополнена новой серией правил, составленных в двенадцатом году «победы милостивого и благодетеля, делающего добро Хормизда, царя царей». Эти правила были приняты всей школой и возглавлявшими ее епископом Симеоном и ректором Хенаной. Вторая серия содержит двадцать одно правило. Составление их относится ко времени Хормизда IV (578—590 г.) и падает на период от февраля до июня 590 г., когда приходится двенадцатый год этого шаха, так как первым годом царствования у персов считался год вступления на престол, в каком бы месяце это ни произошло.

Заключается вторая серия постановлений добавлением, относящимся к тринадцатому году шаханшаха Хосрова II, в котором подтверждается согласие школы и ее преподавателей с приведенными постановлениями. Из года в год эти правила прочитывались на собрании школы в назидание всем.[1]

Таким образом, правила или постановления Нисибийской школы (ее называют академией или университетом сирийцев) состоят из двух серий; из них первая относится к 496 г., вторая — к 590 г. Кроме того, имеются подтверждения, что правила принимались школой, как ее преподавателями, так и ее учениками, на их ежегодных собраниях. Эти сведения также имеют даты. Все это, как и самая рукописная традиция памятника, делают его источником достоверным и сообщения его весьма ценными.

Пространное введение занимает стр. 169—181 первого и пока оставшегося единственным издания Гвиди, по которому цитируется этот памятник. Первая серия канонов занимает стр. 182—188, вторая серия — стр. 189—194, заключение — стр. 194—195.

«Правила Нисибийской школы» носят юридический характер и преимущественно вскрывают отрицательные черты жизни, но в то же время создается живая картина нравов, которую обычно бывает трудно извлечь из источников.

Объективный и нормативный характер памятника, а также точные даты делают его особенно ценным и важным источником.

ЗАНЯТИЯ И ЖИЗНЬ НИСИБИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

Высшие школы Ближнего Востока в раннем средневековье были не только центрами учебы, но играли и широкую просветительную роль. Они в значительной мере давали тон умственной жизни, и ее ученики продолжали жить сложившейся в ней традицией, ее направлением. Такое положение сложилось еще

[1] Правила, стр. 194—195.

в античной философской школе, это явление характерно для византийской школы, как она известна в Александрии, Антиохии, Эдессе. Этот характер школы может быть отмечен и в сирийских школах Ирана, куда были перенесены традиции византийской школы, как об этом говорят источники. Рост и укрепление городов в Иране благоприятствовали развитию школ. Экономические преимущества, которые иранское правительство видело в создании и укреплении городов, привели к известному покровительству сирийскому населению, хотя оно и было христианским.

Несмотря на вражду со стороны зороастрийского жречества, сирийцы смогли создать свою школу, которая заняла значительное место в жизни сирийского и части персидского населения Ирана.

Сохранившиеся источники дают яркую и достаточно подробную картину жизни школы, условий, в которых жили и учились ее воспитанники. В этом отношении «Правила Нисибийской школы» содержат особенно интересный материал. Этим правилам придавалось большое значение, ими должны были руководствоваться как учащиеся, так и учителя, профессора, ректор и майордом.

Текст «Правил» тщательно хранился в помещении академии и его прочитывали вслух на ежегодных собраниях всего состава школы. Наиболее вероятно, что чтение это происходило в начале учебного года, который отмечался общим собранием. На одном из таких собраний был, повидимому, прочитан и трактат «об основании школы» Бархадбешаббы Арабайа, дошедший до нас. Такого рода вступительные речи держали преподаватели или ректор школы.

Инициатива составления правил принадлежала Бар-Сауме, пригласившего слушателей и профессоров знаменитой «школы персов» из Эдессы, где она была закрыта в 489 г., в Нисибин. Сюда стали стекаться сирийцы и персы, жившие не только вблизи, но и в отдаленных областях, так как Нисибин — «город большой, расположенный на границе и в него собираются со всех сторон». Источники отмечают и вообще увеличение числа сирийских школ в Иране.[1] «Урха [Эдесса] помрачилась, Нисибин просветлел», — заканчивает свой рассказ о переселении Нарсея и его школы Бархадбешабба.

Бар-Саума не только «приказал приготовить все необходимое и полезное для школы», но пожелал установить и строгий порядок в ней. Его постановления и составляют первую серию правил.[1] Пятый ректор Нисибийской школы, Хенана Адиабенский, сделал дополнения, составляющие вторую группу правил.

[1] Barhadbešabba Arabaya. Cause de la fondation des écoles, стр. 386.

Из позднейших источников можно вывести предположение, что курс в школе был трехгодичный.[2] В году было два семестра, которые отделялись каникулами. Это свободное от занятий время ученики имели возможность использовать для заработка. «Установлены и положены занятия в два срока — летний и зимний, не случайно, но потому, что человек состоит из души и тела и они не могут существовать одна без другого. Поэтому и постановили отцы, подобно тому как мы заботимся о пище духовной, так определить это время для того, чтобы мы трудились для пищи телесной».[3]

Не все занятия считались, однако, подходящими для ученика школы, которая составляла как бы коллегию или семинарию. Так, например, запрещалось заниматься ростовщичеством, но можно было отдавать излишек денег в оборот, но не свыше чем за один процент.[4] Торговцы — учащиеся школы не оставляли окончательно своей профессии. «Вне Нисибина, в других областях» им разрешалось заниматься куплей и продажей. Они могли торговать в каникулярное время года, от месяца аб (август) и до месяца тишри первого (октября). В это же время разрешалось заниматься и другими ремеслами, не считавшимися постыдными.[5] К торговле и ремеслу, которыми занимались учащиеся, придется еще вернуться в связи со своеобразными отношениями, сложившимися между школой и городом, причем школа заняла положение независимое.

Земледелие принадлежало к занятиям, вполне допустимым, что отвечает условиям жизни того времени. Более того, свободное от занятий время было установлено в связи с работой на полях и в садах. «И для нас установлены два срока для двух [видов] работы. Перед летними занятиями — жатва, а затем — сессия апостолов. Перед занятиями зимними — собирание фиг и олив, а затем зимняя сессия».[6] Таким образом,

[1] Далее первая серия канонов цитируется с римской цифрой I, а вторая серия — II. Следующая за серией арабская цифра указывает на номер параграфа данной серии.

[2] Ebedjesu. Collectio canonum synodicorum. Edid. Aloysius Assemanus. Scriptorum veterum nova collectio, t. X, Roma, 1838, стр. 274.

[3] Barhadbešabba Arabaya. Cause de la fondation des écoles, стр. 393.

[4] Правила, I, 6, стр. 184.

[5] Правила, I, 6, стр. 184.

[6] Barhadbešabba Arabaya. Cause de la fondation des écoles, стр. 393.

часть учащихся существовала, не отрываясь от родных садов и полей, так как земледелие было основой всей жизни Ирана.

Среди учащихся были, однако, лица совершенно неимущие. Эти занимались тем, чем занимались студенты всех времен и всех народов, — они давали уроки. Это разрешалось им и в Нисибийской школе, но с тем, чтобы к ним приходили два или три мальчика для занятий. Им отнюдь не разрешалось открывать в городе школы, а следовательно, собирать большого числа учеников.[1]

Всей учебной и научной работой школы руководило лицо, которое обычно вело преподавание наиболее ответственной дисциплины. Таким важным предметом в Нисибийской семинарии, как и в семинариях вообще, была экзегеза — толкование. Сирийцам были хорошо известны толкования греческих отцов, широко были распространены труды Ефрема Сирина, а затем переведены с греческого на сирийский язык труды «вселенского экзегета» Федора Мопсуестского. Последний был виднейшим представителем несторианства. Кроме того, существовала и своя традиция в толковании. Она переходила из поколения в поколение и, по образному выражению источника, передавалась «из уст в ухо», т. е. сохранялась живой памятью.[2]

Менашкана — «толкователь» — был обычно и ректором в Нисибийской семинарии. Макрейана (от корня ܩܪܐ — «читать») учил специально чтению с повышением и понижением голоса, правильным ударениям и соблюдениям всех сложных знаков препинания. Занятия письмом и каллиграфией вел сафра, писец. В Нисибийской высшей школе, как и в средневековых университетах, вообще большое место было уделено риторике и философии. Известно, как многочисленны были переводы Аристотеля на сирийский язык, как и Исагоги Порфирия, таблицы деления понятий и, наконец, сочинения самих сирийских авторов по философии и натурфилософии.

Бадука был преподавателем философских дисциплин, в их числе логика занимала одно из первых мест. Риторическое искусство ценилось очень высоко, и ему специально обучал мехагиана.[3]

В своей преподавательской деятельности учителя были подчинены ректору, которого обычно называли «наш учитель» (раббан). Пропускать занятия преподаватели могли лишь с его разрешения или по болезни. Выговор за пропуски им мог делать ректор, но они не были обязаны выслушивать

[1] Правила, II, 12, стр. 191.

[2] Barhadbešabba Arabaya. Cause de la fondation des écoles, стр. 382.

[3] Там же, стр. 399.

порицание на общем собрании школы, т. е. в присутствии своих учеников. «Если учителя чтения и риторики в школе пренебрегают или пропускают порядок занятий и чтений, возложенный на них, не по причине болезни и без разрешения учителя, то они подлежат порицанию и лишению содержания, которое они должны были получить», но они не обязаны присутствовать на собрании, чтобы «выслушать осуждение школы».[1]

Хозяйственная жизнь школы находилась в руках ближайшего помощника ректора, управляющего или эконома, называемого «старшим в доме». Сирийское rabbaita (от «rab» — «большой» или «старший», и baita — «дом») точно передается латинским майордом. Этому эконому было вверено все имущество школы, а оно было не малым. Школам, как и монастырям, дарили землю, деньги, делали им подарки, вследствие чего для них открывались возможности приобретать недвижимую собственность. Так, известно, что один из экономов школы приобрел на средства школы верблюжью конюшню и перестроил ее в качестве одного из общежитий школы. В другом случае известно, что школа устроила городскую баню, доходы с нее поступали в распоряжение школы. Эконом ведал не только такого рода хозяйственными делами, в его ведении находилась и библиотека, которой учащиеся могли пользоваться.

Помощником экономa был ксенодарх — гостеприимец, на нем лежала забота о больных. Его обязанность — лечить и питать их.

Надзор за поведением семинаристов и поддержание дисциплины в школе были поручены тому же экономy, должность которого была в школе выборной. Кандидатура того или другого лица на эту должность являлась предметом споров, она должна была быть согласована с ректором. Выборы происходили в определенное время года, «по порядку и обычаю... по совету ректора и экзегета и всей общины... Это должно было быть лицо верное и подходящее для руководства собранием [школой]».

Экзегет считался самым важным из профессоров школы после ректора. Часто экзегет становился и ректором, объединяя в одном лице эти важные функции преподавания и руководства. Вполне понятно, что согласие этих двух лиц требовалось для выдвижения кандидатов в экономы. Однако при выборах разгорались страсти, потому что правила содержат такого рода пункт: «Никто не имеет права восставать и устраивать партии, ссоры и смущение в отношении того, что было сделано честно. Если найдется кто-либо и станет это делать,

[1] Правила, I, 20, стр. 187.

восстанет против правды и будет ссориться, то он подлежит наказанию, будет исключен из коллегии и лишен права жительства в городе».[1] Наказание за такого рода споры, как видно из этого, было самое строгое, вплоть до исключения из школы. Все это указывает, насколько большое значение в ее жизни имел экопом и как велико было его влияние. В его выборах были заинтересованы все, поэтому образовывались партии, возникали ссоры, выборы нередко подтасовывали. Производить беспорядки и заводить ссоры было запрещено лишь в том случае, если выборы были произведены «честно». Очевидно, обратное неоднократно имело место в школьных выборах, и тогда протесты считались возможными.

Собиравшиеся с разных сторон школяры должны были быть приняты в школу официально и подчиниться правилам поведения, предписанным им. По приходе они должны были быть представлены руководителю школы и «братьям», составлявшим то, что источники называют «собранием», кенушиа, т. е. школьной организацией. Нисибийская школа имела много общих черт с духовными семинариями, которые в течение десятков веков играли такую значительную роль в просвещении в христианских странах. В отношении учебы они имели общие черты и со средневековыми университетами, где философия считалась «служанкой богословия».

Новые ученики школы должны были почувствовать себя членами этой организации. «Впервые вступающие в собрание [kenušia] братья не должны быть приняты, пока не будут представлены эконому и братьям и не получат наставления, как они должны себя вести».[2] Только после этого семинариста поселяли в комнату вместе с другими учащимися. Один из живших вместе считался старшим, он следил за порядком и отвечал за остальных.[3] Таким путем осуществлялся контроль над семинаристами, и поэтому считалось нежелательным, чтобы они поселялись самостоятельно, снимали себе помещение в городе. «Приходящие в школу, поскольку кельи школы свободны, не смеют селиться у нисибийцев (т. е. жителей города), а если кто поселится, не должен быть принят».[4] Требование, чтобы семинаристы жили при школе обусловливалось стремлением создать более тесную организацию, единство. Так, у живущих вместе был общий стол, они должны были вместе питаться «Если случится болеть одному из них, то другие

[1] Правила, I, 1, стр. 181.
[2] Правила, I, 7, стр. 184.
[3] Правила, II, 5, стр. 190.
[4] Правила, II, 2, стр. 189.

должны быть с ним и служить ему, как должно».[1] Иначе говоря, о болящем должны были заботиться те, которые жили с ним в одной келье, это их сближало и накладывало взаимные обязательства. Некоторые школяры тяготились совместной жизнью и стремились устроиться отдельно, чтобы пожить на свободе, выставляя для этого подчас благовидный предлог. «Под предлогом праведности никто не должен оставлять помещения [где он живет] с братьями, уйти и построить себе домик за городом или в пределах города, но должен сохранять законное жительство».[2] Таким образом, школа имела общежитие и требовала, чтобы учащиеся жили в этих общих помещениях.

Семинаристы или школяры, как их называют источники, и внешне должны были иметь одинаковый вид. Они, повидимому, носили платье особого, «скромного» покроя и должны были подстригать волосы. Одеваясь и причесываясь соответственно принятому обычаю, они должны были ходить с достоинством, которое отвечало бы почтенному званию школяров. Правила усиленно напоминают семинаристам, что «наряду с учением они должны заботиться о виде одежды и прическе. Они не должны бриться наголо и не должны отращивать кудрей, как мирские, но прилично подстриженный, в скромном платье, далекий от бесстыдства должен он ходить в пределах школы и по улицам города, с тем чтобы по этим двум признакам (одежде и прическе) каждый узнавал его, свой и чужой».[3]

Школяры при своем вступлении давали обещание быть воздержанными, поэтому им не рекомендовалось общаться и вступать в беседу с женщинами или монахинями.[4] За прелюбодеяние семинариста исключали из школы и предписывали покинуть город.[5] «Собрание», т. е. организация или общество школы, делало для своих членов обязательными нормы поведения, которые считало правильными и требовало их выполнения.

Правила как источник нормативного характера вскрывают преимущественно отрицательные черты быта школяров. Так, восьмое правило направлено против лени, в качестве «матери всех пороков» она требовала особенно настойчивой борьбы. «Имеющие звание школяров не смеют быть праздными от писания, чтения, толкования, чтений совместных, если не

[1] Правила, I, 11, стр. 185.
[2] Правила, II, 4, стр. 190.
[3] Правила, II, 5, стр. 193.
[4] Правила, II, 18, стр. 193.
[5] Правила, I, 3, стр. 182.

имеют срочных дел».[1] Некоторые были способны прикрываться разными предлогами — добрыми делами, помощью товарищам и т. п., но правила разоблачают такого рода ложь: «даже под предлогом милостыни никто не смеет пренебрегать своими занятиями и разглагольствовать по городу».[2]

В числе семинаристов оказывались иногда слабые здоровьем или больные люди, этим школа стремилась придти на помощь и противилась тому, чтобы они жили общественным подаянием. Это было необходимо тем более, что некоторые в своих просьбах о вспомоществовании прикрывались именем ректора или экономa. Если школяры «по слабости или увечию не могут работать, то о своей нужде они должны довести до сведения экономa школы, и, насколько возможно, он поможет им. Но они не смеют клянчить у верующих, у дверей богатых или просить что-нибудь у женщин под предлогом, будто они посланы от ректора, или экономa, или известных братьев».[3]

Если теперь не все считают преступлением зачитывать книги, то так думали и нисибийские семинаристы. Особенно соблазнительно было соскоблить с книги имя умершего, оставившего свои книги в наследство школьной библиотеке, и вместо этого вписать свое имя.[4] Иногда можно воспользоваться рассеянностью экономa — «если кто попросит книгу у экономa школы, для того чтобы читать ее или списать с нее, и случится, что эконом школы забудет об этом, а взявший не придет и не даст знать ему, то он должен быть наказан и покинуть город».[5] Книга этого времени была рукописной и поэтому очень ценилась. До нас дошли сирийские рукописные кодексы, писанные прекрасной четкой эстрангелой на пергамене, датированные V и VI вв. Такие книги очень высоко ценились и, утеря или воровство такой книги, конечно, строго карались. Несмотря на это, взять и утаить книгу было большим искушением, и школяры не могли устоять против него.

Правила наказывали за утайку найденной вещи. «Нашедший что-либо утерянное должен пойти и известить экономa об этом, чтобы было сказано слово в собрании, и услышит тот, кому принадлежит утерянное, и возьмет у него. [Если] он не сделает этого, то должен перенести наказание и уйти из города».[6]

Суровая кара ждала тех, кто злословил; таких лиц наказывали за клевету, ложь, сварливость и вздорность, за все, что нарушало спокойствие общежития и ровное течение жизни школы.[1] Примечательно, что правила вступают в борьбу с пережитками языческой жизни, потому что упоминается волхование, как подлежащее суровому наказанию.

Сирийские семинаристы не меньше своих европейских собратьев, студентов средневековых университетов, любили выпить и покутить. Закуска в гостинице или пирушка в загородном саду принадлежали к числу запретных удовольствий. «Братья школы, поскольку они состоят в школе, не должны есть в трактирах и кабачках, также и пикников, попоек в садах и парках не должны устраивать».[2] Тощий кошелек, с одной стороны, и желание выпить, получить угощение, с другой, приводили подчас к тому, что правила с презрением называют «вползанием из дома в дом ради пирушек».[3]

Брань и драки были в школе явлением заурядным. Если сирийские писатели в пылу полемики не стеснялись называть своих идейных противников «бешеной собакой» или «прокаженным», то, вероятно, лексикон молодежи был еще более богат. Что касается драк, то дравшегося наказывали телесным же наказанием. «Всякого из братьев, кто протянет руку по какой-либо причине и станет бить товарища или обругает его и будет изобличен теми, кто это видел, то его наказывают [бьют] перед всем собранием».[4] Публичное телесное наказание было дисциплинарной мерой, которая должна была исправлять провинившегося. «Если кто-либо из братьев был бит в присутствии собрания [школы] по причине проступков до трех раз и не исправился, а затем совершит другой проступок, подобный предшествующему, то он должен быть наказан и покинуть собрание [школу] и город».[5]

Таким образом, публичное наказание было возможно лишь до трех раз, дальнейшее дурное поведение заслуживало исключения из школы и изгнания из города. Последнее указывает на значительную независимость и власть Нисибийской школы в городе, откуда она позволяла себе изгонять нежелательных для нее лиц.

[1] Правила, I, 8, стр. 184.
[2] Правила, II, 3, стр. 189.
[3] Правила, II, 14, стр. 192.
[4] Правила, II, 8, стр. 191.
[5] Правила, I, 14, стр. 186.
[6] Правила, I, 14, стр. 186.

[1] Правила, I, 3, стр. 182.
[2] Правила, II, 16, стр. 192.
[3] Правила, I, 3, стр. 183.
[4] Правила, I, 18, стр. 186.
[5] Правила, I, 19, стр. 187.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аба I, мар, несторианский патриарх (середина VI в.) 124, 142, 186, 187, 222.
Абас Катина, мар, историк 55.
Аббасиды, халифы 129.
Абгары, арабская династия 13, 62, 89, 331.
Абгар II (I в. до н. э.) 62
Абгар V (I в. н. э.) 73, 74.
Абгар VII, сын Изата (II в. н. э.) 79, 80.
Абгар IX (III в. н. э.) 89.
Абдагез, перс 70.
Абдишо бар Бахриз, митрополит (XI в.) 131.
Абдишо бар Берикха, нисибийский епископ (XIV в.) 131.
Абду ибн Маз'ур, араб 55.
Абу Иса ал-Варрак см. Варрак, ал.
Абульфарадж Абдаллах ибн Алтайиб, секретарь патриарха Илии I (ум. 1043 г.) 131.
Август Октавиан 63—65, 94.
Августин, христианский писатель (IV в.) 332.
Авель, учитель (начало V в. н. э.) 82, 83, 141, 142, 144, 334, 337.
Авия, вождь арабского племени (I в. н. э.) 72.
Авраам, ректор Нисибийской школы 340.
Авраам бар-Аудмихр, епископ (середина VI в.) 312, 313.
Аврелиан, римский император (III в. н. э.) 168.
Агафий Миринейский, византийский хронист (VI в.) 185, 281, 284, 309.
Ададнирари II, царь Ассирии (911—890 гг. до н. э.) 52.
Аддай, апостол 227.
Адиверглус, царь Харакса 70.
Адоргушнаси, маухафат 140.
Адорзахаб 155.
Адриан Публий Элий, римский император (117—138 гг. н. э.) 83.
Адуршахид (Адураначд), жена Шапура I 167, 325.
Азад см. Гуштазад.
Азидахак 116.
Азиней 66.
Акакий, несторианский епископ 311.
Акбалаха, сириец, епископ (IV в. н. э.) 45, 184, 289.
Акебшем 146.
Александр Македонский 3, 9, 10, 16, 22, 29, 35, 41, 48, 49, 52, 53, 58, 74, 81, 91, 92, 98, 138, 148, 151, 169, 175, 327.
Альтхейм (F. Altheim) 9, 14, 25, 29, 36, 94, 96, 192, 280, 286—288.
Амаик, перс 41.
Амиэ (P. Amiet) 42.
Аммиан Марцеллин, римский историк (около 330—400 гг. н. э.) 72, 226, 247.
Амр ибн Ади (Амаро, Амр Абгаринан), арабский шейх 331, 332.
Анастасий, византийский император (494—518 гг. н. э.) 166, 303.
Анахита (Нанай), богиня 273, 322, 323—325, 327, 328, 333; Нанай 45.
Анимий 66.
Аношерван см. Хосров I.
Антигон (IV в. до н. э.) 30, 31, 34, 35.
Антиох I Сотер (280—261 гг. до н. э.) 10, 24, 30—32.
Антиох II (III в. до н. э.) 10, 24, 26.
Антиох III (223—187 гг. до н. э.) 24.
Антиох IV Епифан (II в. до н. э.) 35, 53.
Антоний, римский полководец (I в. до н. э.) 62, 63, 95.
Арбак, царь Мидии 38, 39, 41, 42, 47, 48.
Арбанд, сын Абгара VII 80.
Аристокидид 24.
Аристотель, греческий философ (384—322 гг. до н. э.) 344.
Ариш 111, 335—337.
Арриан, историк (ок. 96—180 гг. н. э.) 85.
Арриан, правитель Каппадокии 85.
Артабан, брат Готарзеса (I в. н. э.) 72.
Артабан II, парфянский царь (ум. 124 г. н. э.) 34, 55.
Артабан III (12—38 гг. н. э.) 65, 66, 68—72, 75, 100—104, 110, 151, 267.
Артабан V (III в. н. э.) 90, 91, 142, 153.
Артавазд, царь Армении 56, 62, 63.
Артаксий 56.
Арташир I (224—241 гг. н. э.) 110, 112, 117—121, 151, 152—159, 165, 176, 219, 272, 275, 301, 324—326, 329.
Арташир II (379—383 гг. н. э.) 140, 249, 250.
Арташир, сын Шапурбараза 46, 183.
Арташир 99.
Архелай, царь Каппадокии 77.
Аршак Младший (Валаршак, Вахршак) 54, 55.
Аршак, парфянский царь 54.
Аршак II, царь Армении 268.
Аршак, младший сын Артабана 154.
Аршак, военачальник 84, 85.
Аршакиды, династия 13, 73, 75, 97, 110, 111, 142, 162, 176.
Асархадон см. Сардона.
Аспабед, знатный иранский род 174.
Атропат, сын Мартбуда 266.
Атротохма 266.
Атурфарнбаг 197.
Афраат, сирийский писатель 147, 148, 243.
Афродита (Венера) 323.
Афросиаб 335—337.
Ахемениды, династия 112, 169, 322, 323.
Ахурамазда (Мазда) 156, 322, 325, 333.
Бабай, мар (V в. н. э.) 311.
Базан, христианский епископ 304, 310.
Балаш (484—488 гг. н. э.) 293, 294.
Балаш, перс 41.
Балос, царь Ассирии 47.
Барбье де Мейнар (C. Barbier de Meynard) 160, 212.
Бардесан (Бар-Дайсан), сирийский писатель (ум. 222 г.) 185, 186.
Бар-Саума, епископ (конец V в. н. э.) 311, 312, 340, 342.
Бартоломе (Chr. Bartolomae) 125—128, 131, 137, 182, 184, 188, 189, 192, 194—197, 199, 202, 205, 207, 256, 259, 260, 264, 265.
Бартольд В. В. 216, 297, 298.
Бархадбешабба Арабайа, сирийский писатель 340, 342—344.
Баумштарк (A. Baumstark) 129, 139, 143.
Баур (P. V. C. Baur) 12.
Бахрам I (Варахран), сын Шапура I, шаханшах (273—276 гг. н. э.) 114, 159, 167, 211, 326, 330.
Бахрам II (Варахран, сын Варахрана; 276—293 гг. н. э.) 114, 211, 212, 326, 331.
Бахрам III 114, 168, 331.
Бахрам IV (388—399 гг. н. э.) 45, 139.
Бахрам V Гур (ум. 438/39 г. н. э.) 212, 214, 271.
Беджан (P. Bedjan) 41, 48, 124, 138, 186, 203, 204, 328.
Белазори (Al-Beladzori, Al-Beladhuri) 214—216.
Бела'ми 152.
Бенвенист (Benveniste) 238.
Берос, историк 30.
Бертельс Е. Э. 321, 322, 326, 327.
Бивен (E. R. Bevan) 10, 14, 52.
Бикерман (Bikerman) 14.
Бил, градостроитель 167.
Биллингер (A. R. Bellinger) 12.
Бируни, ал, среднеазиатский ученый 111, 327, 335—338.
Блошэ (E. Blocher) 115, 229.

Бобовай, епископ (ум. 485 г. н. э.) 139.
Брокельманн (C. Brockelmann) 140, 173, 227, 240.
Бруне (A. Bruns) 134, 189.
Брюннов (E. Brünnow) 11.
Буд 119.
Бульсара (S. J. Bulsara) 122—126, 128, 175, 184, 188, 195, 196, 200, 266.
Бундое, основатель секты дарисфенов (III в.) 281, 287, 288, 290.
Бурзан, перс 40—42, 48.
Бушье (E. S. Bouchier) 11.
Бушэ-Леклерк (A. Bouché-Leclercq) 10.
Бэйли (H. W. Bailey) 327.
Бюри (Bury) 307.

Вайкард, брат Хошанга 336.
Валериан, римский император (253—260 гг. н. э.) 113, 163—165, 167, 228, 329.
Вардан, брат Готарзеса 70, 72, 73.
Вардаяб, каругбед (VI в.) 225.
Варрак, ал 280, 284.
Велизарий, византийский полководец (VI в.) 281.
Вер, римский полководец 86.
Веснасиан, римский император (69—79 гг. н. э.) 78.
Вест (E. W. West) 122, 172, 273.
Вехшапур, юрист 195.
Викандер (S. Wikander) 121, 272—275, 322—324, 326, 327.
Вителлий, легат Римской империи (I в. н. э.) 66, 70.
Вологез I 72, 75—79.
Вологез II (105/06—147 гг. н. э.) 83—85.
Вологез III (148—192 гг. н. э.) 85, 86.
Вологез IV (192—207/08 гг. н. э.) 86, 87, 89, 90.
Вологез V 90.
Вонон, царь Армении 64, 65, 75.
Вуллерс (Y. A. Vullers) 210.

Гайдукевич В. Ф. 16, 61.
Гайе (A. Gayet) 229, 236.
Гаркави 313.
Гаффаров М. А. 162.
Гвиди (J. Guidi) 339, 341.
Гейгер (B. Geiger) 205.
Гео (Гев, Гаак) 75.
Германик, приемный сын Тиверия 65.
Гермогея 123.
Геродот, греческий историк (около 480—425 гг. до н. э.) 169, 180.
Гестиай, казначей Суз (I в. н. э.) 102—105.
Гиварпис (Георгий, Михрангушнаси; ум. 612 г. н. э.) 186, 203, 204.
Гимер, сатрап Вавилонии 34.
Гиршман (R. Girshman) 15, 153.
Глоназ, мобедан-мобед 304, 310.
Гордиан III, император (ум. 244 г. н. э.) 161.
Готарзес, царь Парфии (ум. 51 г. н.э.) 72—75, 110.
Гоффман (G. Hoffmann) 37—40, 48, 138.
Гренфелл (B. P. Grenfell) 235.
Гретц Г. 313.
Григорий 123.
Гриффитс (J. Griffiths) 227, 233—236, 238.
Гур, брат Тиграна II 58, 59.
Гусанастад, ханаранг 301, 302.
Гутшмид (A. Gutschmid) 15, 79, 96.
Гухиштазад см. Гуштазад.
Гуштазад (Азад, Гухиштазад), евнух 140, 141, 143, 148.
Гюймэ (E. Guimet) 229.

Дарий I (Дарьявуш), царь Персии 42, 48, 49, 74, 112, 138.
Дарий, сын Артабана 70.
Дармстетер (M. Darmsteter) 119,120.
Деметрий, царь 27.
Деметрий Исагог, отец Гестиая 104.
Джонс (A. H. M. Jones) 13.
Диадохи 3, 19, 26, 30, 31, 110.
Дибвойз (N. C. Debevoise) 15, 57, 66, 73, 83, 86, 100.
Диодор Сицилийский, греческий историк (ок. 80—29 гг. до н. э.) 30, 31.
Диоклетиан, император (245—313 гг. н. э.) 290.
Дион Кассий, римский историк (155—ок. 235 гг. н. э.) 56—60, 63, 80—82, 85, 86, 88—91, 153.
Добиаш (Dobiaš) 11.
Домашевский (A. Domaszewski) 11.
Доминициан 153.
Дройзен (J. G. Droysen) 9.
Дьяконов И. М. 15, 102, 175.
Дьяконов М. М. 15, 102, 175.
Дюббештейн (W. H. Dubbestein) 103.
Дюваль (R. Duval) 51.
Дюссо (R. Dussaud) 11, 67.

Евагрий, византийский историк (VI в.) 34.
Евриид 62.
Евсевий Кесарийский, историк (IV в. н. э.) 227.
Евтихий 157.
Ездгерд I, шаханшах (начало V в.) 116, 147.
Ездгерд II (438—457 гг. н. э.) 139, 140.
Ездгерд III (ум. 651/52 г. н. э.) 209, 210.
Елена, дочь Изата I 70, 71.
Еремян С. Т. 176, 268.
Ефрем Сирин (мар Афрема), сирийский писатель (ум. 373 г. н. э.) 227, 228, 340, 344.

Жуге (P. Jouguet) 236.

Зам, сын Кавада I 309.
Замаши (496—499 гг. н. э.) 299, 305, 306, 308, 311.
Зарадушт (III в. н. э.) 289—291, 302.
Зармир, сын Сохры 307.
Зарре (Sarre) 15, 36, 168.
Захарий Ретор, сирийский писатель (VI в. н. э.) 265.
Захау (E. Sachau) 128, 129, 131, 134, 141—143, 189, 197.
Заходер Б. Н. 170, 291, 292, 302.
Зенон, византийский император 340.
Зенон (Артакс), царь Армении 65.
Зиновия, жена Одейната (III в. н. э.) 168, 229.
Зороастр (Зарадушт), основатель зороастризма 133, 321, 322, 327, 328.
Зосима, византийский хронист (V в. н. э.) 185.
Зотенберг (H. Zotenberg) 210.
Зутра, иудейский эксиларх (конец V—начало VI в.) 313.

Иаков Эдесский, сирийский историк (VII в. н. э.) 55.
Ива (Хиба), «глава» несториан 340.
Иерон, сатрап 69, 70.
Иешу Стилит, сирийский историк 162, 208, 281, 289, 300—303, 305—307.
Изат I, царь Адиабены 70.
Изат II 70—72, 74, 76.
Изида, богиня 327.
Илия I, патриарх (1028—1049 гг. н. э.) 131.
Индасар (Индаразар, Индарзагар), манихейский епископ 290, 303, 304.
Инпай, ученик Мани 332.
Иностранцев К. А. 186, 240.
Иоанн Лид, византийский историк 77.
Иоанн Малала, византийский историк (VI в.) 281, 287, 288, 290, 291, 303—305, 309.
Иона, пророк 38, 47.
Иосиф Флавий, историк (ок. 37—105 гг. н. э.) 24, 65, 71, 72, 77, 78.
Ираклий, византийский император (VII в.) 204.
Ирод Великий 77.
Исаак Селевкидский, епископ 147.
Исайа, пророк 228.
Исфандармаз 335.
Ишобохт, составитель пехлевийского юридического сборника 109, 128—137, 182, 183, 188, 189, 192, 193, 197, 199, 206, 207, 253—256, 258—261, 263—266.

Кавад I, шаханшах (488—531 гг. н. э.) 119, 162, 179, 180, 215, 217, 218, 281—284, 289—292, 294, 297, 299—311, 314, 315, 340.
Казимирский (S. Kazimirsky) 216.
Кай Хосров 287, 336.
Какаха 266.
Каллимах, римский стратег (I в. до н. э.) 58, 59.
Камизид бар мар Шемон 222.
Каракалла, римский император (211—217 гг. н. э.) 89, 90.
Карен Аршакид 73, 74.
Карениды, знатный иранский род 174.
Картар, мобед 110, 114, 121, 323, 325, 326, 333.
Карштедт (U. Kahrstedt) 11.
Кассий, римский легат 67, 86.
Кассий Лонгин, правитель Сирии 73.
Каус, сын Кавада I 309.
Кейван 214.
Кизо, предводитель восстания 85.
Кинпам 71.
Кисрави, ал 283.
Клавдий см. Публий Клавдий.

Кмоско (M. Kmosko) 146, 148.
Козлов П. К. 229, 230.
Колер (Kohler) 34, 35.
Константин, император 123.
Константин Великий, византийский император (306—337 гг. н. э.) 242.
Константий, император 247.
Корбулон, римский полководец 76—78.
Красс, римский военачальник 62.
Крез 204.
Кроуфут (G. M. Crowfoot) 227, 233—236, 238.
Кудрявцев О. В. 77.
Кутейба 157.
Кьюртон (W. Cureton) 227, 284.
Кюмон (F. Cumont) 33, 69, 101—104, 175.

Лабур (J. Labourt) 147.
Лазарь Фарбский, армянский историк 45, 275.
Ланглуа (V. Langlois) 45, 54, 268.
Лаодика, царица 24, 26, 27.
Лауфер (F. Laufer) 253.
Лев, царь 123.
Леви (H. Lévy) 154.
Леман (C. F. Lehmann) 32.
Леппер (F. A. Lepper) 80.
Ле Стрендж (G. Le Strange) 228, 241.
Лившиц В. А. 15, 102, 175.
Лонгден (K. P. Longden) 80.
Лузий, римский полководец 82.
Лукулл, римский полководец (конец II в.—56 г. до н. э.) 56—61.
Ляпунова К. 235.

Мазахери (A. Mazahéri) 179, 180, 184.
Маздак, сын Бамдада, основатель маздакизма 116, 278—289, 291, 292, 294—297, 302, 303, 305, 309, 310.
Мазра, епископ 334.
Мак Доуэлл (R. H. McDowell) 66, 68, 72, 79, 83, 85, 97, 99, 100.
Макдиси 186, 187.
Макрин, император 90, 91, 142.
Малала см. Иоанн Малала.
Малхасянц С. 267.
Мамона 245.
Мамун, ал, халиф 283.
Манандян Я. А. 15, 54—56, 60, 96, 268.
Мани, основатель манихейства (216—277 гг. н. э.) 139, 213, 287—290, 297, 327—333.
Маннос, царь Аравии 80.
Мансур, ал, халиф 115.
Марзбан, правитель Нисибина 312.
Мари, мар 99.
Марик (A. Maricq) 113, 162, 164, 165, 325.
Маркварт (J. Marquart) 55, 60, 115, 157, 158, 160, 170, 171, 301, 327, 328.
Мартбуд (Хвадайбуд), юрист 124, 187, 266.
Марута Майферкатский, епископ 142, 147.
Марфа (Марта), дочь Поси 147, 149.
Массон М. Е. 15, 102, 175.
Масуди (ум. 956 г. н. э.) 212—215, 240, 326.
Матье М. 235.
Махуйе, марзбан Мерва 209, 210.
Мебарсап, царь Адиабены 80.
Мезингер (A. Mösinger) 37, 38, 40, 41, 47, 48, 138.
Меночихр 335, 337.
Мессина (G. Messina) 115, 158, 160, 170, 171, 327, 328, 335.
Мехердат (Михрдат), сын Вонона 73—75.
Мешихазеха, клирик Арбелы (VI в.) 82, 111, 139, 141, 142, 145, 153—155, 159, 334, 335.
Минасхани 48.
Мингана (A. Mingana) 82—87, 90, 91, 140, 141, 143, 334.
Минз (E. H. Minns) 92.
Митра 322.
Митридат, царь Иверии 66, 79.
Митридат (II в. н. э.) 85.
Митридат II, царь Понта 55—57, 59—61.
Митридат IV Евпатор, царь Понта (121—63 гг. до н. э.) 61.
Михрабан 117.
Михран, знатный иранский род 174.
Михрангушнасп см. Гивargис.
Михрион 197, 199.
Михробузид бар Гурия, перс 222.
Мнесимах 24, 25, 35.
Моди (J. J. Modi) 122.
Моисей Хоренский, армянский историк 54, 55, 115, 117, 268, 269.
Моль (J. Mohl) 214.
Момсен (Mommsen) 11.
Монобаз I, сын Изата I 70—72.
Монобаз II, брат Изата 77.
Мукаддаси (X в. н. э.) 240.
Мукаффа, Ибн ал (ум. около 760 г. н. э.) 119, 215, 282.
Мусс-Арнольт (Muss-Arnolt) 32.
Мухаммед ибн ал-Джахм Бармекид, переводчик 282.
Мухаммед ибн Харун 280, 285.
Мухаммед ибн ал-Хасан ибн Асфандияр, персидский переводчик 119.
Мюллер (C. Müller) 67.

Нанай см. Анахита.
Наргехуфар (Ниррофар), сатрап 153.
Нарсай, царь Адиабены 87.
Нарсе, шаханшах (293—302 гг. н. э.) 111, 112, 114, 167, 168, 171, 204, 219, 325, 331—333.
Нарсей, мар, ректор Нисибийской школы 340, 342.
Нарсес III 267.
Нельдеке (Th. Nöldeke) 117, 118, 153—155, 157, 158, 165, 166, 169—172, 205, 206, 225, 250, 275, 279, 289, 293, 295, 296, 299, 300, 304, 306, 309, 315, 316.
Нергал 30.
Нерон, римский император 78.
Нестле (Th. Nestle) 339.
Нигер Пресценний (II в. н. э.) 86, 88.
Низам ал-Мулк, везир (XI в.) 291, 292, 302, 305.
Ника, богиня 75.
Никанор, основатель Дуры-Европоса 52, 53.
Нимруд (Нимруд) 42, 47, 48.
Новосадский Н. И. 61.
Нур-Адад, правитель Нисибина 52.
Нюберг (H. S. Nyberg) 93, 102, 326.

Одейнат, царь Пальмиры 13, 161, 167, 168, 229.
Ород 62—65.
Осия 340.
Осрой, селевкидский наместник 55.

Павел, епископ 340.
Павел, митрополит 312.
Павсаний, греческий писатель (II в. н. э.) 327.
Павэ де Куртель (Pavet de Courteille) 212.
Пагрази, правитель Адиабены 143.
Пакор, сын Орода, иранский военачальник 62, 63.
Пакор II, брат Вологеша 76, 79.
Пальаро (A. Pagliaro) 128, 188, 195.
Папак, шах 117, 156.
Парен, сын Амаика 41.
Паркер (R. A. Parker) 103.
Парфамасфат, царь Парфии 82.
Пахлечак (Пахлечак-и Тур) 160, 163.
Пеетерс (P. Peeters) 139, 141—144, 147, 148, 234, 246.
Пелигн Юлий, прокуратор Каппадокии 75.
Периханян А. 92, 175, 192.
Пероз, шаханшах (ум. 484 г. н. э.) 290, 292, 293, 301, 305, 306, 311.
Пигулевская Н. В. 51, 58, 123, 124, 132, 134, 162, 165, 171, 178, 208, 209, 214, 222, 227, 239, 253, 254, 279, 289, 293, 300, 302, 303, 305—307, 313—315, 328.
Пинехас, архиепископ Арбелы 141.
Плиний Старший (24—79 гг. н. э.) 52, 225—227, 235, 239.
Плутарх, греческий писатель (II в. н. э.) 58—60, 62, 96.
Полемон, царь Понта 65.
Полибий, греческий историк (ок. 200—120 гг. до н. э.) 53.
Полоцкий (Polotsky) 329, 331.
Помпей, римский военачальник 60—62.
Помпей Трог, римский историк (конец I в. до н. э.) 94—96.
Помяловский (M. J. Pomialowsky) 227.
Порфирий, греческий философ 280, 288, 344.
Поси (Пусай, Пусик, Пуси), каругбед 146—149, 219—221, 224, 225, 240, 270.
Пресценний Нигер см. Нигер Пресценний.
Прокопий Кесарийский, византийский писатель (VI в. н. э.) 227, 281, 301—303, 305—307, 309, 310.
Псевдо-Агафенгел, историк 54.
Птолемей II Филадельф, фараон 31.
Пуадебар (Poidebard) 11.
Публий Клавдий, римский полководец 59, 60.
Пфистер (R. Pfister) 229—232, 234—239.
Пэн-Смит (Payne-Smith) 39, 52, 228.
Пюэш (H. C. Puech) 329, 330.

Раабе (R. Raabe) 99.
Радомист, сын Фарасмана 75, 76.
Райт (W. Wright) 302.
Ракбакт, правитель Адиабены 83—85.
Розен В. Р. 213, 282, 283.
Розенфельд А. З. 172.
Ростовцев М. И. (M. I. Rostovtzeff) 12—15, 23, 24, 26, 98, 100, 112, 161, 173, 236.
Руста, Ибн, арабский географ (X в. н. э.) 204.
Рустем, сын Михрабана 117.
Руттен (M. Rutten) 27.

Савмак, скиф, предводитель восстания (II в. до н. э.) 61.
Салманассар III, царь (859—824 гг. до н. э.) 52.
Самуэлян Х. 176.
Санатрук 55, 56.
Санжана (D. D. P. Sanjana) 117, 118, 155, 158, 170, 275.
Санфорд (E. M. Sanford) 13.
Саргон II, царь Ассирии 37—39, 41, 42, 47, 48.
Сардона (Сардана, Асархадон), царь 37—42, 44, 47—49, 138.
Саркисян Г. Х. 26.
Сасан 283.
Сасаниды, иранская династия (III—IV вв. н. э.) 44, 45, 86, 106, 109, 110, 111, 113, 117, 124, 131, 133, 142, 155, 179, 204, 216, 217, 229, 243, 273—275, 279, 282, 284, 288, 308, 323—325, 328, 334.
Себеос 267.
Север см. Септимий Север.
Селевкиды, династия 10, 11, 16, 22—25, 29, 31—35, 58, 91, 92, 102, 103, 106.
Селевк I Никатор (312—280 гг. до н. э.) 17, 26, 30, 31, 41—44, 46, 48, 49, 52, 53, 67, 71, 183.
Селевк II 26.
Сеос см. Сиавуш.
Септимий Север 86—89.
Сергий, толмач 281, 309.
Сержан (R. B. Serjeant) 236.
Сестон (W. Seston) 332.
Сиавуш (Сеос), перс 215, 303, 306, 307, 310.
Симеон, епископ 341.
Симеон бар Саббаэ, епископ Ктесифона 146—149, 242—249.
Синахериб (Санхериб) 38, 47.
Синь, китайская династия 239.
Сисиний, «глава» манихеев 331, 332.
Смит (S. Smith) 30—34, 39, 52.
Созомен, греческий историк 143, 149, 243.
Сохра 307.
Спораки, филарх Антемузии (Батнана) 80.
Стейн (A. Stein) 230—232, 238, 239.
Стефан Византийский, греческий писатель 53, 54, 82.
Стиль (R. Stiehl) 280, 286—288.
Страбон, греческий географ (конец I в. до н. э.—начало I в. н. э.) 54.
Струве В. В. 106, 321.
Сулла, римский полководец и диктатор 55.
Сурен, знатный род 96, 174.
Сурен, военачальник 62, 69.

Таалиби 210, 215, 216, 292, 295, 296, 326.
Табари 117, 118, 152—154, 157, 163, 165, 166, 169, 209, 215, 279, 287, 289, 292, 293, 295—297, 299, 300, 306, 309, 315, 326, 330, 331.
Такизаде (Takizadeh) 327.
Тансар, предполагаемый автор трактата 119—122, 170, 177, 215, 269—271, 275, 276, 326, 332.
Тарбо (Пербута, или Тарбута), сестра Симеона бар Саббаэ 143, 149.
Тарн В. (W. Tarn) 25, 33, 169.
Тацит, римский историк (конец I в. до н. э.—начало I в. н. э.) 63—70, 73—78, 100, 103—105.
Тиверий, римский император 63, 65, 70.
Тигран II Великий (95—55 гг. до н. э.), царь Армении 56—61.
Тигран III, царь Армении (ум. 6 г. до н. э.) 63.
Тигран, племянник Тиграна IV 77.
Тимофей, бастагарий персов 304.
Тимофей I, патриарх (779—820 гг. н. э.) 129, 130, 133.
Тиридат (I в. до н. э.) 63.
Тиридат III (I в. н. э.) 66, 76—79, 100, 102, 103, 105.
Тиридат, царь Армении (III в. н. э.) 91, 163.

Тит Ливий, римский историк (59 г. до н. э.—17 г. н. э.) 94.
Тит Флавий Веспасиан, римский император (79—81 гг. н. э.) 69, 78.
Томездгерд 139, 295, 299.
Тотай, градостроитель 167.
Траян, римский император (97—117 гг. н. э.) 79—83.
Тревер К. В. 62.
Триарий, римский полководец (I в. до н. э.) 60.

Унгнад (Ungnad) 34, 35.
Ураний 54.
Уэллс (C. B. Welles) 26, 101.

Фавст Византийский (Фавстос Бузанд) 268.
Фальке (O. Falke) 229.
Фарасман, брат Митридата VII, царь Иверии (I в. до н. э.) 66, 75.
Фарнак, боспорский царь (I в. до н. э.) 61.
Фаррох 197, 199.
Фаррохмарт (Farroxmart-i Vahraman) 122.
Федор Мопсуестский, несторианский епископ 344.
Феофан, греческий хронист 204, 282, 290, 306, 309.
Феофилакт Симокатта, греческий историк 171, 306.
Филипп Араб, император (244—249 гг. н. э.) 161, 162.
Филлипс (G. Phillips) 227.
Филон Александрийский, философ 54.
Фирдоуси, автор Шах-намэ 118, 212, 214, 271, 284, 292, 294, 309, 310, 326.
Фируз Тамшапур, правитель Адиабены 143.
Флавий Иосиф см. Иосиф Флавий.
Фома, апостол 329.
Фраат, стратег Сузианы 69, 101, 102.
Фраат III (69—58/57 гг. до н. э.) 56, 61.
Фраат IV (38/37—2 гг. до н. э.) 63, 64, 102.
Франк (Tenney Frank) 15.
Фраортас (начало I в. н. э.) 64.
Фрейман А. А. 121.
Фукс (Fuchs) 339.

Хаазе (F. Haase) 142.
Хаарбрюкер (Th. Haarbrücker) 284, 285, 288.
Хамза Исфаганский, историк (X в.) 282, 283.
Ханина, дед Зутры 313.
Хань, китайская династия 230, 232, 239.
Хараган из Паза, отец Зарадушта 289.
Хассей (Hussey) 143.
Хауг (M. Haug) 172.
Хаури (J. Haury) 301.
Хвадайбуд см. Мартбуд.
Хейхельхейм (Heihelheim) 14.
Хенана Адиабенский, ректор 341, 343.
Хенанишо II, патриарх (775—779 гг. н. э.) 129, 130.
Хеннинг (W. B. Henning) 94, 112, 113, 158, 164, 166, 167, 171, 273, 322, 326.
Херцфельд (E. Herzfeld) 15, 36, 75, 93, 110, 111, 114, 121, 152, 156, 158, 160, 167, 169—172, 204, 205, 229, 321, 322, 325, 331, 336.
Хиггинс (M. J. Higgins) 147, 148.
Хинц (W. Hinz) 113.
Хонигман (E. Honigmann) 113, 162, 164, 165, 325.
Хорладбех, Ибн, историк 157, 162, 170, 171, 287.
Хормизд, сын Шапура I 163.
Хормизд (Ахурмазд, Охормизд) 325.
Хормизд I (Хормизд-Арташир; 272—273 гг. н. э.) 41, 114, 117, 158, 167.
Хормизд II (302—309 гг. н. э.) 332.
Хормизд IV (578—590 гг. н. э.) 203, 316, 341.
Хормизд, раббан 129.
Хормизд-Арташир см. Хормизд I.
Хосровы 187.
Хосров (Кусро Аршакидский, Осрой; 109/10—128/29 гг. н. э.) 82, 83, 85.
Хосров, царь Армении 163.
Хосров I Ануширван (531—578 гг. н. э.) 116—118, 120, 123, 124, 129, 139, 157, 214, 215, 218, 266, 270, 279, 284, 287, 289, 294, 295, 298—300, 305, 307, 309, 310, 312, 314—316, 318, 340, 341.
Хосров II Парвез 115, 118, 203, 341.
Хосулье (B. Haussoulier) 25.
Хошанг 336.

Христенсен (A. Christensen) 45, 84, 114, 118, 119, 121, 154, 157, 162, 163, 185, 204, 216, 273—275, 279—286, 288, 290—293, 295, 299, 301, 309, 310, 315, 331.
Хусраван, перс 45.

Цезарь Юлий Гай (27 г. до н. э.—14 г. н. э.) 94.
Церетели Г. В. 110.

Черяковер (V. Tscherikower) 36, 52, 67, 71, 92, 139.
Чол (Чор) 116.

Шабо (J. B. Chabot) 130, 139, 205, 339.
Шапур I, шаханшах (241—272 гг. н. э.) 109—114, 117, 121, 139, 159—162, 164—168, 171, 172, 177, 219, 228, 231, 232, 237, 266, 273, 323—325, 329, 330, 333, 336.
Шапур II (309/10—379 гг. н. э.) 45, 112, 140, 141, 147, 148, 155, 177, 212, 219—221, 223, 224, 231, 237, 240—244, 246—249, 269, 325.
Шапур III (383—388 гг. н. э.) 112, 250.
Шапур, сын Шапура I, царь Месены 167.
Шапурбараз (Шаборбурз, Бараз Шапур Балуни), епископ Карки де бет Селох 45, 46, 183.
Шахрат, царь Адиабены 90, 153.
Шахристани, арабский ученый (1085—1153 гг. н. э.) 284—286, 288, 290, 297.
Шедер (H. H. Schaeder) 329, 331.
Шефер (C. Schefer) 291.
Шмит (Schmidt) 329, 331.
Шпигель (F. Spiegel) 279.
Шпренглинг (M. Sprengling) 112, 113.
Штейн (E. Stein) 305, 322.
Штрек (M. Streck) 36, 97.
Шуберт (R. Schubert) 10.

Эбедиешу (Абдишо, Ebedjesu) 343.
Энгельс Ф. 186.
Эндрьюс 232.
Энслин (W. Enszlin) 112, 162—164, 173.
Эсагил 30, 31, 34.

Юлиан, император (361—363 гг. н. э.) 288.
Юнкер (H. Junker) 113.
Юсти (F. Justi) 334.
Юстин, римский историк (II в. н. э.) 94—96.
Юстиниан, император (527—565 гг. н. э.) 123.

Ябалаха I, мар (415—420 гг. н. э.) 204.
Якут, арабский географ 37.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Авроман, город в Курдистане 93, 207, 208.
Адиабена, область по рекам М. и Б. Забу 55—57, 62, 70—72, 74, 76, 77, 79—84, 86—88, 90, 91, 109, 111, 139—144, 153, 155, 249, 329, 334, 336, 337; Хедайаб 84, 90, 140, 153, 329, 334.
Адорбадаган, Адорбайган см. Азербайджан.
Азербайджан 315, 331; Адорбадаган 331; Адорбайган 41, 42, 48, 323; Атропатакан 116; Атропатена 83, 323, 327, 331, 333.
Азия, материк 60, 176.
Азия Малая 10, 13, 16, 21, 23, 25, 27, 36, 50, 113, 161, 164, 317, 323.
Азия Передняя 16, 22, 23, 25, 35, 71, 79, 176, 217, 235, 236.
Азия Средняя 15, 97, 152, 251, 286, 290, 332, 335, 337.
Азия Центральная 233, 332.
Акбара (Мервхабор) 167.
Аккад 31, 32, 34.
Акола 314.
Албания, страна, расположенная в древности на территории современного Азербайджана 83.
Александрия в Египте 227, 342.
Амид (Амида, Диарбекир) 40, 41, 50, 208, 209, 240, 281.
Амиз (Амизос) 58, 59.
Амуи (Амуль), центр Табаристана 116.
Антемузия см. Батнан.
Антиноя, город в Египте 227—230, 234, 236—239, 241.
Антиохия, город в Сирии 49, 52—54, 60, 61, 71, 79, 80, 86, 89, 157, 165, 166, 231, 342.
Антиохия Мигдонийская см. Нисибин.
Апршахр, иранская провинция 301.
Аравия (Арабия) см. Бет-Арабайе.
Аравия Южная 252.
Арарат (Масис), гора 268.
Арацания см. Евфрат.
Арбела (Ирбил), главный город области Адиабены 37, 50, 51, 74, 81, 82, 84, 86—88, 90, 139—142, 144.
Арвастан 55.
Арзамон, крепость 72.
Арзун 153.
Ариана 156.
Армения 17, 40, 54, 56, 57, 59—63, 65, 66, 71, 74—79, 82, 83, 86, 90, 91, 96, 123, 132, 163, 167, 176, 268, 269, 324, 327, 328, 339.
Армения Малая 63, 76—78.
Артаксат (Арташат), столица Армении 65; Артакса 63, 76, 77.
Арташир-и Папакан, область Ирана 157.
Арташир-Хурра [Джур (Гор), Арташир-Хварех, Арташир-Гадман] 157, 158.
Артемита, город в Парфии 67, 69.
Аршакаван, город в Армении 268, 269.
Аскалон, город в Сирии 63.
Аскар Мукрам, город 241.
Ассирия 37—39, 47, 52, 175; Асур 38—40, 44, 47—49, 52.
Астабад (Астарабад, Карах-Майшан) 157.

Астан 229, 230.
Асур см. Ассирия.
Атракон см. Тормара.
Атропатакан см. Азербайджан.
Атропатена см. Азербайджан.
Ахваз, город в Хузистане 153, 165, 166, 228, 229, 240, 241, 284.
Ахваз, область в Хузистане 157, 240.

Багдад, город в Междуречье 29, 116.
Базиджан 170.
Бактрия 32, 72, 229.
Балх 116.
Барома Хусрав см. Тешин.
Батнан (Сарудж, Серуг), город в Междуречье 67, 81; Антемузия (Антемузиада-Батнан) 66, 67, 69, 80.
Бахрейн 157.
Башинна 241.
Беграм 252.
Бейрут 63, 227; Берит 227; Беритис 63, 123.
Белик, город 62.
Беритис см. Бейрут.
Бет-Арабайе (Арабия), область, соседняя с Месопотамией 81; Арабайа 82; Аравия (Арабия) 80, 81.
Бет-Арамайе 49, 90, 153, 157, 244, 246, 312, 314.
Бет-Гармай (Гармай), иранская провинция 37—39, 47, 140, 289.
Бет-Забдай 153; Забдицена 334.
Бет-Лапат см. Гунде-Шапур.
Бет-Хузайе см. Хузистан.
Бех-Арташир 157.
Бехразир, округ 157.
Бех-Шапур, город в Персиде 147, 219, 220, 240.
Ближний Восток 19—22, 31, 40, 44, 50, 51, 57, 79, 82, 124, 138, 151, 174, 176, 197, 208, 228, 237, 251, 252, 264, 269, 280, 288, 317, 318, 341.
Бомбей 122.
Борсиппа, город в Междуречье 26, 31, 33.
Боспорское царство 61.
Буд-Арташир (Хазза) 157.

Вавилон, город в Междуречье 17—20, 23—27, 29—36, 52, 73, 89, 97, 116, 261, 317.
Вавилония 11, 18, 26, 31, 34, 35, 62, 65, 81, 329.
Ватикан 146.
Византия 40, 50, 51, 123, 145, 185, 204, 226, 236, 239, 246, 251, 252, 281, 289, 293, 303, 307, 308, 311, 312, 314, 328, 338.
Восток Средний 151, 252.

Галлия 87, 94.
Ганзак, город 116, 204, 275, 328, 333.
Гармай, крепость 47.
Гармай см. Бет-Гармай.
Гекатомпил 92.
Гелан 159.
Герат, область 116.
Гиркания, область 65, 70, 73, 76, 78, 92, 102, 174.
Гордуена, область 55, 56, 60—62, 71, 87.
Греция 49, 261.
Грузия 110.
Гунде-Шапур, город 50, 166, 330, 331; Бет-Лапат 166, 312, 313; Бил (Бел) 166.
Гурган (Гурзан) 159, 171.

Дайала см. Тормара.
Дайлом 159.
Дакия 79.
Дакук (Такук), город в области Бет-Гармай 37.
Дамаск, город в Сирии 61.
Дара, город в Месопотамии 166, 265.
Дарабад, город в области Бет-Гармай 37.
Дарабджир 275.
Даскарт (Даскарта, Даскарта де Малка) 204, 205.
Дастгард, селение в области Нухадры 204.
Дафна, предместье Антиохии на Оронте 340.
Дахистан, город в Гиркании 174.
Деклат см. Тигр.
Диарбекир см. Амид.
Дун Хуан, город в Китае 239.
Дура-Европос, город на Евфрате 11—14, 33, 52, 86, 136, 163, 233.

Европа 298.
Евфрат, река 10, 11, 23, 29, 32, 51, 53, 56, 57, 62, 63, 66, 70, 73, 76, 78, 82, 88, 89, 97, 163, 165; Арацания 55.

Египет 14, 31, 123, 175, 227, 228, 234—239, 242, 261, 328, 332.
Ераншахр (Иран) 170, 201, 202, 215, 335.

Заб Большой, река 37, 47, 87.
Заб Малый, река 47.
Забдицена см. Бет-Забдай.
Закавказье 176.
Звартноц, резиденция католикоса Нарсеса III 267.
Зейгма, город 56, 62, 63, 73, 78, 89.

Иверия (Грузия) 66, 75, 77, 79, 83.
Илак 285.
Илион (Троя) 24.
Индийский океан 254.
Индия 81, 97, 152, 167, 176, 227, 252, 329.
Индостан 254.
Иотаба, остров 254.
Ирак 165, 170.
Иранское плато 97.
Ираншахр 214.
Ирбил см. Арбела.
Испагань 170.
Истахр, область 26, 42, 43, 46, 49, 121, 183, 323, 325, 326, 328, 333.
Италия 14.
Иудея (Асмонея) 62, 63.
Ихна, город 62.

Кабир, город в Малой Азии 60.
Кабул, город 116.
Кавказ 75, 78.
Каппадокия 75, 83, 165, 171, 172.
Карана (Эрзерум) 63.
Карасу, река 55.
Карду, область 84.
Карман, город 275.
Карка де бет Селох, главный город провинции Бет-Гармай 18, 21, 23, 26, 37—50, 109, 138—141, 144, 153, 167, 183, 192, 224, 270, 272, 281, 289, 290, 295, 299, 317, 333; Крех-Селох 153; Керкук 17, 21, 23, 26, 37, 43, 138, 317; в ней: Сарабвай, баня 41, 48, 49; ворота Тотай 43, 49.
Карка де Ледан, город 51, 147, 220—224, 240, 246, 247, 250.
Карры см. Харран.
Карун (Малый Тигр), река 228, 237.
Карфаген, город 227.
Каспийское море 65, 76, 78, 91, 159.
Келесирия 11.
Керкук см. Карка де бет Селох.
Кизик, город 227.
Киликия, область в Малой Азии 42, 48, 165.
Киркезиум 89.
Китай 97, 130, 152, 176, 225, 226, 230, 232, 236—239, 241, 251, 252.
Комис, город 116.
Коммагена, государство, граничащее с Арменией 77, 78.
Константинополь 227, 247, 249, 251.
Кордуна, гора в Месопотамии 81.
Красное море 252, 254.
Крит, остров 226.
Ктесифон, столица Ирана 29, 50, 65, 69, 72, 79, 81—84, 86, 89, 146, 154, 157, 161, 165, 203, 204, 245, 246, 248, 250, 251, 311; Ктесифон—Селевкия 76, 176, 243, 246; см. также Селевкия.
Кут, город в Вавилонии 26.
Кутах (или Кутха; ныне Тель-Ибрагим) 30, 33, 157.

Ладаб 37, 47.
Лашом, город в области Бет-Гармай 37.
Лидия, провинция в Малой Азии 24, 31.
Лулан, город в Туркестане 229, 230, 232, 233, 239.

Мадай см. Мидия.
Майшан (Майсан), область 45, 166, 329.
Малая Азия см. Азия Малая.
Малая Армения см. Армения Малая.
Мандиш (Андиш) 336.
Махозе, города Селевкия и Ктесифон 203, 313.
Междуречье (Месопотамия) 3—5, 12, 13, 16, 19—27, 29, 31, 32, 34, 42, 46, 50, 52, 53, 55—57, 60, 62, 65—67, 70, 74, 78—82, 86, 88—91, 94, 113, 116, 153, 161, 164, 165, 174, 176, 208, 225, 227, 228, 231, 238—241, 265, 288, 307, 323, 328, 331, 332, 339.
Мекран 329.

Мелитена, город 63.
Менут, город 240.
Меотийское озеро (Азовское море) 78.
Мерв, город 62, 116.
Месена, область Ирана 167.
Мигдония, область города Нисибина 53, 54, 56, 58, 71, 77, 91.
Мидия (Медия, Мадай) 34, 38, 39, 42, 47, 60, 63, 71, 75, 76, 90, 92, 153, 159, 174, 228.
Мидия Атропатена 76, 77, 78.
Мизихе (позднее Пероз-Шапур), город 162.
Монголия 229.
Мосул 129, 157.
Мургаб, река 209, 211.
Мцури 55.
Мцхет, столица Иверии 79.

Набатея 62.
Накши Раджаб 110—112, 114, 121, 325.
Накши Рустем 110, 112, 121, 156, 167, 325, 333.
Нахар Гаубор, округ 157.
Нахар Даркит, округ 157.
Нахр-Тир 241.
Никефориум (Ракка), город в Месопотамии 66, 69, 86, 89.
Ниневия 47, 74, 249.
Ниса, город 15, 287.
Ниса Старая, городище в Средней Азии 102, 175.
Нисибин (Насибис, Нисибия, Мцибин), город 17—19, 21, 23, 50—62, 71, 77, 78, 81, 82, 86—89, 91, 116, 160, 163, 204, 240, 265, 311, 312, 317, 338, 340, 342, 343.
Нихавенд, город 116.
Нишапур (Нев-Шахпур) 160, 174, 275, 287, 301.
Ноин-Ул, город в Монголии 229.
Нухадра (Бет-Нухадра), область 204.

Опис (позднее Селевкия) 35, 67, 97, 317.
Орейкон см. Урук, гора.
Осроена, область в Месопотамии 13, 55, 56, 62, 70, 73, 74, 79, 80, 82, 86—91.
Охормизд-Артахширан (Рам-Хормизд, Рам-Арташир, Рамишни-Арташир) 158; в нем: Сук ал-Ахваз, торговая часть (города) 158; Хармушир, часть, где жила знать 158.

Паз 289.
Палмира 13, 161, 167, 168, 228, 232—235, 237, 239, 241, 242.
Парс 45, 48, 113, 158, 165, 169.
Парфия 4, 13, 15, 19, 51, 55—57, 60—63, 65, 67, 70—80, 82—84, 88—94, 96—98, 101, 102, 113, 152, 176.
Паса-Арташир (Хатт, Шатт) 157.
Передняя Азия см. Азия Передняя.
Перс-Армения 308.
Персеполис (Персеполь) 112, 171, 323, 328.
Персида 113, 157, 164, 174, 231, 240, 275, 288, 329.
Персидский залив 79, 228, 254, 275.
Персия 42, 48, 49, 129, 134, 143, 189, 216, 245, 283, 290, 298; Персидская держава 17.
Понт 56, 61, 77; Понтийское царство 60.
Пушанг, город в области Герат 116, 160.

Рама см. Шадбор.
Рам-Арташир 157.
Рев-Арташир 157.
Реванд, селение к северо-западу от Нишапура 275.
Решайна, область в Междуречье 89.
Рим 4, 11, 13, 14, 41, 51, 56, 60—66, 68—70, 72—80, 82, 83, 88, 89, 91, 94, 100, 101, 113, 145, 160, 161, 189, 194, 237, 261, 288, 290, 323, 332; Римская империя 15, 17, 164, 176, 225, 226.

Сава 336.
Савад 157, 165, 170.
Сакастан 167, 171, 174, 325.
Самарканд (Мараканда) 116, 172, 327.
Самосата, столица Коммагены 78.
Сапарда (Сарды), город 31, 35.
Селевкия 17—20, 23, 27, 29, 31—33, 35, 36, 49, 50, 67—70, 72, 73, 79, 86, 89, 90, 97, 99—101, 103—105, 111, 129, 147, 151, 157, 174, 203.
Сианьфу, город в Китае 130.
Сидон, город в Сирии 227, 232.

Сингара (Синджар) 56, 81, 89, 147.
Синопа 60.
Сираф, город на берегу Персидского залива 275.
Сирийская пустыня 11.
Сирия 11, 12, 23, 27, 31, 32, 35, 36, 50, 61—63, 65, 73, 77, 85, 86, 89, 113, 161, 163—165, 176, 227, 231—233, 237—239, 241, 242, 245, 252, 317, 323, 332.
Скепсис, город Малой Азии 24.
Согд 285.
Софена, область 56, 60, 76.
Средиземноморье 13, 238, 323; Средиземноморский бассейн 176, 177, 225, 239.
Средний Восток см. Восток Средний.
Средняя Азия см. Азия Средняя.
Судан 234.
Сузиана 69, 142, 165, 231, 238, 240.
Сузы (Сус), древняя столица Персии 15, 17, 19, 22, 66, 69, 97, 98, 101—105, 110, 151, 174, 240, 241, 267, 317.
Суристан (Сиростан) 157, 165, 171; см. также Бет-Арамайе.

Табаристан (Мазандаран) 116, 335.
Тавр, горный хребет 58, 60.
Такебостан 112.
Таннурис 89.
Тарим, река 230, 238, 239.
Тегеран, город 174.
Тешик, селение 184.
Тигр (Деклат) 4, 10, 16, 17, 22, 29, 31, 36, 37, 47, 51, 54, 57, 60, 61, 67, 72, 74, 79—82, 89, 90, 97, 157, 165, 167, 176, 317.
Тигранокерта, столица Армении 33, 56, 57, 60, 76, 77.
Тир, город в Сирии 62, 227, 232.
Тормара (Атракон, Дайала, Тамарра), река 37, 47.
Тус (Мешхед) 116, 301.
Тохаристан 167.
Трансиордания 235.
Тур Абдин в Месопотамии 52.
Туран 329.
Туркестан 232.
Турфанский оазис 332.

Урук (позднее Урхай, Эдесса), город 27, 100
Урук (Орейкон), горный хребет 37, 47.

Фазис (совр. Рион), река 60.
Фанагория, боспорский город 61.
Фарс (древняя Персида) 121, 153, 219, 221, 228, 273, 284, 323, 326, 327.
Фергана 335.
Финикия 31, 227.
Фирузабад 158.
Фригия, область в Малой Азии 24.

Хабор, река в Междуречье 89.
Хаджиабад 111.
Хадрамаут в Южной Аравии 252.
Хал (Хала, Халван), город 67.
Халкис 62.
Халум, город 69.
Хамадан, город в Персии 37, 38, 116, 204.
Хара-Хото, город в Монголии 229.
Харакс, город в Мидии 70.
Харанис 234.
Харе-руд, река 160.
Харран 62, 63; Карры 62, 63, 90, 164.
Хатра, город 89.
Хедайяб см. Адиабена.
Хемрин, возвышенность 37.
Химьяр в Южной Аравии 116.
Хорасан 87, 160, 163, 174, 287, 288, 315, 335.
Хорезм 116, 159, 171, 286, 287.
Хормизд-Арташир (Сук ал-Ахваз) 157.
Хотан 239.
Хузистан (Бет-Хузайе), провинция Ирана 228, 229, 236, 237, 240, 329; Бет-Хузайе 244, 246.
Хулван, область 38.

Цейлон, остров 227, 252, 254.
Центральная Азия см. Азия Центральная.

Чач (Ташкент) 285.

Шадбор (арамейск. Рама) 225.
Шад-Кобад 170.
Шад-Хормуз 170.
Шаз-Шапур (Сад-Шапур, Дейр-Махрак, Дима) 166.
Шахргерд, город 37.
Шахразур, область 37, 285.
Шеран, возвышенность 37, 47.
Шиз, город в Азербайджане 121, 273, 275, 323, 324, 326—328, 333.

Шуштер (Сусгер, Тустар, Туштер), город в Хузистане 165, 228, 229, 236, 237, 240, 241.

Эбирнари (Сирия) 31, 32.
Эдесса (Орхай, Урха, Урхай), город 13, 50, 51, 74, 80, 82, 90, 99, 113, 116, 164, 186, 208, 281, 311, 317, 340, 342.
Экбатана, город 63, 90, 92.
Экбатан («Золотая гора»), ставка кагана 115.
Эллада 17, 21.
Эрзерум 63.
Эритрейское море 60.
Эритрея 10.
Эфиопия 252.

Южный Кенсингтон 234, 235.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение 3

Города Междуречья и Ирана в эллинистическое и парфянское время

К вопросу о городах Междуречья и западного Ирана в эллинистический период 9
Общинная, городская и царская земля 23
Вавилон на ущербе 29
Город Карка де бет Селох 37
Хроника Карки де бет Селох (перевод) 47
Нисибин — «город, что стоит на границе» 50
Парфия и Рим в I и II вв. в борьбе за Междуречье 65
Общественный строй Парфии и ее города 91
Письмо Артабана III к Сузам 101

Иран в III—V веках н. э. и его города

Источники по истории Ирана III—V веков 109
Пехлевийские надписи 110
Шахристаниха-и Эран — «города Ирана» 115
Карнамаг-и Ардашер-и Папакан — «Книга деяний Арташирa, сына Пабака» 117
Письмо Тансара 119
Пехлевийский законник 122
Сборник Ишобохта 132
История Карки де бет Селох 138
Хроника Адиабены 141
Сирийские агиологические памятники 145
Иран в III веке н. э. 150
Объединение Ирана и новые города 150
Внешняя политика Шапура I 159
Административно-территориальное деление Ирана 169

Социальный строй Ирана и вопросы земельной собственности . . . 174
Развитие общественных отношений в Иране 174
Семья 178
Рабовладение 187
Дасткарт 202
Оросительные каналы 206
Мельницы 208
Феодальная земельная собственность 211
Значение города в социальном строе Ирана IV—V веков н. э. . . 219
Заселение городов и организация ремесел 219
Текстильное ремесло 225
Подати и налоги в городах 242
Торговля и торговые товарищества 251
Заем, заклад, дарение 261
Положение «царских городов» в раннем средневековье . . . 267
Сословный строй Ирана и городское сословие 272
Маздакитское движение 278
Вопросы историографии и источниковедения маздакитского движения 279
Социальные корни маздакитского движения и политика Кавада 292
Маздакитское движение в незороастрийской среде 311
Следствия маздакитского движения 314
Заключение 317

Приложения

К истории идеологических учений в Иране 321
Религиозные движения III века н. э. 321
Праздник Шахрабгмуд-тираган 334
Нисибийская академия (Сирийская школа) 338
Занятия и жизнь Нисибийской академии 341

Указатель имен 350
Указатель географических названий . . . 359

Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии Наук СССР.

*

Редактор *С. В. Солтанов*
Художник *В. В. Грибакин*
Технический редактор *Э. Ю. Блейх*
Корректор *А. А. Гельфанд*

*

РИСО АН СССР № 75—78В. Подписано к печати 10 декабря 1956 г. М-08050. Бумага 60×92¹/₁₆. Бум. л. 11,5. Печ. л. 23. Уч.-изд. л. 23,45. Тираж 1800. Заказ № 764. Цена 16 р. 05 к.

1-я тип. Изд-ва Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

837927